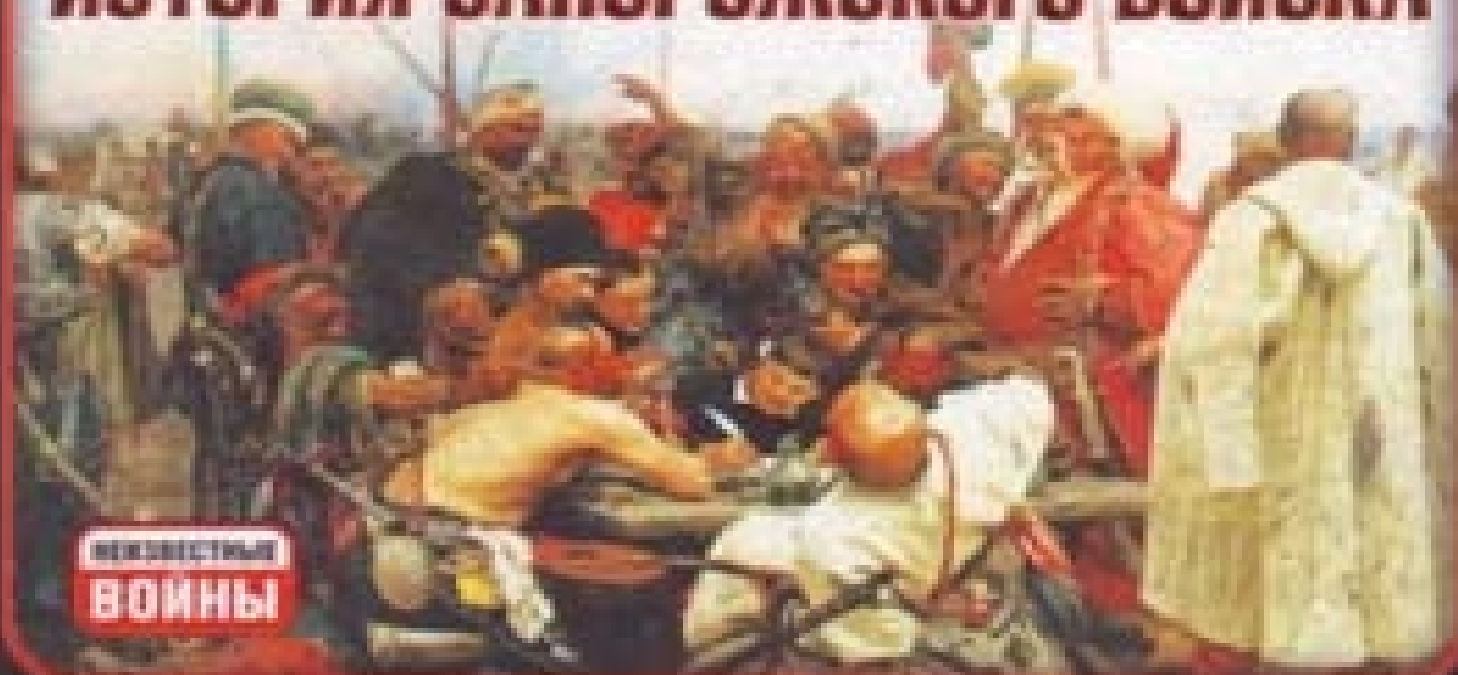

А.Б. ШИРОКОРАД

ЗАПОРОЖЦЫ — РУССКИЕ РЫЦАРИ

ИСТОРИЯ ЗАПОРОЖСКОГО ВОЙСКА

**ИЗВЕСТНЫЕ
ВОЙНЫ**

Annotation

Где-то в плавнях Нижнего Днепра между ляхами, татарами и турками почти три века стоял бастион вольной Руси — Запорожская Сечь. Укрепления этой крепости были слабы, пушек мало, но неодолим был дух ее гарнизона — славных русских рыцарей, защитников веры православной, языка и имени русского.

Откуда они взялись? В чем была их сила? Верно ли, что запорожцы чурались женщин?

Почему погибла Запорожская Сечь и где живут теперь потомки наших славных рыцарей?

Обо всем этом и многом другом узнает читатель в этой книге — первой неподцензурной истории всего периода существования Запорожского войска.

- [Александр Широкоград](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Эпилог](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)

- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)

- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)

- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)

- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)

- [267](#)
 - [268](#)
 - [269](#)
 - [270](#)
 - [271](#)
 - [272](#)
 - [273](#)
 - [274](#)
 - [275](#)
 - [276](#)
 - [277](#)
 - [278](#)
 - [279](#)
 - [280](#)
 - [281](#)
 - [282](#)
 - [283](#)
 - [284](#)
 - [285](#)
 - [286](#)
 - [287](#)
 - [288](#)
 - [289](#)
 - [290](#)
-

Александр Широкоград
Запорожцы — русские рыцари
История запорожского войска

Глава 1

Тайны Днепровских плавней

Откуда взялись запорожские казаки? Почти все дореволюционные и советские авторы утверждают, что запорожцы — потомки крестьян, бежавших от гнета польских помещиков. Так, один из самых авторитетных историков запорожского казачества Д. И. Яворницкий цитирует летопись: «Поляки, приняв в свою землю Киев и малороссийские страны в 1340 году, спустя некоторое время, всех живущих в ней людей обратили в рабство; но те из этих людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владеть мечом и не признавали над собой рабского ига, те, не вынеся гнета и порабощения, стали самовольно селиться около реки Днепра, ниже порогов, в пустых местах и диких полях, питаясь рыбными и звериными ловлями и морским разбоем на бусурман».^[1]

Первые упоминания о запорожских казаках относятся к концу XV — началу XVI веков. Между тем Киевское княжество было передано полякам только Люблинской унией в 1569 г., а до этого никаких ляхов в среднем течение Днепра не было, как не было там и крепостного права. Так что теорию возникновения запорожских казаков из беглых крестьян придется оставить как несоответствующую реалиям того времени. Я же берусь утверждать, что запорожское казачество составляли... местные жители.

Сразу же оговорюсь, что документальных свидетельств этого нет, но, с другой стороны, нет никаких свидетельств, опровергающих мое утверждение.

Начнем по порядку. Вспомним о таинственных бродниках, трижды упомянутых в русских летописях. Первое упоминание о бродниках относится к 1147 году, когда они в очередной княжеской усобице вместе с половцами пришли на помощь Святославу Ольговичу.

По мнению академика В. В. Мавродина: «Бродники — это тюрки-кочевники. За это говорит, во-первых, то, что они христиане (воевода их целует крест во время осады их лагеря у Калки татарами), а во-вторых, имя их воеводы — Плоскиня, звучащее по-русски». Далее Мавродин пишет: «Бродники были смешанным населением степей Причерноморья, занимавшим едва ли не весь огромный край от Приазовья и Тмутаракани до Побужья, где подобного рода люд носил уже иное название — берладников, выгонцев и т. д. Бродников было не так уж мало, ибо иначе

нечем объяснить известность бродников в соседних землях и, в частности, в Венгрии, отразившуюся в документах».^[2]

Бродники в своих землях не признавали власти ни князей Рюриковичей, ни половецких ханов.

«Бродячий образ жизни, связанный с их полупромысловым хозяйством, делал их чрезвычайно подвижными, а военный характер общин бродников приводил к появлению бродников в качестве, по-видимому, наемников в рядах войск соседних государств. Бродники были у болгар, венгров, русских князей в качестве наемников до XIII века».^[3]

После Батыева нашествия на Киев в 1240 г. и до конца XIV века история Киевской земли — сплошная черная дыра. Историк М. С. Грушевский писал: «Остается сказать еще об одном обстоятельстве — об отсутствии сведений о Киевской земле за вторую половину XIII в. и почти весь XIV в.».^[4]

Данных о существовании местного летописания у нас нет, а ни князей, ни летописцев Владимиро-Суздальской Руси Киев абсолютно не интересовал.

Как же управлялась Киевская земля? По косвенным источникам, в том числе по сообщениям итальянского путешественника Плано Карпини, проезжавшего через эти места в 1246 г., южнее и западнее Киева вообще не было князей, а местным населением управляли атаманы (ватманы),^[5] выбираемые вечем. Периодически приезжали татарские баскаки, которым атаманы сдавали дань.

Итальянский путешественник Джованни дель Плано Капини писал: «Мы прибыли к некоему селению, по имени Канов [Канев — А.Ш.], которое было под непосредственной властью Татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан по имени Михей, человек, преисполненный всякой злобы и коварства».^[6]

Плано Капини не очень разбирался в делах русских княжеств, поэтому потребуется расшифровка его записей. «Под непосредственной властью Татар», то есть там русские князья не имели никакой власти над местным населением. Ну а имя Михей мало похоже на татарское или аланское. Видимо, имя местного атамана городка, расположенного на Днепре ниже Канева, было Михаил, а провожатые итальянцев обзывали его Михеем.

Михей не понравился путешественником, так как требовал слишком много подношений за дальнейшее их сопровождение. «После этого мы выехали вместе с ним в понедельник Четырешагиды, и он проводил нас

до первой заставы Татар. И когда в первую пятницу после для Пепла мы стали останавливаться на ночлег при закате солнца, на нас ужасным образом ринулись вооруженные Татары, спрашивая, что мы за люди».^[7]

Таким образом, Платон Капини и его спутники покинули Киев 4 февраля 1246 г., проехали Канев, 19 февраля выехали из городка, где атаманом был Михей, и, наконец, 23 февраля впервые встретились с заставой татар.

Судя по всему, путешественники ехали по льду Днепра. Если они двигались со скоростью 20–30 км в сутки, что не так уж много для того времени, то даже сделав 3–4 дневки (дневные остановки), они прошли бы 350–400 км до встречи с татарской заставой.

Таким образом, записки Платона Капини свидетельствуют о том, что почти до нынешнего Запорожья берега Днепра были заселены местными жителями, то есть бродниками, платившими дань татарам.

А что это были за места? Начну со священной для казаков реки — Днепра. Его в казацких «думах» и песнях именовали «Днипром — Славутич» или «Днипром — братом», а речного лоцмана звали «Козацким шляхом».

Длина всей реки, начинавшейся в Бельском уезде под Смоленском, составляла 2065 верст. Яворницкий писал: «В пределах вольностей запорожских казаков Днепр начинался с одной стороны выше речки Сухого Омельника, с другой — от устья речки Орели, и протекал пространство земли в 507 верст, имея здесь и наибольшую ширину, и наибольшую глубину, и наибольшую быстрину; в пределах же запорожских казаков он характеризовался и всеми особенностями своего течения — порогами, заборами, островами, плавнями и холуями. Всех порогов в нем при запорожских казаках считалось девять — Кодацкий, Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытецкий, иначе Дид-порог, Волниговский, иначе Внук-порог, Будиловский, Лишний и Вильный».^[8]

Пороги тянулись на 68 км ниже Екатеринослава (с 1926 г. Днепропетровск). Лишь после постройки Днепрогэса Днепр стал полностью судоходным. А до этого времени по утверждениям некоторых историков эти пороги были непроходимы. На самом деле днепровские пороги следует считать условно-проходимыми.

Начну с того, что ладьи на пути «из варяг в греки» свободно проходили в оба конца. Да и дружины киевских князей в IX–XI веках проходили пороги на своих судах. Хотя, возможно, в то время уровень воды в Днепре был выше. Я видел в Киевском историческом музее огромные

рыболовные крючки, а в Москве-реке последнего осетра изловили при Иване III.

В последующие века форсирование порогов происходило с переменным успехом. В 1696 г. во время второго азовского похода Петра I воевода Неплюев с 2500 солдат на 42 больших и 46 малых стругах прошел пороги, хотя и с трудом. В 1737 г. из 300 транспортных судов, отправленных из Брянска к армии Миниха, к Очакову дошли только 96. Связано это было не столько с порогами, сколько с общим разгильдяйством: множество судов было брошено за десятки верст не доходя порогов. В 1787 г. во время знаменитого путешествия Екатерины II из Киева до Херсона прошли без потерь семь галер и несколько транспортных судов. В 1886 г. из Эльбинга на Черное море прошли три 88-тонных миноносца, строившиеся для Черноморского флота в Германии на верфи «Шихау». В конце XIX — начале XX веков годы через пороги регулярно производился сплав леса, а проход гражданских судов — периодически, причем в обоих направлениях.

Кроме порогов на Днестре было множество заборов. Заборы — те же гряды диких гранитных скал, разбросанных по руслу Днестра, как и гряды порогов, но не пересекавшие реку от одного берега до другого, а занимающие только ее часть, преимущественно с правого берега, и таким образом оставлявшие у другого берега свободный для судов проход. Всего на Днестре в запорожских пределах насчитывалось заборов 91.

Камни, в отличие от забора, торчали то там, то сям посреди реки или у ее берегов. Из множества камней, разбросанных по Днестру, самых известных было семь — Богатыри, Монастырько, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджола и Разбойники.

Между порогами и заборами, далеко выше и ниже их, на всем Днестре в границах земли запорожских казаков насчитывалось 265 больших и малых островов, из которых самыми известными были 24 — Великий, Романов, Монастырский, Становой, Козлов, Ткачев, Дубовый, Таволжанский, Перун, Кухарев, Лантуховский, Гавин, Хортица, Томаковка, Стукалов, Скарбный, Скалзуб, Козенин, Каир-Козмак, Тавань, Бургун, Тягинка, Дедов и Сомов.

Д. И. Яворницкий писал: «Почти все береговые пространство Днестра, исключая порожистого, одето было роскошными и едва проходимыми плавнями, доставлявшими запорожским казакам и лес, и сено, и множество дичи, и множество зверей. Плавни эти представляли собой низменность, покрытую травяною и древесною растительностью, изрезанную в разных направлениях речками, ветками, ериками, заливами, лиманами, заточинами,

покрытую множеством больших и малых озер и поросшую густым, высоким и непроходимым камышом. Из всех плавен в особенности знаменита была плавня Великий Луг, начинавшаяся у левого берега Днепра, против острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяжении около 100 верст, на том же берегу, вниз по Днепру, против урочища Палиивщины, выше Рога Микитина. Для запорожца, не знавшего в среде суровых товарищей своих „ні неньки рідненької, ні сестри жалібненької, ні дружини вирненької“, всю родню составляли Сичь да Великий Луг: „Січ — мати, а Великий Луг — батько, от там треба й умирати“; запорожец в Великом Лугу чувствовал себя что в необозримом море: тут он недоступен был „ні татарину-бусурманину, ні ляху поганому“. Самое русло Днепра нередко загромождено было так называемыми холуями или корчами, то есть подводными пнями деревьев, росших по берегам реки, ежегодно подмывавшихся вешними водами и ежегодно во множестве обрушивавшихся на дно Днепра».^[9]

В XVII веке, по словам Боплана,^[10] в реках и озерах Запорожского края (Псельское и Воскальское, Омельники, Самоткань, Домоткань, Орель, Самарь и др.) водилось множество рыбы и раков. Так, в Орели в одну тоню рыбаки вытаскивали по две тысячи рыб, каждая размером не меньше фута. В Самоткани и смежных с ней озерах водилось такое количество рыбы, что она «от собственного множества умирала, портила воду и заражала воздух; в Домоткани водилось множество раков, иногда до 9 дюймов длиною, и особая, превкусная рыба чилики; Самара изобиловала рыбой, медом, воском, дичиной и строевым лесом и за свое богатство прозвана казаками святою рекою; окрестности Самары запорожские казаки называли обетованною Палестиной, раем божьим на земле, а всю землю около реки — землей „дуже гарною, кветнучею и изобилующею“, самый город Самарь — „истинно новым и богатым Иерусалимом“».^[11] (Сх. 1)

116-летний старик Иван Росольда рассказывал в середине XIX века: «Пойдешь косить, косою травы не отвернешь, погонишь пасть лошадей, за травой и не увидишь их; загонишь волов в траву, — только рога мреют. Выпадет-ли снег, настанет-ли зима, никакой нужды нет: хоть какой будет снег, а травы надолго не закроет. Пустишь себе коней, коров, овец, то они так пустопаш и пасутся, только около отар и ходили чабанцы; а как загонишь и увидишь; зато уже тогда около них работы — тирсу выбирать, которая поналезет им в волну!.. А что уж меж той травой да разных ягод, то и говорить нечего: вот это бывало как выйдешь в степь, да как разгонишь траву, то так и бери руками клубнику. Этой поганги, что теперь

поразвилась, овражков да гусеницы, тогда и слышно не было. Вот какие тарвы были! А пчелы той? А меду? Мед и в пасеках, мед и в зимовниках, мед и в бурлюгах — так и стоит в липовых кадках: сколько хочешь, столько и бери, — больше всего от диких пчел: дикая пчела везде сидит, и на камышах, и на вербах: где буркун — в буркуне, где трава — в траве; за ней и прохода не было: вырубывают, бывало, дупла, где она сидит. А леса того? Бузины, сведины, вербы, дуба, груш — множество. Груш, как понападает с веток, так хоть бери грабли да горни в валки: так и лежат на солнце, пока не попекутся...

А что уже птицы было, так Боже великий! Уток, лебедей, дрохв, хохотвы, диких гусей, диких голубей, лелек, журавлей, тетерок, куропаток — так хо-хо-хо! Да все плодющие такие! Одна куропатка выводила штук двадцать пять птенцов в месяц, а журавли, как понаведут детей, то только ходят да крюкают. Стрепетов сельцами ловили, дрохв волоками таскали, а тетеревей, когда настанет гололедица, дрюками били...

Теперь нет и того множества рыбы, что была когда-то. Вот эта рыба, что теперь ловят, так и за рыбу тогда не считалась. Тогда все чичуги, пистрюги, коропы да осетры за все отвечали; в одну тоню^[12] ее столько вытаскивали, что на весь курень хватало». ^[13]

Возникает риторический вопрос — неужели бродники или их потомки покинули эти благословенные края, где было так легко прокормиться, да еще и столь вкусно; где легко можно было спастись от орд кочевников или судовых ратей ляхов и турок?

Естественно, что жить в плавнях, не умея искусно владеть саблей и метко стрелять из лука, невозможно. Увы, мы не знаем подробностей жизни бродников. Да что бродники! Документов конца XIII — начала XIV веков столь мало, что и история Киева за этот период нам известна лишь фрагментарно.

В 1250 г. татары дали ярлык Александру Невскому на княжение в Киеве, но Александр отказался и в Киев не поехал. Бывший стольный русский град постепенно покидают и знатные люди. Так, где-то в конце XIII века или в самом начале XIV века из Киева в Москву отъехал боярин Родион Несторович. Согласно московским летописям, он де привел с собой дружину численностью 1700 человек. По моему мнению, Родион мог привести с собой максимум 100–150 дружинников.

Со времени крещения Руси митрополичья кафедра была в Киеве. Но митрополит Кирилл (1247–1280 гг.) почти все время провел на Северо-западной Руси и скончался в 1280 г. в Переяславле Залесском. Новый

митрополит Максим тоже был в основном в разъездах, а в 1299 г. вместе со своим двором окончательно переехал во Владимир.

В 1321 г. в 10 верстах от Киева на реке Ирпени произошла битва войска литовского князя Гедемина с дружинами галицкого короля Льва Юрьевича (правнука короля Даниила Галицкого), его подручника (вассала) киевского князя Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпени галицкое войско потерпели страшное поражение, король Лев с братом и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

Гедемин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Ворота города были открыты, и навстречу Гедемину двинулся Крестный ход. Духовные лица и местные бояре били челом великому князю, «чтобы у них отчин не отнимал, и князь Гедемин их при том оставил и сам с честью въехал в Киев».

«И слышали о том пригороды Киевские, Вышгород, Черкассы, Канев, Путивль, Слеповрод, что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедемину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, и присягнули на том великому князю Гедемину».

[\[14\]](#)

Однако удержать в Киеве своего наместника Гедемину не удалось. О двух последующих десятилетиях жизни Киевской земли сведения отсутствуют. Есть только краткие упоминания в русских летописях, что в 1331 г. в Киеве правил князь Федор, и там сидел татарский баскак. Литовские летописи молчат о Киеве, но в подробном списке земель, разделенных в 1345 г. сыновьями Гедемина, ни Киев, ни его окрестные города не фигурируют. Видимо, в 30-40-х годах XIV века Киев Литве не принадлежал. И лишь в записи за 1362 г. в так называемом Густинском своде говорится: «В лето 6870. Ольгерд победил трех царьков татарских и с ордами их, си есть Котлубаха, Качзея (Качбея), Дмитра, и оттоли от Подоли изгнал власть татарскую. Сей Ольгерд и иные Русские державы в свою власть принял, и Киев под Федором князем взял, и посадил в нем Владимира сына своего, и начал на сими владеть, им же отцы его дань давали».

Из этого текста явствует, что в 1362 г. под урочищем Синие Воды [\[15\]](#) рать литовского князя Ольгерда разбила войска трех местных татарских князьков. Правда, тут возникают большие сомнения насчет третьего князька Дмитра. Судя по имени, он был русским и, скорее всего,

командовал не татарами, а киевской дружиной.

Замечу, что Ольгерд очень удачно выбрал время похода на Киев. Дело в том, что со смертью хана Бердибека в 1359 г. в Золотой Орде началась «большая замятня», как выразился русский летописец.

Победа у Синих Вод позволила Ольгерду захватить Киев и посадить там своего сына Владимира Омелько (1316–1385 гг.). При этом Владимир Ольгердович сохранял вассальную зависимость от татар. Неопровержимым доказательством этого является татарская тамга на киевских монетах Владимира Ольгердовича. На дошедших до нас монетах этого периода можно установить три или четыре различных типа тамги, что указывает на достаточно продолжительное время зависимости Киева от ханов, поскольку тамга могла изменяться только со сменой ханов. Когда Киев избавился от татарской зависимости, точно неизвестно, но крайним сроком можно считать время нападения хана Тохтамыша (1395 г.). Любопытна позднейшая грамота крымского хана Менгли Гирея (1466–1513 гг.), где говорилось: «...великие цари, дяды наши, и великий царь Ачжи-Кгирей [Хаджи-Девлет Гирей], отец наш, пожаловали Киевом, в головах, и многие места дали великому князю Витовту».

Так Киевское удельное княжество вошло на правах вассала в состав Великого княжества Литовского.

В советских учебниках утверждалось, что польско-литовские феодалы в середине XIV века захватили юго-восточные русские княжества. Но, увы, никаких поляков там не было, равно как и не было литовской оккупации.

Мало того, большая часть дружин Гедемина и Ольгерда состояла из православных русских ратников. Князь Гедемин был язычником, но он был женат на смоленской княжне Ольке Всеволодовне и, видимо, на время свадьбы принял православие.

Его сын Ольгерд исповедовал двоеверие: по приезде в этническую Литву поклонялся языческим богам, а в своих русских владениях числился православным князем Александром. Перед своей смертью в 1377 г. Ольгерд-Александр даже был пострижен в монахи под именем Алексей, однако приближенные все же похоронили его по языческому обряду.

Литовцы не имели своей письменности. Первая книга на литовском языке была напечатана в XVII веке. А до этого они пользовались кириллицей. Государственным языком Великого княжества Литовского был русский. Все государственные акты, включая знаменитый Литовский статут 1530 года (свод законов) были написаны на русском языке.

До второй половины XVI века в Киеве и области не было иных церквей, кроме православных. Переход под власть литовских князей не

изменил ни законы, ни быт Приднепровья. Как остроили историки XIX века: «Победила не Литва, а ее название».

В 1455 г. умер последний удельный киевский князь Александр Олелько, внук Ольгерда. Однако польский король Казимир IV дал Киев сыну Омелько Семену не в удел, а поставил там его королевским наместником. Таким образом, Киевское княжество было формально ликвидировано. Тем не менее, Семен Александрович носил титул князя киевского. В 1471 г. Семен Александрович умер, но его сыновья не стали наместниками в Киеве. Польский король посадил в Киеве литовского наместника. Приднепровье по-прежнему входило в состав Литвы, а киевские наместники чисто формально были подчинены польскому королю. Дело в том, что с 1385 г. Польша и Литва состояли в нескольких личных униях, то есть они состояли под властью одного монарха. На современном языке оба государства образовывали конфедерацию.

Ситуация кардинально изменилась в июле 1569 г. после подписания Люблинской унии. Согласно акту Люблинской унии Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялось в единое государство — Речь Посполитую (республику) с выборным королем во главе, единым сеймом и сенатом. Отныне заключение договоров с иностранными государствами и дипломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Посполитой, на всей ее территории вводилась единая денежная система, ликвидировались таможенные границы между Польшей и Литвой. Польская шляхта получила право владеть имениями в Великом княжестве Литовском, а литовская — в Польском королевстве. Вместе с тем Литва сохраняла определенную автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну, официальный русский язык.

Киевское княжество по желанию поляков было «возвращено» Польше, как будто бы еще задолго до княжения Ягайло принадлежащее польской короне. Поляки говорили: «Киев был и есть глава и столица Русской земли, а вся Русская земля с давних времен в числе прочих прекрасных членов и частей присоединена была предшествовавшими польскими королями к короне Польской, присоединена отчасти путем завоевания, отчасти путем добровольной уступки и наследования от некоторых ленных князей».

Почему литовские паны так легко отдали Киевское княжество ляхам? Да за ненадобностью! Там не было ни литовских поместий, ни вообще этнических литовцев, а местная русская элита не захотела или не имела возможности оказать серьезное сопротивление претензиям поляков.

Вот с этого момента и началось закабаление Южной Руси поляками.

Глава 2

Казаки «голубой крови»

Первые документальные свидетельства о деятельности казаков на юге России относятся к концу XV века. До этого ни о военной активности, ни вообще о жизни жителей Нижнего Днепра и его притоков ничего не известно.

Однако из византийских, генуэзских и венецианских исторических хроник и деловых документов следует, что с конца XIII до начала XV веков на Черном море активно действовали пираты. Так, венецианским и генуэзским купеческим судам, плававшим в Черном море, запрещалось выходить в море без балистаригов — стрелков из арбалетов, аркбаллист и катапульт, а с XV века — и пороховых бомбард. Часто купеческие суда были вынуждены ходить в составе конвоев, охраняемые боевыми галерами.

Правда, в документах упоминаются в основном корсары — подданные Венеции, Генуи или турецкого султана. Это и понятно — было к кому предъявлять претензии, отвечать контрмерами и т. п. Жаловаться на пиратов, принадлежащих к племена, не имеющим государственности, бесполезно, и купцы не отражали это в деловых бумагах. Утверждать же, что все население Северного Причерноморья от Дуная до берегов Кавказа не занималось пиратством, поскольку оные племена не упомянуты конкретно в делах о нападениях на купцов, мягко выражаясь, некорректно.

Так что с большой долей вероятности можно утверждать, что жители Приднепровья, подобно своим предкам, спускались к Черному морю «добывать зипуны».

По известию летописца XVI века Мартина Бельского в 1489 г., во время преследования татар, ворвавшихся в Подолию, сыном кроля Казимира IV Яном Альбрехтом, впереди литовского войска шли до притока Буга реки Савраны казаки, хорошо знавшие местность Побужья.

Это сообщение можно считать первым официальным сообщением о приднепровских казаках. Я говорю так осторожно, поскольку есть и косвенные сведения. Так, А. В. Стороженко^[16] упоминает о греческой надписи, найденной в Судак (Сугдейская приписка в греческом Синаксаре): «В тот же день (17 мая 1308 г.) скончался раб Божий Альмальчу, сын Самака, увы, молодой человек, заколотый казаками». Тут нам остается лишь гадать, где убили бедолагу Альмальчу — на суше или на

море, и был ли тот казак татарин или русским.

В 1508 г. казаки под начальством брацлавского и виленского старосты князя Константина Ивановича Острожского разгромили на голову отряд татар, грабивших пограничные области Литовской Руси. Другая часть казаков под начальством «славного казака Полюса-русака» уничтожила другой отряд татар.

В 1512 г. казаки вместе с поляками участвовали в погоне за татарской ордой, ворвавшейся в южные пределы Литовского великого княжества. Начальниками над казаками и поляками были князь Константин Иванович Острожский и каменецкий староста Предслав Ляндскоронский.

В 1516 г. казаки под начальством атамана Ляндскоронского ходили походом под турецкий город Белгород, захватили там множество лошадей, скота и овец. На обратном пути казаков у озера Овидова под Очаковом настигли турецко-татарские войска. Однако казаки не растерялись и побили басурман.

На исторических картах, составленных в советское время, и на современных, граница Великого княжества Литовского проходит с запада на восток от устья Днестра по побережью Черного моря, затем от Днепробунского лимана вверх по Днепру до впадения в него реки Северный Донец и далее вдоль Северного Донца.

На самом деле самыми южными форпостами Великого княжества Литовского были Каневский и Черкасский замки, расположенные на Днепре ниже Киева, соответственно, в 100 км и 150 км. Эти замки были построены в самом начале XVI века, они служили и местом пребывания администрации староств (областей).

Каневский замок представлял собой небольшой прямоугольник длиной около 80 м и шириной около 40 м. Его стены были сложены из 26 городен — заполненных землей срубов. На стенах, обмазанных для защиты от огня глиной, и на шести башнях стояли пушки, бочки со смолой и водой. Замок опоясывал ров, через который был переброшен подъемный мост. Но все это сооружение, как писали в 1552 г. королевские ревизоры, обветшало, даже при малейшем ветре шаталось и скрипело, угрожая рухнуть и похоронить под собой людей. Гарнизон замка не превышал нескольких десятков служилых людей.

Черкасский замок был немного больше Каневского, и в 1552 г. при нем кроме бояр-конников была рота жолнеров и 60 служебников.

В народном эпосе сохранились сведения о первых «знаменитых казаках» Евстафии Дашковиче и Дмитриии Вишневецком. Позже националистические украинские историки возвели их в ранг гетманов.

Увы, они не то что гетманами, но и даже казаками не были. Но рассказать об этих колоритных фигурах стоит, чтобы показать ситуацию в нижнем течении Днепра в начале и середине XVI века.

Евстафий (Остап) Дашкович родился в городе Овруче рядом с современным Полесским заповедником, на границе современных Украины и Беларуси. В самом конце XV века Евстафий получил или купил^[17] должность старосты в городе Кричеве на реке Сож.

Дашкович по каким-то причинам не поладил с великим князем литовским Александром (он же король Польши с 1501 по 1506 год) и вместе и кричевским дворянством подался в Москву, по пути разорив пограничные литовские волости. Александр накатал жалобу в Москву и потребовал выдать изменника. Однако великий князь московский Иван III ответил: «В наших перемирных грамотах написано так: вора, беглеца, холопа, раба, должника по исправе выдать: Евстафий же Дашкович у короля человек был знатный, воеводою бывал..., а лихого имени про него мы не слыхали никакого; держал он от короля большие города, а к нам приехал служить добровольно и сказывает, что никому никакого вреда не сделал. И прежде, при нас и при наших предках и при королевых предках на обе стороны люди ездили без отказов; так и Дашкович к нам приехал теперь, и потому он наш слуга».^[18]

Увы, Дашковичу не понравилась служба у великого князя московского, и он опять подался в Литву. Там в 1514 г. он получил должность старосты в Черкассах. В те времена старосты в пограничных районах формально являлись наместниками великого князя, а в действительности же — всевластными господами в своих староставах.

Евстафий был крайне сребролюбивым и жестоким человеком. Он заставлял жителей «работать на себя каждый день, возить дрова, косить сено, тянуть сеть». Кроме перечисленного Дашкович «замышлял и иные работизны, чего они пред тем с продков (предков) своих не повинни були робити». Дашкович отбирал у рыбаков и охотников половину добычи, назначал выгодные для себя цены на казацкие товары, наконец, захватил у казаков уходы^[19] на первых пяти днепровских порогах («то дей все пан Остафій себе привлащил»).

Далее наш Евстафий каким-то образом попадает к крымскому хану Мухаммеду Гирею. Д. И. Яворницкий пишет, что он де побывал в 1523 г. в плену у татар.^[20] На самом же деле Дашкович собрал отряд казаков и вместе с татарами отправился в Московию «за зипунами».

Стотысячное войско Мухаммеда Гирея подошло к Оке 28 июля 1521 г.

Русские войска попытались помешать переправе татар, но были разбиты. В бою погибли воеводы Иван Шереметев, Владимир Курбский, Яков и Юрий Замятины, а Федор Лопата попал в плен.

С востока на Русь напал Сагиб Гирей с казанским войском. Он разорил Нижний Новгород и Владимир. Войска братьев соединились у Коломны и двинулись на Москву. Василий III срочно уехал по делам в Волоколамск, поручив оборону столицы своему зятю, татарскому царевичу Петру-Худай-Кулу. В Москве началась паника.

29 июля братцы подошли к самой Москве и расположились в селе Воробьево (на Воробьевых Горах). Василий III вынужден был подписать унижительный договор, по которому он формально признавал свою зависимость от крымского хана и должен был платить ему дань «по уставу древних времен», то есть так, как платили ханам Сарайским. Согласно договору татары могли беспрепятственно везти все награбленное и всех пленных.

На обратном пути Дашкович, командовавший смешанным отрядом из татар и казаков, решил овладеть Рязанью. Поскольку город был хорошо укреплен, Евстафий решил действовать хитростью. Он предъявил рязанскому воеводе Хабару Симскому мирный договор с Василием III и попросил разрешения остановиться у стен города. Татары и казаки спровоцировали побег нескольких десятков русских пленников в Рязань и погнались, якобы, за ними, а на самом деле, чтобы завладеть городом. Московские начальники замешкались — вроде бы с татарами мир. Но тут ведавший городским нарядом (артиллерией) немец Иоган Иордан приказал дать залп из многочисленных крепостных пушек. Татары и казаки «в ужасе бежали». Самое забавное, что в руках Хабар Симского оказалась грамота Василия III, содержащая обязательства платить дань Гиреям.

В 1523 г. хан Мухаммед Гирей двинулся на Астрахань. Войско астраханского хана Хуссеина было разбито, а город взят штурмом.

Однако союзникам Мухаммеда Гирея ногайцам не понравилось такое усиление Крымского ханства. Их орда внезапно напала на стан крымцев. Началась резня, в ходе которой Мухаммед Гирей был убит. Ногайцы вторглись в Крым. Одновременно Крым начал грабить и Евстафий Дашкович со своими казаками.

В 1523 г. на крымский престол вступил Саадет Гирей, брат убитого ногайцами Мухаммеда. В 1531 г. новый хан напал на Черкассы. Однако Дашковичу удалось отстоять замок.

Любопытно, что после гибели Мухаммеда Москва резко сократила выплаты «поминков» Крыму, а вот Литва и Польша платили дань по

полной. Так, король Сигизмунд I обязался платить крымскому хану ежегодно по 7500 золотых монет и на такую же сумму сукон, выговорив, что эти деньги и сукна будут посылаться только в те годы, когда крымцы не будут нападать на литовские земли. Хан Сагиб Гирей был этим недоволен и писал королю: «Значит, ты не хочешь со мной вечного мира? Если бы ты хотел вечного мира, то прислал бы нам 15 000 червонных, как прежде брату моему, Магмет Гирею, посылавал».

Для покрытия «крымских издержек» литовские города продолжали платить подать, известную под именем «ордынщины».

Пока король платил дань, днепровские казаки продолжали нападать на крымцев. Казаки под командование Дашковича даже пытались захватить Очаков, но были отбиты турецким гарнизоном.

Хан Сагиб Гирей (1532–1551 гг.) жаловался королю Сигизмунду I: «Приходят казаки черкасские и каневские, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям; я много раз посылал к вашей милости, чтоб вы их остановили, но вы их остановить не хотели; я шел на московского: тридцать человек за болезнью вернулись от моего войска, казаки поранили их и коней побрали. Хорошо ли это: я иду на твоего неприятеля, а твои казаки из моего войска коней уведут? Я приязни братской и присяги сломать не хочу, но на те замки, Черкассы и Канев, хочу послать свою рать... Черкасские и каневские власти пускай казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего (великого князя московского), вместе с казаками путивльскими по Днепру под наши улусы, и что только в нашем панстве узнают, дают весть в Москву; в Черкассах старосты ваши путивльских людей у себя на вестях держат; так на Москву из Черкасс пришла весть за пятнадцать дней перед нашим приходом».^[21]

В 1533 г. на сейме в Пиотркове Дашкович предложил построить поближе к татарам, на одном из малодоступных островов Днепра, замок и содержать в нем постоянную стражу из двух тысяч казаков, которые, плавая по реке на чайках, препятствовали бы татарам переправляться через Днепр. К этим двум тысячам казаков Дашкович предлагал добавить еще несколько сот человек, которые бы добывали в окрестностях необходимые припасы и доставляли их казакам на острова. Предложение это понравилось все участникам сейма, однако в исполнение приведено не было.

В 1535 г. Дашкович умер, а вместо него старостой литовские власти назначили Фелициана Тышкевича (судя по фамилии, поляка). Возмущенное население подняло восстание. Тышкевич бежал из Черкасс. Однако из Киева прислали большой отряд регулярных войск с артиллерией, и

восстание было подавлено.

Как написано в «Истории Украинской ССР»: «Спасаясь от репрессий, много казаков бежало: одни за Днепровские пороги, другие в Россию».^[22] И тут же делается вывод, что именно в начале XVI века появились казацкие поселения как на порогах, так и за ними, то есть появились запорожцы. Получается, что с конца XIII века до начала XVI века, то есть приблизительно 250 лет эти места были безлюдными.

Между тем, одним из требований восставших жителей Канева в 1536 г. было: «Звонецкого порога не касаться», то есть граница староства не должна было доходить до Звонецкого (третьего!) порога на Днепре. Там уже давно жили вольные казаки.

В конце 30-х годов XVI века черкасско-каневским старостой становится князь Михаил Вишневецкий. Поскольку мы будем встречаться с представителями этого княжеского рода, то стоит сказать о нем несколько слов. Вишневецкие происходят от Дмитрия (Корибута),^[23] князя Новгород-Северского, сына великого князя литовского Ольгерда. Правнук Корибута Солтан построил замок Вишневец. После смерти бездетного Солтана замок перешел к его племяннику Михаилу Васильевичу, который и стал первым князем Вишневецким. Все князья Вишневецкие были православными. Первым перешел в католичество Константин Константинович (1595 г.). А наш черкасский и каневский староста Михаил Александрович приходился внуком первому князю Вишневецкому.

Этот староста вошел в историю в связи с грамотой короля Сигизмунда I. Яворницкий писал о ней: «В 1540 году козаки черкасско-каневского старосты, князя Михаила Вишневецкого, боясь наказания за своих товарищей, ушедших на Москву, оставили замки и засели ниже их на реке Днепре; князь Михаил Вишневецкий ходатайствовал за них перед королем Сигизмундом-Августом о высылке им охранного листа для возвращения в замки».^[24]

А вот в «Истории Украинской ССР» говорится: «Вишневецкий несколько раз вторгался в Сечь с отрядами шляхты и казаков-служебников. Запорожцы, однако, успешно отражали такие нападения. Тогда Вишневецкий в 1540 г. обратился к ним с королевской грамотой. Сигизмунд I призывал казаков, „которые нижей замков наших Черкас и Канева на Днепре суть“, добровольно возвратиться в староство. Тех, кто подчинится этому приказу, король обещал освободить от наказания, предусмотренного для бежавших в „Московскую землю“».^[25]

Мне лично более убедительной кажется вторая версия.

В 1545 г. казаки спустились к турецкому городу Очакову, напали там на турецких послов и ограбили их. Турецкое правительство предъявило Сигизмунду I жалобу на казаков, и король должен был из королевского «скарбу» возместить убытки потерпевшим.

В 1546 г. путивльский воевода писал в Москву великому князю Василию III: «Ныне, государь, козаков в поле много, и черкасцев, и киян, и твоих государевых, — вышли, государь, на помощь всех украин». ^[26] Под «украинами» воевода имел ввиду войска, дислоцированные на юго-западной границе Русского государства.

Дмитрий Вишневецкий старостой черкасским и каневским пробыл только 3 года. Получив от короля Сигизмунда I отказ на свою просьбу о каком-то пожаловании, Вишневецкий ушел в Турцию и поступил на службу к турецкому султану: «А съехал он со всею своею дружиною, то есть со всем тем козацтвом или хлопством, ^[27] которое возле него появлялось», — писал о Вишневецком король Сигизмунд Радзивиллу Черному.

Через несколько месяцев Сигизмунд II (король Польши в 1548–1572 гг.) переманил Вишневецкого обратно, дав все требуемые им пожалования. Дмитрий Иванович вновь стал старостой черкасским и каневским.

Весной 1556 г. ^[28] Вишневецкий со своей «частной армией» отправился за пороги, там заложил укрепления (сечь) на острове Малая Хортица, известном также как остров Верхнехортицкий, Канцеровский, Вырва и, что наиболее интересно, остров Байда. Именно на этом острове археологи обнаружили остатки укрепления XVI века, а также ружья, обломки сабель, топоры, наконечники стрел и копий, монеты, относящиеся ко временам Дмитрия Вишневецкого. (Сх. 2)

Многие же историки считают, что Вишневецкий заложил Сечь на острове Хортица или Великая Хортица. Увы, на Хортице археологических материалов, которые бы подтверждали пребывание здесь казацких укреплений, пока что не обнаружено.

Вишневецкий, формально являвшийся подданным короля, отправил ему сообщение о постройке замка на Малой Хортице и для его укрепления попросил пушки и деньги.

Сигизмунд одобрил действия черкасского старосты, но, судя по всему, деньгами и пушками не помог. На всякий случай король уведомил о постройке замка на Хортице крымского хана Девлет Гирея: «И потому, брат наш, познаете, же оный [Хортицкий — А.Ш.] заком ку нашей руке есть, кгда Вишневецкий престрогу и службу свою вам оказывати будет, и

козаком, которые при нем шкод вашим людям чинити не допустит».^[29]

Начало 50-х годов XVI века отмечено ежегодными походами крымских орд как на Литву, так и на Московское государство. Татары доходили до Коломны, Серпухова и Рязани. В марте 1556 г. царь Иван Грозный, не дожидаясь очередного вторжения татар, посылает дьяка Ржевского провести разведку боем в тылу противника. Ржевский на чайках (малых гребных судах) спустился по реке Псёл (правый приток Днепра) и вышел в Днепр. Черкасский и каневский староста Дмитрий Вишневецкий посылает на помощь Ржевскому 300 казаков под начальством атаманов черкасских Млынского и Есковича. Дьяк Ржевский доплыл до турецкой крепости Очаков в устье Днепра и штурмом овладел ею. На обратном пути у порогов Днепра татарский царевич нагнал войско Ржевского, но после шестидневного боя дьяку удалось обмануть татар и благополучно вернуться в Москву.

В сентябре 1556 г. Дмитрий Вишневецкий отправляет в Москву атамана Михаила Есковича с грамотой, где он бьет челом и просит, чтобы «его Государь пожаловал и велел себе служить». Ескович сказал царю, что князь совсем отъехал от польского короля и поставил среди Днепра, на Хортицком острове, против Конских-Вод, у крымских кочевий, город.

Царь принял атамана с честью и, вручив ему «опасную грамоту» и царское жалованье для Вишневецкого, отправил вместе с Есковичем боярских детей Андрея Щепотьева и Нечая Ртищева с наказом объявить князю о согласии царя принять его на службу московского государства.

Через месяц после этого Вишневецкий отправил к Ивану Грозному новых послов — Андрея Шепотьева, Нечая Трищева, князя Семена Жижемского и Михаила Есковича — с извещением, что он, Вишневецкий, царский холоп и дает свое слово на том, чтобы ехать к государю, но прежде всего считает нужным повоевать татар в Крыму и под Ислам-Керменом, а уж потом прибыть в Москву.

В декабре 1557 г. Иван Грозный получил донесение своего посла из Крыма о том, что 1 октября «князь Димитрий Вишневецкий, выплывший на низовье Днепра, взял крепость Ислам-Кермень, людей ее побил, а пушки взял и вывез на Днепр, в свой Хотрицкий город».^[30]

Девлет Гирей не остался в долгу и весной 1558 г. внезапно подступил к Хортице.^[31] Вишневецкий со своими людьми несколько недель отбивался от татар. Но вскоре в Сечи начался голод, было съедено много казацких лошадей. Так что Вишневецкий был вынужден увести свое войско в Черкасы и Канев.

Иван IV, узнав о потере Хортицы, приказал Вишневецкому сдать Черкассы, Канев и другие контролируемые им территории польскому королю, а самому ехать в Москву. На «подъем» Вишневецкому выдали огромную по тем временам сумму — 10 тысяч рублей. В Москве Вишневецкому царь дал «на кормление» город Белев и несколько сел под Москвой. Так Иван потерял «Богдана Хмельницкого» и приобрел хорошего кондотьера.

Переход в подданство Москвы Черкасс и Канева открывал широкие перспективы перед Иваном IV. В поход на татар Вишневецкий мог поднять тысячи казаков, в его распоряжении находилось несколько десятков пушек. Разумеется, польский король не остался бы равнодушен к потере южного Приднепровья. Но, нет худа без добра. Походы польских войск традиционно сопровождались насилиями и грабежами, что неизбежно вызвало бы восстание и на остальной территории Малой России.

В 1556 г. Малороссия могла сама, как спелое яблоко, упасть в руки царя Ивана. Но, увы, у него были иные планы. Через два года начнется Ливонская война, и царь думает только о ней. Прорубить окно в Европу было России жизненно необходимо. Но для этого нужна была более мощная армия, более сильная экономика, 20 лет тяжелой Северной войны, постройка Петербурга, заселение новых земель, создание мощного флота и, наконец, гений Петра Великого.

Между тем Девлет Гирей ободрился уходом Вишневецкого с Хортицы и писал царю, что если тот будет присылать ему большие поминки и ту дань, которую платит польский король, то «правда в правду и дружба будет; если же царь этого не захочет, то пусть разменяется послами». Иван IV отвечал, что ханские требования к дружбе не ведут, и в конце 1558 г. отправил на татар 5 тысяч ратников под началом князя Дмитрия Вишневецкого. Войско на судах добралось по Волге до Астрахани, а оттуда двинулось к Дону. По пути к ним примкнул отряд донских казаков и кабардинцев — подданных мурзы Канклыка.

Войско Вишневецкого выше Азова форсировало Дон и вышло к нижнему Днепру, а затем блокировало Перекоп. Там князю удалось перебить отряд из 250 крымцев, пробиравшихся в Казанскую область.

Параллельно с Вишневецким царь отправил против татар и окольного Даниила Адашева с 8 тысячами ратников. Адашев на лодках спустился по Пселу до Днепра, а затем по Днепру — до Черного моря. Наконец впервые в истории ратные люди московского царя морем (!) пошли на Крым! По пути Адашев захватил два турецких корабля. Как писал С. М. Соловьев: «Адашев... высадился в Крыму, опустошил улусы,

освободил русских пленников, московских и литовских. На татар, застигнутых врасплох, напал ужас, так что они не скоро могли опомниться и собраться вокруг хана, который потому и не успел напасть на Адашева в Крыму, преследовал его вверх по Днепру до Монастырки, мыса близ Ненасытицкого порога, но и здесь не решился на него напасть и ушел назад».^[32]

Французский посол в Константинополе сообщал своему правительству, что в начале 1561 г. русские и черкесы с «капитаном Дмитрашку спустились вниз по Дону мимо Тары [Азова] и дошли до Кафы [Феодосии]».

Нетрудно догадаться, что «капитан Дмитрашка» — это князь Дмитрий Вишневецкий. Он изрядно пограбил Кафу — крупнейший невольничий рынок на Черном море, при этом рабы-христиане были освобождены.

После этого набега Вишневецкий уходит на Днепр и устраивает лагерь на острове Монастырском (Монастырище). Старая Сечь на острове Хортица была разрушена три года назад Девлет Гиреем. Название острова происходит от монастыря, основанного в конце IX века византийским монахом и разрушенного в XIII веке татаро-монголами. Сейчас остров Монастырский находится в центре Днепропетровска, там расположен «Гидропарк», а также любимые места купания натуралистов.

К этому времени отношение Дмитрия Вишневецкого к русскому царю изменилось к худшему. О причинах этого источники умалчивают, а я, в отличие от иных историков, не хочу фантазировать.

Так или иначе, но летом 1561 г. Вишневецкий отправил с Монастырского острова письмо королю Сигизмунду-Августу с просьбой прислать ему глейтовый (охранный) лист для свободного проезда из Монастырища в Краков. Король охотно согласился принять Вишневецкого к себе на службу и 5 сентября того же года прислал ему глейтовый лист: «Памятуя верная службы предков князя Димитрия Ивановича Вишневецкаго, мы приймаем его в нашу господарскую ласку и дозволяем ему ехать в государство нашей отчизны и во двор наш господарский».

Получив охранную грамоту, Вишневецкий вместе с польским магнатом Альбрехтом Ласким приехал в Краков, где был с восторгом встречен горожанами. Король очень ласково принял князя и простил ему его вину. Вскоре после этого Вишневецкий сильно заболел.

Однако теперь Дмитрий Вишневецкий остался не у дел. Должность старосты черкасского и каневского занимал его двоюродный брат Михаил Александрович Вишневецкий, дед будущего кровавого гетмана Иеремии.

С 1563 г. Вишневецкий числился на службе у польского короля, но

Сигизмунд-Август не давал ему ни земель, ни ответственных поручений и не преминул при случае справиться у русского царя о причинах отъезда его из Москвы, на что получил ответ Ивана IV: «Пришел он как собака и потек как собака; а мне, государю, и земле моей убытку никакого не причинил».

Годы и болезни сделали Дмитрия Вишневецкого столь дряхлым, что он уже с трудом садился на коня, но князя по-прежнему тянуло на авантюры. Он по совету своего приятеля Альбрехта Лаского решил овладеть Молдавией и стать ее господарем. Обстоятельства благоприятствовали князю. Дело в том, что в ноябре 1563 г. молдавские бояре во главе со Стефаном Томшей убили господаря Якоба Депота (Василида). Томша объявил себя господарем Стефаном V. Партия волохов, не желавшая избрания Томши, узнав о планах Вишневецкого, отправила к нему посольство и пообещала ему господарство, если только он вместе с казаками принесет присягу этой партии. Вишневецкий согласился и в 1564 г. с 4 тысячами казаков^[33] отправился в Молдавию.

Однако фортуна на сей раз отвернулась от нашего героя, и он был схвачен Томшей. «Тогда Вишневецкого, вместе с его спутником Пясецким и некоторыми поляками, схватили и отправили в столицу Молдавии. Поляки после жестоких пыток, во время которых сам Томжа отрезал им носы и уши, отпущены были в Польшу, а Вишневецкий и Пясецкий тем же Томжей отправлены были в Царьград к турецкому султану Селиму II. Получив пленников и пылая мстью на них за разорение Крыма и южных городов, турки решили предать их жесточайшей казни: бросить живыми с высокой башни на один из железных крюков („гак“), которые вделаны были в стену у морского залива, по дороге от Константинополя в Галату. Брошенный с башни вниз Пясецкий скоро скончался, а Вишневецкий, при падении с такой же высоты, зацепился ребром за железный крюк и в таком виде висел несколько времени, оставаясь живым, понося имя султана и хуля его мусульманскую веру, пока не был убит турками, не стерпевшими злословий. Народ сохранил в своей памяти величественный образ князя и воспел его трагическую кончину в готовой уже песне о казаке Байде. По словам песни, Байда так был славен, что сам султан предлагал ему свою дочь в жены с условием, чтобы только он принял веру Магомета; но Байда настолько был предан православной вере, что с презрением отверг это предложение и стал плевать на все, что было дорого как простому магометанину, так и самому султану, а под конец ухитрился даже убить стрелой, поданной ему его слугой, самого султана с его женой и дочерью. Тогда турки, остервеневшись на Вишневецкого, вынули у него, еще живого, из груди сердце, изрезали на части и, разделив между собою, съели его в

надежде, так сказать, заразиться таким же мужеством, каким отличался во всю жизнь неустрашимый Вишневецкий».^[34]

Походы Вишневецкого создали ему ореол героя-мученика по всей Малороссии. Кобзари слагали о нем песни. Князь — потомок Гедемина, а на 90 процентов Рюрикович, стал в песнях «казаком Байдой».

Не забывают Дмитрия Вишневецкого и сейчас. Но, увы, никому не нужен реальный князь Вишневецкий, а нужен некий мифический персонаж. Полбеда, когда это связано с исторической безграмотностью. Так, к примеру, Александр Смирнов в весьма тенденциозной книге «Морская история казачества» называет православного князя, всегда считавшего себя русским, «польским аристократом» и «польским магнатом», а затем делает вывод: «Антагонизм между польским дворянством и запорожским казачеством, похоже, сильно преувеличен сторонниками мифа о „присоединении Украины к России“».^[35]

Ни о каких земельных владениях «магната» Вишневецкого, кроме староств в Черкасске и Каневе, историкам не известно. А если Дмитрия Ивановича считать ляхом, то с таким же успехом А. Смирнова можно считать зулусом или эфиопом.

Ну, сей пример, явно, несерьезен. Гораздо хуже, когда мифологизация Дмитрия Вишневецкого делается умышленно в политических целях. Так, уже Грушевский пишет: «Вишневецкий погиб, не осуществив своих планов. Но деятельность его не прошла бесследно. Не только осуществляется его мысль о создании прочной точки опоры за порогам в позднейшей Запорожской Сечи, которой он был как бы духовным отцом, но и в позднейшей казацкой политике заметны отзвуки смелых мыслей Байдды о возможности для казачества, опираясь на Литву, Москву, Молдавию и даже самую Турцию, играть самостоятельную политическую роль и развивать свои силы, пользуясь совпадением своих интересов с интересами то одного, то другого государства».^[36]

Нынешние «незалежные» историки идут дальше и объявляют Вишневецкого создателем запорожского войска, первым из плеяды героических гетманов Украины — борцов с московитами.

В 1992 г. самостийники переименовали сторожевой корабль «Лацис», строившийся в Керчи по проекту 1135.1, в «Гетман Байда-Вишневецкий». Замечу, что ни гетманом, ни казаком, ни литовцем Дмитрий Иванович никогда не был, и само название сторожевого корабля более чем анекдотично, как например «Император Невский Александр». Этот корабль должен был стать самым мощным и современным кораблем украинских

ВМС. Но, увы, денег не хватило, и в 1994 г. недостроенный «Гетман...» был сдан на металлолом. Миф же о казаке Байде попрежнему интенсивно эксплуатируется украинскими историками.

Глава 3

Турки и крымские татары

Мы уже знаем, какую роль сыграли географические условия на создание Запорожской Сечи в нижнем течении Днепра. Но еще большее значение в создании казацкого рыцарского братства имели его соседи — турки, татары и ляхи. Не представляя себе ситуацию вокруг Приднепровья, невозможно понять истории запорожского казачества.

Начну с южных соседей казаков. К началу XIII века население Крыма представляло собой коктейль из потомков десятков народов, в разное время появлявшихся на полуострове. Это были скифы, киммерийцы, готы, сарматы, греки, римляне, хазары и др.

Были среди этих народов и русские. В 939 г. киевский князь Игорь взял хазарский город Самкеру, расположенный на Таманском полуострове. Вскоре хазарам удалось его отбить. В 964–965 гг. киевский князь Святослав Игоревич разгромил Хазарский каганат и какое-то время контролировал Северный Крым.

В конце X века было основано Тмутараканьское княжество Киевской Руси на Таманском и части Керченского полуостров. Столицей княжества был город Корчев (современная Керчь). С этого времени славяне из Киевской Руси начали расселяться по всему Крыму. В Старом Крыму, Судаке, Мангупе, Херсонесе славяне составляли наиболее значительную часть населения.

Тмутаракань вскоре стал вторым по значению после Константинополя портом, через который в XI–XII веках проходили почти все морские и степные торговые пути. Мстислав Владимирович, правивший княжеством до 1036 г., расширил и укрепил его границы.

В 1792 г. на Таманском полуострове была найдена мраморная плита с выбитой на ней надписью: «В лето 6576 года [1068 г.] индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмутараканя до Корчева 14000 сажен».

Есть основания полагать, что и в других частях Крыма были русские если не княжества, то, по крайней мере, городища. Например, при раскопках на холме Тепсель возле нынешнего поселка Планерское найдены остатки славянского поселения, возникшего в XII–XIII веках и существовавшего довольно долгое время. Отрытый на холме храм по своему плану близок к храмам Киевской Руси, а раскопанная в одном из

жилищ печь напоминает древнерусские. То же можно сказать и о найденной на месте раскопок керамике.

Остатки русских церквей найдены и в других районах Крыма. Фресковые росписи и штукатурка, судя по найденным фрагментам, близки к подобному материалу киевских соборов XI–XII веков.

Первые татарские отряды ворвались в Крым в январе 1223 г. Они взяли и разорили город Сугдею (Судак) и ушли в степи.

Следующее вторжение татар относится к 1242 г. На сей раз татары обложили данью население Северного и Восточного Крыма. Батый отдал Крым и степи между Доном и Днестром своему брату Мавалу. Столицей Крымского улуса и резиденцией улусского эмира стал город Кырым, построенный татарами в долине реки Чурук-Су на юго-востоке полуострова. В XIV веке название города Кырым постепенно перешло на весь полуостров Таврида. Примерно в это же время на караванном пути из Степного Крыма на южное побережье в восточной части полуострова был построен город Карасубазар («Базар на реке Карасу», ныне г. Белогорск), который быстро стал самым многолюдным и богатым городом улуса.

После захвата в 1204 г. Константинополя крестоносцами на берегах Тавриды возникают венецианские и генуэзские города-колонии. В 1292 г. между Венецией и Генуей началась семилетняя война, закончившаяся победой Генуи. В 1299 г. эти республики заключили «вечный мир», по которому единственным владельцем всех итальянских колоний в Крыму стала Генуя. Эти колонии остаются и после захвата степного Крыма татарами. Между итальянцами и татарами неоднократно возникали конфликты, но в целом улусские эмиры терпели существование колоний. С одной стороны, прибрежные города-крепости были хорошо укреплены и могли получать подкрепление с моря, а с другой стороны, торговля с итальянцами приносила эмирам неплохие барыши, так зачем же резать курицу, несущую золотые яйца.

Основатель династии Гиреев Хаджи-Девлет Гирей родился в 20-х годах XV века в литовском замке Троки, куда бежали его родственники в ходе ордынских усобиц.

Хаджи Гирей был не то сыном, не то внуком золотоордынского хана Таш-Тимура. Сам Таш-Тимур был прямым потомком Тукой-Тимура, тринадцатого сына хана Джучи и внука Чингисхана. Поэтому впоследствии Гирей считали себя Чингизидами и претендовали на власть над всеми государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды.

В Крыму Хаджи Гирей впервые появился в 1433 г. По мирному договору от 13 июля 1434 г. генуэзцы признали Хаджи Гирея крымским

ханом. Однако через несколько месяцев ногайский хан Сейид-Ахмет выбил Гирея из Крыма. Гирей был вынужден бежать на «родину» в Литву. Там в 1443 г. он и был провозглашен крымским ханом. Затем при военной и финансовой поддержке великого литовского князя Казимира IV Гирей двинулся в Крым. Вновь став крымским ханом, Хаджи Гирей сделал своей столицей город Крым-Солхат. Но вскоре Сейид-Ахмет вновь изгнал Хаджи Гирея из Крыма. Окончательно Хаджи Гирей стал крымским ханом лишь в 1449 г.

В Крыму Хаджи Гирей основал новый город Бахчисарай («Дворец в садах»), ставший при его сыне Менгли Гирее новой столицей государства.

В советской исторической литературе истории Крыма с античных времен до XIII века посвящены десятки изданий, а по истории Крымского ханства не было издано ни единой книги до 1990 г. В изданиях же по русской истории авторы лишь вскользь касались Крымского ханства.

Это было связано как с депортацией крымских татар в 1944 г., так и с несоответствием истории ханства теории марксизма-ленинизма. Марксисты считали, что в средние века существовало два класса — феодалы и крепостные крестьяне. Причем первые жили за счет непосильного труда вторых. Но Маркс утверждал это, имея в виду феодальные отношения в Западной Европе, а вот Ленин и К., не мудрствуя лукаво, перенесли это положение на народы всего мира. Когда говорят «феодализм», «капитализм», «социализм» и т. п., автоматически подразумевается, что основной способ производства — феодальный, капиталистический или, соответственно, социалистический. В Крымском же ханстве феодальный способ производства имел место, но он не приносил и половины валового дохода ханства. Основным же способом производства был грабеж соседей. Такой способ производства не описан Марксом по той простой причине, что подобных государств в Западной Европе в XIII–XIX веке вообще не было. Вот, к примеру, Швеция и Русь вели между собой почти два десятка больших и малых войн. В ходе боевых действий обе стороны жгли и грабили деревни, насиловали женщин, убивали мирных жителей. Но все это было побочными продуктами войны. Целью же войны было подписание мира, сопряженного с территориальными приобретениями, льготами в торговле и т. п. Средством достижения мира было уничтожение вооруженных сил неприятеля и захват его крепостей. За несколькими годами войны между Швецией и Россией следовали лет 50 мира, а то и 100–200 лет. То же самое было и у других европейских государств, например, у Франции и Испании.

Кое-где даже советские историки были вынуждены признать, что

крымские татары были не в состоянии прокормить самих себя.

«Экономическая жизнь у татар развивалась чрезвычайно медленно. Застойность сельского хозяйства и ремесла поражала европейских путешественников и была отличительной чертой Крымского ханства. Даже в 30-е годы XVI века крымские татары еще не знали оседлого земледелия. Михаил Литвин, живший в Крыму в качестве литовского посла при хане в 1537–1539 гг., с удивлением отмечал, что „землю, хотя и самую плодородную, они не обрабатывают, довольствуясь тем, что она сама им приносит, т. е. траву для кормления скота“.

Примитивное, экстенсивное скотоводческое хозяйство не могло прокормить население Крымского ханства. Татары начали постепенно добавлять его кочевым земледелием. Они распахивали в степи участки земли там, где обычно обитали зимой, весной шли в районы летних кочевий, а осенью возвращались и собирали урожай. Столь убогое земледелие не удовлетворяло потребностей государства в хлебе, и Крымское ханство захватывало необходимое ему зерно и другие продукты земледелия в России, на Украине, в Польше, Молдавии, Турции...

Когда турецкий султан однажды запретил крымскому хану Мухаммеду Гирею (1515–1523) нападать на дружественные ему тогда государства, тот цинично спросил сюзерена: „Не велишь пойти на московского и волошкского [князей], чем быть [тогда] сыту и одету?“».^[37]

Крымские же татары совершали набеги на соседей практически ежегодно. Они никогда не осаждали крепостей и вообще не стремились к генеральным сражениям с основными силами противника. Их стратегическая и она же тактическая цель войны — награть и благополучно увести награбленное. Регулярных войск крымские ханы практически не имели. Войско в поход собиралось из добровольцев. Как писал Д. И. Яровицкий: «Недостатков в таких охотниках между татарами никогда не было, что зависело главным образом от трех причин: бедности татар, отвращения их к тяжелому физическому труду и фанатической ненависти к христианам, на которых они смотрели, как на собак, достойных всяческого презрения и беспощадного истребления».^[38]

Историк Скальковский подсчитал, что общее число татар в XVIII веке в Крыму и ногайских степях составляло 560 тысяч человек обоего пола или 280 тысяч человек мужского пола. Историк Всеволод Коховский полагал, что крымских хан для больших походов в христианские земли поднимал почти треть всего мужского населения своей страны.

А в середине XVI века Девлет Гирей вел с собой на Русь и по 120

тысяч человек. Таким образом, в разбоях участвовали не крымские феодалы, как утверждали советские историки, а собственно все без исключения мужское население Крыма. Это, кстати, подтверждают запорожские и донские казаки, нападавшие на Крым во время походов хана на Россию. В Крыму они видели очень мало мужчин, кроме, разумеется, десятков тысяч рабов, угнанных из России, Украины, Польши и других стран.

Между прочим, Маркс и Энгельс не стеснялись называть крымских татар разбойниками. Но вот наши отечественные марксисты так и не решились выговорить это слово ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Хрущеве.

Татарские войска хорошо описаны французским военным инженером Бопланом, состоявшим с 1630 по 1648 год на польской службе, и полковником Кристофом Манштейном, состоявшим в 1727–1742 гг. на русской службе. Обе книги были написаны во Франции и Германии соответственно, то есть не подлежали цензуре польского и русского правительства и могут считаться сравнительно объективными источниками.

Зимой татары шли всегда более многочисленным войском, чем летом. Причиной этого, главным образом, было то, что летом татары не всегда могли скрыть следы движения своей конницы по высокой степной траве, не всегда успевали обмануть бдительность сторожевых казаков и, наконец, летом татары были менее свободны, чем зимой. Татары шли в поход всегда налегке: они не везли с собой ни обозов, ни тяжелой артиллерии. Повозок, запряженных лошадьми, татары не терпели даже у себя дома, обходясь, в случае необходимости, волами или верблюдами, совершенно непригодными для быстрых набегов на христианские земли. Татарские лошади, число которых доходило до двухсот тысяч голов, довольствовались степной травой даже в зимнее время, приученные добывать себе корм, разбивая снег копытом. Огнестрельного оружия татары не употребляли, предпочитая неверным выстрелам из ружей меткие выстрелы из луков. Стрелами же они так отлично владели, что, по словам очевидцев, могли попадать на всем скаку в неприятеля с шестидесяти и даже со ста шагов. Зато лошадей в поход они брали значительно больше, чем какие-либо другие степные народы. Каждый татарин вел с собой в поход от трех до пяти коней, а все вместе — от 100 тысяч до 300 тысяч голов. Это объясняется, с одной стороны, тем, что часть лошадей шла татарам в пищу, а с другой стороны, тем, что всадники имели возможность заменять усталых лошадей свежими, что значительно увеличивало скорость

передвижения войска.

В ходе подготовки к набегу татары запасались оружием, продовольствием, возможно большим количеством верховых лошадей. Татары очень легко одевались: рубаха из бумажной ткани, шаровары из нанки, сафьяновые сапоги, кожаные шапки, иногда овчинные тулупы. Вооружались татары только ручным холодным оружием, то есть брали с собой сабли, луки, колчаны с 18 или 20 стрелами, нагайки, служившие им вместо шпор, и деревянные жерди для временных шатров. Кроме того, к поясу привешивали нож, кресало для добывания огня, шило с веревочками, нитками и ремешками, запасались несколькими кожаными сырмятными веревками 10–12 метров длины для связывания невольников и астрономическим инструментом, заменявшим собой компас, для определения точек горизонта в безориентирной степи. Кроме того, каждый десяток татар брал с собой котел для варки мяса и небольшой барабанчик на луку седла. Каждый в отдельности татарин брал свирель, чтобы при необходимости созывать товарищей, привешивал деревянную или кожаную бадью, чтобы самому пить воду или поить из нее лошадь. Знатные и богатые татары запасались кольчугами, очень ценными и редкими у татар. Для собственного пропитания каждый татарин вез на своем коне в кожаном мешке некоторое количество ячменной или просяной муки, которую называли толокном, и из которой, с добавлением к ней соли, делали напиток пексинет. Кроме того, каждый татарин вез с собой небольшой запас поджаренного на масле и подсушенного на огне в виде сухарей теста. Но основной пищей татар в походе была конина, которую они получали во время пути, убивая изнуренных и негодных к бегу, а иногда и издохших коней. Из конины татары делали различные кушанья: смесь крови с мукой, сваренной в котле; тонкие круги мяса, пропотевшие и подогретые под седлом на спине коня в течение двух-трех часов; и большие куски мяса, сваренные с небольшим количеством соли, которые ели вместе с накипевшей от воды пеной в котле.

Вообще татары старались не обременять своих лошадей, поэтому больше заботились о них, чем о себе. «Коня потеряешь — потеряешь голову», — говорили они в этом случае, хотя в то же время мало кормили своих лошадей в пути, считая, что они без пищи лучше переносят усталость. С этой же целью татары одевали на своих коней самые легкие седла, которые в пути служили всаднику для различных целей: нижняя часть, называемая тургчио, то есть сбитый из шерсти войлок, служил ковром; основа седла — изголовьем; бурка, называемая капуджи или табунчи, при натягивании ее на воткнутые в землю жерди служила шатром.

Татары сидели на своих лошадях, согнувшись спиной, «подобно обезьянам на гончей собаке», потому что слишком высоко подтягивали к седлу стремяна, чтобы тверже, по их мнению, опираться и оттого крепче сидеть в седле. Сидя верхом, татары мизинцем левой руки держали уздечку, остальными пальцами той же руки держали лук, а правой рукой быстро пускали стрелы назад и вперед.

Встретив на своем пути реку, татары переплывали ее, сделав из камыша плот, который привязывали к хвосту лошади и на который клали все свое имущество. Сами же, раздевшись донага, хватались одной рукой за гриву коня, понуждая его к скорейшей переправе через реку, другой рукой гребли и быстро переправлялись с одного берега на другой. Иногда вместо импровизированных плотов татары применяли лодки, поперек которых клали толстые жерди, к жердям привязывали лошадей одинаковое число, для равновесия, с каждой стороны. Внутри лодки они складывали свои вещи и таким способом переправлялись через реку. Переправы татары совершали всем строем вдруг, растянувшись вдоль реки иногда километра на два.

Татарские лошади, называемые бакеманами, не подковывались. Только знатные вельможи и некоторые мурзы подвязывали своим коням толстыми ремнями вместо подков коровьи рога. Бакеманы в основном были малорослы, поджары и неуклюжи. Исключение составляли красивые и сильные кони знатных вельмож. Зато бакеманы отличались необыкновенной выносливостью и быстротой. Они в состоянии были проскакать в один день без отдыха и усталости 85-130 километров.

В походе татарин всегда имел трех и более коней: на одном сидел, а двух других вел с собой в поводу для перемены в случае усталости. Если какой-либо конь утомлялся, не мог нести всадника и даже следовать за ним, то такого бросали в степи и на обратном пути находили его в хорошем состоянии.

Сами всадники отличались легкостью, проворством и ловкостью. Несясь во весь опор на коне во время преследования врагом и чувствуя измождение коня под собой, татарин мог на всем скаку переброситься с одного коня на другого и мчаться безостановочно дальше. Конь же, освободившийся от всадника, тут же брал вправо и продолжал скакать рядом с хозяином, чтобы в случае усталости второй лошади, вновь взять хозяина на свою спину.

Походы татар были зимние и летние.

Зимние походы предпринимались, чтобы избежать лишних трудностей во время водных переправ и дать возможность некованным лошадям бежать

по мягкой снежной равнине. Для зимних походов выбиралось время около января или в январе, когда ровные степи покрывались глубоким снегом, и не было никакой опасности от гололедицы для татарских лошадей. В гололедицу татарские неподкованные кони скользили, падали, калечили себе ноги и оказывались бессильными против запорожской конницы. Кроме гололедицы, татары избегали и жестоких степных морозов, от которых они гибли сотнями и даже тысячами и спасались только тем, что разрезали брюха у лошадей, залезали во внутрь и грелись.

Число всадников, отправившихся в поход, зависело от того, какого звания было лицо, стоявшее во главе похода. Если шел сам хан, то с ним двигалось 80 тысяч человек. Если шел мурза, то 50 или 40 тысяч человек.

Перед началом похода делался подробный смотр войска, и только после этого позволялось выступить в поход. Вся масса войска двигалась не отдельными отрядами, а длинным узким рядом, растягиваясь на 4-10 миль, имея фронт в 100 всадников и 300 коней, а центр и арьергард — в 800 всадников или 1000 коней, при длине от 800 до 1000 шагов.

Во время наступательного похода, пока татары были в собственных владениях, они шли медленно, не более шести французских миль в день, хотя в то же время рассчитывали так, чтобы возвратиться в свои владения до вскрытия рек, всегда губительного для поспешно уходившего татарского войска, обремененного добычей и пленниками. Продвигаясь медленно вперед, татары в то же время применяли все меры предосторожности, чтобы обмануть сторожевых казаков и скрыть от них все следы своего передвижения. Для этого татары выбирали глубокие балки или низменные лощины, вперед отрядов высылали ловких и опытных наездников для поимки языков, при ночных остановках не разводили огней, завязывали морды лошадям, не позволяя им ржать. Ложась спать, привязывали лошадей арканами к рукам, чтобы можно было, в случае внезапной опасности, сейчас же поймать коня, сесть на него и бежать от неприятеля.

При общем движении татары время от времени останавливались, спрыгивали со своих коней, «pour donner loisir — leurs chevaux d'uriner»,?^[39] и лошади их в этом случае так были выдрессированы, что тотчас это делали, как только всадники сходили с них. Все это происходило «в полчетверть» часа, после чего всадники снова двигались в путь.

Медленность движения татар, страшная масса лошадей и людей, молчаливость и сдержанность их в пути, темное вооружение всадников наводили ужас даже на самых смелых, но не привыкших к такому зрелищу воинов.

Важным органом управления в Крымском ханстве являлся совет-

диван. В диван, кроме хана, входили его заместитель и наставник калги-султана, старшая жена или мать хана — ханша валиде, глава мусульманского духовенства ханства — муфтий, главные беки и огланы. Второго наследника хана называли нураддин-султаном.

В 30-е годы XV века между Днестром и Доном образовалась Большая орда Сейд-Ахмеда. Претендуя на лидерство среди татарских улусов, Орда Сейд-Ахмеда вела напряженную борьбу как против Волжской орды Улу-Мухаммеда, так и против Крыма. В создавшейся ситуации Сейд-Ахмед пытался то вытеснить Хаджи Гирея из Крыма, то ослабить хана Волжской Орды Улу-Мухаммеда, находясь при этом в союзе с правителем другого волжского улуса Кучук-Махаммедом.

Оказавшись в сложном положении, крымский хан в 1454 г. вступает с союз с турками, которые за несколько месяцев до этого захватили Константинополь и стали хозяевами Проливов. В следующем 1455 г. Хаджи Гирею удается наголову разгромить войско хана Сейд-Ахмеда.

Захват турками Проливов и усиление власти Хаджи Гирея в Крыму угрожало самому существованию генуэзских колоний. Последние два генуэзских корабля с боем прошли Проливы и 23 апреля 1455 г. вошли в гавань Кафы.

В июне 1456 г. была проведена первая совместная турецко-татарская операция против генуэзцев в Кафе. Эта акция закончилась подписанием мирного договора, согласно которому генуэзцы стали платить дань туркам и татарам.

А в мае 1475 г. турецкая эскадра под командованием верховного визиря Кедука-паши высадила десант в Кафинском заливе. С берега десант поддерживали татарские отряды Менгли Гирея. На пятый день Кафа пала. Город стал называть по-турецки — Кефе. Он стал главным опорным пунктом Турции в Крыму. Турецкие войска разгромили и заняли княжество Феодоро и все города южного побережья Крыма. С генуэзским присутствием в Крыму было покончено. Затем турки захватили Таманский полуостров.

Весной 1484 г. объединенные войска султана Баязида II и крымского хана Менгли Гирея напали на Польшу. 14 июля 1484 г. они захватили важнейший порт в устье Дуная — крепость Килию, 4 августа заняли Аккерман (современный Белгород-Днестровский) — крепость в устье Днестра. Теперь Турция и Крымское ханство владели всем побережьем Черного моря от устья Дуная до устья Днестра. Во всех завоеванных городах были оставлены большие турецкие гарнизоны. Крымские татары на захваченных землях образовали свое государство — Буджицкую Орду.

(Сх. 3)

23 марта 1489 г. Польша подписала мирный договор, по которому Турция оставляла за собой захваченные земли в Северном Причерноморье.

Таким образом, в конце XV века Турции удалось закрепиться в Крыму и Северном Причерноморье. Крымское ханство на 300 лет стало вассалом Турции. Большинству отечественных историков зависимость Крымского ханства от Османской империи представлялась минимальной. Кстати, также думали беи и простые татары. Дело в том, что интересы Турции и Крымского ханства в подавляющем большинстве вопросов совпадали. Фактически же ханство находилось на длинном, но жестком поводке Стамбула. Султан был религиозным главой крымских мусульман. Многие члены семьи Гиреев постоянно жили в Турции, и у султана всегда было в запасе несколько претендентов на ханский престол. Для ханства Стамбул являлся фактически единственным окном в мир. Турция была единственным скупщиком захваченных татарами пленных и награбленного имущества (если не считать выкупа за пленников). И, наконец, Турция была «крышей» разбойничьей конторы Гирей и К-. Не будь Османской империи, Россия и Речь Посполитая, поодиночке или объединившись, сумели бы покончить с этой «конторой» еще в XVI веке или, по крайней мере, в XVII веке.

Все это накрепко привязало Бахчисарай к Стамбулу, куда крепче, чем, к примеру, Алжир или Египет, которые формально были частями Османской империи.

В конце XV века крымские ханы усиливают контроль над Днепро-Бугским лиманом. В 80-х годах XV века татары в устье реки Тягинки построили небольшую крепость, но в 1493 г. литовское войско под началом черкасского воеводы Богдана Федоровича Глинского и царевича Издемира (Уздемира, брата Менгли Гирея), находившегося в то время на службе у великого князя литовского, уничтожили эту крепость.

Немного южнее этой крепости в 1492 г. крымские татары построили крепость Кара-Кермен, то есть Черный город, ставший основным опорным пунктом крымских татар на южном течении Днепра. Позже турки отобрали его у татар и назвали Ак-Чакум (Очаков). К началу XVI века этот район стал местом постоянных кочевий крымцев.

На крайнем западе владения Крымского ханства простирались до бассейна реки Синие Воды при ее впадении в Южный Буг. Восточной границей ханства был бассейн реки Миусс (Молочная вода), хотя до самого Миусса постоянные обиталища крымцев, как правило, не доходили. Наконец, в 1504–1506 гг. крымские татары построили на Таванском

перевозе через Днепр крепость Ислам-Кермень.

Заканчивая рассказ о крымских татарах, следует упомянуть и о польско-литовских татарах, мало известных нашему читателю. Несколько тысяч, а, по мнению некоторых авторов, и десятков тысяч татар переселились в Великое княжество Литовское во время правления великого князя Витовта (1392–1430 гг.). Причиной массового бегства татар в Литву стали многочисленные войны между Ордами. Витовт охотно принимал татар, которых он потом использовал в битвах с внешними врагами и непокорными феодалами. Так, сын хана Тохтамышша Джелал эд-Дин предводительствовал большим татарским отрядом в 1410 г. в битве при Грюнвальде.

Витовт и его приемники раздали значительную часть земель татарам в районах Вильно, Гродно, Трок, Лиды, Бреста и т. д., то есть на территории современной Литвы и Беларуси. Знатным татарам были пожалованы шляхетские привилегии почти в полном объеме. Татары получили право строить мечети в местах своего компактного проживания. Постепенно татары стали забывать свой язык и переходить на русский или польский. По одежде они почти не отличались от местных жителей — христиан.

Любопытно, что польские католические фанатики, свирепо расправлявшиеся с протестантами и православными, не трогали татар-мусульман. Причину этого объясняют слова пана Якуба Завиши, который в 1613 г. утверждал, что «ни еврейская, ни татарская секты не создавали никаких препятствий католицизму, ибо никто их веры не принимал».^[40] Подобного мнения придерживались и шляхта, и католический клир. Имели место даже случаи передачи татарам конфискованных земель православной церкви.

Литовские татары верно служили полякам и участвовали почти во всех карательных операциях против восставших крестьян и казаков.

Глава 4

Польское панство

Польское панство, как и запорожцы, представляет собой невиданное явление в мировой истории. Поначалу эволюция феодального строя в Польше XIII–XIV веков шла почти так же, как и в Западной Европе, но затем в большинстве европейских стран происходит усиление королевской власти (абсолютизм) и, соответственно, уменьшение привилегий и прав крупных феодалов. В Польше же процесс расширения дворянских вольностей дошел до абсурда.

«В хаосе, называемом древним польским правлением, господствовали четыре *стихии* или *силы*, подчиняя себе ход общественных дел. Эти четыре силы принадлежали богатым панам, католическому духовенству, женщинам и евреям, имевшим в руках своих все торговые обороты и все произведения земли, единственное богатство тогдашней Польши. — Влияние панов и духовенства чрезвычайно уменьшилось после падения Польши: но сила жидов и женщин, сила невидимая, сила неосязаемая, действующая скрытно, была еще весьма велика в ту эпоху, о которой я говорю. Евреи действовали умом, хитростью и деньгами; женщины подчиняли все своему влиянию, умом, любезностью и красотой. — Женщину с малолетства дрессировали к интригам (по-польски на *forsy*), как дрессируют канареек делать разные штуки. — На дворянские выборы (*seymiki*), во время суждения тяжб, искатели приезжали в город с женами, дочерьми, кузинами и их приятельницами, которые везли с собой полный арсенал нежных взглядов, сладких речей и всевозможных искушений. Поляки с материнским молоком всасывали в душу рыцарское уважение, повиновение и преданность к женскому полу. — Отказать в просьбе даме — почиталось или совершенной дикостью или непреклонностью Катона, а как Катоны везде и всегда весьма редки, то поляки владычествовали самовластно в своем отечестве.

Евреи составляли особое государство в государстве (*Status in Statu*). Общественные еврейские дела управлялись общинными правлениями или *кагалами*, которые имели между собой непрерывные сообщения, и в общем деле действовали всегда общими силами. — Если надобны были деньги для общего дела, *кагалы* налагали подать на общины, по-стольку, то с души, и в самое короткое время собирался миллион рублей, или сколько

было нужно. Эта денежная сила невидимо держала все в своей зависимости. Сверх того, евреи, посредством сношений между кагалами, знали все, что им нужно было знать, потому что богатые евреи, по торговым сношениям с панями, а избранные хитрецы факторством выводывали все тайны, между тем, как шинкари держали в рабстве слуг.^[41]

Жидаы никогда не переписывались через почту, в важных делах, но всегда через нарочных посланцев. Газет почти не читали в Польше, не доверяя печатным новостям, и евреи заменяли газеты. — Во время войны или политических переломов и борений, евреи держали всегда ту сторону, от которой надеялись получить для себя более пользы». ^[42]

Эти строки написаны в начале XIX века поляком Фаддеем Булгариным. Мы привыкли смотреть на него глазами Пушкина, но на самом деле Булгарин был очень умным человеком и прекрасно знал историю Польши, и не только по книгам, но и по семейным преданиям. В одном Пушкин прав: «беда, что скучен твой роман». Работая над книгой «Исторические портреты» (серия «Смутное время»), я еле заставил себя до конца прочесть роман Булгарина «Дмитрий Самозванец». А вот мемуары Фаддея Бенедиктовича весьма информативны, остроумны и легко читаются. А главное, что он точно охарактеризовал великий бардак в Польше, который начался в XV–XVI веках и длится с некоторыми вариациями и поныне.

Еще в 1422 г. В Червинске польский король Ягайло обещал не конфисковывать шляхетские имения без судебного приговора. В 1430 г. в Едльне и в 1434 г. в Кракове шляхта получила гарантии личной неприкосновенности — *neminem captivabimus nisi iure victum*. С этого времени шляхтич мог быть заключен в тюрьму только по приговору суда.

В XVI веке Польша получила название «Речь Посполитая» (*Rzeczpospolita*), являющееся буквальным переводом латинского *res publica*. И Польша действительно была республикой, где король правил, но не властвовал, а паны жили не по законам, а «по понятиям». Девизом польской шляхты стало выражение: «Только Бог нам и сабля».

Каждый король выдавал шляхте новые привилегии. В 1454 г. паны получили так называемые «Нешавские статуты», касавшиеся судопроизводства и законодательства. На освобождавшиеся по смерти места судьи, подсудка и писаря шляхта теперь могла выбирать четырех кандидатов, из которых король назначал одного. Старосты теперь могли судить шляхту только в четырех случаях, когда шляхтич будет схвачен на месте преступления: при убийстве, поджоге, воровстве и наезде. Таким

образом, шляхта освобождалась от суда королевских чиновников. Еще более важной была статья, помещенная в великопольской привилегии, а фактически распространившаяся на всю Польшу: ни опубликование нового закона, ни организация военного похода не могло произойти без согласия сеймиков; все, что должно было обязывать шляхту, подлежало ее предварительному обсуждению. Благодаря этой статье шляхта получала доступ к законодательной власти.

А в 1505 г. сейм принял закон (конституцию): «Nihil novi» («Ничего нового»), гласивший, что король не может установить ничего нового без *общего согласия* (sine communi consensu) сената и шляхетских послов.^[43]

Группы шляхтичей, а то и отдельные персонажи стали своим вето блокировать принятие большинства законов и срывать работу сеймов. Так, с 1652 г. по 1764 г. из 55 сеймов было сорвано 48, причем треть из них — голосом всего одного депутата.

Если шляхте не нравились действия короля, то она создавала конфедерацию, то есть союз шляхты, который избирал главу конфедерации — маршалка или гетмана. Конфедерация панов могла вести войну с иностранными державами, с другой группой панов или с королем. Никаких законов о созыве конфедерации в Речи Посполитой не было, и ее могла созвать в любое время любая группа магнатов, было бы желание и деньги.

В 1537 г. конфедерация шляхты, собравшаяся под Глинянами и предъявившая ультиматум королю Сигизмунду I, получила название «рокош». Позже «рокошем» стали называть войну шляхты против короля.

А в 1573 г. при избрании королем Польши французского герцога Генриха Валуа были приняты «Генриховы артикулы». Там среди прочего говорилось, что король не имеет права объявлять войну или заключать мир без воли сената. А отдельная статья (de non praestanda obedientia) освобождала народ от обязанности повиновения, если бы король нарушил его права.^[44] Таким образом, право «рокоша» было закреплено законом.

Итак, король мог объявить войну только с разрешения магнатов, но сами магнаты могли вести с помощью своих «частных» армий частные войны с соседними государствами и без санкции короля.

Вот, к примеру, Россия и Речь Посполитая 6 (15) января 1582 г. у местечка Запольный Ям после долгой войны подписали мирный договор. После этого несколько раз происходило подтверждение этого договора, небольшие уточнения и изменения. И лишь в сентябре 1609 г. польский король Сигизмунд III нарушил мир и двинул коронные войска к Смоленску

Тут возникает резонный вопрос, а почему уже 5 лет многие десятки тысяч польских панов и малороссийских казаков — подданных его величества Сигизмунда III, вели кровавую войну на Руси?

К сентябрю 1609 г. подданные Речи Посполитой убили сотни тысяч русских людей, из которых подавляющее большинство были мирными жителями, сожгли и разорили десятки городов на большей части Европейской России, и, в свою очередь, тысячи пришельцев сложили буйные головы в «варварской Московии». А между тем эти пять лет король считал себя в мире с москвитями. Что же произошло?

Да просто несколько магнатов во главе с Юрием Мнишеком пожелали посадить на московский престол самозванца — беглого монаха Григория, в миру Юшку Отрепьева. Сказано — сделано. Паны несколько месяцев собирали в Речи Посполитой многотысячную армию и в конце 1604 г. форсировали Днепр (русско-польскую границу) севернее Киева и двинулись к русскому городу Чернигову.

А как к этому отнесся его величество Сигизмунд III? Да никак! Ну, шалят паны, а вмешиваться в их личные дела вовсе не королевское дело.

Так что поход польских панов с Отрепьевым в Россию, окончившийся захватом Москвы в мае 1605 г., был лишь блестящим успехом частных армий польских магнатов, а не каким-то из ряда вон выходящим событием в политическом и юридическом отношении.

Так, только узкие специалисты-историки знают, что в 1590 г. семейство панов Вишневецких захватило, вопреки договорам короля с царем, довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сулы в Заднепровье. Князь Адам Вишневецкий плевать хотел и на Краков, и на Москву, а 13 лет вел «частную» войну с русскими воеводами. В конце концов Борис Годунов в 1603 г. приказал сжечь спорные городки, а жителей их эвакуировать в глубь России.

В 1605 г. часть панов захватила Москву, а часть, оставшаяся в Польше, учинила рокош и пару лет воевала с королем Сигизмундом. Что поделаешь — «Польша сильна раздорами!»

В Речи Посполитой королевская власть была выборной, а не передавалась по наследству, как в других монархиях. Но польские паны предпочитали избирательным бюллетеням сабли. Начиная с XVI века на очередные выборы короля с севера, запада и с юга в Польшу устремлялись стройные колонны «избирателей» с пушками и мушкетами. В начале XVIII русские монархи решили, что они ничем не хуже шведов, саксонцев, пруссаков, французов и прочих, и стали тоже направлять свой «электорат» в Польшу для поддержки нужного кандидата на престол.

Да что выборы короля! Польские паны и в личной жизни жили не по законам, а по понятиям. Сильный пан мог отнять у более слабого соседа землю, хлопов, любимую женщину и при этом он плевать хотел на королевскую власть.

По польским законам помещик имел законное право убить или даже учинить квалифицированную казнь своему крепостному, однако за лишение жизни чужого крепостного он подвергался денежному штрафу. Но реально богатый шляхтич мог убить не только чужого крестьянина, но и горожанина, и даже бедного шляхтича и игнорировать решение суда, а чаще всего и суда то не было.

Крупные магнаты прекрасно знали французский язык и литературу, их жены и дочери одевались по последней парижской моде, но это не мешало «его светлости» по своей прихоти устроить виновному или невинному человеку квалифицированную казнь, от которой содрогнулись бы и отцы-инквизиторы, и Малюта Скуратов. Замечу, что в России в царствование Елизаветы Петровны не было приведено в исполнение ни одного смертного приговора.

В 70-х годах XVIII века литовский магнат князь Карл Радзивилл спьяну приказал своим мастерам отчеканить несколько сот червонцев. Внешне они походили на обычные монеты. Но под гордым профилем короля красовалась надпись: «Король Понятовский, дурак по Божьей милости» (Krol Poniatowski, kiep z laski Boskiey). Затем червонцы были пущены в оборот. Где-нибудь во Франции Радзивилл угодил бы на колесо сразу по нескольким статьям — от изготовления фальшивых денег до оскорбления королевского величества. А в Польше все лишь посмеялись над бедным королем Стасем.

Беспредел панства усиливался беспределом католической и униатской церквей. На сейме 1620 года волынский депутат Лаврентий Древинский открыто заявил: «Каждый видит ясно, какие великие притеснения терпит этот древний русский народ относительно своей веры. Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях нет монахов — там скот запирают; дети без крещения умирают; тела умерших без церковного обряда из городов, как падаль, вывозят, мужья с женами живут без брачного благословения; народ умирает без исповеди, без приобщения. Неужели это не самому Богу обида и неужели бог не будет за это мстителен? Не говоря о других городах, скажу, что во Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; мертвое тело погребать, к больному с тайнами христовыми открыто идти нельзя. В Вильне, когда хотят погребсти тело

благочестивого русского, то должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечистоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьмы сажают».^[45]

Некий проходимец Иосафат Кунцевин, сын сапожника, где-то раздобывший шляхетскую родословную, стал владыкой униатов в Полоцке. Он велел закрыть (опечатать) все православные церкви в Полоцке, Витебске, Орше и Могилеве. Православные попы были насильственно выселены из этих городов. В результате горожанам приходилось устраивать службы по воскресеньям и в другие церковные праздники в поле за городом. Наконец, Кунцевич приказал выкопать из могил покойников, захороненных на кладбище по православному обряду, и бросить их на поживу собакам. Я здесь пересказал часть жалобы белорусской шляхты польскому сейму.

Поведением Кунцевича был возмущен даже литовский канцлер Лев Сапега. 12 марта 1622 г. он писал полоцкому владыке: «Уличают вас жалобы, поданные на вас в Польше и Литве. Разве неизвестен вам ропот глупого народа, его речи, что он лучше хочет быть в турецком подданстве, нежели терпеть такое притеснение своей вере-.. Поступки ваши, проистекающие более из тщеславия и частной ненависти, нежели из любви к ближнему, обнаруженные в противность священной воле и даже запрещению республики, произвели те опасные искры, которые угрожают всем нам или очень опасным, или даже всеистребительным пожаром... Если бы вы посмели сделать что-нибудь подобное в Риме или Венеции, то вас бы научили там, какое надобно иметь уважение к государству... Говорите, что вольно вам неуниатов топить, рубить: нет, заповедь господня всем мстителям строгое сделала запрещение, которое и вас касается».^[46]

12 ноября 1623 г. по всему Витебску ударили колокола, толпы вооруженных горожан вышли на улицу. Архиепископ Кунцевич был буквально растерзан горожанами.

Римский папа Урбан VIII 10 февраля 1624 г. откликнулся на события письмом к королю Сигизмунду III: «Непримиримый враг католической религии, ересь схизматическая, чудовище нечестивых догматов, вторгается в соседние провинции и, хитро прокравшись в совещания козацкие, вооружившись силами храбрейших воинов, осмеливается защищать дело сатаны и грозить гибелью православной истине... Да будет проклят тот, кто удержит меч свой от крови! Пусть ересь почувствует, что ей нет пощады».^[47]

В Витебск прибыли польские войска во главе с Львом Сапегой и

устроили кровавую расправу над горожанами. Два бурмистра и 18 горожан погибли на плахе, а имущества их были конфискованы. Около ста горожан, спасшихся бегством, приговорены к смерти и имущества их также конфискованы. Город потерял все свои привилегии. Ратуша была разрушена. Колокола, в которые били в набат, поднимая народ против епископа, были сняты, две православные церкви разрушены.

Любопытно, что уже через год после смерти Рим признал отца Иосафата блаженным, а в 1867 г. папа Пий IX объявил его святым. После Второй мировой войны мощи «мученика» перевезли из Вены, где они хранились, в Рим, и в 1963 г. погребли в главном храме католиков всего мира — соборе святого Петра в алтаре Василия Великого.

Эпизод с Кунцевичем получил широкую огласку из-за того, что в деле были замешаны важные персоны, но подобное происходило по всей Речи Посполитой.

Надо заметить, что от католических фанатиков страдали не только православные русские люди, но и протестанты (в основном немецкого происхождения). Так, например, в 1724 г. в городе Торунь (германский город Торн, захваченный поляками) молодые польские паны буквально терроризировали местных протестантов. В ответ протестантская молодежь устроила погром в иезуитском колледже. Подобные инциденты нередки и в XXI веке в Западной Европе — вражда студентов двух университетов перерастает в погром учебного здания. Финал — краткосрочные административные аресты и денежные штрафы.

А вот польский суд приговорил бургомистра Резнера и девятирех мещан к смертной казни, несколько десятков участников погрома были приговорены к тюремному заключению или денежным штрафам. Суд распорядился отдать протестантский молитвенный дом монахам-бернардинцам и закрыть в округе Торуня лютеранские школы.

У населения Малой и Белой Руси не меньшее, чем религиозные преследования, раздражение вызывал экономический гнет, а также грабежи со стороны польских панов. Украинский историк-националист, гражданин Канады Орест Субтельный писал: «На земледельцах-магнатах лежит и огромная доля ответственности за напряженность и нестабильность, ставшие хроническими болезнями украинского общества».

В то время в Украине действовал один закон и одно правило — закон и право сильного. К насилию прибегали прежде всего сами магнаты — при малейшем конфликте со своими подданными и друг с другом. При слабости королевской власти царили эгоизм и анархия. Даже сами поляки вынуждены были признавать: „На Украине правит беззаконие“.

Склонность магнатов к применению грубой силы ярче всего проявлялась в их отношении к крестьянству. Как мы помним, на первом этапе освоения целинной степи землевладельцы заманивали к себе крестьян, учреждая на определенный срок свободные от повинностей слободы. Но когда все сроки истекли, магнаты набросились на крестьян, как голодные звери, отвечая на малейшие попытки сопротивления жестким насилием и все больше зверея по мере того, как им удалось гасить очаги крестьянских волнений...

Пахари новоосвоенных земель, еще не забывшие вкус свободы, отныне должны были трижды или четырежды в неделю работать „на пана“. А в придачу землевладельцы выдумывали все новые и новые службы и повинности, к тому же и королевская казна требовала уплату за дом, скотину и хозяйство. Но хуже всего приходилось крестьянину, когда магнат сдавал свои владения в аренду — а к этому ненавидимому крестьянами способу управлять своими землями украинские помещики прибегали довольно часто. Условия аренды заключались в следующем: арендатор регулярно выплачивал землевладельцу твердо установленную сумму, а все, что удавалось выжать из крестьян сверх того, забирал себе...

К 1616 г. более половины принадлежавших польской короне украинских земель были арендованы евреями. У одних только князей Острожских было 4 тыс. евреев-арендаторов. Вкладывая собственные деньги в аренду и получая ее всего на два-три года, они были заинтересованы в получении за столь короткий срок максимальной прибыли, а потому нещадно эксплуатировали и земли, и крестьян, вовсе не интересуясь последствиями. Нередко арендатор требовал, чтобы крестьяне работали „на пана“ уже не три-четыре, а шесть или даже все дни недели, и челядь магната силой выгоняла их в панское поле.

Другой формой аренды стало приобретение монопольного права на производство и продажу табака и алкоголя. Монополист-арендатор мог требовать с крестьян любую плату за эти столь высоко ценимые ими товары — и надо ли говорить, что это не прибавляло ему популярности... По выражению английского историка Нормана Дейвича, именно участие евреев в эксплуатации украинского крестьянства польской шляхтой „было главной причиной той страшной расплаты, что не единожды ожидала их в будущем“». ^[48]

А вот типовой договор польского феодала с арендатором: «Дали мы, князь Коширский, лист жиду Абрамку Шмойловичу. По этому арендному листу имеет он, жид, право владеть нашими именьями, брать себе всякие доходы и пользоваться ими, судить и рядить бояр путных, даже всех

крестьян виновных и непослушных наказывать денежными пенями и смертью». ^[49]

Согласно летописи начала XVII века, паны и их арендаторы взимали подати «дуды, повивачное, огородщица, подымное, поголовщина, очковое, ставщина, сухотельщица, пороховщица, пересуды и аренды, а сверх того от всякого скота и от пчел девятая часть, от рыбных ловель урочное». «По толкованию самого летописца, каждая из этих даней означала: дани, взимаемые жидами, были следующие — от игrania на дудке, свирели, скрѣпке и прочее; от детей новорожденных за повияч 200, от всяких садовых и огородных плодов 200, от каждой хаты 5, подушный оклад 10, от вступления в брак 6, от улья пчел 2, от рыболовни, из стодола 10, от ветряных мельниц и жерновов 20, судные посулы, т. е. позов для судящих 29; особо за откуп жидами церквей божиих, а также и всяких питейных статей; пороговщина от каждого рога волового; от рога коровьего — девятая доля». ^[50]

В первой половине XVII века русские земли в составе Речи Посполитой (современные Украина и Беларусь) лишились... своего дворянства. Потомки князей Рюриковичей и старого черниговского, полоцкого и иного боярства приняли католичество и обычаи поляков. Польский язык и польская культура стали для них родными. Предки того же Фаддея Булгарина, русские дворяне, приняли католичество в начале XVII века.

Возьмем, к примеру, знаменитый православный род Вишневецких. Константин Иванович Вишневецкий, присягая в 1569 г. Люблинской унии, просил короля от имени всех волынских магнатов «не принуждать их к другой вере». А вот его сын Константин Константинович по наущению иезуитов в 1595 г. перешел в католичество, а в 1605–1618 гг. был активным участником интервенции в Россию. Юрий Михайлович Вишневецкий, староста камецкий, Каштелян киевский, перешел в католичество в 1600 г. Наконец, знаменитый гонитель православия Иеремия (Михаил) Вишневецкий был соблазнен иезуитами в 19 лет и перешел в католичество в 1631 г.

Уже к концу XVII века русское дворянство полностью растворилось в польском. Потомки древних русских родов вообще не знали русского языка, а общались по-польски и по-французски. Наконец, частые браки с польскими дворянами также способствовали полному растворению русской аристократии среди поляков.

Потомки князей Рюриковичей и Гедиминовичей угнетали народ в

Малороссии не меньше, чем пришлое поляки. «Над всем этим разношерстным населением вновь освоенных территорий, как небо над землей, возвышались сказочно богатые магнаты. Самыми могущественными среди них были такие полонизированные украинские династии, как Вишневецкие, Острожские, Зларажские и Корецкие, а также чистокровные поляки — Замойские, Конецпольские, Калиновские, Оссолинские и Потоцкие. К началу XVII в. их громадные латифундии охватывали большую часть пограничья. Так, в Брацлавском воеводстве из общего количества 65 тыс. дворов 60 тыс. принадлежало 18 магнатским семействам. Богатейший магнат Ярема (Иеремия) Вишневецкий — внучатый племянник прославленного Байды — только на Киевщине владел 7,5 тыс. имений и вдобавок контролировал почти всю Полтавщину. По некоторым подсчетам, на его землях проживало около 230 тыс. крестьян. Никогда, пожалуй, ни один помещик не только в Речи Посполитой, но и всей Европе не имел столь обширных владений. Более того, множество суверенных князей и герцогов тогдашней Западной Европы далеко отставали от польско-украинских магнатов по размерам своих государств и числу проживающих в них жителей. Так что недаром магнатов часто называли „королями“.

Собственно говоря, они и жили по-королевски, и поступали как суверенные владыки, процветая в великолепных дворцах, украшенных голландской живописью и восточными коврами, окруженные пышным двором, охраняемые собственными армиями, не боясь короля, не считаясь с законами королевства. Так, один магнат, некий Лящ, известный своим жестоким обращением с крестьянами, грубо досаждал и дворянам, за что 236 раз приговаривался к ссылке. Но благодаря поддержке других могущественных магнатов ни один из этих приговоров так и не был приведен в исполнение, а Лящ обнаглел настолько, что приказал сшить себе костюм из постановлений королевского суда и являлся в нем ко двору короля. Этот пример, пусть даже исключительный, показывает, насколько возросли мощь и спесь магнатов и как низко упала королевская власть».^[51]

Внимательный читатель уже, наверное, заметил, что я стараюсь побольше цитировать украинских историков-националистов, дабы избежать обвинений в предвзятости.

Глава 5

Против басурман и ляхов

Как уже говорилось, первая Запорожская Сечь была основана Дмитрием Вишневецким на острове Малая Хортица. После ее разрушения казаки устроили небольшую Сечь на острове Томаковке. Остров имел и другие названия — Бучки, Буцкий и Городище. Последнее название говорит о том, что там было поселение еще в домонгольский период. Положение острова Томаковки в стратегическом отношении было весьма удобно: он располагался среди низменной плавни и со всех сторон охватывался реками и речками. Длина береговой линии острова немного более 6 км. Как писал Д. И. Яворницкий: «Следы пребывания запорожских Козаков на острове Томаковке сохранились и по настоящее время, в виде небольшого укрепления, расположенного у южной окраины его, формы правильного редута. Редут этот состоит собственно из трех траншей: восточной, 49 сажен длины; западной, 29 сажен длины; и северной, 95 сажен длины, со входом в последний на 45-ой сажени, считая по направлению от востока к западу; вместо южной траншеи служит берег самого острова... Центр всего укрепления взволнован небольшими холмиками и изрыт ямами; последние — дело рук кладоискателей, которые ищут какого-то огромного клада, зарытого будто бы на острове Томаковка...

Еще не так давно, в 1872 году, один из любителей старины, протоиерей местечка Никополя, Иоанн Карелин, видел на острове Томаковке кладбище с надгробными песчаниковыми крестами, на которых сделаны были надписи, указывавшие на сокрытых под ними запорожцев. В настоящее время ни один из этих крестов не уцелел: все они разобраны крестьянами для фундаментов под дома и амбары». ^[52] (Сх. 4)

После гибели Вишневецкого запорожские казаки продолжали нападать на турок и татар. Тут надо заметить, что мы говорим сейчас только о запорожцах, но их нападения на татар были по масштабам на порядок или два меньше, чем нападения татар на Московское государство и Речь Посполитую. Так что, по большому счету, это была лишь самооборона.

В 1574 г. флотилия запорожских чаек с кошевым атаманом Фокой Покатило прошла Черным морем до Днестровского залива, где казаки сожгли город Аккерман. Одновременно донские казаки напали на Азов. Не

сумев взять крепость, они основательно пограбили окрестности и захватили несколько турецких судов. Судя по всему, поход донцов был согласован с запорожцами. (Сх. 5)

В том же году в плен к туркам попал казацкий атаман Самойло Кошка. Он на нескольких чайках пиратствовал в Черном море, не подчиняясь казачьим властям. Турки отправили Кошку на галеры, где он пробыл целых 25 лет.

В 1575 г. запорожцы со своим гетманом Богданом Ружинским совершили большой морской поход в Крым. Они разорили Гезлев (Козлов, Евпатория) и Кафу (Феодосия).

Сам Ружинский, как и Вишневецкий, был не казаком, а потомком великого князя литовского Гедемина. Прозвище (фамилию) Богдан Ружинский получил по городку Ружину Владимирского повета.

Возможно Ружинский и числился на королевской службе, но получал жалованье от Москвы. Еще до вторжения в Ружинского в Крым московский посол дьяк Матвей Иванович Ржевский доносил Ивану Грозному: «Приехал к царю крымскому с Днепра козак с вестями: на Днепр прислал московский государь к голове, к князю Богдану Рожинскому, и ко всем козакам днепровским с великим своим жалованьем и приказал к ним: если вам надобно в прибавку козаков, то я к вам пришлю их, сколько вам надобно, и селитру пришлю, и запас всякий, и вы должны идти весной непременно на крымские улусы и к Козлову. Голова и козаки взялись государю крепко служить и очень обрадовались государской милости».^[53]

Яворницкий писал: «Богданко [Ружинский] воспользовался случаем, когда татары, в октябре месяце 1575 года, по повелению султана Амурата, мстившего Польше за помощь Сверчовского Ивоне, бросились, в числе 11 000 человек „на Русь“, произвели в ней страшные пожары, захватили множество христиан в плен и погнали их на переправу к Днестру. С отборной дружиной неустрашимых козаков Богданко ворвался в татарские владенья за Перекоп, опустошил страну огнем и мечем, освободил много христианских пленников из неволи, а пойманных туземцев предал лютейшей казни: козаки Богданка мужчинам выкалывали глаза, женщинам резали груди, детей безжалостно убивали».^[54]

Обычно после набега на Крым казаки возвращались домой на Днепр и Дон, но тут Ружинский рискнул пересечь Черное море и захватить порт Трапезунд, а потом Синоп. Причем, Синоп был разрушен до основания. Дальше казаки отправились к Босфору и основательно пограбили окрестности Стамбула. На обратном пути Ружинский осадил турецкую

крепость Ислам-Кермен. Казаки устроили подкоп под стены крепости, но с количеством бочек пороха они явно переусердствовали. Взрыв оказался сильнее, чем рассчитывали, стены и башня рухнули, но при этом погибло несколько казаков, включая Ружинского.

Через несколько лет после Ружинского в море на чайках вышел атаман Демьян Скалозуб с пятью тысячами казаков. Казаки сумели скрытно пройти мимо Ислам-Кермена и Очакова. Затем флотилия разделилась — часть казаков во главе с войсковым писарем Богуславцем напала на Кафу, в другая, возглавляемая Скалозубом, ушла к Керчи. В Керченском проливе казацкие чайки столкнулись с турецкими галерами и были разбиты, Скалозуб попал в плен и был уморен голодом в Стамбуле. Богуславец также оказался в плену, но, по некоторым данным, жена турецкого паши Семира освободила писаря и бежала вместе с ним на Украину. Вернувшись домой, Богуславец крестил свою спасительницу и женился на ней.

Летом 1588 г. флотилия чаек с 1500 казаками ограбила побережье Крыма между Гезлевым и Перекопом. В том месте из-за мелководья чайки были практически недостижимы для османских кораблей.

Следующим летом атаман Захар Кулага с 800 запорожцами вновь появился в Гезлеве. В море им удалось захватить большой турецкий корабль. Используя этот корабль, казаки захватили Гезлев. В самый разгар грабежа на них напал отряд татар во главе с Фети Гиреем. Во время боя 30 казаков попали в плен, сам Кулага был убит, остальные же удалось уйти на чайках в море. Однако казаки, разгоряченные грабежом и раздосадованные неудачным боем, и не думали возвращаться домой. Часть их ушла грабить Белгород, а остальные отправились вокруг Крыма к Азову, где им улыбнулась удача — казаки захватили бухарский караван и взяли в плен 300 человек.

Несколько слов стоит сказать и о казацких судах — чайках. Французский инженер Боплан, побывавший у запорожцев, так описал их: «Лодка строится за две недели. Основой служит ивовый или липовый челн длиной в 45 футов (13,7 м), на него набивают из досок борты так, что получается лодка в 60 футов (18,3 м) длины, 10–12 футов (3–3,7 м) ширины и такой же глубины. Кругом челн окружается валиком из плотно и крепко привязанных пучков камыша. Затем устраивают два руля, сзади и спереди, ставят мачту для паруса и с каждой стороны по 10–12 весел. Палубы в лодке нет, и при волнении она вся наполняется водой, но упомянутый камышовый валик не дает ей тонуть. Таких лодок в течение двух-трех недель 5–6 тысяч казаков могут изготовить от 80 до 100.

В каждую лодку садится 50–70 человек. На бортах лодки укрепляются

4–6 небольших пушек. В каждой лодке квадрант (для определения направления пути). В бочках провиант — сухари, пшено, мука. Снарядившись таким образом, плывут по Днепру; впереди атаман с флагом на мачте. Лодки идут так тесно, что почти касаются одна другой.

На устье Днепра обыкновенно держат свои галеры турки, чтобы не пропустить казаков, но последние выбирают темную ночь во время новолуния и прокрадываются через камышовые заросли. Если турки заметят их, начинается переполох по всем землям, до самого Константинополя; султан рассылает гонцов по всем прибрежным местностям, предостерегая население, но это помогает мало, так как через 36–40 часов казаки оказываются уже в Анатолии (на малоазиатском побережье). Пристав к берегу, они оставляют около каждой лодки на страже двух казаков и двух помощников („джур“), а сами, вооружившись ружьями, нападают на города, завоевывают их, грабят, жгут, удаляясь от берега на целую милю, и с добычей возвращаются домой.

Если случится им встретить галеры или другие корабли, они поступают так. Чайки их поднимаются над водой только на 2,5 фута (0,75 м), поэтому они всегда скорее замечают корабль, чем тот их заметит. Увидя, они опускают мачту, заходят с запада и стоят так до полночи, стараясь только не упустить из виду корабля. В полночь гребут из-за всей силы к кораблям, и половина их готовится к бою, чтобы, причалив к кораблю, броситься на abordаж.

Неприятель внезапно видит 80-100 лодок вокруг корабля, казаки вдруг наполняют его своими людьми и овладевают. Завладев, забирают деньги и удобоперевозимые вещи, также пушки и все, что не боится воды, а сами корабли вместе с людьми топят». ^[55]

Запорожские казаки ходили походами не только на Черное море, но и на Волгу и Каспий. К сожалению об этих походах осталось крайне мало данных. Так, в 1580 г. хан большой ногайской орды Урус жаловался Ивану Грозному на нападения казаков на ногаев на Нижней Волге. Иван Грозный отвечал: «На Волге многие литовского короля литовские казаки живут, Федька Безстужев с товарищи. А приходят с Днепра. И приходят твоих людей громят. И литовский король с вами ссорити. И мы велели послати из Астрахани на Дон. И на Волгу тех воров сыскивати. А сыскав, велели их казнити». ^[56]

Понятно, что речь идет о запорожских казаках. Однако никаких других данных об атамане Федоре Бесстужеве автору найти не удалось.

Действия запорожцев на Каспии трудно отделить от операций донских

и волжских казаков. Так, например, в 1631 г. тысяча донских и запорожских казаков встретились в устье Волги с тысячей яицких казаков и отправились на Каспий «добывать зипуны».

После принятия Люблинской унии в 1569 г. малороссийские казаки оказались лишним сословием в Речи Посполитой, где доселе существовало лишь три сословия — шляхетское, мещанское и хлопское. Дворяне и слышать не хотели о принятии казаков в их сословие, а идти в хлопы или мещане не хотели сами казаки.

В 1578 г. король Стефан Баторий определил жалованье шести сотням казаков и разрешил им разместить в городе Трахтомирове свой госпиталь и арсенал. За это казаки согласились подчиняться назначенным королем офицерам-дворянам и воздерживаться от самовольных нападений на татар, сильно осложнявших ведение внешней политики Речи Посполитой. По заведенным правилам все шестьсот казаков были занесены в специальный список — реестр. И с тех пор эти зарегистрированные, «реестровые», казаки стали использоваться не только для охраны границ от татар, но и для контроля за «нереестровыми».

В 1589 г. количество реестровых казаков достигло уже трех тысяч. В основном это были оседлые, семейные, хорошо устроенные казаки, часто обладавшие значительной собственностью. К примеру, завещание некоего Тишки Воловича включало дом в Чигирине, два имения с рыбными прудами, леса и пастбища, 120 ульев и 3 тысячи золотых слитков (из них тысяча в залоге под большие проценты). Нереестровые городовые казаки были существенно беднее реестровых.

В 1593 г. начинается первое большое казацкое восстание против польских панов. Обратим внимание на повод к восстанию, он будет повторяться и потом.

В конце 80-х годов XVI века польский сейм за успешные действия против турок и татар наградил казацкого гетмана Криштофа Косинского поместьем на реке Рось. По происхождению Косинский был шляхтичем из Полесья, исповедовал православие. Он действительно отличился во многих сражениях и был хорошо известен в Варшаве и Москве.

Однако имение на реке Рось приглянулось белоцерковскому старосте Янушу Острожскому. Как истинному шляхтичу пану Янушу было плевать на какой-то там сейм. Он взял да и захватил силой имение Косинского. Но тут «нашла коса на камень». 19 декабря 1591 г. отряд реестровых и низовых (запорожских) казаков под руководством Косинского напал на Белоцерковский замок. Замок был взят. Повстанцы захватили несколько пушек и мортир.

Вслед за Белой Церковью Косинский овладел Триполем и Переяславлем. Он осадил Киев, но взять его не смог.^[57] (Сх. 6)

Весной 1592 г. восставшие казаки отправились на Волынь и в Подолию и расположились в имении князя Константина Острожского Острополе. Стоя в Острополе, Косинский взял еще несколько городов, принадлежавших князю Острожскому, и опустошил их. Главной задачей Косинского было насаждение везде «казацкого присуда» вместо панского, то есть распространение казацкого суда на шляхту, мещан и селян.

Косинский все лето простоял безбоязненно в Острополе, а в августе против него выступил князь Константин Острожский, но был разбит казаками и потерял свою частную армию. После этого Косинский спокойно простоял в Острополе и всю осень 1592 года.

Поляки несколько раз собирали сеймы, чтобы принять меры против Косинского. Лишь на сентябрьском сейме 1592 г. паны решили отправить против казаков коронное войско. Кроме того, Константин Острожский набрал новую частную армию и пополнил ее наемной венгерской пехотой.

К началу 1593 г. все польские войска сумели соединиться. Косинский же покинул Острополь и пошел к местечку Пятке вблизи города Чуднова на Житомирщине. Казаки перед Пяткой устроили табор из повозок и заняли в нем оборону. Дойдя до казацкого табора, поляки долго не решались напасть на него и думали об отступлении. С большим трудом Янушу Острожскому удалось заставить их пойти в атаку. Тем не менее, 21 января 1593 г. поляки овладели табором, а казаки отступили к городу. По польским источникам казаки потеряли до 3 тысяч человек и 26 пушек.

31 января 1593 г. казаки капитулировали в Пятке. В этот день Острожский от имени панского войска и гетман Косинский с войсковым писарем от имени реестра подписали соглашение. Реестровые казаки должны были немедленно лишить Косинского гетманской булавы, держать на Запорожье постоянный гарнизон, вернуть в замки все захваченное там оружие. Наконец, и этот пункт паны считали главным, реестровцы обязывались не проживать и не причинять никакого ущерба («кривд жадных») «в державах княжат (Острожских)... и маетностях приятель их... княжати Александра Вишневецкого... и державах слуг их милости», то есть в магнатских и шляхетских владениях. Кроме того, реестровые казаки обещали исключить из войска всех, кто вступил в него во время восстания.

Однако Косинский не считал игру законченной. Он отправил верного казака в город Черкассы, где стал набирать новое войско. Мало того, Косинский вступил в сношения с Москвой на предмет похода на турок. Царь Федор Иоаннович послал грамоты путивльским ратникам и донским

казакам идти на соединение с гетманом «Христофом Косицким».

Черкасский староста Александр Вишневецкий доносил в Варшаву, что царь послал запорожцам сукна и деньги.

Ну, донос — доносом, а сам Вишневецкий приказал своим шляхтичам и слугам убить Косинского. Они явились на вечеринку, затеянную казаками в корчме в Черкассах. Убийцы затеяли ссору и внезапно схватились за сабли. Косинский и несколько казаков были убиты.

Понятно, что со смертью Косинского борьба казаков против ляхов не прекратилась. Осенью 1593 г. запорожцы вновь подступили под Киев, но из-за большого набега татар были вынуждены уйти вниз по Днепру для защиты Нижнего Днепра. Кроме того, у казаков не было вождя, но таковой вскоре появился.

Жила-была в городе Остроге семья мещанина Наливайко. У него было два сына, Старший Дамиан (Демьян) состоял придворным попом у князя Константина Острожского. А младший Северин служил пушкарем в частной армии у того же Константина Острожского и отличился в войне Острожского против казаков Косинского. Все бы было хорошо. Отличил бы его пару раз Острожский, и стал бы Северин польским шляхтичем, и воевало бы его потомство 400 лет с Россией, а сейчас служило бы в войсках НАТО. Но судьба-индейка распорядилась иначе. У старика Наливайко был небольшой участок земли в Гусятине. Он приглянулся богатому шляхтичу Калиновскому. Пан, не долго думая, захватил надел, а старика велел избить палками так, что тот на следующий день отдал Богу душу.

Узнав о гибели отца, Дамиан нашел утешение в монашестве, а Северин взялся за саблю. Для начала «Наливайко составил около себя вольницу людей из разного народа, иногда беглецов и преступников, и с ними действовал против турок и татар».^[58] Ему удалось разбить несколько татарских отрядов, шедших через Малороссию в поход на Венгрию, и захватить богатую добычу, в том числе от 3 до 4 тысяч лошадей. (Татары вели в поход множество запасных коней). Думаю, что попутно Северин пограбил и панов. Далее он делает очень грамотный ход — отправляет часть добычи в Сечь к запорожцам.

Тут я сделаю маленькое отступление. В 1593 г. татары разрушили Сечь на острове Томаковке, но казаки построили новую Сечь на острове Базавлук, недалеко от речки Чортомлыка. В конце XIX века историки не могли установить точно, какой из нескольких островов звался Базавлук, и где с 1593 г. по 1637 г. находилась третья Сечь. (Сх. 7)

Но вернемся к посланцам Наливайки, которые прибыли в Сечь 1 июля 1594 г. Откуда такая точность? Как мы узнаем из знаменитого письма

турецкому султану, календаря запорожцы не жаловали. Да просто тогда в Сечи находился посол германского императора Рудольфа II Эрих Ласота. Прибыв в Сечь, посланцы Наливайки прежде всего испросили прощение у запорожских казаков от имени Наливайки за то, что он воевал против Косинского. А главное, Северин пообещал из собственных трофеев подарить казакам 1500 лошадей. Запорожцы не могли устоять перед таким подарком и резонно учли, что Наливайко состоял на службе Острожского задолго до начала войны с казаками и по феодальному праву не мог бросить своего воеводу в беде. В итоге запорожцы признали Наливайку казаком и заключили с ним союз.

Сам Наливайко стал вести себя как настоящий польских шляхтич. Он силой занял замок в Брацлове и выгнал оттуда старосту Юрия Струся. Мало того, Наливайко обложил налогом окрестную шляхту. Но, обратим внимание, король еще не считал его мятежником и не посылал на него коронное войско.

«Наливайко с козаками стал делать наезды на шляхту и во время этих наездов жестоко отмстил пану Калиновскому, обидчику своего отца. Наливайко чувствовал неугасимую ненависть к Калиновскому и, объясняясь по этому поводу впоследствии с королем Сигизмундом III, высказал, что то была самая тяжкая из обид и самая непоправимая для него из всех потерь: „Ведь отец-то у меня был один!“ Король требовал от Наливайки, чтобы он распустил свою ватагу и не делал обид населению, но Наливайко не обращал внимания на это приказание и все больше и больше стягивал к себе охотников до всякого рода приключений и войны.

Собрав около себя значительный отряд, Наливайко, наконец, оставил Брацлав и со своим отрядом направился в Килию. Он напал на город Тягин; город взял и сжег его, но крепости взять не мог и покинул ее. Отступив от Тягина, он распустил своих козаков загонами по нижнему Бугу и Пруту; тут он сжег более 500 турецких и татарских селений, захватил до 4000 обоего пола турецкого и татарского ясыря и с богатой добычей повернул назад. Но на обратном пути он наткнулся, при переправе через реку Днестр, на семитысячный отряд войска с молдавским господарем Аароном во главе и, в схватке с ним, потерял большую часть своей добычи и нескольких козаков, за что свято поклялся отомстить коварному господарю. И точно, возвратясь в Брацлавщину, Наливайко вошел в сношения с Лободой и запорожцами и, в сентябре месяце 1594 года, предпринял второй поход против турок в Молдавию. У союзников было 12 000 человек козаков и 40 хоругвей с двумя цесарскими серебряными орлами на двух из хоругвей. Предводителем войска был Лобода, помощником его — Наливайко. Козаки

переправились через Днестр под Сорокой и направились в северную Молдавию. Прежде всего они сожгли крепость Цоцору; потом у Сучавы разбили господаря Аарона и заставили его бежать в Волощину, а сами переправились через Прут, напали на господарскую столицу Яссы, сожгли и ограбили ее, разорили несколько окрестных селений и потом благополучно вернулись назад».^[59]

Возвратившись из второго молдавского похода, Наливайко вновь расположился в Брацлаве. Местная шляхта обиделась и попыталась выбить Северина из Брацлова, но 5 октября 1594 г. была наголову разбита. Шляхта принесла жалобу Сигизмунду III, и король универсалом от 1 ноября 1594 г. приказал потерпевшим наказать как мещан города, так и самого Наливайко. Но приказание это осталось без последствий, как и другие его, более ранние указы относительно казаков. Для наказания Наливайко нужно было коронное войско, а его король не дал. **(Сх. 8)**

Царские, а особенно советские историки замалчивали тот факт, что польские короли периодически закрывали глаза на разбои казаков и нападения на шляхту, чтобы не допустить ее чрезмерного усиления.

В середине ноября 1594 г. Наливайко двинулся к городу Бару. Туда же подошли запорожцы во главе с атаманом Григорием Лободой. Всего у обоих атаманов имелось до 12 тысяч казаков. Наливайко и Лобода распустили слухи о предстоящем походе в Валахию. Однако их воинство спокойно и безбедно дождалось в Баре до января 1595 г., а затем разошлось часть в Винницу, а частью — в Брацлав.

Весной 1595 г. началась большая польско-турецкая война, и паны попытались привлечь Григория Лободу на свою сторону, при этом они игнорировали Северина Наливайко. Лобода принял предложения поляков и 21 февраля выступил со своим отрядом к границам Молдавии, но затем остановился и начал опустошать земли польской короны. Тогда польский воевода Ян Замойский приказал казакам уйти от границ Молдавии, а в противном случае грозил поступить с ними «как с неприятелем». Лобода не стал спорить и вернулся в Овруч.

Что же касается Наливайки, то он расположился в имении князя Константина Острожского Острополе. В тот момент сам князь Острожский находился в другом своем имении Турове на Полесье и поэтому о приходе Наливайко в Острополь узнал через гонца в начале марта 1595 г. и известил об этом своего зятя Криштофа Радзивалла: «Как Лобода, желая приязни со мной, вел себя спокойно относительно меня и моих подданных, так этот лотр [бандит — А.Ш.] Наливайко, отставши от других, в числе 1000 человек, гостит теперь в местности моей Острополе и, кажется, что

придется мне сторговаться с ним. Другого Косинского посылает на меня Господь Бог».^[60]

Письмо это князь Острожский написал в конце марта 1595 г., а в середине августа того же года Наливайко уже оставил Острополь и со своим отрядом отправился через Семиградское княжество в Венгрию на помощь командующему имперской армией германскому эрцгерцогу Максимилиану в борьбе против турок. В Венгрии Наливайко оставался до поздней осени, а затем с большой добычей вернулся в Малороссию.

Германские авторы утверждают, что в Венгрии казаки Наливайки не столько воевали, сколько грабили и были выдворены оттуда имперскими войсками.

Собрав около двух тысяч казаков, Наливайко разгромил волынский город Луцк. При этом хитрый атаман накатал письмо Сигизмунду III, в котором утверждал, будто он зашел в Луцк с единственной целью сделать в нем военные запасы и потом предложить свои услуги коронному гетману, но встретил со стороны гетмана и польских панов ничем не объяснимую вражду: «Паны били и мучили хлопят, парубков и нескольких товарищей наших или на приставах или на пути к своим родителям».^[61]

Из Луцка Северин направился на Белую Русь и 6 ноября 1595 г. взял Слуцк. Из крепостных запасов он забрал себе 12 пушек, 80 гаковниц и 700 рушниц.^[62]

30 ноября 1595 г. Наливайко штурмом взял город Могилев «и шляхетские маетности, он не мало причинил шкоды шляхте, мещанам и богатым панам: „Место славное побожное (т. е. на реке Буге или Боге) Могилев, дома, крамы, острог выжег; всех домов до 500, а крамов с великими скарбами до 400; мещан, бояр, людей учтивых, мужей, жен. Детей малых побил, порубил, попоганил; с лавок и с домов неисчислимое число скарбов побрал“».^[63]

Пока казаки «гуляли», к Могилеву подошел литовский гетман Криштов Радзивилл «с 14 000 литовских и 4000 татарских войск».^[64] Терминология как советских, так и дореволюционных историков требует пояснений. «Литовские войска» — это русские православные ратники, уроженцы Белой Руси, состоявшие на службе литовского гетмана, а «татарское войско» — это не крымцы, а литовские татары.

Поначалу Наливайко хотел сесть в осаду в замке Могилева, но жители города, которых казаки уже допекли дальше некуда, сами подожгли замок, и Наливайке пришлось отойти на ближайшие к городу высоты — Илинскую гору. Тут казаки построили укрепления и установили

многочисленные артиллерийские орудия. Тем не менее, после упорного боя казаки отошли к Рогачеву, а затем — к Речице.

Из Речицы Наливайко вновь написал письмо Сигизмунду III. «В этом письме он предлагал свои услуги королю смирить всех непокорных ему людей, но для этого просил короля отвести козакам для поселения пустыни между Бугом и Днестром, на татарском и турецком шляху, между Тягиною и Очаковым, на пространстве 20 миль от Брацлава, где от сотворения мира никто не обитал; позволить самому Наливайке построить особый город с замком, сделать этот город центром всего козачества, выдавать козакам „станции“, поставить над ними гетмана, а в Сичи держать лишь помощника гетману. После всего этого Наливайко обещал королю держать в полной покорности всех „стационарных“ козаков; новых лиц, приходящих к ним, или вовсе не принимать, или же возвращать назад, обрезав им предварительно носы и уши».^[65]

Так и не дождавшись ответа от короля, Наливайко, оставив Речицу, прошел через Туров и Городню и в конце января 1596 г. прибыл на Волынь и расположился в имениях князя Константина Острожского. На этот раз Наливайко не встретил даже слабого сопротивления со стороны князя. Дело в том, что Константин Острожский был ярким противником вводимой как раз тогда унии и был готов ради православной веры выступить против короля и взять в союзники хоть турецкого султана. Не стоит забывать и о том, что у Константина Острожского по-прежнему рядом был брат Северина священник Дамиан Наливайко.

Северин быстро оценил ситуацию и 14 февраля 1596 г. напал на владения Яроша Терлецкого, брата епископа Кирилла Терлецкого — одного из столпов унии. Сам епископ в тот момент гостил у римского папы. Были разгромлены имения Яроша и его жены.

Затем Наливайко напал на Пинск, куда епископ Кирилл Терлецкий перед своим отъездом в Рим отправил на хранение свои документы и церковные драгоценности. Заодно было разгромлено и имение луцкого старосты Александра Семашко, ярого сторонника унии. Любопытно, что в разгроме имения Семашко участвовал и какой-то русский князь Петр Вороницкий.

Но мы забыли о запорожцах атамана Григория Лободы. Тот, постояв несколько недель в Овруче, в январе 1596 г. спустился по Днепру в Сечь. Но, услышав об успехах Наливайко, он не выдержал, собрал войско и отправился на судах вверх по Днепру, грабя окрестные местечки. В отличие от Наливайко, Лобода не поднимал знамени религиозной войны, а откровенно обещал козакам большую добычу.

В конце января 1596 г. Сигизмунд III решил, наконец, нарушить свой нейтралитет и отправить против Наливайко и Лободы коронное войско во главе с гетманом Станиславом Жолкевским.

У казаков была прекрасно налажена разведка и, узнав о движении коронного войска, Наливайко перешел с Волыни в Брацлавщину, в Лабунь, поближе к границе между Речью Посполитой и Турцией. Жолкевский хотел внезапно напасть на казаков. Но тут на сторону Наливайко перебежал пан Плоцкий вместе со своей ротой, состоявшей из этнических поляков. Мотив — несвоевременная выплата жалованья.

Предупрежденный Плоцким Наливайко оставил Лабунь и решил вернуться в Острополь. Во время отступления казаков произошел колоритный эпизод. Около пятисот казаков под командой сотников Дурного и Татаринца устроили большую попойку у марцирицкого арендатора. Там их застал авангард Жолкевского. Казаки были столь пьяны, что не могли сесть на коней и ускакать, но взялись за пищажи и начали отстреливаться из дворов и хат села Мацирица. Поляки были отброшены, но затем они сумели поджечь село. Окруженные казаки погибли в пламени, отстреливаясь, но никто не вышел сдаваться.

Жолкевский энергично преследовал Наливайко. У него было свыше 3 тысяч человек против 1,3 тысячи у казаков. Наливайко выполнил ряд маневров, а затем ушел в Дикое поле. Жолкевский дошел до Синих Вод и остановился. Ему не улыбалось гоняться за казаками по степи, да и жолнеры потребовали выдачи жалованья.

В марте 1596 г. Наливайко со своими силами двинулся к Киеву, где соединился с запорожскими казаками, которые выбрали себе нового атамана Матвея Саулу вместо Григория Лободы.

23-24 марта 1596 г. у урочища Острый камень недалеко от города Белая Церковь произошло упорное двухдневное сражение. Казаки устроили табор, поставив в 5 рядов повозки, скованные за колеса железными цепями. В таборе они поставили 24 пушки. Обе стороны понесли тяжелые потери. Матвею Сауле оторвало ядром руку, и командование над запорожцами вновь принял Лобода.

Жолкевский сообщил в Варшаву о полном разгроме казаков и... вернулся с войском в Белую Церковь. Казацкое же войско двинулось к Триполью, переправилось с правого на левый берег Днепра, дошло до города Переяслава и остановилось возле него.

Между тем на помощь Жолкевскому пришел гетман Потоцкий, оставив ради этого Молдавию.

В мае 1596 г. Жолкевский, получив подкрепление, осадил лагерь

повстанцев в урочище Солоница, недалеко от Лубен. Казаки с трех сторон укрепили лагерь возами, поставленными в четыре-пять рядов, обнесли его рвом и высоким валом. С четвертой стороны к лагерю прилегало непроходимое болото. В нескольких местах лагеря были построены срубы, заполненные землей, на них казаки поставили около 30 пушек.

Запорожцы, остававшиеся в Сечи, дождавшись освобождения Днепра ото льда, отправились на лодках вверх по Днепру на выручку Лободы. Ими командовал православный шляхтич Каспар Подвысоцкий. Но Жолкевский устроил засаду — на высоком берегу Днепра было поставлено множество пушек. Запорожцы весело гребли вверх «при звуках сурьм и бое котлов». Внезапно подул сильный встречный ветер — строй лодок нарушился, и казаки гребли на месте. И тут ляхи открыли огонь из пушек. Казаки потеряли несколько лодок, в том числе и флагманскую. Самому Подвысоцкому удалось спастись, но запорожцы были вынуждены вернуться назад. Теперь поляки могли без помех расправиться с окруженными войсками Лободы и Наливайко.

Жолкевский, имевший 5 тысяч одних только жолнеров, не считая шляхетских отрядов, не решился на штурм. Он понимал, что имеет дело с людьми, по его же словам, отважными, принявшими «в своем положении» решение сражаться насмерть. И вместо штурма поляки подкупили нескольких предателей, которые в ночь на 24 мая схватили атаманов Наливайку и Матвея Шаулу (Саулу) и выдали полякам. Они же и пропустили поляков в лагерь. Началась страшная резня, паны и жолнеры убивали всех, кто попадался под руку. Очевидец И. Бельский писал, что «на протяжении мили или больше труп лежал на трупе, ибо всего в лагере с чернью и с женами их было до десяти тысяч».

Наливайко был привезен в Варшаву, где после долгих недель пыток его казнили 11 апреля 1597 г.

Так закончился XVI век. Польша и Литва вступили при Сигизмунде III в новую эпоху. Сигизмунд ухитрился насмерть поссориться со шведами, а через несколько лет он на много столетий, если не навсегда, поссорит поляков с Россией.

Внутри страны король объявил войну православной церкви и казакам. Если раньше между русскими, литовцами и ляхами шли споры за различные привилегии, то теперь вопрос стоял по-другому — быть или не быть православной вере, русскому языку и вообще русским людям. У них оставалось три выхода: погибнуть, ополячиться или сломить шею Речи Посполитой.

Одним из указов Сигизмунда III Польша получила новый герб. По

краям он обрамлен гербами земель, входивших в состав Речи Посполитой. Среди них Великая Польша, Малая Польша, Литва. Но это понятно. Но затем идут Швеция, Россия, причем не кусками, а целиком, Померания, Пруссия, Молдавия, Валахия и т. д. Боюсь, сейчас какой-нибудь либерал-образованец вступится за бедную Польшу, мол, мало ли какой-то король в конце XVI века на что-то претендовал. Мол, Жириновский тоже хотел мыть сапоги в Индийском океане, но разве это повод обвинять в агрессивности Россию? (Сх. 9)

Отвечаю. Пример с Жириновским — передергивание карт, с ним все ясно. А вот претензии Сигизмунда стали идеологией панства на 500 с лишним лет. Итак, Польша должна была стать сильнейшим государством не только Европы, но и всего мира.

Глава 6

Гетман Сагайдачный

В 1602 г. в Польшу из Москвы бежал самозванец, объявивший, что он — царевич Димитрий, чудесно спасенный от рук убийц в 1591 г. в Угличе. Им оказался чернец московского Чудова монастыря Григорий, в миру бывший боевой холоп бояр Романовых — дворянин Юрий Отрепьев. Интрига была устроена если не самим иноком Филаретом, в миру боярином Федором Никитичем Романовым, то его ближайшим окружением. Непосредственно инструктаж Гришки проводил игумен Чудова монастыря Пафнутий.

В Речи Посполитой Григорий Отрепьев побывал в Киеве, Остроге, Гоще и Брачине. В центре секты в Гоще самозванец надеялся найти помощь у ариан. Руслан Скрынников писал: «Имеются данные о том, что самозванец ездил в Запорожье и был с честью принят в отряде запорожского старшины Герасима Евангелика. Прозвище старшины указывает на принадлежность его к гощинской секте. Если приведенные данные достоверны, то отсюда следует, что ариане помогли Отрепьеву наладить связи с их запорожскими единомышленниками».^[66]

Так было или иначе, но ариане не могли быть серьезной опорой самозванцу, и он сделал ставку на авантюриста Юрия Мнишка.^[67] Мнишек собрал для своего будущего зятя частную армию в 1,6 тысяч человек. К моменту перехода русской границы в армии Мнишка было 1000–1100 польских гусар, сведенных в роты по двести сабель в каждой, 400–500 человек польской пехоты, от двух до трех тысяч казаков и до двухсот «москалей», то есть беглых русских.

По версии Яворницкого в городе Севске к самозванцу подошло 12 тысяч малороссийских казаков, разделявшихся на конников (8 тысяч) и пехотинцев (4 тысячи), «с арматой из 12 исправных пушек; между малороссийскими козаками немало было и собственно запорожских или низовых козаков».^[68]

На мой взгляд, это явное преувеличение: малороссийских казаков было раза в три меньше, а запорожских — несколько сотен. В любом случае запорожские казаки не играли особой роли при Лжедмитрии I.

В 1606 г. под руководством Зебжидовского паны учинил мятеж против короля Сигизмунда III. Поляки это называли вполне законным

мероприятием — рокошем. В следующем году паны рокошане были разбиты королевскими войсками. В ходе рокоша мятежники привлекли на свою сторону большое число малороссийских шляхтичей, а также запорожских казаков. После подавления мятежа почти вся эта публика отправилась на службу к Лжедмитрию II, вошедшему в историю под именем Тушинского вора.

Всего к весне 1608 г. в войске Лжедмитрия II оказалось 2020 запорожцев. Их начальниками были Гриц (700 человек), Подвидзавский (750 чел.), Ростенецкий (500 человек) и Лис (100 человек). Общая же численность войска самозванца составляла 14 220 человек. Как видим, большей частью запорожцев в Тушино командовали польские шляхтичи Подвидзавский и Ростенецкий, а меньшей — атаманы Гриц и Лис. Откуда взялись два последних персонажа — неизвестно. В конце правления Сигизмунда III малороссийские казаки убили «королевского атамана Грицька».^[69] Видимо, тушинец Гриц и этот Грицька были одним и тем же лицом.

Несколько позже запорожцы разошлись по разным польским отрядам. Несколько десятков или даже сотен запорожцев были в отряде Александра Лисовского — отпетого бандита, приговоренного в Польше к смерти. Вместе с Лисовским запорожцы осаждали Троице-Сергиев монастырь с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г. Об их участии в осаде упоминает и участник боевых действий Авраамий Палицын.

Однако в целом действия запорожцев в Смутное время практически невозможно отличить от действий польской и малороссийской шляхты, а также донских, волжских и местных «воровских» казаков.

Вот, к примеру, дикими расправами над населением в 1608 г. прославился какой-то атаман Наливайко. «Владимирский воевода Вельяминов [сторонник Лжедмитрия II — А.Ш.] принужден был вооружиться против козаков или *загонных людей*, опустошавших Владимирский уезд. Посланный против них отряд взял в плен начальника грабителей — пана Наливайку... Весть о злодействах Наливайки дошла и до Тушина и привела в сильный гнев самозванца, который хорошо видел, как вредят козаки успеху его дела; он послал во Владимир приказ немедленно казнить Наливайку, а Сапеге, просившему освободить его, писал выговор в следующих словах: „Ты делаешь не гораздо, что о таких ворах упрашиваешь: тот вор Наливайко наших людей, которые нам, великому государю, служили, побил до смерти своими руками, дворян и детей боярских и всяких людей, мужиков и женок 93 человека. И ты бы к нам вперед за таких воров не писал и нашей царской милости им не

выпрашивал; мы того вора Наливайку за его воровство велели казнить. А ты б таких воров вперед сыскивал, а сыскав, велел также казнить, чтобы такие воры нашей отчины не опустошили и христианской истинной православной крови не проливали“». [\[70\]](#)

Однако доказательств того, что Наливайко и его люди были запорожцами, нет. Тот же Яворницкий пишет: «...какие именно то были козаки, т. е. были ли то украинские, запорожские или какие-нибудь бродяги, принявшие имя козаков». [\[71\]](#)

То, что делал Наливайко в России, запорожцы творили повсеместно. Так, в 1601–1603 гг. поляки попытались использовать запорожцев в войне со шведами в Прибалтике. Казаки в борьбе со шведами «ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили, и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар. Под 1603 годом: были козаки запорожские, какой-то гетман, именем Иван Куцка, с 4000 народа, брали приставство с волостей Боркулабовской и Шупенской, грошей коп 50, жита мер 500 и т. д. В том же году, в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своевольство: что кто хочет, то и делает; приехал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил козакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть; все люди плакали, богу-создателю молились, чтобы таких своевольников истребил навеки. А когда козаки назад на Низ поехали, то великие убытки селам и городам делали, женщин, девиц, детей и лошадей с собою много брали; один козак вел лошадей 8, 10, 12, детей 3,4, женщин и девиц 4 или 3». [\[72\]](#)

В 1609 г. король Сигизмунд решил вторгнуться в Московию. До этого там воевали исключительно частные армии польских и литовских магнатов. В сентябре того же года коронное войско осадило Смоленск. В составе войска было 12,5 тысяч человек, из которых 1659 — реестровые казаки. Кроме того, к войску присоединилось некоторое количество литовских татар и запорожцев. Откуда-то взялась цифра — 10 тысяч запорожских казаков. Да их тогда не было столько вообще, а если прибавить тех, кто уже был в России с Тушинским вором, кто остался в Сечи стеречь Приднепровье от татар?

Командовал запорожцами некий Олевченко. «Под Смоленском они

заняли позицию около Духовского монастыря и расположились там своим табором. Впрочем, существенной пользы запорожские козаки королю на этот раз не оказали, так как они, не любя подчиняться никаким требованиям военной дисциплины, то приходили к городу, то уходили и больше занимались исканием добычи в селах и деревнях, чем продолжительной и скучной осадой города. В начале 1610 года козаки особенно разбойничали в Зубцовском уезде, в расстоянии около 300 верст от Москвы и около 200 верст от Твери. Вслед за тем запорожские черкасы принимали участие, вместе с поляками и литовцами, во взятии городов северской Украины — Стародуба, Почепа, Чернигова, Новгород-Северска, Мосальска и Белой, заставляя жителей присягать польскому королевичу Владиславу. Жители названных городов, особенно двух первых, оказывали запорожским черкасам жестокое сопротивление и, зажигая города, бросали в пламень свои имущества, а потом кидались в него сами и погибали».^[73]

В 1611 г. воевода Прокопий Ляпунов начал собирать ополчение против поляков. Сигизмунд III решил уничтожить Ляпунова и специально для этого направил на Рязанщину отряд запорожских казаков во главе с воеводой Исаком Сунбуловым. Известие о приближении Сунбулова застало Прокопия Ляпунова в его поместье, и он успел укрыться в деревянной крепости городка Пронска. Ратников в Пронске было мало, и Ляпунов разослал по окрестным городам отчаянные письма о помощи. Первым к Пронску двинулся князь Дмитрий Пожарский со своими зарайскими ратниками. По пути к ним присоединились отряды из Коломны. Узнав о прибытии войск Пожарского, поляки и казаки бежали из-под Пронска.

Через некоторое время Сунбулову удалось собрать свое воинство, и он решил отомстить Пожарскому, вернувшемуся из Пронска в Зарайск. Ночью запорожцы попытались внезапно захватить зарайский кремль (острог), но были отбиты. А на рассвете Пожарский устроил вылазку. Казаки в панике бежали и больше не показывались у Зарайска.

Активно действовали шайки запорожцев и на русском Севере. Имена атаманов нам ничего не говорят: то ли это были запорожцы, то ли донцы, то ли с Волги — язык-то везде русский. Есть большое подозрение, что атаман Иван Балаш был если не запорожцем, то малороссом. Возможно, это он в 1632–1634 гг. поднял крестьянское восстание, центром которого стал Стародуб. Балаш был пойман поляками и погиб в тюрьме.

Весьма вероятно, что именно запорожцы убили Ивана Сусанина. Позже убийство было приписано большому отряду поляков, которые де хотели изловить новоизбранного царя Михаила Романова. По официальной версии поляки схватили крестьянина Ивана Сусанина из села Домнино

Костромского уезда, принадлежащего Романовым, и пытали его страшными пытками, заставляя рассказать, где скрывается Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти. Я пересказал версию С. М. Соловьева. Как известно, Федор Глинка пошел дальше. У него Иван Сусанин завел целый полк поляков в лес, где они и погибли от холода и голода, предварительно порубав на куски самого Сусанина.

У Соловьева и Глинки Сусанин спасал царя. Посему и опера получила название «Жизнь за царя». Позже большевики решили, что мужик не должен спасать царя. Опера Глинки была переделана и переименована. В опере «Иван Сусанин» герой спасал не царя, а русский народ в лице его достойных представителей — граждан города Костромы. В 90-х годах XX века «демократы» вернули опере первоначальное название, и там Сусанин опять спасает царя.

В советское время вся пропагандистская шумиха с Сусаниным явно отдавала враньем. Это чувствовали даже дети. В нашей школе большой популярностью пользовались анекдоты о Сусанине, которые были на четвертом месте после анекдотов о Василии Ивановиче, чукче и армянском радио.

На самом же деле никаких польских отрядов зимой 1612/13 г. в районе Костромы не было. Миф о Сусанине был разоблачен еще в середине XIX века профессором Н. И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой «воров» (воровских казаков), которых немало бродило по Руси. За что же они стали его пытаться и замучили до смерти? Скорей всего, «ворам» требовались деньги. Ни воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий.

Зато в начале 1613 г. через костромские леса пробирался отряд малороссийских или запорожских казаков. Они пограбили Поморье и теперь шли в Епифань на соединение с отрядом атамана Заруцкого. Они-то и начали пытаться Сусанина, дабы выведать, куда он спрятал свои ценности или о дорогах к другим деревням.

Надо ли говорить, что за тестя, замученного казаками, а таких на Руси было десятки тысяч, Богдан Собинин не получил бы ни копейки. И вот в 1619 г. Собинин обратился к царю Михаилу с челобитной, где рассказал, что де его тестя Ивана Сусанина Богдашкова литовские люди запытали, дабы узнать, где государь. Чудесная сказка понравилась царю и его матери. Зятю дали денег и грамоту, подтверждавшую геройское поведение Ивана

Богдашкова.

Первым и последним более-менее организованным походом запорожцев в Россию в Смутное время стал поход гетмана Сагайдачного.

Петр Конашевич Сагайдачный родился в селе Вишенька в окрестностях города Самбора (Западная Галиция) в семье мелкого православного шляхтича. В 1606 г. казаки без санкции польских властей выбрали Сагайдачного гетманом, и он стал именовать себя гетманом обеих сторон Днепра и Войска Запорожского.

Пока одна часть запорожцев грабила Московское государство вместе с поляками, другая часть во главе с Сагайдачным действовала против турок и татар. В 1605–1606 гг. казаки захватили города Аккерман и Килию, а также взяли штурмом самую сильную турецкую крепость на западном побережье Черного моря Варну. В Варне запорожцы взяли добычи больше, чем на 180 тысяч золотых рублей.^[74] Об этом в Малороссии была даже сложена песня:

Була Варна здавна славна.
Славнішії козаченьки,
Що тої Варни дістали
І в ній турків забрали.

В 1613 г. казаки дважды выходили в море и разорили несколько городов на юге Крымского полуострова. Турки послали отряд гребных судов под Очаков — к входу в Днепро-Бугский лиман, надеясь там перехватить казаков при возвращении домой. Но запорожцы темной ночью скрытно подошли к турецким кораблям и атаковали турок. Несколько басурманских судов было сожжено, а шесть галер захвачено.

В начале весны 1614 г. казаки снова предприняли поход на Черное море, но на этот раз им не повезло. На море поднялась буря и разнесла их в разные стороны. Многие чайки потонули, а остальных выбросило на берег, но там казаков изловили турки и всех перебили.

Несмотря на неудачу, летом того же года до двух тысяч казаков вновь вышли в Черное море. Их вели бывшие турецкие невольники, малороссы-потурнаки, принявшие ислам («потурчившиеся»), ради спасения своих жизней служившие ранее туркам, но сумевшие обмануть их и бежать к запорожцам. Они отлично знали все входы в прибрежные черноморские города и предложили казакам вести их флотилию. Казаки согласились и, выйдя в море, двинулись к берегам Малой Азии (Анатолии) и пристали к богатой, крепкой, людной и цветущей гавани Синопу, к тому времени

славившейся по всему Востоку как богатством своих жителей, так и прекрасным местоположением с чудным климатом, и потому называемой «городом любовников». (Сх. 10)

С помощью потурнаков казаки попали в город, разрушили замок, перерезали гарнизон, разграбили арсенал, сожгли несколько мечетей, домов и стоявшие у пристани суда, вырезали множество мусульман, освободили всех невольников-христиан и поспешно ушли из города. Туркам был нанесен ущерб на 40 миллионов злотых.

Известие о нападении на Синоп произвело на турок ошеломляющее впечатление. Султан Ахмед I, узнав об этом, пришел в такую ярость, что поначалу велел казнить великого визиря Насаф-пашу, и только внял мольбам жены и дочери паши, даровал ему на этот раз жизнь, велел лишь исколотить его буздыганом (большой металлической булавой).

С приказанием же преградить казакам путь домой и истребить их всех до единого султан послал румелийского беглербека Ахмет-пашу. Тот с огромным войском, в котором только янычар насчитывалось до четырех тысяч, отправился к устью Днепра и расположился на урочище Газилен-Гермих («Переправе воинов»). Но казаки обнаружили турецкую засаду и причалили к берегу Днепра ниже «Переправы», вытянули чайки и попытались волоком перетащить их мимо турок, поскольку в этом месте Днепр делал большой изгиб.

Однако турки узнали об этом и напали на казаков, чтобы перебить их всех до единого. Из 2000 запорожцев им удалось убить только 200 и 20 взять в плен. Остальные же, побросав большую часть своей добычи в воду и взяв лишь самое ценное, успели сесть в чайки и уйти от турок. А плененных казаков доставили в Константинополь и там в присутствии жителей Синопа, приехавших с известием о разорении их города, предали мучительной казни.

Весной 1615 г. запорожцы вновь вышли в море. Восемьдесят чаек вошли в пролив Босфор. Казаки высадились на берег ввиду султанской столицы. Для начала они подожгли портовые сооружения в Мизивне и Архиоки. А султан в это время был на охоте. Во время обеда в охотничьем доме он вдруг из окна увидел густой дым от двух пылавших пристаней и купеческих судов. Бросив свои забавы, Ахмед I вскочил в седло и помчался в Стамбул. Прибыв в свою столицу, он немедленно приказал готовить к бою все стоявшие там суда.

А казаки между тем беспечно продолжали свои грабежи и, задавши «превеликий страх и смятение султану и всем цареградским обывателям», спокойно покинули окрестности Стамбула.

Турецкая эскадра сумела нагнать флотилию чаек лишь в устье Дуная. Казаки уходили, как могли, до наступления темноты, а затем повернули и пошли на абордаж. Метая ручные зажигательные снаряды — паклю со смолой, им удалось поджечь несколько османских судов. Еще несколько галер было потоплено, а адмиральскую галеру запорожцы взяли на абордаж и захватили на ней раненого турецкого адмирала. Он предложил казакам выкуп в 30 тысяч рублей, но вскоре умер в плену, так и не дождавшись свободы.

Разгромив турецкую эскадру, запорожцы дошли до Днепро-Бугского лимана и ввиду Очакова демонстративно сожгли трофейные галеры. **(Сх. 11) (Сх. 12)**

В мае 1616 г. в море вышли свыше двух тысяч запорожцев и донцов под предводительством гетмана Петра Конашевича Сагайдачного и опытных старшин — есаула Свиридовича и куренного атамана Якова Бородавки. В Днепро-Бугском лимане они внезапно напали на дежурившую там эскадру Али-паши. Турки были разбиты, а пятнадцать галер стали добычей казаков. Следует заметить, что все крупные турецкие гребные суда различных типов казаки называли галерами

Затем казаки направились к крепости Кафа. Сагайдачный разделил свое войско на три отряда. Два из них, ведомые Свиридовичем и Бородавкой, должны были с наступлением сумерек напасть на город с суши, а третий отряд под началом самого гетмана — с моря. Казакам удалось под покровом темноты ворваться в город — ворота им открыли православные невольники. Ранним утром запорожцы уже грабили Кафу — проклятый всей Речью Посполитой и Россией город, через который прошли и навсегда исчезли где-то в восточных странах тысячи мужчин, женщин и детей, город, по своему богатству на Черном море уступавший только Константинополю.

Казаки перебили турок и сожгли Кафу, а несколько сотен бывших невольников присоединились к ним. От Кафы Сагайдачный взял курс на юг и пересек Черное море. Благодаря сильному попутному ветру казаки быстро дошли до Минеры, где захватили в порту 26 купеческих судов. От Минеры казаки берегом добрались до Синопа и Трапезунда и взяли приступом оба города, разбили войско паши Цикалы, в море потопили три больших турецких судна, еще несколько судов захватили и повернули домой.

От пленных турок Сагайдачный узнал, что султан отправил к Очакову большую эскадру Ибрагим-паши, чтобы там перехватить казачью флотилию. Тогда гетман решил обмануть Ибрагима и велел держать курс к

Керченскому проливу. Чайки запорожцев и струги донцов благополучно достигли устья Дона. Донские казаки отправились по домам, а запорожцы сухим путем двинулись в Сечь.

Весть о казацком погроме Кафы, Синопа и Трапезунда разнеслась по всей Европе. Итальянский священник и писатель первой половины XVII века Отавио Сапиенция утверждал, что казаков в Запорожье набиралось в то время от 30 до 40 тысяч человек, они выставляли от 200 до 300 чаек, смело разъезжали по Черному морю и в 1616 г., и 1617 г. с успехом нападали на города Кафу, Синоп и Трапезунд. О взятии Синопа запорожцами в 1616 г. свидетельствует и турецкий путешественник XVII века Эвлия-эфенди. Он писал, что казаки взяли этот город в одну темную ночь и что по этому случаю великий визирь Насир-паша был казнен за то, что скрыл этот факт от султана.

Несмотря на столь блестящий успех Сагайдачного, запорожцы согнали его с гетманства и выбрали Дмитрия Богдановича Барабаша. Новый гетман весной 1617 г. повел флотилию чаек в очередной поход. На сей раз разграблению подверглись окрестности Стамбула. Как утверждали европейские купцы, «казаки мигали своими походными огнями в окна самого сераля».

17 сентября 1617 г. коронный гетман Жолкевский заключил мир с турками. Теперь паны решили разобраться с казаками. Они потребовали от Сагайдачного ограничить число реестровых казаков до одной тысячи и полностью прекратить нападения на татар и турок. Сагайдачный согласился со всеми польскими требованиями и 18 октября 1617 г. подписал Ольшанские соглашения. Поэтому, по крайней мере, часть запорожцев выбрала себе нового гетмана Барабаша. В письме королю гетман Жолкевский хвалился: «Я уже посеял между ними семена раздора: старшие в несогласии с чернью, так как они с радостью завели бы другие порядки».

Однако выполнять условия Ольшанских соглашения Сагайдачному не пришлось. Ляхам потребовалась помощь в борьбе с Москвой, и королевич Владислав лично обратился к Сагайдачному. Гетману удалось собрать до 20 тысяч малороссийских казаков, среди которых было несколько тысяч запорожцев.

Польское войско Владислава шло на Москву по «парадному» ходу: Смоленск — Вязьма — Можайск. А вот Сагайдачный двинулся с юга почти по пути Лжедмитрия I.

Чтобы избежать обвинений в предвзятости в описаниях «подвигов» казаков, процитирую Яворницкого: «Прежде всего он [Сагайдачный] взял и

разорил города Путивль, Ливны и Елец, истребив в них много мужчин, женщин и детей...». ^[75]

К сухому описанию Яворницкого добавлю несколько конкретных эпизодов. Так, в Путивле был разграблен Молганский монастырь, а все монахи убиты. То же повторилось в Рыльске со Свято-Никольским монастырем.

«В зависимости от Сагайдачного действовал Михайло Дорошенко с товарищами, который взял города Лебедян, Данков, Скопин и Рязкий, побив в них множество мужчин, женщин, детей „до сущих младенцев“; а потом, ворвавшись в рязанскую область, предал огню много посадов, побил несколько священников и приступил было к городу Переяславу, но был отбит и ушел к Ельцу. Сам Сагайдачный, взяв Ливны и Елец, направился в Шацкий и Данков и отсюда отправил впереди себя полковника Милостивого с 1000 человек козаков под город Михайлов (Рязанской губернии), приказав ему ворваться ночью в город и взять его. Полковник Милостивый, долго замешкавшись вследствие страшного грома и проливного дождя, успел придти к городу только августа 12 дня, в тот самый день, когда в город Сапожков пришло 40 человек великорусских ратных людей. Последние, выйдя из Сапожкова города с несколькими обывателями его, не допустили Милостивого до Михайлова „и победили множество воюющих запорог“». ^[76]

17 августа к Михайлову подошел сам гетман с основными силами и потребовал сдачи города. Но ратники и обыватели отвергли предложения казаков. Они отвечали со стен крепости: в Москве избран законный царь и мы ему крест целовали, но ни польских королевичей и каких-либо других правителей нам не надо. 17 августа запорожское войско приступило к штурму крепости.

Сагайдачный приказал стрелять по городу калеными ядрами и пускать стрелы с зажигательными веществами. Запорожцы соорудили «примет» — завалили землей и хворостом ров, подтащили бревна, соорудив своеобразный помост до уровня крепостных стен.

Атаки казаков длились два дня. Тогда какой-то обыватель Митрофан повел осажденных на вылазку через Северные ворота. Казаки не ожидали выступления и бежали. Михайловцам удалось сжечь «все щиты, штурмы и примёты» (различные деревянные защитные устройства).

На следующий день разъяренный Сагайдачный объявил жителям Михайлова, что он возьмет город как птицу, и предаст огню, а всем жителям от мала до велика прикажет отсечь руку и ногу и бросить псам. 23

августа запорожцы снова стали готовиться к штурму. А защитники на виду запорожского войска совершили крестный ход с иконами и хоругвями по стенам крепости.

С началом штурма михайловцы вновь пошли на вылазку. Со стен города из пушек и пищалей вели огонь не только ратники, но и женщины, и дети. «И всепагубный враг Сагайдачный с остальными запорогами своими отъиде от града со страхом и скорбию августа в 27 день, а жители богохранимого града Михайлова совершают по вся лета торжественные празднества в те дни, в первый приступный день августа в 17 день, чудо архистратига Михаила, а об отшествии от града запорог августа в 27 день празднуют великому чудотворцу Николе».^[77]

Оставив Михайлов, Сагайдачный двинулся на соединение с Владиславом, который к этому времени занял оставленный русскими Можайск и двигался к Звенигороду. Московские бояре выслали против Сагайдачного семитысячный отряд во главе с князем Пожарским. Дмитрий Михайлович должен был воспрепятствовать форсированию казаками Оки. Однако в Серпухове Пожарский тяжело заболел и был увезен в Москву, а командование принял второй воевода — окольничий Г. К. Волконский. В конце августа он перешел с войском из Серпухова в Коломну, в направлении которой двигался Сагайдачный. Однако большинство дворян за воеводой не последовали и предпочли остаться в Серпухове. К 25 августа в распоряжении Волконского осталось всего 275 дворян и детей боярских. Подавляющую часть войска Волконского составляли казаки, которые не рвались драться с войском Сагайдачного.

6 сентября запорожцы (по сведениям Волконского, 7000 «старых» казаков и 3000 слуг) начали переправляться через Оку не в районе Каширы, а под Коломной, у устья реки Осетр. Русский воевода спешно двинулся к переправе. Бой на Оке продолжался два дня.

Поначалу запорожцы были отброшены на правый берег, но на следующий день Сагайдачному удалось форсировать Оку. А 8 сентября воинство князя Волконского попросту разбежалось. Большая часть его казаков отправилась во Владимирский уезд, где начала грабить вотчину князя Мстиславского, а сам воевода драпанул в Москву с отрядом из 300 всадников, в основном из дворян. Это позволило Сагайдачному беспрепятственно сжечь Каширу и перебить почти всех ее обывателей. В связи с этим в следующем 1619 году было решено город не восстанавливать, а построить новый, и уже не на левом, а на правом берегу Оки.

13 сентября Владислав взял Звенигород, а через 5 дней Сагайдачный

вошел в Бронницы. 20 сентября войска королевича и гетмана соединились под Москвой у Донского монастыря.

В ночь на 1 октября поляки и запорожцы^[78] двинулись на штурм Москвы. Между Арбатскими и Никитскими воротами атакующим удалось ворваться в Земляной город, но стены Белого города остались неприступными.

Понеся большие потери, ляхи и запорожцы отступили. 20 октября начались переговоры на реке Пресне, недалеко от современного «Белого дома». Послы обеих сторон спорили, сидя на лошадях. Пять дней прошло в бестолковой перебранке. А тут появился Дедушка Мороз, и 27 октября Владислав бросил свой стан в Тушине и двинулся на север на Переяславскую дорогу.

Подойдя к Троицкому монастырю, поляки попытались взять его штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнем. Владислав приказал отступить на 12 верст от монастыря и разбить лагерь у села Рогачева. Королевич отправил отряды поляков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были настигнуты воеводой князем Григорием Тюфякиным и побиты.

Сагайдачный пошел на юг по Калужской дороге. Казаки страшно опустошили Серпуховской уезд, сожгли посад самого Серпухова, но взять кремль не смогли. То же самое повторилось и в Калуге — посад разграбили, но кремля не взяли. Под Калугой Сагайдачный простоял до Деулинского перемирия.

1 декабря 1618 г. в селе Деулине было подписано перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев, то есть до 3 января 1632 г. По условиям перемирия полякам отдавались уже захваченными ими города Смоленск, Белый, Рославль, Дорогобуж, Серпейск, Трубчевск, Новгород Северский с округами по обе стороны Десны, а также Чернигов с областью. Мало того, им отдавался и ряд городов, контролируемых русскими войсками, среди которых были Стародуб, Перемышль, Почеп, Невель, Себеж, Красный, Торопец, Велиж с их округами и уездами. Причем, крепости отдавались вместе с пушками и «пушечными запасами». Эти территории отдавались врагу вместе с населением. Право уехать в Россию получали дворяне со служилыми людьми, духовенство и купцы. Крестьяне и горожане должны были принудительно оставаться на своих местах.

Царь Михаил отказывался от титула «князя Ливонского, Смоленского и Черниговского» и предоставлял эти титулы королю Польши.

В свою очередь поляки обещали вернуть захваченных русских послов

во главе с Филаретом. Польский король Сигизмунд отказывался от титула «царя Руси» («великого князя Русского»). России возвращалась икона святого Николая Можайского, захваченная поляками и вывезенная ими в 1611 г. в Польшу.

Заклучить такой позорный мир в то время, когда у поляков не было ни одного шанса взять Москву и были все шансы потерять армию от голода и холода (вспомним 1812 год!) мог только сумасшедший или преступник. Но Мишенька Романов так давно не видел папочку!

А между тем имелся еще и внешнеполитический фактор, складывавшийся явно не в пользу поляков. Московский посольский приказ не мог не знать о кризисе отношений Речи Посполитой с Турцией и Швецией. В 1618 г. на турецкий престол вступил Осман II. Молодой султан немедленно начал подготовку к походу на Польшу. В 1621 г. большая армия перешла Днестр.

В том же 1621 г. шведский флот вошел в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант, предводительствуемый королем Густавом II Адольфом. Война со шведами длилась восемь лет. 16 сентября 1629 г. было подписано перемирие, по которому Сигизмунд III наконец-то отказался от шведской короны. Ему пришлось признать Густава II не только королем Швеции, но и правителем Лифляндии, Эльбинга, Мемеля, Пиллау и Браунсберга.

В 1618 г. началась знаменитая Тридцатилетняя война, в которую немедленно вмешался король Сигизмунд III. Риторический вопрос, что произошло бы, если бы Владислав с коронным войском увяз в русских лесах-..

Возникает естественный вопрос — собственно, зачем Сагайдачный и его казачество поперлись к Москве? Ведь походы Гришки Отрепьева и Тушинского вора по своим целям кардинально отличались от похода королевича Владислава. Оба самозванца хотели захватить власть в Московском государстве и оставить все как есть — православную веру, административный аппарат и т. д., произведя лишь необходимые кадровые перестановки. А в 1617–1618 гг. королевич и шляхта чувствовали себя конкистадорами в землях инков. Они несли погрязшим в ереси туземцам истинную веру и должны были стать господами в новых землях. Овладей ляхи Московским государством, естественно, всем вольностям малороссийских и запорожских казаков пришел бы конец, а возможно произошло бы и полное искоренение казачества.

Сагайдачный не мог этого не понимать. Так зачем же он пошел? А может ему ничего не оставалось, как возглавить движение казаков,

рвавшихся к легкой добыче?

Вернувшись в Малороссию, Сагайдачный вновь провозглашает себя гетманом. В каких отношениях он был с Барабашем, и все ли запорожцы признали Сагайдачного гетманом — не ясно.

В 1620 г. запорожцы отправились в большой морской поход. Казаки опустошили румелийское (европейское) побережье Турции. Французский посол в Стамбуле де Сези сообщал своему королю, что в августе 1620 г. 150 чаек опустошали западные берега вплоть до столицы. Казаки взяли и разграбили крупный город Варну с населением 15–16 тысяч человек. Турецкий флот перекрыл выход в Днепро-Бугский лиман, и казаки возвратились домой посуху. В районе Перекопа они подверглись нападению крымских татар, но сумели наголову разгромить неприятеля. К сожалению, не удалось восстановить, кто возглавлял поход 1620 года.

Что же касается самого Сагайдачного, то он, видимо, наконец-то осознал, чем ему и малороссийскому казачеству грозит союз с поляками. Сагайдачный публично покался и просил прощения у иерусалимского патриарха Феофана за злодеяния, совершенные им и его казаками в России в 1618 г.

Мало того, он посылает в Москву своего атамана Петра Одинца «со товарищи» с просьбой принять гетмана вместе со всем Войском Запорожским на службу к царю.

В марте 1620 г. Одинец держал речь перед боярами. Вот ее официальная запись: «Прислали их все запорожское войско, гетман Сагайдачный с товарищами, бить челом государю, объявляя свою службу, что они все хотят ему великому государю служить головами своими по-прежнему, как они служили прежним великим российским государям и в их государских повелениях были и на недругов их ходили, крымские улусы громили. Теперь они также служат великому государю, ходили на крымские улусы, а было их 5000 человек, было им с крымскими людьми дело по Сю сторону Перекопи под самую стеною; татар было на Перекопи с 7000 человек, а на заставе с 11 000; божиею милостию и государевым счастьем татар они многих побили, народ христианский многий из рук татарских высвободили; с этою службою и с языками татарскими присланы они к государю: волен бог да царское величество, как их пожалует, а они всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его к царской милости к себе ныне и впредь искать хотят». Думный дьяк Грамотин, похваливши их за службу, сказал: «Здесь в Российском государстве слух было понесся, что польский Жигимонт король учинился с турками в миру и в дружбе, а на их веру хочет наступить: так они бы объявили, как польский

король с турками, папою и цесарем? А на их веру от поляков какого посягательства нет ли?» Черкасы отвечали: «Посягання на нас от польского короля никакого не бывало; с турками он в миру, а на море нам на турецких людей ходить запрещено из Запорожья, но из малых речек ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаем, и на Крым нам ходить не заказано. На весну все мы идем в Запорожье, а царскому величеству все бьем челом, чтоб нас государь пожаловал как своих холопей».^[79] Царь послал Сагайдачному 300 рублей «легкого жалованья» и отправил грамоту.

Вновь прошу прощения у читателя за длинную цитату, но иначе никак не схватить за руку «самойстийных сказочников».

Однако до польско-казацкой войны и вмешательства Москвы в малороссийские дела дело не дошло. Летом 1620 г. большое турецкое войско, около 60 тысяч человек, во главе с Искандером-пашой вступило в Молдавию. На соединение с турками пошел Кантемир-мурза с Белгородской (Буджкской) ордой в 20 тысяч человек. Получив известие об этом, гетман Жолкевский с частными армиями двинулся навстречу туркам. Он занял позицию над рекой Прут у села Цецори вблизи Ясс. 10 сентября 1620 г. турки нанесли полякам поражение, и Жолкевский вынужден был отступить.

27 сентября около Могилева на Днестре армия Жолкевского была полностью разгромлена. При этом погиб и сам коронный гетман. Его отрубленная голова, надетая на копье, была выставлена перед шатром военачальника-победителя, а затем отправлена в Стамбул. Буджакская орда вторглась в Подолию, опустошая все на своем пути, захватывая в плен ее жителей. Татарские отряды, продвигавшиеся вглубь Малороссии, появлялись даже в окрестностях Львова.

Разгром коронной армии вызвал в Варшаве панику. В катастрофе в Молдавии сеймовые послы обвинили правительство, в особенности коронного гетмана Жолкевского. Ослепленный спесью и ненавистью к казакам, говорили послы сейма, он не призвал их к походу в Молдавию и этим обрек на гибель польское войско. Не желая делить с казаками лавры будущей победы, Жолкевский, по их словам, говорил: «Не хочу я с Гринями воевать, пускай идут на пашню или свиней пасти».

В конце концов паны решили пойти на уступки казачеству: старшинам пообещать от имени короля земельные владения, ослабить притеснения православных, увеличить число реестровых казаков и т. д.

А в это время Сагайдачный был занят... церковными делами. Он еще задолго до сейма приступил к восстановлению православной иерархии,

ликвидированной в Малороссии после Брестской унии 1596 года.

Весной 1620 г. Сагайдачный с почетным казацким эскортом встретил иерусалимского патриарха Феофана и бдительно охранял его от польских панов. Осенью того же года Феофан посвятил в Киеве Иова Борецкого в сан киевского митрополита, и Исаию Копинского — в сан перемышльского епископа. Позднее были посвящены еще четыре епископа на малороссийские и белорусские епархии, среди них на луцкую — Исаакий Борискович. Замечу, что Иов Борецкий, Исайя Копинский и Исаакий Борискович были не только активными борцами против окатоличивания и полонизации, но и горячими поборниками идеи воссоединения Малороссии с Россией.

Посвящение православных иерархов было враждебным по отношению к польскому правительству актом, поэтому, когда патриарх Феофан в начале 1621 г. отправился на родину, Сагайдачный с тремя тысячами казаков сопровождал его до местечка Буши на польской границе.

Приблизительно в это же время произошло еще одно важное событие — вступление гетмана Сагайдачного вместе со всем реестровым войском в православное Киевское братство.

Сагайдачный по-прежнему считался «гетманом обеих половин Днепра», но запорожцы еще в конце 1619 г. выбрали другого гетмана — Яцка Нероча Бородавку, по происхождению из хлопов. Однако вторжение турок побудило Сагайдачного и Бородавку заключить временный союз. Объединение обеих казацких армий произошло весной 1621 г., когда передовые отряды турок подошли к устью Днепра. Вслед за ними двигались главные турецкие силы во главе с султаном Османом II.

5-7 июня 1621 г. оба казацких войска — Сагайдачного и Бородавки — сошлись на раду в урочище Сухая (или Черняхова) Дубрава, находившимся между Ржищевом и Белой Церковью. По словам очевидца ксендза Оборницкого на раду собралось около 40 тысяч человек. Прибыл и митрополит Иов Борецкий с многочисленным духовенством, и королевские посланцы, которые объявили казакам постановление сейма, прибавив к нему разные обещания. В своем слове на раде гетман Бородавка напомнил казакам о том, что они представляют собой грозную силу: «Перед войском Запорожским дрожит земля польская, турецкая и целый мир». Масса вооруженных казаков и бурная обстановка, в которой происходила рада, производили сильное впечатление. Ксендз Оборницкий писал: «Нужно опасаться, как бы дело не дошло до восстания, до крестьянской войны. Уж очень они разошлись тут, увидев себя в таком собрании и силе... Храни, боже, здешних католиков... им некуда будет бежать... Все живое поднялось

в казачество».^[80]

Рада приняла предложения польского сейма о выступлении в поход против турок и отправила к королю своих представителей: Сагайдачного, владимирского епископа Курцевича и еще двоих. Казацкое войско во главе с Бородавкой двинулось в Молдавию навстречу армии Османа II, а казацкие представители — в Варшаву, куда и прибыли в июле 1621 г. во время очередного сейма.

Турецкая и польско-казацкая армии встретились у Хотина. Накануне сражения Сагайдачному удалось схватить, а затем казнить Бородавку. Сторонники последнего не рискнули начинать усобицу перед лицом страшных османов. **(Сх. 13)**

25 августа 1621 г. султан Осман II приказал начать штурм укрепленного казацкого лагеря. После ожесточенного боя, потеряв 3300 человек, турки отступили. Сражение продолжалось еще 5 дней с переменным успехом. Затем наступила трехнедельная пауза, во время которой боевые действия ограничивались локальными стычками. 18 сентября турки вновь атаковали польский лагерь, но были отбиты.

Обе стороны понесли большие потери и 29 сентября 1621 г. заключили мир. Первым и важнейшим пунктом мирного договора, на котором особенно настаивал султан, было обязательство Польши запретить казакам нападать на турецкие владения, а в случае неповиновения карать их за это. Польский король должен был также платить крымскому хану «упоминки» (дань) и т. д. Султан, со своей стороны, обязывался сдерживать Крымскую, Белгородскую и другие орды от нападения на Польшу, а также назначать на молдавский престол лиц, дружественно относящихся к Польше.

В итоге битва под Хотиным кончилась вничью, а мирный договор для поляков можно считать компромиссным лишь с большой натяжкой — хорош победитель, который по мирному договору обязуется платить дань побежденному.

Тем не менее, и поляки, и украинские националисты считают битву под Хотином блестящей победой польского или, соответственно, казацкого оружия.

Мой дед, Василий Дмитриевич Широкоград, предки которого были казаками, в подобных случаях вспоминал старую казацкую поговорку о ляхах-похвальбушках: «Всравшись орет — наша берет!»

В битве с турками Сагайдачный получил тяжелую рану, от которой ему не было суждено оправиться. 10 апреля 1622 г. он умер и был погребен в Киеве в Богоявленской церкви Братского монастыря. В начале XVIII века при перестройке церкви могила Сагайдачного была разрушена, а к началу

XX века никто не знал ее местонахождения. Думаю, сейчас самостийники найдут его могилу. Чьи кости там будут — неважно. Главное — помпа и громкие речи о «вильной Украине», созданию которой де оный гетман посвятил всю свою героическую жизнь.

Под Хотином сражалось около 40 тысяч запорожских и реестровых казаков, в числе которых были и тысячи крестьян, для которых война с турками была поводом бежать от барщины. Пока эти казаки дрались на суше, часть запорожцев отправилась бить турок на море.

В 1621 г. 1300 донских казаков и 400 запорожцев вышли ранней весной в Азовское море. Атаманы Суляно, Шило и Яков Бородавка избрали целью похода город Ризе на юго-западном берегу Черного моря. Казаки взяли штурмом дворец паши, понеся большие потери. На обратном пути казаков застал сильный шторм, во время которого затонуло много стругов. Тут на них напала турецкая эскадра из 27 галер. Только 300 донцов и 30 запорожцев на восьми стругах прорвались в Дон и вернулись домой.

В июне 1621 г. шестнадцать чаек появились у Стамбула, в городе началась паника. Казаки прошли вдоль берега Босфора, разоряя и сжигая все села на своем пути. На обратном пути в районе устья Дуная произошло сражение казаков с эскадрой капудан-паши Халиля. Несколько чаек туркам удалось захватить. Пленных казаков публично казнили в городе Исакчи на Дунае в присутствии самого султана: давили слонами, разрывали галерами на части, закапывали живьем, сжигали в чайках, сажали на кол. Осман II с удовольствием смотрел на казни и даже принимал в них активное участие. Разъезжая на коне возле истязаемых казаков, он стрелял в них из лука почти без промахов, так как был искусным стрелком, а головы убитых казаков султан приказывал солить и отправлять в Константинополь.

В том же году произошел и «дебют» молодого атамана Богдана Хмельницкого, который вывел в Черное море флотилию чаек. В августе 1621 г. в морском бою запорожцы утопили 12 турецких галер, а остальные преследовали до Босфора.

Весной 1622 г. на Дон прибыл отряд запорожцев с атаманом Шило. Вместе с донцами они двинулись на стругах вниз по Дону. В устье реки казаки атаковали турецкий караван и захватили три судна. Затем казаки пограбили татар в районе Балыклеи (Балаклавы), погуляли у Трапезунда и, не дойдя 40 километров до Стамбула, повернули назад. На обратном пути их перехватила турецкая эскадра из 16 галер. В бою погибло 400 казаков, а остальные благополучно вернулись на Дон.

В июле того же 1622 года сто запорожских чаек прорвались мимо Очакова в Черное море. В это время у Кафы стояла турецкая эскадра с

капудан-пашой во главе. Эскадра должна была поспособствовать смене власти в Бахчисарае — турки вместо Мухаммеда Гирея II хотели сделать ханом Джанибека Гирея. Появление казацкой флотилии у стен Кафы склонило чашу весов на сторону Мухаммеда Гирея.

От Кафы казаки отправились к Босфору. Весь день 21 июля чайки простояли в виду османской столицы, наводя страх на ее жителей, а потом повернули обратно. Однако через несколько дней казаки возвратились и на этот раз сожгли босфорский маяк, разорили несколько прибрежных селений и снова отошли в открытое море.

Но казаки на этом не успокоились, и 7 октября их чайки опять появились ввиду Константинополя. Они ворвались в Босфор, разгромили на его берегу селение Еникой и благополучно возвратились домой.

В июле 1622 г. французский посол сообщал в Париж, что казаки на 30 чайках разорили анатолийское побережье и нагнали страху на жителей Стамбула, вызвав у них настоящую панику. По этому поводу посол писал: «Слухи о четырех чайках в Черном море пугают турок больше, чем чума в Морее или Берберии — так напуганы они с этой стороны».

В июне 1624 г. около 150 чаек опять прорвались в Черное море. Через три недели чайки вошли в Босфор и двинулись к Константинополю. Турки срочно отремонтировали большую железную цепь, сделанную еще византийцами, и заперли ею залив Золотой Рог. Казаки сожгли Буюк-Дере, Зенике и Сдегну, а затем уплыли обратно.

В следующем 1625 году 15 тысяч донских и запорожских казаков на 300 чайках из Азовского моря вышли в Черное море и двинулись к Синопу. Каждая чайка несла по 3–4 фальконета. На западном берегу моря при Карагмане с ними в сражение вступили 43 турецкие галеры под командованием Редшида-паши. Вначале казаки брали верх, но затем ветер подул в лицо казакам. В результате они потерпели неудачу. Было потоплено 270 чаек, а 780 казаков попало в плен. Часть из них была казнена, а часть отправлена навечно на галеры.

Монах-доминиканец Э. д'Асколи, побывавший в Крым в 1634 г., писал, что казаки в 20-30-х годах XVII века неоднократно штурмовали турецкую крепость в Керчи, но взять ее не смогли. Зато Судакская долина стала необитаемой от казачьих набегов. Д'Асколи посетил город Инкерман (район нынешнего Севастополя), до основания разрушенный казаками.

Походы казаков происходили почти каждый год, и обо всех просто нет возможности упомянуть.

В 1628 г. донские казаки захватили Балаклаву, затем поднялись в горы и напали на город Карасубазар. Не имея возможности унять донцов,

крымский хан написал кляузу в Москву: «Казаки их крымские улусы повоевали и деревни пожгли и лутчей город Карасов [Карасубазар — А. III.] выжгли, и ныне де казаки стоят в крымских улусах и шкоды людям их чинят».

В 1631 г. полторы тысячи донцов и запорожцев высадились в Крыму в Ахтиарской бухте, то есть будущем Севастополе, и двинулись вглубь полуострова. 8 августа казаки взяли «большой город» в Козлове, а татары отсиделись в «малом городе». Затем казаки ушли в море и высадились в Сары-Кермене, то есть в давно заброшенном и разрушенном Херсонесе. Здесь они устроили свою базу, из которой опустошали окрестности.

16 августа у Мангупа казаки встретились с войском хана Джанибек Гирея. Татары были разбиты, казаки захватили две пушки. Хан бежал из Бахчисарая. Но казаки по неясным причинам ушли назад, разграбив на прощание Инкерман.

Глава 7

Кровавые будни Малороссии

После заключения мира с турками в 1621 г. польские магнаты потребовали урезать численность реестрового войска до 3 тыс. человек и заставить казаков строго выполнять условия договора, то есть не нападать ни на турок, ни на татар. Продолжались и гонения на православную церковь. Так, вожди киевских униатов войт Федор Ходька и мещанин Сазон сделали попытку насильственно опечатать православные церкви в Киеве.

Митрополит Борецкий немедленно отправил жалобу в Сечь гетману Коленику Андрееву. Тот прислал отряд запорожцев во главе с полковниками Якимом Чисринцким и Антоном Лазаренко. По дороге к ним присоединились многие казаки крестьяне. В начале января (после крещения) полковники заявили в Киев и распечатали церкви. Войт Ходька и несколько десятков униатов были схвачены и заключены в темницу.

Иов Борецкий прекрасно понимал, что расправившиеся с униатами запорожцы не смогут защитить его и паству от коронного войска, и обратился за помощью к царю. «В феврале 1625 года приехал в Москву от киевского митрополита луцкий епископ Исакий с просьбою, чтоб государь взял Малороссию под свою высокую руку и простил козакам их вины. Бояре отвечали Исакию: „Как видно из твоих речей, мысль эта в самих вас еще не утвердилась, укрепления об этом между вами еще нет; про козаков ты сказал, что их столько не будет, чтоб стоять против поляков одним без помощи, и говоришь, что теперь Запорожское Войско идет на весну морем на турок: так теперь царскому величеству этого дела начать нельзя. А если вперед вам от поляков в вере будет утеснение, а у вас против них будет соединение и укрепление, тогда вы царскому величеству и святейшему патриарху дайте знать; тогда царское величество и святейший патриарх будут о том мыслить, как бы православную веру и церкви божии и вас всех от еретиков в избавлении видеть“.

Исакий отвечал: „У нас та мысль крепка, мы все царской милости рады и под государевою рукою быть хотим, об этом советоваться между собою будем, а теперь боимся, если поляки на нас наступят скоро, то нам кроме государской милости деться некуда. Если митрополит, епископы и Войско Запорожское прибегнут к царской милости и поедут на государево

имя, то государь их пожаловал бы, отринуть не велел, а им кроме государя деться негде“». ^[81]

Как видим, московское правительство теоретически было не прочь принять в подданство Малороссию, но при этом не желало затевать большую войну с Речью Посполитой.

Любопытно, что одновременно с демаршем Борецкого, принять казаков в подданство царя Михаила попросил... шведский король Густав Адольф, воевавший с Сигизмундом III. В Москву прибыло шведское посольство с грамотой, где говорилось, «чтоб царское величество послал к запорожским козакам свое повеление и отвел бы их от польской короны». На это в Москве ответили, что «этого сделать никак нельзя, потому что запорожские козаки люди польского короля, а не московского государя, а между королем и государем заключено перемирие». Но Густав Адольф на этом не остановился и в 1626 году прислал в Москву новых послов с просьбой пропустить их в Белоруссию и Запорожье. Король вел войну против Польши и хотел вовлечь в это дело и Москву, а главным образом — запорожских козаков. Но в Москве снова дали отрицательный ответ все на том же основании, что «в перемирные лета сделать этого (пропустить послов и встать против Польши) нельзя, потому что это будет крестному целованию преступление и на душу грех». ^[82]

А между тем в конце сентября 1625 г. в Малороссию вторглось 30-тысячное коронное войско во главе с гетманом Станиславом Конецпольским. Помимо шляхтичей в войске состояло свыше 3 тысяч немецких наемников. Момент нападения был выбран ляхами удачно. В среде запорожцев не было единства. Казаки попеременно выбирали в гетманы то Михайла Дорошенко, то Марка Жмайло.

С приближением коронного войска к Поднепровью казаки-повстанцы из Канева, Черкасс и других мест двинулись на юг, к Запорожью, и в устье реки Цыбульник — правого притока Днепра — в селе Таборище встретились с запорожцами, шедшими на соединение с ними под предводительством Жмайла. Тут, около Таборища, в миле от местечка Крылов, объединенные отряды повстанцев стали лагерем. Всего их насчитывалось около 20 тыс. человек.

14 октября 1625 г. коронное войско подошло к Крылову. Конецпольский сразу же отправил к казакам комиссаров с требованием признать постановление сейма 1623 года о сокращении реестра до 5 тысяч человек и возвращении остальных под власть прежних панов. Вечером к нему прибыли казацкие посланцы с ответом, что казаки не желают

выполнять ни одного пункта из предъявленных условий. «Вы вскоре испытаете силу наших сабель на своих головах за вашу непокорность и своеволие», — заявил коронный гетман казацким посланцам.

На следующее утро все коронное войско двинулось на штурм казацкого лагеря, а польская артиллерия открыла сильный огонь. Однако повстанцы не только устояли, но и ответили ударом на удар. Казацкая конница, укрытая в балке, неожиданно атаковала правый фланг поляков, нанеся им большой урон. Все многочисленные попытки Конецпольского прорваться в повстанческий лагерь закончились неудачей. Бой закончился только поздним вечером. Конецпольский отвел свое войско на прежние позиции и стал готовиться к новому штурму. (Сх. 14)

Однако повстанцы той же ночью оставили лагерь и отошли на восток, к озеру Россоховатое. Переправившись через него, они остановились у озера Курукового, но не успели там укрепиться. Конецпольский перевел вброд через озеро Россоховатое свое войско и сразу бросился в атаку. Под самым повстанческим лагерем поляки попали в трясину и под сильным огнем казаков с большими потерями с трудом выбрались из болота. Бискуп Пясецкий писал: «От казацких самопалов легло немало конницы и особенно иностранной пехоты».

А тем временем наступили холода, выпал первый снег. Конецпольский не имел никакого желания застрять в Поднепровье на всю зиму и был вынужден пойти на переговоры. У казаков тоже были проблемы с боеприпасами и продовольствием. И с 5 по 26 ноября в казацком лагере прошли переговоры. У Жмайла была отобрана булава (дальнейшая судьба его неизвестна) и опять передана Дорошенко. На следующий день новый гетман со всей старшиной прибыл к Конецпольскому и принял условия польской стороны.

Городовые (малороссийские) казаки признавали себя подданными польского короля, король же увеличивал число реестровых казаков до 6 тысяч, а остальных велено было вывести за реестр и лишить всех казацкого звания. Такие люди были названы выписчиками и составляли огромное большинство против реестровых. Из шести тысяч реестровых казаков одна тысяча должна была по очереди находиться за Днепровскими порогами, не пускать неприятеля к переправам через Днепр и не допускать вторжения его в королевские земли. Всем казаком запрещалось выходить в море, предпринимать сухопутные набеги на земли мусульман и приказывалось сжечь морские лодки в присутствии польских комиссаров.

Из реестровых казаков было составлено шесть полков-округов: Киевский, Переяславский, Белоцерковский, Корсунский, Каневский и

Черкасский. Центром полка являлся город (по нему и дано было название), где находилась полковая старшина. Полки делились на сотни. Артиллерия реестра и войсковая «музыка» (трубачи, барабанщики и др.) размещались в Каневе. Над всеми полками стояла войсковая старшина во главе с гетманом.

Сразу оговорюсь: соглашение касалось только городских казаков, запорожцев же статьи соглашения не касались.^[83]

Но уже через несколько месяцев после Куруковского договора семьдесят запорожских чаек вышли в Черное море. В 1628 г. в Крыму был лишен престола хан Мухаммед Гирей II, а его место занял Джанибек Гирей. Свергнутый хан обратился за помощью к гетману Михаилу Дорошенко, и тот, разумеется, без санкции короля повел казаков (реестровых, нереестровых малороссийских и запорожцев) в Крым. Однако в сражении с татарами в степном Крыму Дорошенко был убит, а его голову воткнули на кол на стене Кафы.

После смерти Михаила Дорошенко в Малороссии оказалось сразу два гетмана — Григорий Черный и Тарас Трясило, из которых первый был сторонником поляков, а второй — сторонником русских. Спасаясь от Черного, Трясило бежал в Сечь к запорожцам. Просидев там около полугода, Тарас вышел оттуда с войском в Малороссию. Шедшие с ним казаки распускали слухи, будто бы идут к Черному с покорностью. Черный поверил молве, но был схвачен запорожцами, доставлен к Трясило и изрублен на куски. После этого Тарас объявил себя гетманом и предъявил свои требования полякам: вывести из Малороссии жолнеров, уничтожить Куруковскую комиссию, ограничившую численность казацкого сословия, и выдать приверженцев Григория Черного.

Генеральное сражение поляков с казаками произошло в конце мая 1630 г. у города Переяслава. (С 1943 г. Переяслав-Хмельницкий). Историк запорожского казачества Д. И. Яворницкий назвал эту битву «загадочной по своим последствиям». Судя по всему, обе стороны понесли большие потери, и, в конце концов, 29 мая был подписан мирный договор.

Основным источником русских (Соловьев и др.) и украинских историков (Яворницкий, Субтельный и др.) служат показания русского лазутчика Григория Гладкого, родом из Путивля, которые он дал в августе 1631 г. в Посольском приказе в Москве. По словам Гладкого: «Гетман Конецпольский осадил казаков в Переяславе. У польских людей с черкасами в три недели бои были многие, и на тех боях черкасы поляков побивали, а на последнем бою черкасы у гетмана в обозе наряд взяли, многих поляков в обозе выбили, перевозки по Днепру отняли и паромы по

перевозам пожгли. После этого бою гетман Конецпольский с черкасами помирился, а приходил он на черкас за их непослушание, что они самовольством ходят под турецкие города, и всем войском убили Гришку Черного, которого он прежде дал им в гетманы. Помирясь с черкасами, Конецпольский выбрал им на них же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка. А было у Конецпольского польских и немецких людей и черкас лучших, которые от черкас пристали к полякам, 8000, а черкас было 7000».

Полякам действительно пришлось пойти на уступки. Так, число реестровых казаков было увеличено до восьми тысяч. Судьба же Трясилы (в русских документах он именуется Тарас Федорович) точно неизвестна. Соловьев и Яворницкий считали, что его казнили в Варшаве, а более поздние историки (Субтельный, авторский коллектив «Истории Украинской ССР») отрицают это. Мало того, последние утверждают, что перед подписанием соглашения Тарас Федорович ушел с десятью тысячами казаков в Сечь, где был выбран гетманом.^[84]

В 1632 г. в Польше умер король Сигизмунд III, и собравшийся по этому поводу сейм приступил к избранию нового короля. В это время на вальный (избирательный) сейм явились депутаты от нереестровых казаков. Ссылаясь на то, что казаки составляют часть польского государства, депутаты потребовали от имени войска обеспечения православной веры и права голоса на выборах короля. На это требование сенат Речи Посполитой ответил казаком, что хотя они действительно составляют часть польского государства, но такую, «как волосы или ногти в теле человека: когда волосы или ногти слишком вырастут, то их стригут. Так поступают и с казаками: когда их немного, то они могут служить защитой Речи Посполитой, а когда они размножатся, то становятся вредными для Польши». Относительно обеспечения православной веры казацким депутатам сказали, что этот вопрос рассмотрит будущий король Польши, а относительно участия в избрании короля ответили, что на избрание короля имеет право сенат и земское собрание.

Таким образом, казаки и жители Малороссии были признаны неполноценными гражданами, а Малороссия — колонией Польши.

В 1634 г. польский сейм постановил построить на Днепре мощную крепость с польским гарнизоном, чтобы отрезать Запорожскую Сечь от Малороссии. На эту затею сейм выделил из казны сто тысяч злотых. Место для крепости выбрали на высоком правом берегу Днепра чуть ниже впадения речки Самары. (Сейчас это окраина города Днепропетровска). Крепость получила название Кодак, поскольку находилась рядом с первым

Кодачкиным порогом Днепра.

Строительство крепости шло в присутствии коронного гетмана Конецпольского и под его руководством. В июле 1635 г. строительство крепости завершилось. Забегая вперед, скажу, что сия фортеция неоднократно разрушалась, а затем восстанавливалась. Окончательно она была срыта в 1711 г. по Прутскому договору.

Комендантом крепости Кодак назначили французского полковника Мориона. Он не только не пропускал вверх или вниз по Днепру вооруженных казаков, но даже запрещал ловить рыбу вблизи крепости. Двадцать казаков-нарушителей оказались в подвалах крепости.

Бравый француз арестовал бы и больше казаков, но тут на его беду в начале августа 1635 г. показались чайки запорожского гетмана Сулимы, который возвращался в богатой добычей из дальнего похода по Черному и Азовскому морям. Подивились казаки на знатную фортецию, неведомо как выросшую у Кодачкина порога, ведь в поход они ушли два года назад и видели тогда лишь пустынные берега. Что говорили казаки, увидев крепость, неизвестно, да если бы и известно было, напечатать это все равно бы не дали. Доподлинно же известно, что Кодак был взят штурмом, польский гарнизон перебит, brave француз лично «зарезал»^[85] Сулима. После чего гетман велел казакам «раскопать» крепость.

Далее Сулима с казаками пошел вверх по Днепру. Однако полякам удалось добиться раскола в казачьем стане. Сулима с пятью приближенными казаками был обманом захвачен поляками. Его отправили в Варшаву и там четвертовали. В конце 1635 г. Кодак вновь был занят поляками, которые немедленно приступили к восстановлению крепости.

В 1637 г. комиссар польского правительства Адам Кисель и польный гетман Николай Потоцкий произвели чистку реестра. В нем остались лишь те, за кого поручились старосты и подстаросты. Под давлением поляков реестровые казаки выбрали гетмана Василия Томиленко. Между тем в Крым двинулось войско запорожских и нереестровых малороссийских казаков во главе с Карпо Павлюком, по происхождению турком.

По возвращении в Малороссию Павлюк узнал о притеснениях казаков поляками и со своим отрядом овладел Черкасском, где хранилась артиллерия реестровых казаков. По приказу Павлюка пушки были вывезены в Сечь, туда же стали собираться все недовольные панам и их приспешником Томиленко. (Сх. 15)

Реестровые казаки тоже были недовольны Томиленко и в результате созвали Раду, где новым гетманом избрали Савву Кононовича, выходца из Московии. Но Савва попытался угодить «и нашим, и вашим». В результате

его схватили казаки Павлюка и привезли в городок Крылов. Там Савва Кононович и несколько старшин были публично расстреляны.

Теперь и реестровые казаки выбрали атаманом Карпо Павлюка. Он 11 октября 1637 г. написал универсал всему казачеству, мещанству и посполству, призывая всех против «неприятелей народа русского христианского и древней греческой веры», то есть против поляков.

28 октября 1637 г. из польского города Бара против казаков двинулось 15-тысячное королевское войско под началом Николая Потоцкого. 6 декабря в бою под Кумейками казаки потерпели поражение, Павлюк с остатками войска отступил к Черкассам, но 10 декабря был окружен поляками в местечке Бородице. Полякам удалось поджечь деревянные постройки, но казаки защищались с такой отвагой, что польский гетман был вынужден вступить в переговоры. В польский лагерь прибыли Павлюк, Томиленко и еще несколько старшин. Николай Потоцкий и Адам Кисель пообещали всем осажденным свободу, если они прекратят сопротивление. Старшина согласилась на капитуляцию, но едва казаки вышли из местечка, как их окружило коронное войско. Павлюк и несколько старшин были схвачены и в оковах отправлены в Варшаву, где их казнили в торжественной обстановке.

14 декабря 1637 г. казакам объявили условия Потоцкого: отныне реестр сокращался до шести тысяч человек, выборы командного состава отменялись, и командовать войском теперь будут только назначенные королем офицеры.

В 1638 г. поляки, наконец, восстановили Кодакскую крепость. Руководил работами французский инженер Боплан. На сей раз крепость стала намного сильнее. Восстановленный Кодак решил осмотреть сам коронный гетман Конецпольский. «Каков вам кажется Кодак?» — хвастливо спросил гетман у присутствовавших малороссийских старшин. «Manu facta manu distruo»^[86], ответил гетману чигиринский сотник. Звали этого сотника Богданом, а прозвище было Хмельницкий.

Между тем повстанческое движение в Малороссии не утихало ни на один день. Крестьяне и мещане продолжали бежать в Запорожье. Туда же отступали разбитые повстанческие отряды. В Запорожской Сечи собирались силы для новых выступлений. Уже в феврале 1638 г. там под началом атамана Скидана скопилось пять-шесть тысяч человек.

Конецпольский, надеясь подавить восстание в самом начале, направил за пороги реестровое войско, а чтобы оно снова не перешло на сторону повстанцев, провел еще одну «чистку». Ранней весной 1638 г. за пороги был послан отряд жолнеров численностью 500 человек во главе с

ротмистром Мелецким. Жолнеры должны были обманом выманить запорожцев из Сечи, пообещав им вписать всех без исключения в реестр. Для этого Мелецкий должен был составить фиктивный реестр, а если казаки не поверят ему, то разгромить Сечь с помощью реестрового отряда.

Мелецкий прибыл в Запорожье, но казаки отвергли все его предложения, а попытки взять Сечь силой закончились полным разгромом жолнеров и реестровых казаков. Самому ротмистру едва удалось спастись.

В начале 1638 г. запорожцы в Сечи избрали нового гетмана. Им стал Яцко Острянин — предводитель восстания на Левобережье в 1637 г. Одновременно на Дон отправились посланцы с просьбой о помощи. В марте, накануне похода, Острянин обратился к малороссийскому народу с универсалом, где говорилось, что идет он «з войском на Украину для выдвигнення [освобождения — А.Ш.] вас, народа нашего православного, от ярма порабощения и мучительства тиранского ляховского и для отмщения починеных обид, разорений и мучительских ругательств... всему поспольству рода Русского и Малой России, по обоим сторонам Днепра мешкающего».

Ранней весной 1638 г. повстанцы начали боевые действия. Они разделились на три отряда. Первый, во главе с Остряниным, двигаясь левым берегом Днепра, занял Кременчуг и повернул на Хорол и Омельник. Запорожские чайки под началом Дмитро Гуни поднялись по Днепру и заняли переправы в Кременчуге, Максимовке, Бужине и Чигирин-Дубраве. Третий отряд под началом атамана Скидана, шедший правым берегом Днепра, занял Чигирин.

Навстречу отряду Острянина двинулся Станислав Потоцкий с королевским войском. Острянин занял оборону в городке Голтва, на левом берегу одноименной речки, впадающей в Псёл, в полукружье, образованном этими двумя реками. Городок, обнесенный частоколом, имел замок, от которого до правого берега, болотистого и лесистого, тянулся длинный узкий мост. Казаки укрепили Голтву, насыпали вал, перегородив таким образом открытую сторону полукружья, а находившийся перед валом курган превратили в редут, где поставили пушки.

В конце апреля войско Потоцкого подошло к Голтве и заняло позиции. Свой лагерь осаждавшие от одной реки до другой обнесли валом. 25 апреля Потоцкий отправил на правый берег реки Псёл два полка иностранной пехоты и несколько тысяч реестровых казаков под началом Караимовича с заданием овладеть замком с противоположной стороны — от моста. Острянин разгадал этот план и послал в тыл Караимовичу отряд казаков. Караимович, перейдя реку, попытался по мосту подступить к замку, но был

встречен сильный огнем. Потеряв многих убитыми и ранеными (сам Караимович тоже был ранен), он хотел вернуться к переправе, чтобы перейти на левый берег, но повстанцы преградили ему путь, сделав завалы из деревьев, и открыли оттуда уничтожающий огонь. Отряду Караимовича оставалось только бежать в болото, где он и был полностью истреблен казаками.

Потерпев поражение, Станислав Потоцкий 1 мая отвел свое войско к Лубнам — удобному для обороны месту, а оттуда послал к коронному гетману послов с просьбой о помощи. Станислав ожидал также подхода своего брата Николая Потоцкого и Иеремии Вишневецкого. А тем временем казаки Острянина шли следом за Потоцким, торопясь разбить противника до подхода к нему подкреплений.

Повстанцы тоже ждали подхода к ним новых сил, и действительно, их войско вскоре увеличилось до 12 тысяч человек. 6 мая 1638 г. между повстанцами и польским шеститысячным войском Станислава Потоцкого началось сражение. Результат битвы был ничейным, причем обе стороны понесли большие потери. Однако ночью отряды Острянина стали отходить на северо-восток, а потом повернули к Миргороду.

Поляки настигли войско Острянина 31 мая под Жовниным близ впадения реки Сулы в Днепр. Казаки были разбиты, а Острянин с частью своего войска перешел русскую границу. Всего в Белгород с ним прибыло немного более тысячи казаков.

Другая часть повстанцев во главе с Дмитро Гуней засела в Жовнине и продолжала сопротивление. 29 июля 1638 г. Николай Потоцкий заключил соглашение с повстанцами, часть казаков, несогласных с соглашением, бежала с Гуней в Сечь.

Поражение восстания привело к резкому усилению гнета польских феодалов. Как доносил в Москву белгородский воевода: «Их [казаков — А.Ш.] крестьянскую веру нарушают и церкви божие разрушаются, и их побивают и жен их и детей, забирая в хоромы, пожигают и пищальное зелье, насыпав им в пазуху, зажигают, и сосцы у жен их резали, и дворы их и всякое строение разоряли и пограбили».^[87]

После кровавого усмирения Конецпольским Украины-Руси (в 1638 г.) и введения «Ординации» для казаков, в Речи Посполитой началась «золотая лихорадка» — стремление поскорее и побольше захватить земель в этой «умиротворенной» и уже значительно заселенной части королевства, которую сами поляки называли «золотым дном» благодаря ее природным богатствам.

Кроме магнатов, землями (с живущими на них) владели

многочисленные средние и мелкие шляхтичи, а также и монастыри и часть более зажиточного реестрового казачества.

При пожаловании (закреплении владения) королем, жаловалась не только земля, но и все с владением этой земли связанное. Насколько далеко распространились права владельца — видно из сохранившейся жалованной грамоты короля Владислава магнату Потоцкому. Этой грамотой во владение Потоцкого отдавались «слободы Бутин и Вороновка со всеми другими слободами, островами, уходами, теперь существующими, или теми, которые будут создаваться...»

Положение еще ухудшалось наличием целой армии посредников между владельцами и его «подданными». Обычно это были евреи, которые брали от владельца на откуп разные статьи его доходов: шинки, пошлины в городах при внутренней торговле («мито»), мельницы, право рыбной ловли, право пользования мостами через реки, плотинами (созданными трудом тех же крепостных), даже православными церквями, расположенными в границах пожалованных земель.

А нередко владельцы сдавали в аренду и целиком все поместье со всеми «доходными статьями».

Посредники, желая выколотить побольше из всех «доходных статей», изошрялись в их взыскании, учитывая, конечно, по своему усмотрению и свой посреднический «заработок». В случае же малейшего неповиновения к их услугам стоял весь полицейско-административный аппарат королевства.

Не имея непосредственного сношения со своими «панами», «посполитые» имели дело обычно с посредниками-евреями, а потому их гнев, возмущение и негодование против всяких невыносимо тяжелых поборов обрушивался на евреев и вызывал резкие антиеврейские настроения...

В главе «Антисемитські мотиви в об'ясненнях Хмельниччини» («Початки Хмельниччини», стр. 123) Грушевский пишет:

«Евреї арендатори заарендовали все шляхи казацкіє і заставили їх своїми шинками — на одній милі по три шинка ставили, вимуждає казаків к покупці у них водки і меда, і не дозволяє їм самим виготовлення цих напівків для собственого потрєблення. Об этом „дума“ говорить: „Як иде український козак тай корчму минає, А жид выбігає, та українського козака за чуб хватає, Та ще його двома кулаками по потылиці затыняє: Козаче-левенче, за що я буду рату платити, Що ти мимо корчмы йдеш тай корчму мииаєш“...»

Заарендовали евреи все казацкие торги и брали „мыто-перемыто“ от

пешего и конного проезжего, от всякой клади, даже от выпрошенной нищими их милостыни. Ото всех забирали, что лучшее, а кроме того, говорит „дума“:

„И ще ж то жыды-рандари у тому не пересталы — На славний України вси козацьки церкви заарендувалы: Котрому б то козаку альбо мужыку дав Бог дытыну появыты. То не йды до попа благословытыся; — да пиды, до жыда рендаря,

То положи бытый талер щобы жyd дозволив Церкву одчыныты, тую дытыну охрестыты“.

О поборах с разных промыслов известная „дума про поневолення козаччыиы жыдами“ говорит:

„Котрый бы то козак альбо мужьж схотив рыбы наловыты, Жинку свою з дитьмы покормыты, То не йде до попа благословытыся, Да пиде до жыда-рендаря, да поступи йому часть оддать Щоб позволив на ричци рыбы наловыты Жинку з дитьмы покормымы“^[88]».

Глава 8

Нравы и обычаи запорожцев

Настало время рассказать и о самих запорожцах — их нравах, одежде, вооружении, судопроизводстве, отношении к церкви и т. д. Сразу же возникает естественный вопрос: а откуда на Сечи брались запорожцы, поскольку там не было женщин? Главным источником пополнения казачьих рядов был приход добровольцев. Большинство их были уроженцами Малороссии и Великороссии. Но среди запорожцев встречались и поляки, болгары, волохи, татары, турки, евреи, немцы, французы и т. д. В Сечь брали людей всех национальностей, но при выполнении следующих условий: быть вольным и неженатым человеком, говорить по-русски, исповедовать православие и пройти своеобразное «обучение» в Сечи. И, наконец, присягнуть на верность русскому царю. Когда установили последнее условие — не ясно, оно вполне могло появиться и до 1653 г.

Прошлые грехи кандидатов в казаки не имели никакого значения. Польский сейм в 1590 г. потребовал от Запорожского войска не принимать к себе лишь приговоренных польским судом к смертной казни. Казаки попросту проигнорировали требование ляхов. Между прочим, сами поляки творили то же самое. Так, король Сигизмунд III официально простил приговоренного к смерти за преступления в Польше пана Александра Лисовского после того как он убил несколько тысяч мирных жителей в Московском государстве.

С Сечи выдачи не было ни при поляках, ни при русских царях. Так, к примеру, сохранился документ о дезертирстве в Сечь в 1735 г. пяти солдат Ревельского драгунского полка, на конях и с вооружением. Сечь их проглотила и «не нашла», когда этого потребовало русское правительство.

Казаки не требовали никаких подтверждений условий приема в Сечь. Заявит холопец, что хочет — ему верят; правильно перекрестится — ему опять верят и т. д.

Крайне важным является вопрос, на каком же языке говорили запорожцы? Тот же Яворницкий в «Истории запорожских казаков» утверждает, что они говорили на «малорусской речи».^[89] Но, увы, ни в одном из трех томов обширной монографии не приведено подтверждение этому. Современные же украинские ученые вообще считают, что казаки говорили по-украински. Правда, в вопросе, откуда взялся украинский язык,

в кругах творческой интеллигенции единства нет. Одни считают, что это язык древнего племени укров, от которых и пошло название «украинец», другие утверждают, что это язык атлантов, третьи грешат на Венеру — не богиню, а планету, разумеется. Нет! Нет! Я не шучу! А может это выдержки из «форумов» Интернета? Нет. Это вроде бы серьезные, массовые издания:

«Украинский язык — один из древнейших языков мира... Есть все основания полагать, что уже в начале нашего летосчисления он был межплеменным языком». («Украинский язык для начинающих». Киев, 1992). «Таким образом, у нас есть основания считать, что Овидий писал стихи на древнем украинском языке» (Гнаткевич Э. «От Геродота до Фотия» // «Вечерний Киев» за 26 января 1993 г.). «Вполне возможно, что украинская лексика... несла терминологические, колонизационные, жизнеутверждающие заряды на все четыре стороны Света-Первокрая, осваивая и оплодотворяя иноязычные и малоязычные территории... Мы можем допустить, что украинский язык стал одной из живых основ санскрита... Украинский язык — допотопный, язык Ноя, самый древний язык в мире, от которого произошли кавказско-яфетические, прахамитские и прасемитские группы языков» (Чепурко Б. «Украинцы» // «Основа», Киев, № 3. 1993). «Украинская мифология — наидревнейшая в мире. Она стала основой всех индоевропейских мифологий точно так же, как древний украинский язык — санскрит — стал праматерью всех индоевропейских языков» (Плачинда С. «Словарь древнеукраинской мифологии». Киев, 1993). «В основе санскрита лежит какой-то загадочный язык „сансар“, занесенный на нашу планету с Венеры. Не об украинском ли языке идет речь?» (Братко-Кутынский А. «Феномен Украины» // «Вечерний Киев» за 27 июня 1995 г.).

Ну ладно, на каком языке говорил Ной — вопрос спорный, пусть даже на украинской мове. Ну а русские в Киеве в IX–XIII веках? Ведь остались же книги, берестяные грамоты, надписи на иконах, стенах храмов и другие «граффити». Увы, нигде нет намека на украинский язык. Все надписи сделаны на старославянском (древнерусском) языке.

В ответ украинским ученым ничего не остается, как придумывать версии о двух, трех и даже четырех языках, на которых в IX–XV веках говорили в Приднепровье, и вот один-то их них и был украинским. Но, мол, считалось хорошим тоном писать лишь на церковнославянском. Но почему тогда какой-нибудь киевский хулиган не выцарапал на соборной или крепостной стене что-нибудь по-украински, ответить украинские ученые мужи не в состоянии.

Что же касается запорожцев, то все их документы XVI–XVII веков, дошедшие до нас, написаны на русском языке того времени, то есть на том же языке, на котором написаны документы Московской Руси, хотя и с небольшими вкраплениями полонизмов. Позже число отличий увеличилось. Так, к примеру, якобы украинское слово «друкарня» было заменено в России немецким словом «типография» лишь в XVIII веке.

Образованная часть казацкой верхушки в XVI–XVIII веках училась по тем же грамматикам, что и Михайло Ломоносов в Москве. Все православные книги были написаны на одном и том же языке.

В XVI–XVII веках десятки тысяч малороссов бежали от ляхов на восток в Россию, и у них никогда не возникло проблем с языковым барьером.

Тысячи запорожских казаков периодически жили на Дону и наоборот, донские казаки жилали в Сечи, и тоже никому и никогда не требовалось толмача. Естественно, на Днепре и на Дону были свои сленги, но говорить о разности языков не приходится.

«Кроме взрослых, беспрерывно приходивших в Сичь, немало попадало туда и детей мужского пола: одних из них сами отцы приводили в Сичь, чтобы научить их там военному искусству; других козаки хватали на войне и потом усыновляли в Сичи; третьих, особенно круглых сирот, они брали вместо детей; четвертых, чаще всего „небожей“ или „сыновцов“, т. е. племянников, выпрашивали у родителей; пятых просто приманивали к себе гостинцами и ласками и потом тайно увозили в Сичь».^[90]

Сохранилось несколько преданий о том, каким испытаниям подвергались кандидаты в казаки. «Сманят, бывало, Запорожцы к себе в Сечь какого-нибудь парня из Гетманщины, то сперва пробуют, годится ли он в Запорожцы. Прикажут ему, например, варить кашу: „Смотри же ты: вари так, чтоб не была и сыра, чтоб и не перекипела. А мы пойдем косить. Когда будет готова, так ты выходи на такой-то курган и зови нас; мы услышим и придем“. Возьмут косы и пойдут как будто бы косить. А кой чорт хочется им косить! Залезут в камыш и лежать. Вот парень сварит кашу, выходит на курган и начинает звать. Они и слышать, но не откликаются. Зовет он их, зовет, а потом в слезы: „Вот занесла меня нечистая сила к этим Запорожцам! Лучше было бы сидеть дома при отце, при матери. Еще перекипит каша; придут и поколотят вражьи дети! О, бедная моя головушка! Кой чорт занес меня к этим Запорожцам!“ А они, лежа в траве, выслушают все это и говорят: „Нет, это не наш!“ Потом воротятся в курень, дадут тому парню коня и денег на дорогу и скажут: „Ступай себе к нечистому! Нам таких не надо!“

Но который молодец удастся расторопный и сметливый, тот, взошедши на курган, крикнет раза два: „Эй, паны молодцы! идите каши есть!“ и как не откликнутся, то он: „Ну, так чорт с вами, когда молчите! Буду я и один есть кашу“. Да еще перед отходом приударит на кургане гопака (танец): „Ой тут мне погулять на просторе!“ И, затянувши на всю степь казацкую песню, идет к куреню и давай уплетать кашу. Тогда Запорожцы, лежа в траве, и говорят: „Это наш!“ и, взявши косы, идут и себе к куреню. А он: „Где вас чорт носил, господа? Звал я вас, звал, и охрип, да потом, чтоб не простыла каша, начал сам есть“. Переглянутся между собой Запорожцы и скажут ему: „Ну, чура (слуга), вставай! полно тебе быть хлопцем (мальчиком, парнем): теперь ты равный нам козак“. И принимают его в товарищество». [\[91\]](#)

Как видим, многие испытания носили шуточный характер.

Несерьезны вроде бы авторитетные свидетельства современников-иностранцев типа Боплана и Шевалье о том, что у казаков существовал обычай принимать в свои круги только того, кто проплывал все пороги против течения Днепра, несерьезны. Яворницкий писал: «Но эти свидетельства кажутся неправдоподобными по двум причинам: с одной стороны потому, что едва ли запорожцы, всегда нуждавшиеся в пришлых людях для увеличения своих сил, могли предъявлять им подобные требования, а с другой стороны потому, что проплыть все пороги, хотя бы даже в лодке, против течения реки, на расстоянии 65 верст, в большую полую воду, нет никакой возможности ни теперь, ни тем более в то время: плыть же в порогах против течения реки в малую воду, лавируя у самых берегов, нет никакого геройства, а только вопрос в нескольких неделях времени». [\[92\]](#)

Видимо, казаки немного пошутили над развесившими уши иностранцами.

В административно-территориальном отношении весь район Войска Запорожского был разделен на «паланки» (области). Сначала их было 5, а впоследствии — 8.

Центром «паланки» была слобода — местопребывание всего административно-военного аппарата: полковник, писарь, его помощник — «подписарий» и атаман «паланки». Этот аппарат сосредоточивал в себе всю власть: административную, судебную, финансовую, военную.

Благодаря наплыву переселенцев с севера, вскоре в слободах, кроме казаков, появляются и крестьяне-«посполитые», которые в «паланке» были организованы в «громады» и имели, по примеру казаков, своего атамана.

Все должности были выборные, а выборы производились ежегодно (1 января) на казацких радах, причем право участия в выборах на «посполитых» не распространялось. Они выбирали только своего атамана. Переход же из «посполитых» в казаки и обратно был свободным, как на Гетманщине в первые десятилетия после воссоединения с Россией.

Административным и военным центром являлась Сечь, состоявшая из крепости и предместья. В крепости, вокруг площади, на которой собиралась рада, кроме церкви, войсковой канцелярии, пушкарни, складов, мастерских, старшинских домов и школы, находилось 38 «курений» — длинных бревенчатых зданий-казарм. В предместья располагались лавки, шинки, частные мастерские и др.

Сами запорожцы в XVI веке создали миф о равноправии и братстве всех запорожских казаков и старались поддерживать его в последующие века. Да, чисто формально все казаки были равны. Выборы атаманов и гетманов действительно были более демократичнее, чем сейчас наши президентские и думские выборы. Однако реальная власть, большей частью скрытная, находилась в руках «знатных старых» казаков.

Древние мифы запорожского казачества крайне пригодились в XX веке как советским, так и националистическим историкам. Первые доказывали, что действия казаков были исключительно элементом классовой борьбы крестьян против феодалов, а вторые утверждали, что как запорожские, как и реестровые казаки представляли собой особый класс украинского народа, который боролся за национальную независимость «вильной Украины» в границах 1991 года. Как видим, цели у «совков» и националистов были разные, а мифологию они создавали примерно одинаковую.

Вот, к примеру, идеалистическое описание историка XIX века Яварницкого: «войдя в курень, казаки находили кушанья уже налитыми в „ваганки“ или небольшие деревянные корыта и расставленные по краям стола, а около „ваганков“ разные иапитки — горилку, мед, пиво, брагу, наливку — в больших деревянных „кановках“. При этом чарки запорожцев, по словам Яварницкого, были такие, „що и собака не перескоче“....

А, о жизни в зимовниках, Яварницкий пишет так: „большую часть продукции собственник зимовника, из присущего ему чувства товарищества, отправлял в Сечь, на потребности сечевых казаков и лишь незначительную долю оставлял себе. Всех, проезжающих людей хозяин зимовника приглашал садиться и предлагал разные угощения — напитки и кушанья. Погуляв весело и довольно несколько дней, гости благодарили ласкового хозяина за угощение, хлопцы подавали им накормленных лошадей, и сечевики, вскочив на коней, уносились от зимовника“. (История

Запорожск. ч. 1, стр. 295)».^[93]

На самом деле крестьяне или даже солдаты, пришедшие в Сечь, в большинстве случаев попадали «в чрезвычайно тяжелое положение, нередко более тяжелое чем было там, откуда они бежали. Если они решали остаться в курене, то должны были жить в казармах, нести тяжелую гарнизонную службу и исполнять разные хозяйственные работы, не получая за это никакого вознаграждения, кроме более чем скудного пропитания, состоящего, в главном, из „саламахи“, которая „варилась густо из ржаной муки на квасе или рыбной ухе“, как описывает очевидец С. Мышецкий. Все остальное добавлялось на „собственные деньги“, добыть которые было не легко. Деньги добывались только в результате походов и связанных с ними грабежей или путем найма за деньги к зажиточным казакам и старшине, которые, на правах собственности, владели хуторами-зимовниками, нередко несколькими».^[94]

Несладко было и семейным казаком. Им разрешалось жить только вблизи Сечи по балкам, луговинам, берегам рек, лиманов и озер, где появлялись или целые слободы, или отдельные зимовники и хутора. Жившие в них казаки занимались хлебопашеством, скотоводством, торговлей, ремеслами и промыслами и потому назывались не «лыцарями» и «товарищами», а подданными или посполитыми сичевых казаков, «зимовчиками», «сиднями», «гнзидюками».

Все националистические историки — Яворницкий, Грушевский и др. — старательно обходят вопрос об эксплуатации сечевиками «зимовчиков». Запорожцы никогда не вели финансовой отчетности, и привести какие либо цифры невозможно. Но то, что «зимовчики» кормили сечевиков, не поддается сомнению.

«Официально зимовные козаки назывались сиднями или гнзидюками, в насмешку — баболюбами и гречкосиями; они составляли поспильство, т. е. подданное сословие собственно сичевых Козаков. Турки называли запорожцев, живших хуторами на границе между Запорожьем и владением Оттоманской империи, почему-то именем „черун“. Гнзидюки призывались на войну только в исключительных случаях, по особому выстрелу из пушки в Сичи или по зову особых гонцов-машталиров от кошевого атамана, и в таком случае, несмотря на то, что были женаты, обязаны были нести воинскую службу беспрекословно; в силу этого каждому женатому козаку вменялось в обязанность иметь у себя ружье, копье и „прочую козачью сбрую“, а также непременно являться в Кош „для взяття на козацтво войсковых приказов“; кроме воинской службы, они призывались для

караулов и кордонов, для починки в Сичи куреней, возведения артиллерийских и других козацких строений. Но главной обязанностью гнездюков было кормить сичевых козаков. Это были в собственном смысле слова запорожские домоводы: они обрабатывали землю сообразно свойству и качеству ее; разводили лошадей, рогатый скот, овец, заготавливали сено на зимнее время, устраивали пасеки, собирали мед, садили сады, возделывали огороды, охотились на зверей, занимались ловлею рыбы и раков, вели мелкую торговлю, промышляли солью, содержали почтовые станции и т. п. Главную массу всего избытка зимовчане доставляли в Сичь на потребу сичевых Козаков, остальную часть оставляли на пропитание самих себя и своих семейств. Сохранившиеся до нашего времени сичевые архивные акты показывают, что и в каком количестве доставлялось из замовников в Сичь: так, в 1772 году, 18 сентября, послано было из паланки при Барвенковской-Стенке восемь волов, три быка, две коровы с телятами и т. п...

...Как велико было у запорожских козаков количество лошадей, видно из того, что некоторые из них имели по 700 голов и более... Однажды кошевой атаман Петр Калнишевский продал разом до 14 000 голов лошадей, а у полковника Афанасия Колпака татары, при набеге, увели до 7000 коней...

...В одинаковой мере с коневодством и скотоводством развито было у запорожских козаков и овцеводство: у иного козака было до 4000 даже по 5000 голов овец: „рогатый скот и овцы довольно крупны содержат; шерсти с них снимают один раз и продают в Польшу“». ^[95]

Может ли один человек без жены и детей, пусть даже не занятый походами и пьянством, обслуживать 700 лошадей или 5000 овец? Понятно, что нет. Кстати, и Яворницкий пишет: «...овечьи стада назывались у запорожских казаков отарами, а пастухи — чабанами, — названия, усвоены от татар; чабаны, одетые в сорочки, пропитанные салом, в шаровары, сделанные из телячьей кожи, обутые в постолы из свиной шкуры и опоясанные поясом, с „гаманом“ через плечо, со швайкой и ложечником при боку, зиму и лето тащили за собой так называемые коши, т. е. деревянные, на двух колесах, котыги, снаружи покрытые войлоком, внутри снабженные „кабицей“: в них чабаны прятали свое продовольствие, хранили воду, варили пищу и укрывались от дурной погоды». ^[96]

Увы, в трех томах «Истории запорожских казаков» Яворницкого (всего 1671 страница!) не говорится о социальном статусе «чабанов». То, что они не казаки, ясно из текста. А тогда кто? Тут может быть только два варианта:

или рабы, или крепостные, принадлежавшие, скорей всего, богатым сечевикам, а в отдельных случаях работавшие на все Запорожское войско.

Кроме сидней (гнездюков) «на зимовниках было немало работников „без найму“ — так назывались работавшие без денег, только за кров и пищу, преимущественно слабосильные, старики, подростки. Из многочисленных, сохранившихся „описей“ зимовников, видно, что таковых было до 7 % общего числа рабочих зимовников. Заработать можно было также на рыбных промыслах и в „чумацких“ обозах. Как первые, так и вторые, вовсе не были артелями равноправных участников, как это утверждают многие историки. Сохранившиеся „расчеты“ неопровержимо доказывают, что среди чумаков были и собственники десятков пар телег с наемными „молодиками“ и чумаки-одиночки с одной — двумя воловьими запряжками. Такое же смещение было и на рыбных промыслах, где наряду с собственниками сетей (невод стоил тогда до 100 рублей) работали за деньги и „наймиты“ или, очень часто, „с половины“, т. е. половина всего улова шла собственнику сетей, а вторая половина делилась между рабочими, которые в этом случае, не получали никакой денежной платы.

Положение живших от продажи своего труда было не легкое, но они имели свободу и могли свободно менять работодателя, чего тогда уже не было в остальной России, в том числе и на Гетманщине и Слободщине. Были также формально ничем не ограниченные возможности выбиться в более зажиточные группы, быть выбранными в старшины, организовать свой зимовник или какое другое собственное предприятие».^[97]

Нравится нам это или нет, но в сичевом «равноправном братстве» имела место... классовая борьба. Так, «1-го января 1749 г. при выборе должностных лиц „серома“ (бедняки) изгнали из Сечи зажиточных казаков, которые разбежались по своим зимовникам, и выбрали свою старшину, из бедняков, с И. Водолагой во главе. Есаулом, по свидетельству производившего расследование секунд-майора Никифорова, был избран казак „не имевший на себе одежды“. Бунт был скоро усмирён и засевшая в Сечи „серома“ (бедняки) капитулировали.

Гораздо большие размеры имел бунт в 1768 г., во время которого взбунтовавшаяся „серома“ несколько дней была господином положения и разграбила дома и имущество старшины и зажиточных казаков, бежавших за помощью в „паланки“ и к русским, соседним с Запорожьем, гарнизонам. Сам кошевой атаман, как он описывает в своем показании, спасся только благодаря тому, что спрятался на чердак и бежал через дыру в крыше.

Казаками из „паланок“ и организовавшейся старшиной и этот бунт был подавлен, а его зачинщики жестоко наказаны. Посланные для

усмирения Киевским генерал-губернатором Румянцевым 4 полка, не понадобились. В архивах сохранились „описи“ разграбленного имущества, поданные пострадавшей старшиной и казаками. „Опись“ одного из высших старшин занимает несколько страниц перечислением разграбленного, например, 12 пар сапог новых, кожаных, 11 пар сапог сафьяновых, три шубы, серебряная посуда, 600 локтей полотна, 300 локтей сукна, 20 пудов риса, 10 пудов маслин, 4 пуда фиников, 2 бочки водки и т. д.

„Опись“ не занимавшего никакой должности „заможного“ (зажиточного) казака, значительно скромнее: одна шуба, два тулупа, 4 кафтана, разное оружие и наличными деньгами (которые не успел унести) 2500 руб. крупной монетой, 75 червонцев и 12 руб. 88 коп. медной монетой. Сумма огромная по тому времени.

Кроме этих двух бунтов немало было и более мелких бунтов в „паланках“ и слободах, о чем сохранилось множество документов. Например: в Калмиусской „паланке“ в 1754 г., в Великом Луге в 1764 г., в Кодаке в 1761 г. и во многих других местах». [\[98\]](#)

Разумеется, тут не следует преувеличивать ни те, ни другие моменты — была и казачья демократия, были и привилегированная старшина. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что имущественное расслоение в Сечи с середины XVI века и до самого ее разорения было сходно с ситуацией у донских казаков в середине XVII века: были богатые — «корнилы яковлевы», была голытьба, и, разумеется, хватало своих «стенок разиных».

Запорожских казаков принято считать ревнителями православной веры. В целом это так, но были и определенные нюансы. Так, в ходе походов в Московское государство или в пределы Речи Посполитой в Малой и Белой Руси запорожцы постоянно грабили и жгли церкви и монастыри, убивали попов и монахов. Зато обязательно потом каялись перед своим духовенством, а многие, как минимум сотни казаков, уходили в монастыри, причем большей частью в Россию.

«Духовенство в Запорожье пользовалось добровольными приношениями. В материальном положении оно было поставлено лучше духовенства малороссийского, потому что Запорожцы любили содержать свое духовенство самым приличным образом. „Кроме обыкновенных пожертвований, — говорит г. Скальковский, — войско, при разделе жалованья, провианта, доходов с питейных домов, лавок, рыбных и звериных ловель, даже воинской добычи, одну часть, обычаем узаконенную, отдавало на церковь!“ По всей вероятности из этой добычи некоторая часть шла и на духовенство. Вероятность восходит на степень

несомненности, когда вспомним, что Запорожцы имели „благочестивое“ обыкновение поминать всех умерших и убитых на сражении, и для этой цели присылали список убитых и умерших. За поминовение они всегда платили духовенству. Притом, „как люди холостые, говорит г. Скальковский, козаки хотя и отдавали свое имущество родным или куренным братьям, но часть непременно отказывали в пользу церкви и духовенства“. Как бы ни был беден казак, он непременно требовал, чтоб его хоронили „честно“ и на то представлял часть своего достояния. Каковы были добровольный приношения духовенству, можно видеть из того, что один казак, оставивши после себя 9 руб. и 2 лошади, завещал 1 руб. и одну лошадь священнику.

В истории князя Мышецкого прямо говорится, что „Запорожцы при смерти все свое имущество отписывают, бывало, на церковь Сечевую и на монастырь“. — При всем однако ж желании поставить как можно лучше духовенство в материальном положении, Запорожье и по отношению к духовенству сохраняло также выборное начало. Так, подобно всем другим чинам и званиям в Коше, духовные лица могли занимать свою должность только один год. Они присылались исключительно из Киевского Межигорского монастыря — по одному священнику и по два дьякона, или и по несколько человек. Присылаемые вновь духовные лица обыкновенно занимали место прежде бывших, которые возвращались в Межигорский монастырь, впрочем только в том случае, если нравились Запорожцам; но иногда случалось так, что Запорожцы „з ласки войсковой“ удерживали прежних духовных лиц и отсылали вновь прибывших. Это называлось переменою звычайною.

Посредством выборного начала и требования беспрекословного исполнения определений старшины и товариства, поставляя духовные лица в зависимость к себе („духовные чины и сами войсковой старшине повинны бывают и делают все по поведению их, прочие же казаки над ними попечете имеют“), Запорожье стремилось и изъявляло притязания на независимость своей церкви и духовенства от общей русской иерархии, или от митрополита Киевского. Так, когда Киевский митрополит Гедеон в 1686 г. приказал вместо Межигорского монастыря церкви войска Низового Запорожского подчинить своей кафедре, Запорожье так отвечало на это требование: „не будет церковь Божия и наша отлучена от монастыря общежительного Межигорского, пока в Днепре воды и нашего войска Запорожского будет“. „В Сечи 29 Мая 1686 г.“

Мало этого, питая глубокое уважение к церкви и духовенству, кошевое начальство даже и игумену Межигорского монастыря не повиновалось, и

главой войсковой своей церкви считало только себя и товариство.

В 1773 г Кошевой Калишневский считает себя в праве делать выговор игумену Межигорского монастыря за присланного им священника и требует, чтобы отозвал последнего. Он, прислал на Запорожье другого иеромонаха, который был бы столь хорошего учения, что мог бы и проповеди говорить. В 1774 г. когда Киевский митрополит Гавриил требовал доставления в консисторию сведений о числе Запорожских церквей, духовенстве, доходах его, грамотах и т. п. кошевой отвечал, что так как церкви Запорожские „искони древних времен ведущимся порядком построены войском, содержатся от оногo, и в главном и совершенном ведомо войска находятся“, то и не считает нужным занимать этим предметом митрополию». ^[99]

Несколько слов надо сказать и о вооружении запорожских казаков. Боплан писал: «...каждый козак, отправляясь в поход, брал одну саблю, две пищали, шесть фунтов пороху, причем тяжелые боевые снаряды складывал в лодку, легкие оставлял при себе». ^[100]

Если же это был конный поход, то запасные две-три пищали (мушкета) находились на конной повозке. Практически все казаки были великолепными стрелками. Кроме того, они владели дорогими и точными пищалями или мушкетами. Ведь качество выделки гладкоствольного оружия существенно влияет на меткость и дальность стрельбы. Поэтому казаки могли вести эффективный огонь из ружей в два и более раз дальше, чем польская, шведская и русская регулярная пехота, снабженная ружьями серийного производства.

Важная роль у запорожцев отводилась и холодному оружию. Так, копья «делались из тонкого и легкого древка, в пять аршин длины, окрашенного спирально красной и черной краской и имеющего на верхнем конце железный наконечник, и на нижнем две небольшие, одна ниже другой, дырочки для ременной петли, надеваемой на ногу. На некоторых древках копий делалась еще железная перепонка для того, чтобы проткнутый копьем враг сгоряча не просунулся по копью до самых рук козака и не схватился бы снова драться с ним, ибо случалось, что иному и живот распорют, а у него кровь не брызнет, он даже не слышит и продолжает лезть в драку. Некоторые копья делались с остриями на обоих концах, которыми можно было и сюда класть врагов и туда класть. Часто у запорожских казаков копья служили во время переходов через болота вместо мостов: когда дойдут они до топкого места, то сейчас же кладут один за другим два ряда копий — в каждом ряду копьё и вдоль и поперек,

да по ним и переходят: когда пройдут через один ряд, то сейчас же станут на другом, а первый снимут и из него помостят третий; да так и переберутся. Сабли употреблялись не особенно кривые и не особенно длинные, средней длины пять четвертей, но зато очень острые: „как рубнет кого, то так надвое и рассечет, — одна половина головы сюда, а другая туда“... Сабли носились у левого бока и привязывались посредством двух колец, одного вверху, другого ниже середины, узеньким ремнем под пояс. Сабля столь необходима была для запорожских казаков, что в песнях их она называется всегда „шаблей-сестрицей, ненькою-ридненькой, панночкою молоденькою“.

„Ой, панночка наша шаблюка!

З бусурменом зустривалась,

Не раз, не два цилувалась“».^[101]

Особый интерес представляет собой артиллерия запорожских казаков. На вооружении казаков были медные, железные кованые и чугунные пушки, а также медные и чугунные мортиры. Точной даты появления у казаков первых орудий нет, но судя по казнозарядным орудиям (в том числе со вкладными каморами) конца XIV–XV веков, это произошло не позднее середины XV века.

При осаде городов запорожские казаки эффективно применяли осадную артиллерию, но почти всегда это были тяжелые орудия, захваченные у неприятеля или переданные союзниками. Тут следует заметить, что малороссийские умельцы лили в Глухове и других местах превосходные тяжелые осадные орудия.

Какое-то количество орудий среднего калибра использовалось запорожцами для обороны Сечи и других укреплений. Однако в походах ударной силой казаков была легкая артиллерия — пушки и фальконеты калибра 0,5–3 фунта и легкие мортиры калибра до 4–12 фунтов. Такая артиллерия легко выючилась на лошадей, а на поле боя переносилась вручную. Не менее легко она устанавливалась на челнах (большей частью на вертлюгах), а в обороне — на возах, образующих табор (вагенбург). Из пушек и фальконетов стрельба велась ядрами и картечью, а из мортир — разрывными гранатами. Малая артиллерия запорожцев наносила большой урон противнику.

Весьма экзотической была и запорожская фемида. Главными преступлениями казаки считали убийство, воровство, неплатеж денег, взятых в займы, слишком дорогая цена товаров или вина — вопреки постановленной цены, а также гомосексуализм или скотоложство.

Тут сделаю маленькое лирическое отступление. Обычно титулованные

авторы солидных исторических книг тщательно обходят вопросы, на которые не могут дать внятных ответов. Но я предпочитаю в этих случаях ответить «не знаю», нежели умалчивать факт или заниматься фантазиями. Например ответить на вопрос, как уживался гомосексуализм среди запорожцев со строгим наказанием за оное деяние — я не знаю! Равно как не представляю, почему в Северную войну в обеих армиях процветали «голубые», хотя и у русских, и у шведов за это официально полагалась смертная казнь. Мало того, Петр I был бисексуалом (вспомним Алексашку Меншикова и чухонку Марту Трубачеву), а Карл XII вообще был геем «в законе».

Но вернемся к запорожской фемиде. «Убийцу живого кладут в один гроб вместе с убитым и зарывают в землю; освобождается от такой казни разве весьма уважаемый казак, — его всенародно избавляют от смерти и наказывают большим штрафом. За воровство привяывают к столбу, на площади, где держат до тех пор, пока укравший не заплатит всего украденного; непременно трое суток продержат его на столбе даже и в том случае, если он скоро заплатит за все украденное, а попадавшегося несколько раз в воровстве или вешают, или убивают до смерти. Наказание привязывания к столбу увеличивается потому, что всякий проходящий имеет право не только бранить, но и бить привязанного, сколько кому вздумается. Иногда при этом выходит такая история. Несколько пьяниц, проходя мимо столба, пристанут к привязанному и станут угощать его горелкою; когда же тот не захочет пить, они приговаривают: „Пый, скурвый сыну, злодею! Як не будешь пить, будем скурвого сына быть“. Как скоро тот напьется, пьяницы скажут ему: „Дай же мы, брате, трохи тебе побьем“, и хотя тот просит у них милости, пьяницы, не обращая внимания на его просьбу и мольбу, говорят: „А за щож, скурвый сыну, мы тебя поили? Як тебе треба поить, то треба и быть“, и часто случается, что привязанный к столбу умирает чрез сутки. — Участвующий в воровстве и скрывающий украденное подвергаются одинаковой участи с вором. Не желающего уплачивать взятого в долг — займы — приковывали к пушке и держали до тех пор, пока не выплатит займа. — За самую тягчайшую вину считается мужеложство и скотоложство; впавшего в какое-нибудь из этих преступлений привязывают к столбу и убивают до смерти, а имущество и богатство его берут на войско.

Преступники, говорит князь Мышецкий, если поймаются в воровстве, грабеже, или убийстве, то суд им короток и недолго с ними возятся по судам, а вдруг решают их и казнят в Сечи, или по паланкам, смотря по преступлениям: иных вешают на прибатину, иных убивают киями до

смерти, иных сажают на колья, а иных отсылают на Сибирь. Воровство же и грабеж, если по жалобам открывается и виновного поймают, то пополняет курень, к которому он принадлежит, а если он у себя достатка не имеет, а от наказания не освобождается по праву приговора, чего достоин и тем обиженного по жалобе довольствуют, а убийство также заменяют убийством и убивают преступника до смерти, какая казнь будет положена, тоже по приговору начальства.

Первая казнь шибаницы [виселицы], которые устроены были на разных мостах под большими шляхами, почти во всякой паланке, и преступника верхом подвезши лошадью под шибаницу и накинувши на его голову сельцо, лошадь ударяют плетью и она оттудова выскочить, а преступник повиснет; а иного вешали до горы ногами, а иного за ребро крюком железным и висит преступник, пока кости его рассыплются, в пример и страх другим, и никто его оттуда снять не смеет под казнью смертною.

Вторая казнь: острая паля, на столб деревянный вышиною 6 аршин и более, а на верху пали воткнутый был железный шпиль тоже острый в два аршина вышиною, на который тоже насаживали преступников, так что шпиль выходил на под аршина в потылицу выше его головы и сидит на том шпиле преступник дотоле, пока иссохнет и выкоренится як вяла рыба, так что когда ветер повеет, то он кружится кругом як мельница и шорохтят все его кости, пока упадут на землю.

Третья казнь: „кии“ запорожские; они не так велики и толсты, и подобны бичам, что у цепов, коими хлеб молотят, дубовые, или из другого крепкого дерева нарубленные. Преступника вяжут или куют до столба в Сечи, или в паланках на площади или в базари, потом поставляют около его разные напитки в кинвах, как то: горилку, мед, пиво и брагу, и накладывают так же довольно калачей и наконец принесут также несколько оберемков и киив и положат около столба, где преступник, и принуждают его есть, пити, сколько хочет, и когда наестся и напьется, тогда козаки начинают его бить киями, так что всякий козак, кто только идет мимо его выпивши коряк горилки, или пива, непременно должен ударить его по разу кием и когда ударит (де кто як попав, по голове или по ребрах), тогда так ему приговаривает: „От тоби, сучий сыну, щоб ты не крав и не ризбивав, мы все тебя куренем платили“. И потуда сидит или лежит преступник около столба, пока убьют его до смерти. Четвертая казнь: отсылка в Сибирь, по обычаю, як и Россия отсылает преступников». [\[102\]](#)

С переходом запорожцев в русское подданство царские власти категорически запретили им приводить в исполнение смертные приговоры.

Однако запорожцы игнорировали это и казни производились до самого разгрома Запорожской Сечи.

Любопытно, что запорожцы чтили древний славянский обычай — приговоренный к смерти должен был быть помилован, если невинная девушка пожелает выйти за него замуж. Правда, иной раз случались и конфузии. Везут приговоренного на лобное место. Вдруг из толпы зрителей выбегает покрытая покрывалом девица, «которая всенародно объявляет свое желание выйти за осужденного замуж. Разумеется, все остановились и замолкли; осужденный требует снять с девицы покрывало, чтобы посмотреть на нее. Взглянул и заговорил: „Ну, когда уже да такой жениться, лучше умереть; ведите меня“. Что и последовало. Происшествие сие было в г. Новомосковске, в тогдашней Запорожской паланке, где некоторые из жителей, помня еще места шибаниц и прочих казней, указывают их любопытным».^[103]

Закончу вопросом, на который у меня также нет четкого ответа: соблюдали ли запорожцы обет безбрачия? Формально — да, если говорить о сечевых. Зимовчики и сидни не в счет. Действительно, по запорожским законом каждый, кто приведет женщину в Сечь, хотя бы и родную сестру, подлежит смертной казни. Но кто мешал богатым казакам в зимовниках и хуторах, где у них находились сотни коней и крупного рогатого скота, содержать еще и гарем?

В середине XIX века Пантелеймон Кулиш записал рассказ старика-запорожца о былых временах. Среди прочего старик рассказал, как тогдашние «повесы» (брачные аферисты) промышляли тем, что соблазняли девушек, обещая жениться, увозили в Запорожье, а там продавали и возвращались назад за новой жертвой. Украинафил Кулиш вставил в текст в скобках [татарам]. Но мне что-то не верить, чтобы в Сечи татарам позволялось скупать к себе в Крым православных девушек. Так что красны девицы жили в гаремах богатых казаков.

Запорожские и малороссийские казаки только в XVII веке увели в плен сотни тысяч женщин из Прибалтики, Крыма и приморских турецких городов. Куда же они делись? Ну, допустим, часть, не более 10 процентов, была продана панам и евреям, а остальных-то поселили если не открыто в местечках, то без огласки по хуторам, да во многих случаях и сочетались законным браком. И в любом случае рождались дети, даже очень много детей!

Я умышленно акцентирую внимание на смешении кровей в Малороссии в XIII–XVIII веках. Вопрос тут не сексуальный и даже не этнографический, а, увы, политический. Мне уже осточертело повсеместно

читать мудрые высказывания самостийников, от форумов в Интернете до трудов членов Академии наук, о том, что де настоящие русские — это укры, а «москаля» — это помесь племен угрофиннов и татар. Риторический вопрос: кого на московском рынке скорее обзовут «черными» — уроженцев Архангельской или Вологодской областей или жителей юга Украины?

Глава 9

Богдан поднимает Сечь

К середине XVIII века бесчинства польских магнатов не только не прекращаются, но и принимают все больший размах. Вот, к примеру, крупный магнат Иеремия Вишневецкий в 1643 г. захватил у городельского старосты А. Харлезского городище Гайворон с окрестными селами, присоединив их к своим огромным заднепровским владениям. В следующем году он отобрал у надворного маршала А. Казановского город Ромны «с волостью», кроме того, в разное время занял над реками Оржицей и Хоролом «наймней 36 миль».

Польский шляхтич чигиринский подстароста Даниэль Чаплинский в 1645 г. напал на хутор Субботово, принадлежавший его соседу чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. Чаплинский захватил гумно, где находилось четыреста копен хлеба, и вывез его. Но хуже всего было то, что подстароста умыкнул любовницу сотника. Богдан недавно овдовел и вроде не прочь был жениться еще раз. Скорей всего причиной налета и был спор из-за бабы, а не из-за копен хлеба. К тому же Чаплинский велел высечь плетью десятилетнего сына Богдана, после чего мальчик расхворался и вскоре умер. Самого Богдана Чаплинский четыре дня держал в цепях, но потом отпустил.

Богдан Хмельницкий с десятью казаками в январе 1646 г. прибыл в Варшаву и лично бил челом королю Владиславу на обидчиков своих.

По сведениям московского лазутчика Кунакова, бывшего в то время в Варшаве, старик Владислав посетовал Хмельницкому на свое бессилие перед беспределом панов. Король одарил казаков сукнами, а Хмельницкому, кроме того, подарил саблю со словами: «Вот тебе королевский знак: есть у вас при боках сабли, так обидчикам и разорителям не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; как время придет, будьте на поганцев и на моих непослушников во всей моей воле».

Задам риторический вопрос — могло ли быть такое в России, что при Алексее Михайловиче, что при Петре I или Екатерине II? Да физически быть не могло! И не только в России, но и в любом сильном централизованном европейском государстве. Беспредел магнатов — это свидетельство слабости государства и предвестник его гибели.

Но вернемся к судьбе чигиринского сотника. По возвращении в

Субботово Хмельницкий получил от гетмана Конецпольского приглашение на банкет. Но хитрый Богдан быстро смекнул, чем для него кончится сей банкет, и не поехал. Тогда Конецпольский послал двадцать всадников взять Богдана силой. Хмельницкий с четырьмя казаками отразил нападение на хутор: пять человек было убито на месте, а остальные бежали. Не долго думая, сотник с сыном Тимофеем и верные ему казаки оседлали коней и поскакали в традиционное убежище казаков — в Сечь.

Польский отряд из 300 поляков и 500 реестровых казаков отправился (видимо, из Кодака) в Сечь ловить Хмельницкого. Согласно казачьему приданию, Богдан отправил двух своих товарищей к реестровым казакам, которые объяснили им, что Хмельницкий — жертва поляков и т. п. Дело кончилось бунтом, реестровые казаки перебили ляхов, а сами подались к запорожцам.

Прибыв в Сечь, Хмельницкий обратился к запорожцам в присутствии кошевого атамана. Он красноречиво описал поругание иезуитов над православной верой и служителями святого алтаря, глумление сейма над казацкими правами, насилие со стороны польских войск над населением малороссийских местечек и городков, вымогательства и мучительства со стороны «проклятого жидовского» рода: «К вам уношу душу и тело, — укоряйте меня, старого товарища, защищайте самих себя, и вам тоже угрожает!» Тронутые этой речью, казаки ответили Хмельницкому: «Приймаемо тебя, пане Хмельницкий, хлибом-силью и щирным сердцем!»

В Сечи вокруг Богдана стали собираться казаки, мечтавшие поквитаться с ляхами. В первых числах марта 1648 г. Богдан с Тимофеем и несколькими товарищами выехали из Сечи на остров Токмаковский, чтобы подкормить лошадей. Так поступали многие казаки, и польские лазутчики в Сечи ничего не заподозрили. А Богдан тем временем скакал в Крым.

Хан Ислам Гирей II долго колебался, давать ли своих воинов в помощь Хмельницкому. Наконец, хан решился, но заставил Богдана присягнуть на своей сабле и оставить сына Тимофея в заложниках. Тем не менее, Ислам Гирей сам не пошел в Малороссию, а отправил с Хмельницким мурзу Тугай-бея с четырьмя тысячами конных татар.

18 апреля в Сечи внезапно объявился Хмельницкий. К тому времени кошевой атаман собрал в Сечи всех сечевых и зимовых казаков. На рассвете следующего дня в Сечи раздались три пушечных выстрела. Ото всюду толпы казаков собрались на раду. На сей раз народу было так много, что все не уместилось, как обычно на раде, на сечевом майдане (главной площади). Тогда сечевой атаман предложил выйти в чистое поле за «сечевую фортецию». Там, по словам очевидца, оказалось тридцать тысяч

казаков.

В середину круга вышел Богдан в сопровождении четырех знатных татар и объявил, что начинает войну с поляками вместе с крымским ханом. «Услыхав эти слова, войско отвечало: „Слава и честь Хмельницкому! Мы, как стадо без пастуха. Пусть Хмельницкий будет нашим головою, а мы все, сколько нас тут есть, все готовы идти против панов и помогать Хмельницкому до последней утраты живота нашего!“ Эти слова сказаны были „единными устами и единым сердцем“ всего собравшегося на площади запорожского низового войска. После этой речи тот же час кошевой атаман послал в войсковую скарбницу сечевого писаря с несколькими куренными атаманами и значными товарищами и велел посланным вынести оттуда войсковые клейноты, чтобы вручить их на площади Хмельницкому. Посланные вынесли из скарбницы ярко-красную, писаную золотом, королевскую хоругвь, дарованную запорожцам Владиславом IV, бунчук с позолоченной на высоком древке галкой...

Вручив и поставив перед Хмельницким все войсковые клейноты, низовые козаки объявили его гетманом, поздравляли в новом звании и выразили ему полную готовность... идти с ним на войну». ^[104] (Сх. 16)

Лазутчики немедленно донесли полякам о событиях в Запорожье. Но еще раньше коронный гетман Николай Потоцкий двинулся с войском на Украину и 18 февраля 1648 г. вошел в Черкассы, а польный гетман Мартын Калиновский — в Корсунь. Замечу, что все эти передвижения и приготовления к войне происходили без ведома центральных властей. Уже задним числом Потоцкий отписал Владиславу IV: «Не без важных причин, не необдуманно двинулся я в Украину с войском вашей королевской милости... Казалось бы, что значит 500 человек бунтовщиков. Но если рассудить, с какою смелостью и в какой надежде поднять бунт, то каждый должен признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться против 500 человек, ибо эти 500 человек возмутились в заговоре со всеми казацкими полками, со всею Украйною. Если б я этому движению не противопоставил своей скорости, то в Украйне поднялось бы пламя, которое надобно было бы гасить или большими усилиями, или долгое время».

Польша — не такая уж большая страна, и гонец за день-два мог доскакать до Варшавы и дня через четыре вернуться с приказом короля. Эти четыре дня для Потоцкого не играли никакой роли, за это время и войско-то толком к походу не подготовить. Но, как видим, коронный гетман проигнорировал короля и сообщил ему о своем походе тогда, когда изменить ничего уже было нельзя. Эпизод этот, во-первых, хорошо

показывает нравы польских магнатов и слабость королевской власти, а во-вторых, ставит точки над «і»: Богдан шел воевать не с польским народом и даже не с королем, а с шайкой жадных магнатов и арендаторов.

22 апреля 1648 г. Богдан Хмельницкий с войском покинул Сечь и двинулся навстречу ляхам. Без особых проблем казаки захватили крепость Кодак и двинулись к протоке Желтые Воды.

Коронный гетман Николай Потоцкий разделил свое войско. Одна его часть, насчитывавшая от 4000 до 5000 человек, состояла из реестровых казаков и так называемой немецкой пехоты.^[105] Командовал ими Барабаш. Эта часть войска должны были двигаться водным путем до Кодака, где находился польский гарнизон. Другая часть войска, насчитывавшая по различным данным от 12 до 20 тысяч человек, состояла из жолнеров и драгун, которыми командовали 26-летний сын коронного гетмана нежинский староста Стефан Потоцкий и казацкий комиссар Шемберг. Эта часть войска должна была двигаться от Черкас сухим путем, также дойти до Кодака и там соединиться с реестровыми казаками первого отряда. Стефану Потоцкому было приказано «пройти степи и леса, разорить и уничтожить дотла презренное скопище казаков и привести зачинщиков на праведную казнь». «Иди, — сказал старый Потоцкий своему сыну Стефану, — и пусть история напишет тебе славу». Сам гетман с коронным войском обещал идти за Стефаном Потоцким.

3 мая реестровые казаки и «немецкая пехота» причалили к правому берегу Днепра у Каменного затона. Тут сечевые казаки встретились с реестровыми и популярно объяснили им ситуацию. Через несколько часов реестровые и «немцы» подняли мятеж и перебили своих начальников Барабаша, Вадовского, Ильяша и других, а трупы их побросали в Днепр.

4 мая реестровые казаки соединились с войском Богдана: они были доставлены к Желтым Водам по просьбе Хмельницкого на конях Тугай-бея и в тот же день вошли в казацкий лагерь на левом берегу Желтых Вод.

Речка Желтые Воды — приток речки Ингульца или Малого Ингула, она образует в своем верховье две ветки: западную, большую, называемую собственно Желтой, и восточную, меньшую, называемую Очеретнею балкой. Между этими двумя ветками образуется полуостров, который в XVII веке был покрыт лесом. Полуостров этот был доступен только с одной, северной, стороны, а остальных сторон был совершенно недоступен.

В этой-то трущобе, у левого берега речки Желтые Воды и засели казаки Хмельницкого, окопавшись земляным валом и укрепившись табором. Хмельницкий хорошо знал, что Стефану Потоцкому не миновать

Желтых Вод. Здесь было очень удобное для отдыха место: можно было найти среди сухой степи и воду, и лес, и корм для лошадей, и прохладу. К тому же место это лежало на прямом тракте от западной окраины запорожских вольностей в Сечь и представляло собой возвышенность, господствующую над всей окружающей местностью.

И Хмельницкий не ошибся — Потоцкий, не подозревая засады, пришел прямо к правому берегу Желтых Вод и уже переправился было с правого берега на левый, но тут узнал о засаде казаков и поспешил переправиться обратно на правый берег. На правом берегу поляки построили укрепление, сбили возы в четырехугольник, вывели вперед себя на версту кругом вал и поставили пушки.

5 мая 1648 г. началось знаменитое сражение у Желтых Вод. Битва длилась три дня. Поляки храбро отбивались, но, в конце концов, были вынуждены сдаться. В плен попали Стефан Потоцкий (вскоре в плену он скончался от ран), Шемберг, Сапега,^[106] Чарнецкий и другие, всего 80 знатных панов.

Разбив молодого Потоцкого, Хмельницкий двинулся на старого к Корсуню. Стоит отметить, что уже тогда Богдан проявил себя как опытный военачальник. Так, он быстро навел порядок в запорожском войске. На больших лодках, на которых реестровые казаки плыли по Днепру, имелось 26 пушек и фальконетов калибра 1–3 фунта. Богдан приказал немедленно изготовить для них примитивные деревянные станки с двумя колесами и оглобельными передками, в которые впрягали одну лошадь. В прислугу к этим орудиям Богдан определил лучших запорожских стрелков. Как гласит летопись: «Эти вновь назначенные пушкари также искусно стреляли из армат, как и из мушкетов».

16 мая войско Хмельницкого и татары Тугай-бея сошлись у Корсуня с коронным войском. Ляхи были разбиты наголову. Оба гетмана — коронный Николай Потоцкий и польный Калиновский потеряли 127 офицеров, 8520 рядовых и 41 пушку.

По поводу сражения у Корсуня польский комиссар и киевский каштелян Адам Кисель 31 мая писал архиепископу гнезненскому: «Рады теперь господствуют над нами. Изменник учреждает новое княжество. Несчастные братии наши среди внезапной опасности, бросая родину, дома и другие ценные предметы, бегут во внутренность государства. Безумная чернь, обольщенная тем, что Хмельницкий щадит ее, предавая огню и мечу одно шляхетское сословие, отворяет города, замки и вступает в его подданство. Я первый, хотя в отечестве последний, потеряв за Днепром сто тысяч дохода, едва имею от десяти до двадцати тысяч, да и то одни бог

знает, не завладеет ли и этим неприятель? Кроме того, я имею несколько сот тысяч долгу, нажитого на службе королю и отечеству. Много и других мне подобных. Мы будем нищими».

Риторический вопрос: откуда у господина Киселя и «многих ему подобных» по несколько сот тысяч долгу при таких доходах? Может, они города строили, флот, земли за океаном открывали? Или может траты на драгоценности, пиры, балы, смазливых паненок, на псовую охоту следует считать службой королю и отечеству?

После Корсуньской победы Хмельницкий подошел к Белой Церкви и встал там обозом. Оттуда он разослал 60 универсалов с призывом к восстанию. Как писал С. М. Соловьев: «Вся Украина волновалась; поднялись крестьяне, пошли в казаки и стали свирепствовать против шляхты, жидов и католического духовенства; они образовали несколько шаек, или гайдамацких загонов, как тогда называли, и рассеялись в разных направлениях под начальством вождей, оставивших по себе кровавую память в летописях и преданиях народных».^[107]

Хмельницкий прекрасно понимал, что решающую роль в победе у Желтых Вод и у Корсуня сыграли запорожцы, и он отправляет кошевому грамоту с извещением о победах и подарки. За одну пару простых котлов, переданных ему Запорожским войском, он шлет три пары прекрасных котлов, за три пушки — шесть пушек, кроме того, тысячу талеров на войско и триста талеров на сечевую церковь и ее попов.

Глава 10

Переяславская рада

20 мая 1648 г. скончался польский король Владислав IV. В Польше было объявлено бескорольевье. Часть магнатов высказывалась за кандидатуру Яна Казимира, а другая часть — за Карла Фердинанда, епископа Вроцловского и Плоцкого. В Малороссии это известие было получено с опозданием на две недели. Оно вызвало прилив энтузиазма у казаков и хлопов, и отчасти у поляков.

Утопающий хватается за соломинку, и у польских панов осталась одна надежда, на... русского царя!

Наши историки почему-то не афишируют строгий нейтралитет царей Михаила Федоровича и Алексея в ходе всех польско-казацких войн до 1648 г. По моему мнению, такая политика была, мягко выражаясь, неразумной. Зачем было посылать Шеина под Смоленск и нести большие потери, когда достаточно было поддержать малороссийских и запорожских казаков в любой из войн с поляками. При этом не обязательно было посылать туда регулярное московское войско. Достаточно было отправить туда донских казаков и «охочих людей» с Северского края, а главное, порох, мушкеты и деньги. Поляки завязли бы по уши в войне на Украине, а Смоленск рано или поздно упал бы спелой грушей к ногам царя. Но, увы, повторяю, московские власти придерживались строгого нейтралитета и не пытались вмешиваться в малороссийские дела.

Определенные проблемы возникли у русских пограничных воевод с потоками беженцев. Десятки тысяч крестьян, спасаясь от бесчинств панов, пересекали русскую границу. Значительная часть их, правда, стремилась на Дон к казакам, но немало беженцев оседало на брянщине и белгородчине. Сенатор Адам Кисель в качестве посла в Москву в августе 1647 г. от имени короля потребовал выдачи беглых, мотивируя это тем, что они являются крепостными, принадлежащими магнатам Вишневецкому и Конецпольскому. Однако московские власти и на сей раз, как и прежде, решительно отклонили требование поляков.

Теперь Кисель решил разыграть русскую карту. Сразу после поражения поляков на Желтых Водах он отправил гонцов к путивльскому и севскому воеводам с грамотами, в которых говорилось, что татары 22 апреля 1648 г. на Желтых Водах окружили польский отряд, высланный

против изменников-черкас. Кисель смещал акценты и представил повстанческое войско Хмельницкого шайкой изменивших реестровых казаков, а четырехтысячный татарский отряд — огромной ордой.

Воеводы немедленно отправили гонцов в Москву. 20 мая царь Алексей Михайлович приказал своим ратным людям «сходиться с литовскими людьми и с ними заодно промыслять над татарами». Царя и бояр можно понять — татарские орды часто вторгались в Малороссию, а затем поворачивали и шли к Туле и Москве. Но тут пришли вести о Корсуньском поражении, и в Москве постепенно стали понимать, что Кисель их попытался надуть. Из Москвы пошло указание пограничным воеводам не ввязываться в конфликт на Украине. Тем не менее, еще раньше севский и путивльский воеводы отправили гонцов к полякам для координации действий против татар.

Севский воевода отправил гонцом Григория Климова с грамотой к Киселю в город Гощ в 150 верстах от Киева. Но в версте от Киева его перехватили татары. Как гласит летопись: «Казаки, видя, что у него хохла нет, взяли его у татар к себе и отвели к гетману своему Богдану Хмельницкому, который стоял в городе Мошнях, от Киева верстах во ста. Хмельницкий взял у него листы, назначенные к Киселю, и сказал: „Не по что тебе к Адаму ехать, я тебе дам к царскому величеству от себя грамоту...“ Хмельницкий говорил Климову: „Скажи в Севске воеводам, а воеводы пусть отпишут к царскому величеству, чтоб царское величество Войско Запорожское пожаловал денежным жалованьем. Теперь ему государю на Польшу и на Литву наступать пора. Его бы государево войско шло к Смоленску, а я, Хмельницкий, стану государю служить с своим войском с другой стороны“».

В своей грамоте к царю от 8 июня Хмельницкий извещал о Желтоводской и Корсуньской победах и о смерти короля Владислава: «Думаем, что смерть приключилась от тех безбожных неприятелей его и наших, которых много королям в земле нашей. Желали бы мы себе самодержца государя такого в своей земле, как ваша царская велеможность православный христианский царь. Если б ваше царское величество немедленно на государство то наступили, то мы со всем Войском Запорожским услужить вашей царской велеможности готовы».

Путивльский воевода Плещеев послал гонца к князю Иеремии Вишневецкому, чтобы сговориться с ним о совместных действиях против татар. Этот гонец также был перехвачен людьми Хмельницкого. Богдан отправил его обратно в Путивль со своей грамотой, где писал, что русские хотят помогать полякам против казаков, так как война у поляков с казаками,

а не с татарами. «Мы желаем, — писал Хмельницкий, — не того, чтоб православный государь Алексей Михайлович воевал с нами, но чтоб он был и ляхам и нам государем и царем, чтоб ляхи за веру нашу с нами больше биться не помышляли».

Царь велел Плещееву отписать Хмельницкому, что он никогда не писал к Вишневецкому о соединении русских с поляками против казаков, что кто-то специально распускает об этом слухи, чтобы поссорить царя с казаками. Но Богдан не удовлетворился этим ответом и опять послал Плещееву грамоту: «Уже третьего посла вашего перехватываем, вы все сносите с ляхами на нас. Если вы хотите на нас, на свою веру православную христианскую меч поднять, то будем богу молиться, чтоб вам не посчастливилось. Легче нам, побившись между собою, помириться, а помирившись, на вас поворотиться. Мы вам желали всего доброго, царю вашему желали королевства Польского, а потом, как себе хотите, так и начинайте, хотите с ляхами, хотите с нами».

Одновременно Хмельницкий попытался вступить в переговоры с польским правительством, (он еще как бы не знал о смерти Владислава IV). Четыре казацкие старшины поехали в Варшаву с письмом, содержавшим жалобу на притеснения панов. На мой взгляд, хитрый Богдан прекрасно понимал, что король, даже если захочет, все равно не сможет обуздать магнатов, а те никогда не простят Богдану содеянное. Поэтому отправка старшин была тактическим ходом в сложной политической игре.

Казацкие старшины застали короля уже в гробу, они были допущены к телу, а от временного правительства 22 июля получили следующий ответ: «Нет надобности объяснять вам совершенного вами преступления. Хотя республика могла бы отомстить вам, но мы, не желая более пролития крови христианской, снисходя на вашу нижайшую и покорную просьбу, согласились назначить панов комиссаров, людей знатных, которые объявят вам дальнейшую волю республики».

Для переговоров с Хмельницким были назначены комиссары во главе с Киселем. Тот вел переговоры через монаха Лешко. Расхваливая польские вольности, Кисель писал Хмельницкому: «Милостивый пан старшина Запорожского Войска республики, издавна любезный мне пан и приятель! Верно нет в целом свете другого государства, подобно нашему отечеству, правами и свободой. И хотя бывают разные неприятности, однако разум повелевает принять во внимание, что в вольном государстве удобнее достигнуть удовлетворения, между тем, как потеряв отчизну нашу, мы не найдем другой ни в христианстве, ни в поганстве: везде неволя, одно только королевство Польское славится вольностью».

Хмельницкий отвечал Киселю: «Послушав совета вашей милости, старого своего приятеля, мы сами приостановили свои военные действия и орде приказали возвратиться, а к республике с покорностью и верным подданством отправили послов».

Кажется, что многомудрый Кисель попался на нехитрую казацкую уловку. Он поспешил донести о следствиях своих переговоров с повстанцами архиепископу-примасу: «Развеял господь бог через меня, наименьшего сына отечества, кровавую радугу и приостановил ужасную внутреннюю войну... Я прошу, чтоб настоящая моя верная услуга и дальнейшая служба никем у меня не была отнимаема и не оставалась бы без памятника, заслуженного любовью к отечеству».

А тем временем на Украине казаки продолжали громить поляков, причем организованное сопротивление последних почти прекратилось. С казаками воевала лишь частная армия Иеремии Вишневецкого. «Недавний отступник от православия, с ненавистью ренегата к старой вере, вере хлопской, Иеремия соединял ненависть польского пана к хлопам, усугубленную теперь восстанием и кровавыми подвигами гайдамаков».^[108]

Иеремия действовал в традициях пана Лисовского. Разница была лишь в том, что целью первого были грабежи, а убивать приходилось по необходимости, а у Вишневецкого целью было убийство православных, а грабежи — второстепенным делом. Так, Вишневецкий напал на местечко Погребища, где перебил почти всех жителей, с особой же жестокостью он убивал православных попов. Из Погребищ Вишневецкий пошел в принадлежавший ему город Немиров. Жители заперли ворота перед своим паном, но он взял город приступом, и выданные мещанами виновники восстания погибли в страшных муках. «Мучьте их так, чтоб они чувствовали, что умирают!» — кричал Иеремия палачам.

В конце июля 1648 г. частная армия Вишневецкого встретила с многочисленным казацким отрядом под начальством атамана Кривоноса, и после двух кровопролитных стычек поляки вынуждены были отступить.

К сентябрю 1648 г. магнатам удалось собрать под Львовом 32 тысячи поляков и 8 тысяч немецких наемников. Во главе этой новой армии стали три польских магната: изнеженный сибарит Доминик Заславский, образованный латинист Миколай Остророг и 19-летний Александр Конецпольский. «Перина, латина и детина», как съязвил про эту троицу малороссийский гетман.

20 сентября началось сражение под Пилявцами. В этот день ляхам удалось потеснить казаков. На следующий день бой шел с переменным успехом, но к вечеру подошли 4 тысячи татар. На утро третьего дня к трем

польским стратегам привели перебежчика, утверждавшего, что к Хмельницкому подошло 40 тысяч татар с самим Ислам Гиреем II. Командование не знало, что делать, а в польском лагере началось смятение. Да тут еще напали казаки и вырезали два польских полка. К утру 23 сентября ляхи обнаружили, что «перина, латина и детина» попросту смылись. И вот тогда паны бросились бежать, кто куда.

После триумфа под Пилявцами Хмельницкий занял без боя городки Константинов и Збараж и, слыша крики казаков: «Веди на ляхов!», повел войско ко Львову, с которого взял огромный выкуп: жители вынуждены были отдать все свои драгоценности. От Львова Хмельницкий пошел к Замостью, а оттуда 15 ноября послал письмо польскому сенату, в котором по-прежнему утверждал, что виноваты во всех бедах два пана — Конецпольский и Вишневецкий, и требовал, чтобы сенат объявил их виновными. «Если ваша милость начнете войну против нас, — писал Хмельницкий, — то мы примем это за знак, что вы не хотите иметь нас своими слугами».

В ответном письме польские сенаторы писали об избрании нового короля Яна Казимира (годы правления 1648–1668), брата Владислава IV, и о том, что новый король приказывал Хмельницкому отступить от Замостья. Тот отвечал, что повинуется, и на радостях велел палить из пушек, пил и говорил послам: «Если б вы на конвокации еще короля выбрали, то не было бы ничего, что случилось, а если б выбрали какого-нибудь другого, а не Яна Казимира, то я пошел бы на Краков и дал бы корону кому надобно».

Есть доказательства того, что до выборов короля Ян Казимир вел тайные переговоры с Хмельницким. Теперь же новый король отвечал Богдану: «Начиная счастливо наше царствование, по примеру предков наших, пошлем булаву и хоругвь нашему верному Войску Запорожскому, пошлем в ваши руки, как старшего вождя этого войска, и обещаемся возратить давние рыцарские вольности ваши. Что же касается смуты, которая до сих пор продолжалась, то сами видим, что произошла она не от Войска Запорожского, но по причинам, в грамоте вашей означенным». Ян Казимир обещал, что Войско Запорожское отныне будет под непосредственной властью короля, а не польских старост, управлявших Малороссией. Король обещал исполнить желание казаков относительно унии, но требовал взамен, чтобы Хмельницкий отослал татар и распустил «чернь».

В первых числах нового 1649 года Хмельницкий торжественно въехал в Киев. Вокруг него ехали полковники в золоте и серебре, добытом у поляков, несли польские хоругви и другие трофеи. В толпе раздавались

радостные крики, слышались молебны за Хмельницкого. Духовенство и академия вышли ему навстречу, профессора говорили панегирики, называли Богдана Моисеем веры русской, защитником свободы русского народа, новым Маккавеем. Богдан усердно молился, раздавал церквям богатые дары из польской добычи, но в то же время расспрашивал колдунов и колдуний о будущем.

Из Киева Хмельницкий поехал в Переяслав, туда к нему приехали королевские комиссары — старый наш знакомец Адам Кисель с товарищами. Хмельницкий выехал им навстречу в окружении полковников, есаулов и сотников, с военной музыкой, с бунчуком и красным знаменем. При въезде комиссаров в город раздались залпы из двадцати пушек.

На следующий день Кисель торжественно вручил Богдану булаву и королевское знамя. Тем не менее, это было не примирение, а лишь красивое представление. Даже на этой церемонии пьяный казацкий полковник Дзялак закричал Киселю: «Король как король, а вы королевята, князья, прокажите много, наделали дела! А ты, Кисель, кость от костей наших, отцепился от нас и пристаешь к ляхам!» А почти одновременно с этим в Варшаве трезвый польский пан закричал в лицо королю: «Мы и вся Речь Посполитая будем против Войска Запорожского и против своих холопов войну вести и мстить им до кончины своей. Либо казаков истребим, либо они нас истребят. Лучше нам всем помереть, чем видеть такое разоренье, упадок и вечное бесславие. Лучше умереть, чем казакам и своим холопам в чем уступить!»

Паны хотели мести казакам и полной покорности украинских крестьян, а десятки тысяч холопов, присоединившихся к Хмельницкому, не желали более видеть ляхов на Украине. Кроме того, примирение Хмельницкого с королем не устраивало ни крымского хана, ни турецкого султана. Поэтому и хан, и султан, и примкнувший к ним трансильванский князь Юрий Рагоцы предлагали Хмельницкому совместно идти войной на Польшу.

Богдан осмелел и в ультимативной форме предложил полякам свои условия мира:

- «1. чтоб имени, памяти и следа унии не было;
2. митрополит киевский по примасе польском первое место должен иметь в сенате;
3. воеводы и кастеляны на Руси должны быть православные русские;
4. Войско Запорожское по всей Украине при своих вольностях давних остается;
5. гетман казацкий подчиняется прямо королю;

6. жидаы изгоняются изо всей Украйны;

7. Иеремия Вишневецкий никогда не должен быть гетманом коронным». [\[109\]](#)

Адам Кисель, просмотрев условия мира, заметил Богдану, что недостает самого главного для поляков пункта: каково будет число казаков, и услышал в ответ: «Зачем писать это в договор? Найдется нас и 100 000, будет столько, сколько я скажу».

Естественно, что на такие условия польское панство не пошло бы, даже если бы Хмельницкий взял приступом Варшаву. Польский король собирал войско под Зборовом. Польские частные армии вырезали местечки, население которых сочувствовало казакам. В ответ хлопы и казаки в конце апреля 1649 г. устроили большой погром в Киеве. Как писал С. М. Соловьев: «На улицах началась потеха: начали разбивать католические монастыри, до остатка выграбили все, что еще оставалось, и монахов и ксендзов волочили по улицам, за шляхтою гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватали их и побивали. Набравши на челны 113 человек ксендзов, шляхтичей и шляхтянок с детьми, побросали в воду, запретивши под смертною казнию, чтоб ни один мещанин не смел укрывать шляхту в своем доме, и вот испуганные мещане погнали несчастных из домов своих на верную смерть; тела убитых оставались собакам. Ворвались и в склепы, где хоронили мертвых, трупы выбросили собакам, а которые еще были целы, те поставили по углам, подперши палками и вложили книжки в руки. Три дня гуляли казаки и отправили на тот свет 300 душ: спаслись только те шляхтичи, которые успели скрыться в православных монастырях». [\[110\]](#)

В тот же день Хмельницкий послал в Москву чигиринского полковника Вешняка с грамотой к царю. «Нас, слуг своих, — писал Богдан, — до милости царского своего величества прими и благослови рати своей наступать на врагов наших, а мы в божий час отсюда на них пойдем. Вашему царскому величеству низко бьем челом: от милости своей не отдаляй нас, а мы бога о том молим, чтоб ваше царское величество, как правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцем был».

Царь Алексей отвечал очень осторожно, что вечного dokonчания с поляками нарушить нельзя, «а если королевское величество тебя, гетмана, и все Войско Запорожское освободит, то мы тебя и все войско пожалуем, под нашу высокую руку принять велим».

В июле 1649 г. порубежные воеводы получили из Москвы инструкцию, в которой содержалось предписание не давать Польше не единого повода

для претензий. Казаков из Малороссии принимать на царскую службу только женатых с семьями, а холостых отправлять на Дон. Но и семейных казаков не держать в пограничных с Польшей городах, чтобы избежать конфликта с Речью Посполитой, а отправлять их в городки на южные границы для защиты от крымских татар.

В начале мая Ян Казимир с 25-тысячным польским войском двинулся с Волыни на Украину. С Галичины на помощь ему шло 15-тысячное войско Иеремии Вишневецкого. Навстречу им из Чигирина вышло войско Хмельницкого. Вскоре Хмельницкий соединился с ордой Ислам Гирея, в которой вместе с татарами было 6 тысяч турок. Кроме того, на помощь к Богдану подошел отряд донских казаков.

Объединенная 80-тысячная казацко-татаро-турецкая армия быстрым маршем двинулась навстречу Иеремии Вишневецкому и осадила его крепость Збараж. Вишневецкий отбивался от осаждающих более месяца. В начале августа Хмельницкий узнал, что Ян Казимир с главным войском стоит под Зборовом и, оставив пехоту под Збарожем, сам с конницей и ханом отправился к Зборову.

5 августа 1649 г. Хмельницкий внезапно атаковал королевское войско. К ночи поляки были окружены со всех сторон. Тогда канцлер Оссолинский, видя спасение только в расколе в войске противника, надумал короля переманить Ислам Гирея на свою сторону. Ян Казимир послал передать хану о своем расположении и напомнить о благодеяниях покойного короля Владислава, который некогда отпустил Ислам Гирея из плена. Хан велел передать о его готовности вступить в переговоры. Есть основания полагать, что Ислам Гирей повлиял и на Хмельницкого, и тот тоже согласился начать переговоры с королем.

9 августа 1649 г. договор был заключен. Ян Казимир обещал Ислам Гирею единовременно прислать в Крым 200 тысяч злотых и потом присылать ежегодно по 90 тысяч. А для Хмельницкого были выговорены следующие условия:

«1) Число Войска Запорожского будет простираться до 40 000 человек, и составление списков поручается гетману; позволяется вписывать в казаки как из шляхетских, так и из королевских имений, начавши от Днепра, на правой стороне в Димере, в Горностайполе, Кориштышове, Паволоче, Погребище, Прилуке, Виннице, Блаславле, Ямполе, в Могилеве, до Днестра, а на левой стороне Днепра в Остре, Чернигове, Нежине, Ромнах, даже до московского рубежа.

2) Чигирин с округом должен всегда находиться во владении гетмана запорожского.

- 3) Прощение казакам и шляхте, которая соединилась с казаками.
- 4) В тех местах, где будут жить реестровые казаки, коронные войска не могут занимать квартир.
- 5) В тех местах, где будут находиться казацкие полки, жида не будут терпимы.
- 6) Об унии, о церквах и имениях их будет сделано постановление на будущем сейме; король позволяет, чтоб киевский митрополит заседал в сенате.
- 7) Все должности и чины в воеводствах Киевском, Черниговском и Брацлавском король обещает раздавать только тамошней шляхте греческой веры». [\[111\]](#)

На следующий день, 10 августа, Богдан Хмельницкий прибыл к королю и, встав на одно колено, произнес речь, в которой повторил, что у него и в мыслях не было поднимать оружие против короля, но что казаки восстали против шляхетства, которое угнетало их как самых последних рабов. Король дал Богдану поцеловать свою руку, а литовский подканцлер прочел ему наставление, чтобы верностью и радением загладил свое преступление. На следующий день войска разошлись.

В октябре 1649 г. к Хмельницкому приехал Григорий Неронов — специальный посланник царя Алексея Михайловича. На обеде с послом Богдан по своему обычаю малость перебрал и начал выговаривать Неронову свои обиды на донских казаков, которые де ему не помогают, а наоборот, нападают на Крым и ссорят его с ханом. Гетман даже пригрозил, что может пойти на московские земли вместе с Ислам Гиреем. Наронов резко осадил Богдана: «Донцы ссорятся и мирятся, не спрашивая государя, а между ними много запорожских казаков. Тебе, гетману, таких речей не только говорить, и мыслить о том непригоже». Богдан сразу сник и ответил: «Перед восточным государем и светилом русским виноват я, слуга и холоп его. Такое слово выговорил с сердца, потому что досадили мне донские казаки, а государева милость ко мне и ко всему Запорожскому Войску большая».

Как писал С. М. Соловьев: «До Хмельницкого запорожские и донские казаки составляли почти одно общество: запорожцы жили на Дону, донцы на Запорожье; запорожцев на Дону насчитывали иногда с 1000 человек. Донцов в Запорожье — до 500; запорожцы жили на Дону лет по пяти, по шести, по осьмнадцати». [\[112\]](#)

В Чигирине Неронов познакомился с писарем Войска Запорожского Иваном Выговским. Тот был очень любезен с московским посланником,

тем более что за эту любезность ему платили соболями. Неронов доносил в Москву, что дал Выговскому лишних соболей, и тот сообщил ему список статей Зборовского мира и про «иные дела» рассказывал.

Надо ли говорить, что условия Зборовского договора полностью не выполнялись ни одной из сторон. Возвратившийся в Варшаву из крымского плена гетман Потоцкий доносил, что вся Украина волнуется, Хмельницкий самовольничает: без королевского позволения призвал на Украину татар и послал их вместе с казаками опустошить союзницу Польши — Молдавию только за то, что господарь Липул не захотел выдать свою дочь за сына гетмана Тимофея. Хмельницкий по своей воле сносится с Турцией и со Швецией, а холопы и не думают повиноваться панам, и те терпят страшные убытки.

Польские шляхтичи боялись возвращаться на Украину. В конце 1650 г. в Варшаве был созван сейм. Прибыли туда и послы от Хмельницкого. Они потребовали, чтобы в трех воеводствах — Киевском, Брацлавском и Черниговском — ни один пан не имел власти над крестьянами: пусть живет, как хочет, наравне со всеми, и повинуется казацкому гетману. Казаки требовали уничтожить унию не только на Украине, но и во всех землях Короны Польской и Великого княжества Литовского, а православное духовенство должно получить право та же почести, что и католическое. Эти требования наравне с другими статьями Зборовского договора должны быть утверждены присягой знатнейших сенаторов, и еще поляки должны дать в заложники четырех своих знатных панов, в том числе князя Иеремию Вишневецкого.

Требования эти привели панов в бешенство, и 24 декабря 1650 г. сейм единодушно постановил объявить войну казакам. В феврале следующего года поляки внезапно напали на казацкий отряд, который стоял в местечке Красном под начальством полковника Нечая, и перебили всех до единого. В апреле 1651 г. в Польше было объявлено «посполитное рушенье», то есть поголовное вооружение шляхты. Легат папы Иннокентия IX привез полякам благословение папы и отпущение грехов, а королю — мантию и священный меч и провозгласил Яна Казимира защитником веры.

В свою очередь коринфский митрополит Иоасаф опоясал Богдана Хмельницкого мечом, освященным на гробе господнем, кропил войско святой водой и сам шел при войске. На помощь казакам прибыл и хан Ислам Гирей со всей ордой.

Решающая битва произошла на Волыни у городка Берестечко на реке Стири. По масштабам того времени силы противников были очень велики: 150 тысяч у поляков, включая 20 тысяч немецких наемников, и почти 100

тысяч казаков с 50 тысячами татар. Битва началась 18 июня 1651 г. и длилась несколько дней. Татары, натолкнувшись на решительное сопротивление хорошо обученных немецких наемников, бежали. Казаки же окопались и несколько дней выдерживали нападения поляков, но вынуждены были отойти. По разным сведениям на поле боя осталось от 7 до 30 тысяч убитых казаков и татар. Но, судя по тому, что трофеями поляков стали только 28 из 115 казацких пушек, Богдан отступил в полном порядке.

Через несколько дней после сражения умер естественной смертью ненавистный православным казачеством Иеремия Вишневецкий. Оставшаяся часть польского войска разделилась. Литовский гетман Радзивилл^[113] повел свои войска на Киев, а король двинулся к Каменцу. Радзивилл почти без боя взял Киев. Значительная часть города была сожжена, все православные церкви горда и Печерский монастырь были начисто разграблены поляками.

От войска Радзивилла отделился отряд князя Четвертинского, который расположился на отдых у города Хвостова. На рассвете 5 сентября Хмельницкий атаковал Четвертинского и разгромил его отряд. Узнав об этом, гетман Радзивилл начал отступление из Киева в Литву. По пути Хмельницкий напал на войска Радзивилла, было убито много поляков и захвачен обоз с награбленным в Киеве имуществом. Однако большей части войска Радзивилла удалось организованно отойти.

Параллельно с боевыми действиями Хмельницкий проявлял активность и на дипломатическом фронте. Он вновь отправил посланцев в Москву просить царя Алексея о принятии Украины в его подданство. Но Москва опять дала уклончивый ответ.

Хан Ислам Гирей ушел в Крым и не проявлял более желания воевать с поляками.

Польские же войска на Украине находились, мягко говоря, в сложном положении. В результате 28 сентября 1651 г. в городе Белая Церковь гетманы Хмельницкий и Потоцкий подписали новый мирный договор. Согласно ему:

«1) Войска Запорожского будет только двадцать тысяч; оно должно находиться в одних только имениях королевских и в воеводстве Киевском, не касаясь воеводств Брацлавского и Черниговского.

2) Коронное войска не должно стоять в воеводстве Киевском в тех местечках, где будут реестровые казаки.

3) Обыватели воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сами лично и через своих урядников вступают во владение своими

имениями и пользуются всеми доходами и судопроизводством.

4) Чигирин остается при гетмане, который должен состоять под властью гетмана коронного.

5) Жида должны быть обывателями и арендаторами в имениях королевских и шляхетских.

6) Гетман запорожский должен отпустить орду и вперед не вступать ни в какие сношения с нею и вообще с иностранными государствами». ^[114]

Как видно из статей договора, Белоцерковский мир был куда менее выгодным казакам, чем Зборовский. Но и польских панов такой мир не устраивал. Хмельницкий прекрасно понимал, что новая война может начаться в любой момент. Воевать в одиночку с Речью Посполитой означало для Богдана заведомо обречь себя на поражение. Поскольку Москва по-прежнему отказывалась принимать Украину в свое подданство, Хмельницкий отправил послов к турецкому султану. И вот в 1651 г. Махмед IV признал Украину и запорожцев своими вассалами, пожаловав им тот же статус, которые имели Крым, Молдавия и Валахия.

Надо ли говорить, что православное население Украины не желало считать себя подданными бусурманского царя, а запорожцы к тому же лишались своего основного промысла — добычи «зипунов» у татар и турок.

У Богдана начались конфликты с запорожцами. Кстати, в 1652 г. запорожцы оставили свою Сечь на Никитином Роге и построили новую Сечь в устье реки Чортомлык. Строил новую Сечь кошевой атаман Лутай. Ни о причинах переноса Сечи, ни об иной деятельности кошевого Лутая данных найти не удалось.

Новая Сечь расположилась при впадении в Днепр (точнее, в протоку Скарбную) речки Чортомлык с правой стороны, ниже Никитина Рога. Сохранилось описание Чортомлыкской Сечи в акте 1672 г.: «Город Сеча, земляной вал, стоит в устьях у Чортомлыка и Прогною над рекою Скарбною. В вышину тот вал в сажень; с поля от Сумской стороны и от Базавлука, в валу устроены пали и бойницы, и с другой стороны, от устья Чортомлыка и от реки Скарбной по валу, сделаны коши деревянные и насыпаны землей. А в том городе башня с поля; мерою кругом 20 сажень, а в нем окна для пушечной стрельбы. Да для ходу по воду сделано на Сортомлык и на Скарбную 8 форток (пролазов), и над теми фортками бойница, а шириною деть фортки только одному человеку пройти с водою. А мерою тот городок Сеча с поля от речки Прогною до речки Чортомлыка сто ж сажень, да с правой стороны речка Прогной, а с левой стороны речка Чортомлык и впали те речки в речку Скарбную, которпя течет позади

города подле самой ров. А мерою де весь Сеча город будет кругом с 900 сажень». [\[115\]](#)

Точная численность населения Сечи неизвестна, поскольку казаки никогда не давали себя переписывать. Однако известно, что в 1672 г. там постоянно проживало не менее 100 кузнецов.

Гоголь в «Тарасе Бульбе» описал именно Чортомлыкскую Сечь, хотя в повести сказано, что Тарас Бульба прибыл в Сечь на острове Хортица: «... все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом. Жид, выставив вперед свою голову, цедил из бочки горелку. Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец как лев растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее по тесной улице, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявшими это предместье Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они миновали предместье и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: „Здравствуйте, Панове!“ — „Здравствуйте и вы!“ — отвечали запорожцы». [\[116\]](#)

В центре Чортомлыкской Сечи запорожцы в 1652 г. возвели церковь

Покрова пресвятой Богородицы. Через два года она сгорела, и попы не успели вынести церковную утварь. Запорожцы через сечевого посланца Стефана Астраханского просили царя Алексея прислать новую утварь, что и было сделано. В числе прочего царь прислал двенадцать книг Четь-Минеи.

Но вернемся к судьбоносным событиям в Малороссии. Споры нет, Богдан страдал запоями, и, судя по фамилии, алкоголизм у него был наследственный, он был склонен к резким поступкам, но в этом случае гетман решил лишь попугать Москву. И, надо сказать, его замысел полностью оправдался. Алексей Михайлович и его бояре поверили, что гетман решил податься к туркам, и начали форсировать мероприятия по возможному соединению Украины с Россией.

Осенью 1653 г. в Москве был созван Земской собор. На Соборе было решено удовлетворить просьбу Богдана Хмельницкого и Войска Запорожского и принять православный украинский народ «под высокую руку» русского царя. 1 октября при закрытии Собора царь Алексей торжественно заявил, что Россия будет вести войну с Польшей, если последняя будет удерживать Малороссию силой.

9 октября из Москвы на Украину выехало великое русское посольство в составе ближнего боярина Василия Бутурлина, окольничего Ивана Алферова, начальника московских стрельцов Артамона Матвеева и думного дьяка Лариона Лопухина. При посольстве были стольники, дворяне, стряпчие, толмачи и охрана из двухсот стрельцов.

31 декабря посольство прибыло в Переяслав. А незадолго до этого Хмельницкий разослал по всем казацким полкам универсал с указанием прибыть в Переяслав на великую раду представителям казачества, горожан, духовенства и других слоев населения. Все выборные должны были прибыть в начале января 1654 г.

Вечером 7 января 1654 г. (по старому стилю) у Богдана Хмельницкого с полковниками, судьями и есаулами состоялась тайная рада, и все собравшиеся единодушно «под государеву высокую руку поклонились». После тайной рады в тот же день была назначена и явная. С раннего утра били в барабаны, чтобы собирался народ. Когда набралось несколько сотен человек, сделали просторный круг, куда вошел Хмельницкий под бунчуком, с ним судьи, полковники, есаулы и писарь.

Гетман стал посреди круга, войсковой есаул велел всем молчать, и гетман начал говорить: «Паны полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как бог освободил нас из рук врагов, гонящих церковь Божию и озлобляющих все

христианство нашего восточного православия. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей, что уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великой России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим. Тут которого хотите выбирайте!»

Исход выборов был предreshен заранее: толпа закричала: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!»

Потом переяславский полковник Тетеря ходил по кругу и спрашивал: «Все ли так соизволяете?» В ответ раздавалось: «Все единодушно!»

Тогда гетман стал снова говорить: «Будь так, да господь бог наш укрепит нас над его царскою крепкою рукою!» Народ кричал в ответ: «Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб мы вовеки все едино были».

Затем Бутурлин, Хмельницкий и вся казацкая старшина проследовали в городскую церковь, чтобы скрепить решение взаимной присягой. Духовенство хотело было начать приводить к присяге по чиновной книге, присланной из Москвы, но Хмельницкий подошел к Бутурлину и сказал: «Тебе бы, боярину Василью Васильевичу с товарищами, присягнуть за государя, что ему нас польскому королю не выдавать, за нас стоять и вольностей не нарушать: кто был шляхтич или казак, или мещанин, и какие маестности у себя имел, тому бы всему быть по-прежнему и пожаловал бы великий государь, велел дать нам грамоты на наши маестности».

Бутурлин ответил на это: «За великого государя присягать никогда не бывало и вперед не будет, тебе, гетману, и говорить об этом непристойно, потому что всякий подданный повинен присягнуть своему государю, и вы бы, как начали великому государю служить и о чем били челом, так бы и совершили и присягнули бы великому государю по евангельской заповеди без всякого сомнения, а великий государь вольностей у вас не отнимает и маестностями каждому велит владеть по-прежнему».

Хмельницкий в гневе покинул церковь и отправился советоваться с полковниками. Через некоторое время в церковь вошли два полковника —

перемыславский Тетеря и миргородский Сахнович — и от имени гетмана стали говорить Бутурлину, чтобы он присягнул за государя. Но тот опять отказался: «Непристойное дело за государя присягать, никогда этого не повелось». Тогда полковники сослались на польских королей, которые подданным своим всегда присягают. Бутурлин парировал: «Польские короли подданным своим присягают, но этого в образец ставить не пристойно, потому что это короли неверные и не самодержцы, на чем и присягают, на том никогда в правде своей не стоят».

Полковники ушли советоваться со старшиной. Всем стало обидно, но отступить было уже некуда — пришлось присягать царю.

Позднее условия подписания Переяславского договора стали предметом многолетних дискуссий. Канадский историк Орест Субтельный насчитал пять основных истолкований Переяславского договора.

«По мнению русского историка права Василия Сергеевича (ум. 1910), соглашение 1654 г. относилось к разряду так называемых „персональных уний“, при которых две страны, имея общего монарха, тем не менее остаются самоуправляемыми.

Другой специалист по русскому праву, Николай Дьяконов (ум. 1919), доказывал, что коль скоро украинцы согласились на „личное подчинение“ царю, они тем самым безусловно принимали поглощение их земель Московским царством, и потому это соглашение было „реальной унией“.

Украинский историк Михайло Грушевский, а также русский историк Венедикт Мякотин (умер в эмиграции в 1937 г.) полагали, что переяславское соглашение по форме являлось ничем иным, как вассалитетом — т. е. такой системой отношений, при которой более сильная сторона (в данном случае царь) соглашается защищать более слабую (украинцев), не вмешиваясь в ее внутренние дела и получая взамен налоги, военную помощь и т. п.

Другой украинский историк, Вячеслав Липинский, пошел еще дальше и предположил, что соглашение 1654 г. было не более чем временным военным союзом между Украиной и Москвией.

И совсем уж особняком стоит пятое истолкование Переяславского договора. В 1954 г., во время помпезного празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, в СССР было объявлено (правда, не историками, а коммунистической партией), что Переяславское соглашение стало естественной кульминацией векового стремления украинцев и русских друг к другу, а союз двух народов явился главной целью восстания 1648 г.». [\[117\]](#)

Обилие мнений не в последнюю очередь было вызвано тем, что

оригинальные документы давно потеряны, а сохранились лишь неточные копии и переводы. По мнению же автора, каковы бы не были тексты оригинальных документов, наиболее справедливым является «пятое толкование образца 1654 г.». В нем много пустословия, и оно, безусловно, создано на потребу дня, но, нравится кому или не нравится, оно верно по сути дела.

Естественно, что население Киевского и Брацлавского воеводств куда больше симпатизировало русскому царю и русскому народу, нежели султану с турками и татарами или королю с его панами. И если на Переяславской раде казаки голосовали саблями за союз с Москвой, то после Люблинской унии (1569 г.) десятки, если не сотни тысяч малороссов проголосовали ногами, бежав от поляков в Брянск, Путивль и на Дон.

Что же касается запорожцев, то Богдан Хмельницкий информировал запорожскую старшину о своих переговорах с Москвой. Кошевой и старшина поддерживали позицию гетмана: «Потому не советуем и вам с этого времени заботиться о приязни к полякам, а мысль вашу об отдаче всего малороссийского народа, по обеим сторонам Днепра живущаго, под протекцию великодержавнейшаго и пресветлейшаго монарха российского принимаем за достойную внимания и даем вам наш войсковой совет, не оставляя этого дела, привести его к концу, к наилучшей пользе нашей малороссийской отчизны и всего запорожского войска. И когда будете писать вы пакты, то извольте, ваша гетманская милосць, сами усердно досматривать, чтобы в них не было чего-нибудь лишяго и отчизне нашей шкодливаго, а предковечным правам и вольносытм нашим противнаго и неполезнаго. Мы достоверно знаем, что великодержавнейший и пресветлейший монарх, самодержец всероссийский, как православный царь, примет охотно и ласково нас, яко чадолюбивый отец своих сынов, в том же святом православии непоколебимо стоящих, под свою крепкую протекцию, не требуя от нас никаких даней и платежей в свою монаршескую казну, исключая нашей войсковой службы, за что мы, по мере наших сил, всегда будем готовы идти против его монарших неприятелей...

Писано в Сичи запорожской, генваря 3 дня, року 1654».^[118]

Как видим, запорожцы считали принятие русского подданства единственным выходом для Малороссии, но не забывали упомянуть о необходимости сохранения казацких вольностей.

Любопытен и язык документа. Вроде бы украинцы пишут украинцу, но язык данного письма — русский язык того времени, ну, в крайнем случае, на две трети — русский язык и на треть — суржик. Там не

«січень», а «генварь»!

Создание же казацкого государства в XVII веке на Украине было физически невозможно. Это признает даже крайне националистически настроенный Орест Субтельный: «Как показали непрерывные войны, казаки могли успешно сражаться с поляками, нанося им тяжкие поражения, но не могли раз и навсегда отстоять Украину от притязаний шляхты. Для обеспечения сколько-нибудь длительной победы над поляками Хмельницкий нуждался в постоянной и надежной поддержке могущественной внешней силы. А для того чтобы получить такую поддержку извне, в то время требовалось лишь одно: признать себя вассалом того правителя, который эту поддержку оказывал». [\[119\]](#)

Меня же лично заинтересовал вопрос, почему-то не поднимавшийся ни официальными русскими, ни советскими историками, ни украинскими националистами. В обстоятельном сборнике архивных документов [\[120\]](#) присоединению Украины к России отведено лишь 15 страниц, а присоединению Молдавии — целых 53 страницы, Грузии — 133 страницы и т. д. В этом сборнике есть только три документа, относящиеся к 1648–1654 годам: «1648 г. 8 июля. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Черкас царю Алексею Михайловичу, с сообщением о победах над польским войском и желании украинского народа объединиться с Россией», «1653 г. октября 1. Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией» и «1654 г. января 8. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Переяслава царю Алексею Михайловичу, с благодарностью за воссоединение Украины с Россией».

Любопытно, что названия заголовкам придумали составители, а вот в текстах всех трех документов слово «Украина» ни разу не встречается. Мало того, в первом документе гетман Войска Запорожского Богдан Хмельницкий просит царя принять его и Войско Запорожское под высокую руку. В постановлении собора говорится: «А о гетмане о Богдане Хмельницком и о всем Войске Запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси изволил того гетмана Богдана Хмельницкого в все Войско Запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку». [\[121\]](#)

В третьем документе говорится: «...мы, Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское за милость неизреченную вашему царскому величеству паки и паки до лица земли низко челом бьем». [\[122\]](#)

Прошу в очередной раз у читателя извинение за длинные цитаты, но вопрос-то деликатнейший! Получается, что сохранилось всего три документа, и в них ни разу не упоминаются ни Украина, ни Малороссия, ни воевода Киевский, ни Киевская земля, ни иные названия земель, входящих в нынешний состав Украины. Везде фигурируют лишь гетман и Войско Запорожское, а о реестровых и малороссийских казаках нет ни слова!

Строго говоря, вопрос о подданстве Войска Запорожского должен был решаться не в Переяславле, а в Сечи. Но под каким-то предлогом запорожцы от присяги увильнули вообще. Московские бояре в марте 1654 г. по этому поводу даже специально запросили Хмельницкого. Богдану ничего не оставалось делать, как ответить отпиской: «...запорожские казаки люди малые, и то из войска переменные, и тех в дело почитать нечего».

Тем не менее, в том же 1654 году запорожцы собрались на раду и принесли присягу царю Алексею Михайловичу.

Глава 11

Смерть Хмельницкого и начало убоиц

В Москве прекрасно понимали, что присоединение к России украинских земель неизбежно вызовет войну с Польшей. Стремление избежать войны было основной причиной отказов царей Михаила и Алексея от принятия в подданство казаков и от любого вмешательства в события на территории Речи Посполитой.

Первым делом нужно было взять Смоленск. 27 февраля 1654 г. туда из Москвы по «зимнему пути» были двинуты пушки и мортиры. Царь Алексей желал присоединить к Москве не только потерянный в Смутное время Смоленск, но и все русские земли, захваченные в XIV–XV веках Литвой, и требовал от воевод не обижать своих новых подданных. Так, православной шляхте из Полоцка и других земель был предложен выбор: поступать на русскую службу и ехать к царю под Смоленск за жалованьем, а тем, кто по-прежнему считал себя королевским подданным, было разрешено беспрепятственно ехать в этническую Польшу.^[123]

Следует заметить, что значительная часть шляхты Литовской Руси с удовольствием присоединилась к русским войскам. Десятки городов и замков сдались без сопротивления. Другой вопрос, что в ходе последней длительной войны часть перебежчиков решила вновь сменить сюзерена. Некоторые шляхтичи это проделывали по три-четыре раза.

10 сентября 1654 г. население Смоленска открыло ворота, и толпы обывателей пошли на поклон к царю Алексею Михайловичу, прибывшему в лагерь осаждающих. Смоленским воеводам Обуховичу и Корфу царь позволил уехать в Литву, а остальной шляхте и мещанам предоставил выбор: ехать в Литву или присягать русскому царю.

Тем временем царские войска продолжали наступление в Белоруссии. 20 ноября боярин Василий Петрович Шереметев взял штурмом Витебск. Зато в тылу наступавших войск начали бесчинства запорожские казаки атамана Золотаренко. Они не только грабили крестьян, но обнаглели до того, что стали устанавливать налоги и оброки, в свою, разумеется, пользу.

Вот пример, хорошо иллюстрирующий ситуацию на занятых русскими войсками землях. 14 октября 1654 г. жители Могилева — бурмистры, райцы, лавники и мещане — пришли к командиру русского отряда Воейкову со словами: «Из Смоленска государь изволил пойти к столице и

своих ратных людей отпустил. А к нам в Могилев ратных людей зимовать не прислано, пороху нет и пушек мало. Мы видим и знаем, что государь хочет нас выдать ляхам в руки, а на казаков Золотаренковых нечего надеяться: запустошив Могилевский уезд, все разбегутся, и теперь уже больше половины разбежалось. Мы на своей присяге стоим, но одним нам против ляхов стоять не уметь».

В Малороссии и Крыму татары объединились с поляками и начали действовать против русских и казаков Хмельницкого. 29 января — 2 февраля (новый стиль) 1655 г. крымцы вместе с гетманом Станиславом Потоцким под Ахматовым (Охматовым) разбили соединенные силы царских стрельцов и казаков. Любопытный момент, современные историки-националисты всех мастей — поляки, украинцы, белорусы — любую неудачу царских войск представляют грандиозным поражением. Не пора ли «историков», вырывающих отдельные моменты из контекста событий, официально объявить попросту жульем? Да, действительно, была неудача под Охматовым. Но что последовало за этим «разгромом»? Поляки сняли осаду с Могилева и отступили...

1655 год ознаменовался расширением театра военных действий. В войну вступила Швеция. Тут следует сделать маленькое отступление. В 1648 г. был подписан Вестфальский мир, положивший конец тридцатилетней войне. По этому миру Швеция получила Западную Померанию и город Штеттин с частью Восточной Померании, а также остров Рюген, город Сисмар, архиепископство Бремен и епископство Форден. Таким образом, почти все устья судоходных рек в Северной Германии оказались под ее контролем. Балтийское море фактически превратилось в шведское озеро.

Королева Кристина осталась незамужней, и в 1654 г. шведские аристократы заставили ее отречься от престола в пользу 32-летнего Карла Густава — пфальцграфа Цвейбрюкского. Новый король получил имя Карл X Густав. Он был племянником Густава-Адольфа и под командованием дяди участвовал во многих сражениях, а к концу Тридцатилетней войны стал главнокомандующим шведскими войсками в Померании.

В ходе отречения королевы Кристины польский король Ян Казимир вдруг вспомнил о правах своего отца Сигизмунда III на шведский престол, хотя и его отец, и брат Владислав давно отреклись от него.

Итак, на шведский престол взошел молодой король, успевший проявить себя способным полководцем. Королевская казна была пуста, а лучшая армия Европы уже семь лет тосковала без войны. И тут такой хороший повод сходить «за зипунами» в Польшу! Естественно, Карл X

двинул туда войска. В июле 1655 г. семнадцатитысячная шведская армия вышла из Померании на Познань и Калиш.

Большая часть польского дворянства не пожелала воевать и 25 августа 1655 г. у селения Устье шляхта Великой Польши перешла на сторону шведов. А 18 августа в Кейдонах гетман Януш Радзивил с литовской шляхтой перешли на сторону Карла X.

Польский король Ян Казимир бросил Варшаву и бежал в Краков. Шведы 6 сентября разбили польскую королевскую армию при Черпове, а через три дня заняли без сопротивления Варшаву.

В октябре шведы заняли Краков, а Ян Казимир убежал в Силезию. На севере Польши держался только город Данциг, да и то из-за поддержки голландской эскадры. В пику Голландии Англия и Франция заявили о поддержке Швеции. (Как видим, хулиганский поступок господина Чаплинского, уведшего бабу у Хмельницкого, привел к большой европейской войне).

Еще до начала боевых действия Карл X отправил к царю посла Розенлинда с грамотой, где объяснялись причины, побудившие Швецию начать войну, и предлагался военный союз против Речи Посполитой. В июле 1655 г. Розенлинд был принят Алексеем Михайловичем в Смоленске.

Вступление Швеции в войну с точки зрения здравого смысла было большой удачей для Русского государства. Спору нет, русская армия заняла значительные территории Речи Посполитой, но ее военную мощь сокрушить не удалось. Неужели в Москве надеялись, что соседние государства одобряют захват Россией большей части Речи Посполитой? Шведы должны были радоваться выходу русской армии к Риге, а турки — появлению русских на Волыни вблизи вассальной Молдавии? Единственным союзником царя против Польши, Швеции, турецкого султана и крымского хана был Богдан Хмельницкий, преследовавший совсем другие цели, нежели царь, да еще к 1655 г. ставший хроническим алкоголиком.

Поэтому раздел Речи Посполитой, предложенный Карлом X, был идеальным вариантом для России, даже если бы большая часть бывших польских земель досталась шведам. В любом случае России потребовалось не менее 20–40 лет, чтобы переварить даже небольшие территории, побывавшие под властью Речи Посполитой. А вот шведы бы гарантированно подавились польским пирогом, благо, польское панство — еще та публика!

Но молодого Алексея занесло. Он уже считал себя не меньше Александра Македонского. При этом царя жестко опекал пятидесятилетний

патриарх Никон. Он-то должен был помнить, как поляки напастыляли Шеину под Смоленском. Но переполненный гордыней патриарх уже видел себя духовным владыкой всей Польши, а вместо того, чтобы одернуть зарвавшегося «тишайшего», буквально подзуживал его на новые захваты.

Царь Алексей гордо заявил шведскому послу: «За многие злые неправды к нам королей Владислава и Яна Казимира дал бог нам взять всю Белую Русь и многие воеводства, города и места с уездами Великого княжества Литовского, да наш же боярин Бутурлин с запорожским гетманом Хмельницким в Короне Польской, на Волыни и в Подолии побрал многие воеводства, города и места, и мы учинились на всей Белой Руси и на Великом княжестве Литовском, и на Волыни, и на Подолии великим государем».

Послу ничего не оставалось делать, как промолчать, но после такого заявления конфликт был неизбежен.

В августе-сентябре 1655 г. ряд литовских городов, присягнувших в прошлом году царю, передался шведам. Особое раздражение царя вызвало занятие шведами крепости Друя,^[124] расположенной на Западной Двине и имевшей стратегическое значение.

Еще больше разозлили Алексея и Никона донесения лазутчиков о том, что Карл X вступил в переписку с Богданом Хмельницким и Иваном Золотаренко — наказным гетманом запорожцев, действовавшими в Белоруссии. Король предлагал Хмельницкому создать Киевское княжество, состоящее в вассальной зависимости от шведского короля. Забегая вперед, скажу, что в январе 1656 г. шведский посол в Москве утверждал, что инициатором переписки с королем Карлом X был сам Богдан, и он первым попросился в шведское подданство.

Между тем успехи Карла X в Польше вызвали большие опасения у австрийского императора Фердинанда III.^[125] В октябре 1655 г. в Москву прибыли цесарские послы Аллегретти и Лорбах. Для Австрии было опасным падение союзной католической Польши и усиление на ее развалинах враждебной протестантской Швеции, и Фердинанд решил предложить свое посредничество между царем Алексеем и королем Яном Казимиром, чтобы прекратить между ними войну и, если получится, обратить русское оружие против Швеции.

В конце декабря 1655 г. в Москву прибыли шведские послы. Формальной целью этого посольства было подтверждение Столбовского мира 1617 г. Согласно протоколу, новый монарх должен был подтверждать договора, сделанные его предшественниками. И Карл X 20 (30) июня

1655 г. официально подтвердил ратификацию этого договора. В Москве же придрались к грамоте, что де не все титулы царя в ней прописаны. Но часть этих титулов и появилась только в 1655 г..^[126] Царь отказался подтвердить Столбовский мир.

Для войны со Швецией Москва решила заручиться помощью Дании. В марте 1656 г. туда был отправлен стольник князь Данила Мышецкой, который предложил датскому королю Фредерику III военный союз против Карла X.

17 мая 1656 г. под звон московских колоколов царь Алексей Михайлович объявил войну шведскому королю Карлу X Густаву. Русский корпус под началом Петра Потемкина двинулся для занятия берегов Финского залива. На помощь Потемкину был направлен большой отряд донских казаков. При отправке казаков патриарха Никона занесло — он благословил казаков не более, не менее, как идти морем к Стокгольму и захватить его.

Теперь Алексею Михайловичу ничего не оставалось делать, как мириться с Яном Казимиром. К началу июля 1656 г. боевые действия против поляков и литовцев, сохранивших верность Яну Казимиру, были прекращены, а 30 июля в Вильно начались мирные переговоры.

Однако переговоры сразу же зашли в тупик из-за статуса Малороссии — ни одна сторона не хотела ее уступать, но ни Польша, ни Россия не желали и прерывать переговоры. Бесполезная дискуссия затянулась на много месяцев. Польша была очень слаба, а царь не хотел начинать новую войну, не закончив кампанию со шведами. Кроме того, Речь Посполитую и окрестные страны будоражили вести о тяжелой болезни короля Яна Казимира. Ряд польских магнатов, объединившихся вокруг Винцента Гонсевского (сына гетмана Александра Гонсевского, умершего в 1636 г.), предлагали возвести на польский трон царя Алексея Михайловича или его сына царевича Алексея Алексеевича. Царь был, явно, не против такого варианта.

27 июля 1657 г. скончался Богдан Хмельницкий. А 26 августа в Чигирине состоялась рада, и казаки выбрали гетманом генерального писаря Ивана Выговского.^[127] При вручении булавы казаки дали наказ новому гетману верно служить великому государю и над Войском Запорожским добрую управу чинить.

Через 22 дня после своего избрания Выговский отправил грамоту кошевому Павлу Гомону с объяснением обстоятельств своего избрания и извещал запорожцев, что он посылает им три тысячи талеров: одну тысячу

«из собственной шкатулки», а две тысячи — «от завещания Хмельницкого на помин души его в сичевой церкви».

25 сентября 1657 г. кошевой ответил Выговскому, что выборы гетмана должны были пройти не в Чигирине, а в Сечи, где и был выбран гетман Хмельницкий, но поскольку «ваше избрание уже свершилось», то Запорожское войско согласно признать Выговского гетманом. Однако кошевой предостерегает Выговского от контактов с поляками. Мало того, Гомон заявил, что если гетман пожелает «отторгнуться от высокой державы царя Алексея Михайловича, нашего всероссийского монарха, и по прежнему отдать до польской короны нашу малороссийскую отчизну..., то ведайте заранее, что мы, войско низовое запорожское, в том воле вашей не будем следовать и звание изменников на славное имя навлекать не желаем».

[\[128\]](#)

В ноябре 1657 г. в Москву пробрались, избежав всех застав Выговского, посланцы от из Сечи атамана Якова Федоровича Барабаша. Они заявили, что Выговский был избран незаконно, что он ведет переговоры с ляхами и шведами, обижает запорожских казаков. На вопрос бояр, чего же они хотят, запорожцы ответили: «Хотим, чтоб послан был в войско ближний [государю — А.Ш.] человек и собрал раду; на этой раде выбирать в гетманы, кого всем Войском излюбят».

Новый 1658 год гетман Выговский начал с казней казацких старшин, недовольных его властью, а против полтавского полковника Мартына Пушкаря отправил полторы тысячи казаков и сербов (из своей личной охраны).

А вот Запорожское войско поддержало Пушкаря и отправило 700 казаков во главе с Яковом Барабашем.

Командовавший гетманским войском полковник Иван Гогун с казаками и Иван Сердин с сербами шли порознь. Этим воспользовался Барабаш и 25 января 1658 г. атаковал сербов у знаменитой деревни Диканьки. Почти все сербы были перебиты. Пушкарь занял Миргород и выгнал оттуда сторонников гетмана Лесницкого, вместо которого миргородские казаки выбрали полковником Степана Довгаля.

Тем не менее, сторонники Выговского собрали большое войско во главе с нежинским полковником Гуляцким, но на Пушкаря они напасть не смели, и оба войска занялись маневрированием.

8 февраля Пушкарь прислал в Москву первый донос на Выговского. Он писал, что гетман — изменник государю, помирился с ляхами и Ордою, и что он, Пушкарь, слышал об этом от Юрия Хмельницкого.

17 мая 1658 г. войско Выговского и призванные им татары подошли к

Полтаве, где стояли Пушкарь и Барабаш. Московские послы тщетно пытались помирить противников. В ночь на 1 июня Пушкарь и Барабаш внезапно атаковали гетманское войско и захватили его обоз. Но утром сторонники Выговского оправились и контратаковали противника. Пушкарь был убит, а Барабаш с «немногими людьми» ушел в Сечь. Выговский утверждал, что его войско потеряло тысячу человек, а мятежники — восемь тысяч.

Итак, переговоры с поляками, длившиеся почти два года, зашли в тупик, а на Украине фактически началась гражданская война между гетманом и его противниками. Новая русско-польская война была неизбежна.

В августе 1658 г. гетман Выговский в городке Гадяче вступил в переговоры с представителями польского короля. 6 сентября был подписан так называемый Гадячский договор. Согласно ему Выговский получал титул: «Гетман русский и первый воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сенатор». Гетман становился вассалом польской короны. Число реестровых казаков увеличивалось до 60 тысяч.

Выговский и верные ему старшины получили массу льгот и привилегий. Чтобы не раздражать казаков, в договоре в 15-й статье было сказано: «В войне короля с Москвою казаки могут держать нейтралитет, но в случае нападения московских войск на Украину король обязан защищать ее».

Но ни в одной из 22-х статей ничего не говорилось, будут ли польские паны владеть своими поместьями в Малороссии или нет. А это был основной вопрос, волновавший население Украины, и без его кардинального разрешения любой договор становился «филькиной грамотой».

Ведя переговоры с ляхами, Выговский в августе 1658 г. клялся перед московским посланником дьяком Василием Михайловым в своей верности царю, а в это время гетманское войско шло на Киев, где находился русский гарнизон. 23 августа киевский воевода боярин Василий Борисович Шереметев вдребезги разгромил запорожских казаков под Киевом. Особо отличились полки «иноземного строя» под командованием полковника фон Стадена. Трофеями русских стали 12 пушек, 48 знамен и три бочки с порохом.

На левом (восточном) берегу Днепра большая часть старшины была за Выговского, но зато подавляющее большинство простых казаков стояли за Москву. В последних числах ноября в местечке Верва была созвана рада из верных царю казаков, и выбран в гетманы полковник Иван Беспалый, «чтоб

дела войсковые не гуляли».

Поляки не приходили к Выговскому на помощь, и чтобы остановить присылку новых московских войск, Выговский отправил к царю белоцерковского полковника Кравченко с повинной.

13 декабря 1658 г. Беспалый писал царю, что враги наступают со всех сторон, а царские воеводы помощи им, верным малороссиянам, не дают. Царь ответил, что вследствие приезда Кравченко с повинной он назначил раду в Переявлавле на 1 февраля 1659 г., а между тем пусть он, Беспалый, соединившись с князем Ромодановским, промышленует над неприятелем.

Неприятель не заставил себя ждать: 16 декабря 1658 г. наказной гетман Выговского Скоробогатенко подошел к Ромнам, где находился Беспалый, но был разгромлен последним. Беспалый доносил царю: «Если ваша пресветлая царская милость с престола своего не подвигните в свою отчину, то между нами, Войском Запорожским, и всем народом христианским, покою не будет. Выговский Кравченка на обман послал и ему бы ни в чем не верить».

В феврале 1659 г. «параллельный гетман» Беспалый сообщил в Москву, что из Новой Чернухи под Лохвицу приходило тридцатитысячное польско-татарское войско Скоробогатенко и Немирича.

На просьбы Беспалова о помощи из Москвы отвечали, что идет в Малороссию боярин князь Алексей Никитич Трубецкой.

15 января 1659 г. Трубецкой действительно выступил из Москвы с большим войском (в летописи говорится о ста тысячах человек) и 10 марта пришел в Путивль. 26 марта московское войско выступило из Путивля и направилось к местечку Константинов на реке Суле, позвав к себе московских воевод из Лохвиц и казаков Беспалого из Ромен.

10 апреля Трубецкой вышел из Константинова к Конотопу, где засел сторонник Выговского полковник Гуляницкий. 19 апреля войско было под стенами города, но осада безуспешно длилась до 27 июня, пока к Конотопу не подошли казаки Выговского вместе с татарами. Оставив всех татар и половину своих казаков в засаде за речкой Сосновкой, Выговский с остальными казаками ночью скрытно подошел к Конотопу, а на рассвете атаковал осаждающих, перебил много людей, отогнал лошадей и начал отступление.

Московские воеводы решили, что их атаковало все войско Выговского, и отрядили для его преследования князей Семена Романовича Пожарского и Семена Петровича Львова. 28 июня Пожарский нагнал черкес, многих перебил и погнался дальше за отступавшими, все более и более удаляясь от Конотопа. Взятые в плен казаки Выговского предупреждали, что впереди

поджидает большое войско — целая ханская орда и половина казаков, но все было тщетно, Пожарский ничего не хотел слышать и шел вперед. «Давайте мне ханишку! — кричал он, — давайте калгу! — всех их с войском... таких сяких... вырубим и выпленим».

Но только князь перебрался через болотную речку Сосновку, как навстречу ему выступили многочисленные толпы татар и казаков. Русские были окружены и разбиты. Оба воеводы попали в плен. Пожарского привели к хану, который начал выговаривать ему за дерзость и призрение к татарским силам. Но воевода и на поле битвы, и в плену был одинаков. В ответ он, как дипломатично писал С. М. Соловьев, «выбрал хана по московскому обычаю», то есть высказался о нравственности ханской матушки, и плюнул в глаза Камиль-Мухаммеду. Взбешенный хан приказал немедленно отрубить голову князю.

Затем 5 тысяч пленных из царского войска казаки и татары вывели в открытое поле и «стали резать как баранов».

И вот сейчас картинками с видом Конотопской битвы, где щирые украинцы громят звероподобных москалей, пестрят школьные и вузовские учебники истории Украины.

Глава 12

Руина

После Конотопа русские войска временно ушли из Малой Руси. И что же украинцы? Объединились вокруг гетмана Выговского? Увы, все наоборот. Казаки города Гадяча наkostenали Выговскому, и тот, потеряв свыше тысячи человек, отступил от города.

Атаман Иван Дмитриевич Серко (Сирко) собрал несколько тысяч запорожцев и на лодках начал действовать на Южном Буге, громя казаков Выговского и татар. Молодой Юрий Хмельницкий тоже собрал несколько тысяч запорожцев и двинулся в Крым, где разорил несколько улусов.

Пока Шереметев и Выговский воевали под Конотопом, флотилии стругов донских казаков ходили у крымских берегов. Донцы высаживались под Кафой, Балаклавой, Керчью, углублялись вглубь полуострова верст на пятьдесят, взяли пленных около двух тысяч татар, освободили полтораста русских пленников.

Затем донцы пересекли Черное море и пограбили Анатолийское побережье от Синопа до города Кондра, который находился всего в одном дневном переходе от Стамбула.

Узнав о казацких «шалостях», хан Камиль-Мухаммед Гирей с основными силами форсированным маршем двинулся в Крым, оставив Выговскому лишь 15 тысяч татар.

Иван Выговский из Чигирина отправил под Киев казацко-татарское войско под началом своего брата Данилы Выговского. Но 22 августа 1659 г. русский отряд, вышедший из Киева, наголову разбил это войско.

После ухода Выговского с татарами из Чигирина переяславский полковник Тимофей Цецура объявил себя подданным царя и перебил в городе немногих сторонников Выговского.

Так что Конотопское сражение, прославленное нынешними самостийниками, обернулось поражением Выговского и крымского хана.

Каждый гетман, полковник или старшина, который хоть какое-то время воевал против царских войск, сейчас объявляется официальным Киевом «украинским патриотом». Историк же Сергей Родин дал им совсем иное определение — этнические мутанты: «Этнический мутант затрудняется в оценке своей национальной принадлежности, так как чувствует в своей душе борение противоположных, взаимоисключающих

начал. Многие представители казачьей старшины эпохи Гетманщины как раз и представляют такой *национально мутированный тип*: Русские по крови, они по своей психологии, социальному быту, культурным предпочтениям примыкали к полякам и ориентировались на шляхетско-кастовые ценности. Историческая судьба распорядилась так, что окончательно ассимилироваться в польский этнос им не было суждено, но и русскими они себя уже не чувствовали, хотя по инерции еще и называли». ^[129]

Это определение прекрасно подходит к гетману Выговскому. По происхождению он русский, по образованию — поляк, он делал карьеру у поляков и попал в плен казакам в битве при Желтых Водах. В 1656 г. Выговский вступил в брак с полькой Еленой Стеткевич, дочерью новогрудского каштеляна Богдана Стеткевича.

Переход Выговского на сторону поляков был связан и с ослаблением шведкой угрозы. В самом конце 1655 г. Карл X увел основные силы на берега Балтийского моря для захвата прусских земель. Обрадованный король Ян Казимир в январе 1656 г. объявился народу во Львове. 2 июля (новый стиль) Ян Казимир даже взял штурмом Варшаву, но 28–30 июля (новый стиль) проиграл большое сражение у стен польской столицы. Война затянулась. Но тут в ее ход вмешался Его Величество Случай. 13 февраля 1660 г. 37-летний король Карл X умер. На престол вступил его четырехлетний сын Карл XI. Правившие от имени ребенка регенты боролись за власть, и 3 мая 1660 г. (новый стиль) близ Данцига в местечке Олива был заключен мир между Швецией и Польшей.

В 1657 г. шведы разгромили русские войска у Динабурга (ныне Даугавпилс). 21 июля 1658 г. в Москве было подписано временное перемирие со шведами. 21 июня 1661 г. на мызе Кярун (в русских источниках — Кардис) был заключен Кардисский мирный договор, по которому Россия уступала Швеции все свои завоевания в Прибалтике. Так закончилась бесславная и бездарная война, затеянная царем Алексеем Тишайшим.

Но на Украине продолжала бушевать война всех против всех. Причем, главными действующими лицами были не поляки, а малороссийская старшина, боровшаяся за власть и поместья, и призывавшая себе на помощь поляков, русских, татар и турок.

В октябре 1659 г. старшина, недовольная ориентацией Выговского на Польшу, изгоняет его. (И это через три месяца после «славной Конотопской баталии»!) Выговский бежит к ляхам, но и там пытается интриговать, за что вскоре и был расстрелян по приговору польского суда.

Под нажимом запорожцев новым гетманом с согласия царя был выбран восемнадцатилетний Юрий Хмельницкий. Сам по себе он был серой и бездарной личностью, но все решила слава его отца.

Сразу после своего избрания новый гетман вместе с Иваном Серко и 5 тысячами запорожцев занял Чигирин.

В это время король Ян Казимир попросил хана Камиль-Мухаммед Гирея отвлечь силы запорожцев от борьбы с поляками. Хан в свою очередь приказал перекопскому бею Карачу напасть на казаков. Кончилось это дело для татар весьма печально. Иван Серко с запорожцами весной 1660 г. опустошил окрестности Очакова и взял крепость Арслан-Кермень. А затем Серко с товарищами славно погуляли в Крыму.

В августе 1660 г. киевский воевода В. Б. Шереметев с Юрием Хмельницким двинулись на Львов. Русское и казацкое войска шли разными дорогами, Шереметев пошел на Котельню, а Хмельницкий — на Гончаризу. По пути к русскому войску присоединился отряд казаков под началом Цецуры.

Полякам удалось тайно сосредоточить у Любара свое тридцатитысячное войско гетмана Потоцкого и маршалка Любомирского и 60 тысяч татар. 5 сентября ляхи и татары внезапно атаковали войско Шереметева. Русские были отброшены, но засели в обозе. В ходе боев 5 и 6 сентября было потеряно около полутора тысяч русских и двести казаков.

Между тем к месту сражения двигалось войско Юрия Хмельницкого. Поэтому поляки разделили свои силы. Потоцкий остался держать Шереметева, а Любомирский двинулся наперерез Хмельницкому и напал на него под Слободищами. В ходе встречного боя обе стороны понесли большие потери, но в целом результат был ничейный. Ночью после битвы Хмельницкий получил грамоту от Выговского с уговорами отлучиться от Москвы, «которой силы уже сокрушены, которая более не светит, а чадит, как погасающая лампада».

8 октября Юрий Хмельницкий приехал в польский лагерь и окончательно перешел на сторону ляхов. В результате Шереметеву пришлось капитулировать.

Три года после этого, с 1661 по 1663 год, царские войска не участвовали в боевых действиях на Украине. Однако победа у Любара стара пирровой для Юрия Хмельницкого. Против него выступила большая часть малороссийских казаков и Войско Запорожское. В 1660 г. на раде в городе Козельце часть казаков избрала наказным атаманом переяславского полковника Якима (Якова) Сомка. Последний был родственником Хмельницких. Первая жена Богдана Анна Самковна приходилась сестрой

Якиму, а Юрий хмельницкий — племянником.

Противниками Хмельницкого стали и кошевой Войска Запорожского Брюховецкий, и знаменитый атаман Иван Серко. Однако положение московской партии осложнялось постоянной грызней между ее вождями.

Наконец 18 июня 1663 г. близ Нежина состоялась генеральная рада в присутствии специального посланника царя князя Данилы Великого-Гагина. Главных кандидатов было два: Сомко и Брюховецкий. Рада кончилась рукопашной. Поддержка запорожцами Брюховецкого решила дело, и, в конце концов, Гагин вручил булаву Брюховецкому. Новый гетман учинил расправу с соперниками. 18 сентября в городе Борзне были казнены Яким Сомко, Василий Золотаренко и несколько других известных казаков.

Между тем войска Юрия Хмельницкого были оттеснены на правый берег Днепра. Оказавшись в сложном положении, Юрий в январе 1663 г. отказался от гетманства и... постригся в монахи под именем Гедеона. Гетманом был избран зять Юрия Павел Тетеря — сторонник союза с Польшей. Так впервые в Малороссии оказалось сразу два гетмана: на правом берегу — Брюховецкий, а на левом — Тетеря.

На помощь Тетере поспешил сам король Ян Казимир с большим войском. Поляки разорили малые украинские города. Но город Глухов, защищаемый казаками (царских войск там не было), оказал отчаянное сопротивление, и польская армия была вынуждена двинуться назад.

В начале 1665 г. войска Тетери были разбиты повстанцами атамана Дрозда, после чего Тетеря бежал в Польшу, и больше о нем никто ничего не слышал.

Летом 1665 г. медведевский сотник Опара объявил себя гетманом и вассалом крымского хана. Однако он чем-то не угодил Камиль-Мухаммед Гирею, был смещен и арестован. Вместо него хан в августе 1665 г. назначил гетманом Правобережной Украины 38-летнего черкасского полковника Петра Дорошенко.

На Правобережной Украине гетман Дорошенко 20 февраля 1666 г. предложил старшине выслать всех ляхов из Украины в Польшу и вместе со всеми правобережными городами перейти в подданство крымскому хану, а весной идти с ордой на левобережцев. Тут старшина Серденева полка закричал на Дорошенко: «Ты татарский гетман, татарами поставлен, а не Войском выбран. Мы все поедem к королю». «Хоть сейчас поезжайте к королю, — отвечал Дорошенко, — вы мне не угрожаете, я вас не боюсь».

Дорошенко сообщил в Крым и в Константинополь, что Украина теперь в воле султана и хана. И вот из Константинополя пришел приказ новому крымскому хану Адиль Гирею, сменившему Камиль-Мухаммед Гирея

весной 1666 г., чтобы тот с ордой шел войной на польского короля. В сентябре 1666 г. толпы татар под начальством нурадина Девлет Гирея напали на Украину. Царевич остановился под Крыловым и оттуда разослал загоны за Днепр под Переяслав, Нежин и другие черкасские города и увел пленных около пяти тысяч.

Захватив эту добычу в Левобережье, Девлет Гирей отошел на Умань, там два месяца кормил лошадей, потом соединился с казачьим войском и двинулся на короля. Под Межибожьем союзное войско встретилось с отрядами польских полковников Маховского и Красовского, насчитывавшими около двух тысяч гусар, рейтар, шляхты и драгун. Поляки были наголову разбиты, а Маховского в кандалах привезли в Крым.

После этой победы татары и казаки кинулись за добычей под Львов, Люблин и Каменец, «побрали в плен шляхты, жен и детей, подданных их и жидов до 100 000, а по рассказам польских пленников — 40 000. Татары брали пленных, но казаки этим не довольствовались: они вырезывали груди у женщин, били до смерти младенцев».^[130]

Теперь у Дорошенко не было дороги назад, и он отправил двух полковников в Крым уговаривать Адиль Гирея помириться с Москвой.

К этому времени и русские, и поляки поняли бесперспективность дальнейшей войны. 20 апреля 1666 г. в деревне Андрусово Мстиславского уезда, на границе между Россией и Польшей,^[131] начались съезды русских и польских уполномоченных.

Глава 13

Мир заключен — война продолжается

28 мая (8 июня) 1666 г. в Андрусово было подписано перемирие. Что же касается мирного договора, то по этому поводу у сторон шли жаркие дебаты. Царь Алексей приказал главе русской делегации окольничему Афанасию Ордын-Нащокину пообещать наиболее неуступчивым польским комиссарам по 20 тысяч рублей. Забавно, что взятка самому польскому королю была в два раза меньше — 10 тысяч рублей.

Далее я, дабы избежать обвинений в предвзятости, процитирую С. М. Соловьева. «Нащокин объявил комиссарам государево жалованье, по десяти тысяч золотых польских: референдарю Брестовскому объявлено, что сверх товарищей своих получит еще 10 000 золотых, а если приедет с подтверждением договора в Москву, то будет большая ему государственная милость. „Королевскому величеству, — писал Нащокин комиссарам, — мы не может назначить, но когда будут у него царские послы с мирным подтверждением, то привезут достойные дары, также и канцлеру Пацу прислано будет необходимо“. 6 января приехал от комиссаров Иероним Комар и бил челом, чтоб сверх обещанных денег в тайную дачу пожаловал им государь явно соболями, чтобы им можно было хвалиться перед людьми; сам Комар бил челом, чтоб вместо обещанных ему ефимков дали золотыми червонными, потому что червонцы легче скрыть, так что и домашние не узнают; Комар объявил, что как скоро комиссары получают государево жалованье, сейчас же станут писать договорные статьи. Деньги были высланы из Москвы немедленно»,^[132] и 20 (30) января 1667 г. было подписано перемирие сроком на 13 лет и 6 месяцев. В историю это перемирие вошло как Андрусовский мир.

Согласно условиям мира Польша получала Витебск и Полоцк с уездами, Динабург, Лютин, Резицы, Мариенбург и всю Ливонию, а также всю правобережную Украину. К России отходили воеводство Смоленское со всеми уездами и городами, повет Стародубский, воеводство Черниговское и вся Украина с путивльской стороны по Днепр. Причем остававшимся там католикам разрешалось беспрепятственно отправлять свое богослужение у себя в домах, а шляхта, мещане, татары и жидаы имели право продать свои имения и уйти на польскую сторону.

Киев с окрестностью в одну милю до 5 апреля 1669 г. оставался у

русских, а затем передавался полякам.

Южная граница России и Польши должна была идти по линии от Днепра (у Киева) на восток до южных границ Путивльского округа, то есть по линии Киев — Прилуки — Ромны — Недригайлов — Белополье и до стыка с нынешней границей России.

Левобережье к югу от этой линии и до современного Запорожья было объявлено территорией запорожских казаков. Сами же запорожские казаки должны были находиться «под послушанием обоих государей» и быть готовыми служить против неприятелей и королевских, и польских. Но оба государя должны были запретить запорожцам, как и вообще всем черкесам, выходить в Черное море и нарушать мир с турками.

Следует заметить, что малороссийские власти, а тем более запорожцы не были приглашены в Андрусово. Гетман Брюховецкий узнал о мире только 12 февраля 1667 г. от стольника Ивана Телепова.

Большинство запорожцев было возмущено условиями мира и винило в предательстве интересов казачества царя Алексея и его бояр. 8 апреля 1668 г. в Сечь прибыл стольник Ефим Лодыженский с посольством к крымскому хану. Через два дня казаки ограбили Лодыженского и его спутников. Позже посла отпустили из Сечи, но за ним отправились 500 человек из разных куреней и убили посла и большую часть его людей.

Однако царю не хотелось ссориться с запорожцами, и 26 июня он послал указ на имя гетмана Брюховецкого и, объясняя в нем все поступки запорожцев «ослеплением и неискустностью ума», отпустил им их вину, а для успокоения самого гетмана велел белгородскому воеводе князю Юрию Барятинскому послать на Украину ратных людей.

Тем временем запорожцы продолжали набеги на крымских татар. Так, в октябре 1667 г. Иван Серко с двумя тысячами запорожцев отправился в Крым. Казаки сожгли много деревень, в местечке Арбаутук, как писал Яворницкий, «истребили всех людей без остатку... Всех пленных, женщин, детей и недоростков мужского пола, запорожцы захватили до 1500 человек, а полоняников освободили на волю более 2000 человек».^[133]

Хан Адиль Гирей, который в это время воевал на Правобережье вместе с Дорошенко против поляков, срочно повернул назад и напал на Серко под Перекопом. Поначалу успех был на стороне татар, но затем запорожцам удалось разбить хана и заставить его спастись бегством. Серко благополучно вернулся в Сечь с большой добычей.

А война на Украине не утихала. Дело в том, что и гетманы, и старшины Малой Руси воевали не против поляков или москалей, а исключительно за земли и привилегии. Вполне естественно, что

Андрусовский мир не смог решить всех их проблем. В итоге война на Украине продолжалась в прежнем объеме, разница была лишь в том, что поляки и русские больше не вели военных действий между собой.

Гетман Иван Брюховецкий не пожелал быть гетманом только Левобережья и в 1668 г. поднял мятеж против царя. Однако вскоре он был разбит войсками гетмана Дорошенко, который видел в нем конкурента. По приказу Дорошенко казаки привязали Брюховецкого к пушке и забили насмерть.

Понятно, что население Левобережья не захотело идти под власть турецкого ставленника Дорошенко, и на раде старшин в Новгороде Северском гетманом Левобережья был избран Демьян Многогрешный.

В 1668 г. запорожцы отказались подчиняться Дорошенко, а избрали гетманом Правобережья Петра Суховненко. Дорошенко удалось разбить войско Суховненко. Тогда запорожцы избрали еще одного гетмана — Михаила Ханенко — и продолжили войну с Дорошенко. Ханенко обратился за помощью к Польше, Дорошенко же пожаловался в Стамбул, что вассала султана обижают ляхи...

Советские историки и писатели говорили о большой роли запорожских казаков в восстании Степана Разина. Несомненно, некоторое число запорожцев и состояло в воинстве Разина, причем в первую очередь те, что шлялись по Дону и Каспию. Есть сведения, что запорожское войско состояло в переписке с Разиным. Однако никаких совместных действий запорожское войско с Разиным не вело.

В начале зимы 1673 в Сечи объявился... царевич Симеон, сын царя Алексея Михайловича. Разумеется, это был самозванец. Настоящий царевич 6 октября 1669 г. в возрасте 4-х лет умер в Москве и на следующий день был похоронен в Архангельском соборе Кремля.

«Царевичу» Симеону было около 15 лет. На вид он был «хорош и тонок, долголиц, не румян и не русян, несколько смугловат, малоразговорчив... С ним было восемь человек донцов с вождем [атаманом] Иваном Миюсским, хохлачем по рождению. Миюсский под клятвой сказал запорожскому судье [Степану Белому], будто у называющегося царевичем на правом плече и на руке есть знамя, похожее на царский венец».^[134]

Когда через две недели в Сечь прибыл кошевой Иван Серко, самозванец заявил ему: «„Бог мне свидетель, я настоящий сын Вашего великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великой и Малой и Белой России самодержца, а не иного кого“. Услышав то, Серко снял шапку и, вместе со своими товарищами, стал угощать его

питьем».^[135]

Хитрый Серко прекрасно понимал, что перед ним самозванец, но сразу же решил его использовать в качестве козыря в сложных отношениях с Москвой.

Узнав о появлении в Сечи царевича Симеона, царь Алексей Михайлович немедленно послал к гетману Самойловичу и от него к кошевому Серку в Сечь сотника Василия Чадуева и подьячего Семена Щёголева. Послы должны были потребовать у гетмана и у кошевого атамана выдачи самозванца.

Чадуев со товарищи прибили в Батурин 21 декабря 1673 г. Гетман, выслушав их, сказал, что ехать теперь в Запорожье нельзя, потому что неизвестно, прекратилось ли там «моровое поветрие» или нет. И Самойлович посоветовал послам дожидаться в Батурине посланцев, которых он отправил в Сечь с посланием к Серку и товарищам, что бы он «самозванца, прояву, вора и плута» прислал в Батурин.

На момент приезда гетманских посланцев Серко с отрядом казаков опять был в морском походе, а, уходя их Сечи, приказал, чтобы «козаки царевича почитали и всякую честь ему воздавали».

Что же касается самого Войска Запорожского, то оно, выслушав письмо гетмана о самозванце, стало смеяться над гетманом и поносить непристойными словами московских бояр, а самозванца, как и приказал Серко, величало царевичем. Отвечать же на письмо гетмана запорожцы вовсе отказались.

Перед отъездом посланцев Самойловича на раду явился самозванец. Он «всячески бесчестил гетмана, называя его глупым человеком за то, что он именовал его вором и обманщиком, а самим посланцам сказал, что если бы у них не пресные души, то он велел бы повесить их».^[136]

Царские же послы добрались до Сечи лишь 9 марта 1674 г. Они долго обличали самозванца перед Серко. Кошевой их выслушал, а потом вместе с судьей Стеаном Белым, писарем Андреем Яковлевым и куренными атаманами отправился к Лжесимеону и чуть ли не весь день пропьянствовал у него, «и Серко, упившись, будто спал. Часа за два до вечера самозванец встал, опоясался саблей, и, в сопровождении судьи, писаря, асаулов и трехсот человек, напившихся пьяными, подошел к избе, где стояли послы, вместе с козаками; тут козаки стали требовать Семена Щёголева, чтобы он вышел из избы к царевичу. Но Семен Щёголев не пошел, а вместо него вышел в сени Василий Чадуев и, отворив дверь, стал говорить: „Кто спрашивает и для какого дела Семена Щёголева?“ На это

самозванец ответил ему: „Поди ко мне“. Василий Чадуев спросил его: „А ты что за человек?“ — „Я царевич Симеон Алексеевич“. — „Страшное и великое имя вспоминаешь, такого великого и преславного монарха сыном называешься, чего и в разум человеческий не вместится; царевичи по степям и по лугам так ходить не изволят; ты сатанин и богоотступника Стеньки Разина ученик и сын, вор, плут и обманщик“. Самозванец за эти слова стал называть его Чадуева с товарищем брюхачем и изменником и поносить всякими скверными словами, после чего, обратившись к козакам, сказал: „Смотрите, наши ж холопи да нам же досаждают“. А потом, выхватив саблю и со словами „я тебя устрою“, бросился к дверям избы на Чадуева. Чадуев, видя то, схватил пицаль и решился убить самозванца. Но в это время писарь Андрей Яковлев схватил самозванца поперек и унес его за хлебную бочку», ^[137] а потому увел его в Сечь.

12 марта собралась рада и постановила «царевича» не выдавать. Наконец, 17 марта Серко придумал компромиссный вариант: Чадуев, Шёголев и гетманский посол Черняченко были отпущены из Сечи. С ними поехали посланцы Войска Запорожского Прокопий Семенов по прозвищу Золотарь, Трофим Троцкий и писарь Перепелица. По постановлению рады они должны были, «слышав из самих уст государских царское слово о царевиче, приехав на Кош, нам о том объявили, и тогда у нас свой разум будет».

Запорожские послы прибыли в Москву 1 мая 1674 г. Они подали на имя царя лист, в котором Серко со всеми запорожцами, называя царя «божьим помазанником, многомилостивым светом и войска запорожского дыханием», извещал, что в Сечи появился какой-то «молодик, называющий себя царевичем Симеоном Алексеевичем», который будто бы от обиды, нанесенной ему матушкой-государыней, бежал из Москвы, долго скитался по России, а затем приехал в Запорожье, где содержится под крепким караулом и впредь будет содержаться, пока войско не услышит царского слова. Правда ли то, о чем рассказывает Симеон Алексеевич? Вместе с этим письмом запорожцы подали и письмо самого «царевича», в котором он называет себя Симеоном Алексеевичем, сыном царя Алексея Михайловича, благочестивым царевичем и бьет челом государю на думных бояр за то, что они хотели его уморить.

На письмо Серко царь ответил грамотой, в которой упрекал кошевого в том, что он презрел царскую милость и не исполнил своего обещания, а дал вору и самозванцу печать и знамя и до приезда в Сечь царских послов не сообщил о нем в Москву.

Получив ответ из Москвы, Серко понял, что игра сыграна и тянуть с

выдачей Лжесимеона нельзя. Самозванец и атаман Миюска были отправлены в Москву. 17 сентября Лжесимеон был привезен в Москву и в тот же день подвергнут пытке. Самозванец показал, что он действительно Симеон, но его отец не царь, а варшавский мещанин Иван Андреевич Воробьев. На следующий день Лжесимеона четвертовали на Красной площади.

Лично я уверен, что Серко ни секунды не сомневался в самозванстве Лжесимеона, но ему очень хотелось доказать Алексею и боярам самостоятельность Запорожского войска.

И действительно, Алексей Михайлович после казни самозванца пожаловал кошевому атаману Ивану Дмитриевичу Серко два сорока соболей ценой по 50 рублей каждый сорок, да две пары по 7 рублей пара. Серко, получив подарки, написал царю челобитную с просьбой дать ему на жительство вместе с женой и детьми городок Келеберду на левом берегу Днепра близ Переволочны. Кошевой писал: «Устарел я на воинских службах, а нигде вольного житья с женой и детьми не имею, милости получить ни от кого не желаю, только у царского величества: пожаловал бы великий государь, велел бы дать в Полтавском полку под Днепром городок Келеберду». Царь удовлетворил просьбу Серко и подарил ему просимый городок, а всему Войску Запорожскому подарил перевоз Переволочну. Однако из-за хитроумных интриг гетмана Самойловича Серко остался без Келеберды, а войско — без Переволочны.

Но гораздо более страшной опасностью, нежели Лжесимеон, для Москвы был турецкий султан Мехмед II. Другой вопрос, что Оттоманской империей фактически управляли два великих визиря — Мехмед Кепрюлю, а затем его сын Ахмед. Сам же султан Мехмед IV предпочитал занятию государственными делами охоту, за что и получил прозвище «Могучий Охотник».

В 1672 г. Ахмед Кепрюлю решил завоевать Польшу, ну если не всю, то, по крайней мере, Подолию и Малороссию. Поводом для нападения стало обращение гетмана Дорошенко с просьбой принять украинцев в турецкое подданство. Сам Дорошенко в 1672 г. контролировал лишь небольшую часть правобережной Малороссии.

В марте того же 1672 года турецкий султан прислал польскому королю Михаилу Вишневецкому грамоту с выговором, что поляки «беспокоят» владения гетмана Дорошенко, который вступил в число «невольников высокого порога нашего», то есть стал подданным Турецкой империи. Поляки ответили, что Украина «от веков была наследием наших предшественников, да и сам Дорошенко не кто иной, как наш подданный».

Весной 1672 г. турецкая армия перешла Дунай и вторглась в Подолию, на территорию Речи Посполитой. Армией формально командовал сам султан Мехмед IV. Вскоре к туркам присоединилась орда крымского хана Эльхадж-Селим Гирея и казаки Дорошенко. Современники оценивали численность турецкой армии в 300 тысяч человек.

Первым был взят город Каменец, «православные и католические церкви его были обращены в мечети, знатные женщины забраны в гаремы, многие христианские мальчики обрезаны и обращены в мусульманскую веру; один обрезан был даже в соборной церкви, в присутствии самого султана».^[138]

28 сентября 1672 г. турки взяли Львов и собирались идти на Киев. Ляхи срочно запросили мир. 5 октября в Бугаче (Восточная Галиция) был подписан мирный договор. Польша уступала Турции Каменец с прилегающими землями и признала Петра Дорошенко подданным турецкого султана. Само собой, что ляхи выплатили огромную контрибуцию.

Близилась зима, и туркам не было резона оставаться на разграбленной и выгоревшей Украине. В итоге турецкое войско ушло зимовать за Дунай, крымский хан — к себе в Бахчисарай, а гетман Дорошенко — в свою местечковую столицу город Чигирин.

Между прочим, пока султан с ханом гуляли по Украине, запорожцы по-прежнему занимались любимым промыслом. Летом 1672 г. 34 запорожские чайки гуляли по Черному морю, топили купцов и грабили побережье.

В Москве всерьез восприняли турецкую угрозу. В начале января 1673 г. большое войско под командованием воеводы боярина Юрия Петровича Трубецкого двинулось на Украину. 13 февраля Трубецкой был уже в Киеве.

В конце 1672 г. поляки прислали в Москву грамоту с предложением совместных действий против турок на Украине в следующем году. Наши бояре вежливо отказали.

Однако московское правительство послало деньги и оружие казакам в Запорожскую Сечь и на Дон. В крепость Кодак и в Сечь были направлены воевода князь Степан Степанович Волконский и полковник Иоганн Купер с тысячью солдат «нового строя».

9 октября 1673 г. Серко форсировал Буг и вторгся в турецкие пределы. Запорожцы взяли город Тягин и сожгли его, жителей частично перебили, а оставшихся в живых увели в полон.

В конце 1673 г. Москва попыталась договориться с

«турецкоподданным» гетманом Дорошенко, но хохол упрямылся. И тогда в середине января 1674 г. русские полки и казаки гетмана Левобережной Украины Самойловича переправились через Днепр, сожгли Вороновку, Боровицу и Бужин, а 27 января взяли город Крылов. Путь к Чигирину, где засел Дорошенко, был свободен.

29 июля 1673 г. русско-казацкое войско под началом боярина Григория Ромодановского и гетмана Самойловича осадило Чигирин. Город имел две линии укреплений — верхний и нижний город. Гарнизон Чигирина составлял около 4 тысяч человек, имелось до ста орудий. Тем не менее, московская осадная артиллерия действовала достаточно эффективно, и Дорошенко готовился было сдаться. Но в начале августа разведка донесла о том, что на выручку Чигирина идут большие силы турок и татар.

Боярин и гетман испугались и 10 августа отступили от Чигирина, а 12 августа уже вошли в Черкассы.

Крымский хан через день после отступления русского войска был встречен Дорошенко за 10 верст от Чигирина и для начала получил от гетмана в подарок до двухсот невольников из левобережных казаков, а для всех его татар — дозволение брать сколько угодно людей в неволю из окрестностей Чигирина за то, что жители с приходом русских войск отступились от Дорошенко.

В итоге Ромодановский и Самойлович приказали войску переходить на левую сторону Днепра, а Черкассы сжечь. Население города безропотно смотрело на пожар, а затем также отправилось на левый берег. Обыватели прекрасно понимали, что с ними сделают татары после захвата Черкасс.

Узнав об отходе Ромодановского и Самойловича, десятки тысяч жителей городов и сел Правобережья кинулись переправляться через Днепр. Как писал Н. И. Костомаров: «Паника овладела жителями Украины. Где только услышат, что близко появились бусурманы, тотчас обыватели поднимаются с семьями и с пожитками, какие успеют наскоро захватить. Часто они сами не знали, где им искать приюта, и шли, как выражались тогда, „на мандривку“ или на волокиту. Большая часть их направлялась на левую сторону; на перевозах против Черкасс и Канева каждый день с утра до вечера толпилось множество возов с прочанами, ожидая очереди для переправы; едва успевали их перевозить; перешедши за Днепр, они тянулись на восток к слободским полкам, искать привольных мест для нового поселения. Но некоторые с западной части Украины бежали на Волынь и в Червоную Русь, в польские владения...

...Дорошенко мимо разоренной и залитой кровью Умани направился к султанскому стану, находившемуся где-то недалеко от Лодыжина. Когда

гетман въезжал в турецкий обоз, ему загородила путь густая толпа украинских невольников, кланявшихся в землю и моливших о заступлении перед султаном. 5-го сентября гетман представился падишаху, получил бархатных колпак, отороченный собольим мехом, золотую булаву, коня с богатым убором и халат — обычный дар султанского благоволения подручникам». [\[139\]](#)

Мехмед IV приказал Дорошенко отправить в Турцию в его гарем 500 мальчиков и девочек в возрасте от 10 до 15 лет. Неплохо бы напомнить сей факт господам самостийникам, от чего их спасли в XVII «русские захватчики».

Осенью 1675 г. запорожский кошевой атаман Серко вместе с донским атаманом Фролом Минаевым, приведшим 200 казаков, и царским окольным Иваном Леонтьевым (2000 стрельцов) ходили на Крым. К ним присоединился и отряд калмыцкого мурзы Мазана.

У Перекопа Серко разделил свое войско. Одна половина войска вторглась в Крым, а другая осталась у Перекопа. Казаки взяли Козлов (Евпаторию), Карасубазар (Белогорск) и Бахчисарай и, обремененные добычей, отправились назад. Хан Эльхадж-Селим Гирей решил напасть на возвращавшихся казаков у Перекопа, но был атакован с двух сторон обеими частями запорожского войска и наголову разбит.

Казаки скоро двинулись домой. Вместе с ними шло 6 тысяч пленных татар и 7 тысяч русских рабов, освобожденных в Крыму. Однако около 3 тысяч рабов решило остаться в Крыму, причем многие из них были «тумы», то есть дети русских пленников, родившиеся в Крыму. Серко отпустил их, а затем велел молодым казакам догнать их и всех перебить. После Серко сам подъехал к месту бойни и сказал: «Простите нас, братья, а сами спите тут до страшного суда господня, вместо того, чтобы размножаться вам в Крыму, между бусурманами на наши христианские молодецкие головы и на свою вечную без прощенья погибель».

Поход русских и калмыков на Крым привел в бешенство султана Мехмеда IV. И вот по совету Ахмета Кепрюлю султан осенью 1675 г. послал в Крым из Константинополя на кораблях 15 тысяч отборных стамбульских янычар и велел крымскому хану Эльхадж-Селим Гирею со всей крымской ордой с наступлением зимы перебить всех запорожцев, а саму Сечь разорить до основания.

Крымский хан решил расправиться с запорожцами на святках Рождества Господня, когда все запорожское войско хорошо гуляло и крепко выпивало. Происшедшее далее весьма колоритно описано у Д. И. Яворницкого, который пользовался свидетельствами очевидцев: «...

как скоро тогдашняя зима, через майстерство крепких морозов своих, замуровала днепровские глубины и речки полевые твердыми льдами и придела достаточными снегами, тогда крымский хан тот же час приказал сорока тысячам крымской орды быть готовыми для военного похода, а пятнадцати тысячам янычар велел дать лошадей, не объявляя никому, куда именно он поведет их в поход.

Когда кончился Филиппов пост, тогда сам хан, снявшись из Крыма со всем названным войском своим, пошел по направлению к запорожской Сичи, стараясь держаться в нескольких милях от берега Днепра, чтобы не быть замеченным запорожцами, зимовавшими по днепровским островам и веткам и чтобы все войско запорожское низовое каким-нибудь способом не узнало о том. На третью или четвертую ночь Рождества Христова, в самую полночь, хан, приблизившись к Сичи, захватил сичевую стражу, стоявшую в версте или в двух верстах от Сичи на известном месте, и от этой стражи узнал, что войско пьяное спит беспечно по куреням и что другой стражи нет ни около, ни в самой Сичи; хан очень обрадовался этому и сейчас же, выбравши самого лучшего из пойманных сторожевых и пообещав ему свободу и большую награду, приказал ему провести пехотных янычар во внутрь запорожской Сичи через ту форточку [калитку — А.Ш.], которая, по показанию самих сторожевых, не была заперта на ту пору. Итак, отправивши всех янычар в Сичу с названным запорожским сторожевым, хан приказал им, вошедши в нее, „учинить належитий военный над пьяноспящими запорожцами промысел“. Сам же между тем, объехавши с ордой вокруг Сичь и густо обступивши ее, стоял неподалеку на поготове, чтобы не выпустить и „духа имеющих утекать“ запорожцев.

Но на этот раз над турками и татарами сбылась старая пословица: „Що чоловік собі обіцує, тоє Бог ницує“ [„Что человек себе сулит, то Бог выворачивает наизнанку“, аналогично русской пословице „Человек предполагает, а Бог располагает“ — А.Ш.]: надежда хана выгубить все запорожское войско и разорить самый Кош не осуществилась. Хотя хан и знал, что войско запорожское привыкло в праздничные дни подпивать и беспечно спать, но не припомнил того, что множество этого же самого войска имело обыкновение собираться в праздник Рождества Христова до Сичи со всех низовых днепровских лугов и что большинство из этого войска были трезвые, а не пьяные люди. Но вот настал „полуночный час“. Все войско, не слыша ни о какой тревоге и не имея вести о намерении бусурман, „зашпунтовавшись“ в куренях, беспечно опочивало; в это самое время янычары, тихо введенные через открытую фортку пойманным запорожским сторожевым, вошли в Сичу и наполнили собой все ее улицы и

переулки и так стеснились, как то бывает в церкви. Однако, имея в руках готовое оружие, они помрачены были всевидящим Богом в их разуме: войдя в Сичу, они и не подумали о том, что дальше делать и каким способом разорить то рыцарское гнездо низово-днепровских казаков, наших мальтийских кавалеров, и как их всех выбить до конца; или, быть может, начальники янычар, за теснотой, не могли сойтись и посоветоваться между собой, как начать и кончить свой злодейский умысел. Так или иначе, но, наполнив собой всю Сичу, захватив все сичевые арматы [пушки — А.Ш.], заступив все открытые места, янычары стояли несколько времени в недоумении и тихом молчании.

Когда же повернуло с полночи и Бог Вседержитель благословил соблюсти в целости то православное и преславное низовое запорожское войско, тогда он отогнал сон некоему Шевчику, козаку одного курения; этот Шевчик, вставши для своего дела и отворивши кватерку [по-польски означает „четвертая часть“ окна, т. е. „форточка“ окна — А.Ш.], начал в оконную щель присматриваться, рано ли еще или нет, и неожиданно увидел людей, неприятелей-турок, всю улицу заполнивших собой. Шевчик пришел в ужас; однако, тот же час тихо засветил несколько свечей в своей курене, сообщил знаками пятерым или шестерым товарищам своим, еще не ложившимся спать, но сидевшим в углу куреня, закрывшимся там и игравшим в карты. Товарищи, услышав слова Шевчика и побросав карты, зараз бросились тихонько ко всем окнам куреня своего и, не отворяя их, стали присматриваться в оконные щели, чтобы убедиться, правда ли то, что сказал Шевчик. Когда же и сами увидели, что Сичь их наполнена неприятелями-турками, то немедленно и возможно тихо побудили всех товарищей своего куреня, которых было до полутора человека, и сообщили им о грозившей беде. Товарищи быстро повставали, тихо поодевались, осторожно забрали в руки оружие и потом, после совета с куренным атаманом, решили устроить следующее: поставить к каждому окну по несколько человек лучших стрельцов, чтобы они беспрестанно стреляли, а другие, чтобы только заряжали ружья и первым подавали. Устроивши все это без великого шума и помолившись Богу, козаки сразу поотворяли все окна и оконницы и начали густо и беспрестанно стрелять в самое скопище янычар, сильно поражая их. Тогда другие курени, услышав выстрелы и увидевши неприятеля, тот же час открыли со всех сторон через окна густой и беспрестанный мушкетный огонь, и как бы молнией осветили темную ночь в Сичи, тяжело поражая турок, кои от одного выстрела падали по двое и по трое человек. Янычары же, не имея возможности, вследствие своей тесноты, направлять оружие прямо против

куренных окон, стреляли в воздух и, „аки козлы между собою мятущися“, падали на землю убитыми и утопали в собственной крови.

Когда же толпы янычар стали редеть по улицам и переулкам, так что их едва третья часть осталась в живых, тогда запорожцы, видя, что стреляя из куреней на неприятеля, они стреляли друг против друга и наносили себе вред, крикнули единогласно до ручного бою; и так по той команде тотчас все разом, высыпавши из куреней, с мушкетами, луками, копьями, саблями и дрекольем, начали доканчивать ручным боем еще оставшихся в живых турок, нещадно поражая их. На самом рассвете дня они покончили с турками, и всю Сичь и все курени со всех сторон, и всю божественную церковь и все арматы окрасили и осквернили бусурманскою кровью, а все сичевые улицы и переулки неприятельскими трупами завалили. Трупы те лежали, облитые их же собственной кровью, склеенные и замороженные сильным морозом, бывшим в то время. Так велико было их число, видно из того, что из пятнадцати тысяч янычар едва полторы тысячи ушло из Сичи и спасено татарами на лошадях.

А между тем хан, стоявший около Сичи в ожидании конца задуманной облавы, увидя несчастный конец неудавшегося замысла, взвыл, как волк, подобно древнему Мамаю, побежденному русскими на Куликовом поле». [\[140\]](#)

Крымский хан Эльхадж-Селим Гирей бежал в Крым так быстро, что отряд запорожцев в 2 тысячи человек так и не смог догнать остатки татар и турок. В ходе этой «заварухи» было убито 50 и ранено около 80 казаков. Своих убитых запорожцы предали земле «честным и знаменитым погребением», а сотни турецких и татарских трупов спускали под лед. О количестве убитых басурман можно судить по тому, что, сделав шесть прорубей в Днепре, казаки занимались этим неприятным делом целых два дня.

Утром после боя казаки обнаружили 150 спрятавшихся татар, из которых было четыре аги. [\[141\]](#) За них крымский хан прислал «двенадцать тысяч киндяков [\[142\]](#) и шесть больших бут доброго крымского вина», а за каждого агу еще по две тысячи левов. Казаки не смогли устоять и уступили пленных с миром.

В 1675 г. султан Мехмед IV прислал в Сечь письмо, в котором предлагал запорожским казакам признать свою зависимость от Турции и покориться ему как «непобедимому лицарю». На что последовал знаменитый ответ запорожцев: «Ты — шайтан турецкий, проклятого черта брат и товарищ и самого Люцифера секретарь! Какой ты к черту лицарь?»

Заметим, что письмо, опубликованное в конце XIX века русской прессой, было сильно искажено цензурой, поскольку казаки не стеснялись в выражениях. Кончалось подлинное письмо так: «Вот как тебе казаки ответили, плюгавче! Числа ж не знаем, ибо календаря не имеем, а день у нас який и у вас, так поцелуй же в сраку нас! Кошевой атаман Иван Сирко со всем кошем запорожским».^[143]

Ряд историков сомневаются в подлинности этого письма, но, в любом случае, оно соответствует духу Войска Запорожского.

Между тем гетман Дорошенко, от которого отвернулась большая часть сторонников, решил покаяться царю Алексею. Для начала он предложил «сдать гетманство и положить клейноты» перед запорожскими казаками. Запорожцы согласились.

Туркам срочно потребовался новый гетман и за неимением лучшего они поставили на давно уже побитую карту. Юрий Хмельницкий в монастыре дослужился до архимандрита, но затем был взят в плен казаками Дорошенко и передан туркам, которые отправили его в тюрьму. Теперь турки вывели Юрия из Еди Куллэ (Семибашенного замка) и доставили к великому визирю. Там возложили ему на голову бархатный колпак, а на плечи — соболью шубу и провозгласили гетманом и «князем малороссийской Украины». Турки выдумали этот новый титул, чтобы подействовать на украинское население. Тем самым сыну Богдана Хмельницкого как бы давалось наследственное право. Юрий пытался отказаться, мотивируя отказ тем, что он уже постригся в монахи, но великий визирь нашел выход: он приказал константинопольскому патриарху Парфению снять с Юрия монашеский обет. Патриарх, не мудрствуя лукаво, выполнил волю великого визиря.

Явление Юрия Хмельницкого в Константинополе, которого в Москве считали умершим, произвело эффект взорвавшейся бомбы. В малороссийские полки и в Сечь были посланы царские грамоты о том, чтоб не слушать «прельстительных универсалов Юраски». В Чигирин были отправлены генерал-майор Афанасий Трауэрнихт, стрелецкие головы Титов и Мещеринов с их приказами и полковник инженер Фан-Фрастен. В посланных туда трех стрелецких приказах насчитывалось до 24 тысяч человек.

К весне 1677 г. русские и гетманские войска располагались следующим образом: в Батурине^[144] на реке Сейм стоял гетман Самойлович с 20 тысячами казаков. Его главные силы во главе с боярином и воеводой Ромодановским (42 тысячи солдат, рейтаров и конных дворян)

собрались в Курске. Резерв составили полки Голицына и Бутурлина в Путивле и Рыльске (15–20 тысяч человек).

И в Москве, и в Батурине понимали, что целью похода турок будет захват Чигирина. Во-первых, город имел важное стратегическое значение, а во-вторых, малороссы привыкли считать его гетманской столицей. Естественно, что турки будут стремиться захватить ее и сделать резиденцией Юрия Хмельницкого.

Прибыв в Чигирин в конце июня 1677 г., Трауэрнихт сразу же занялся приведением в порядок укреплений верхнего города, а нижний город вместе с посадом должны были защищать казаки. Царские ратные люди возводили дубовые стены, недавно сгоревшие от пожара. Казаки в нижнем городе рубили стены, тарасы, насыпали камнями, углубляли рвы.

3 августа 1672 г. в виду Чигирина стали появляться турки, а утром 4 августа все огромное турецкое войско раскинулось на восточной и южной стороне от Чигирина.

Командовал турецкой армией Ибрагим-паша по прозвищу Шайтан. По данным того же Петрика Гордона у Ибрагим-паши было 45 тысяч татар и валахов, из которых около 15 тысяч янычар при 28 пушках. У крымского хана же было до 20 тысяч сабель, а у Юрия Хмельницкого первоначально состояло не более сотни казаков.

Осадив Чигирин, турки сразу приступили к осадным работам и начали обстрел крепости. А Хмельницкий послал к сидевшим в Чигирине казакам универсал, убеждая признать себя князем, обещал от падишаха всякие милости и, сверх того, сулил каждому казаку жалованье за два года и по два новых жупана.

Несколько дней после этого турки не проявляли никакой активности против нижнего города, ожидая, какое действие возымеет универсал Хмельницкого. А в это время в верхнем городе стали подозревать, не сговариваются ли казаки с «Юраской» и не думают ли отступить от царя. И когда турки подвели свои траншеи к стенам верхнего города на сто шагов, Трауэрнихт приказал казакам идти на вылазку, чтобы убедиться в их надежности. Казаки не перечили, и в ночь на 6 августа казачий отряд в тысячу человек пошел на вылазку. К ним присоединились 300 царских стрельцов. В ходе этой операции казаки и стрельцы потеряли убитыми 30 и ранеными 48 человек.

После этой вылазки турки стали осторожнее, усилили стражу и все ближе и ближе подвигались с апрошами к верхнему городу. Установив две батареи мортир, они стали стрелять по замку 36-фунтовыми и 80-фунтовыми бомбами. Самый сильный огонь стенобитных пушек был

направлен на бастион, расположенный у Спасских ворот и сделанный из двойных сосновых бревен, и на те места вала, где турки замечали пушки. За два дня обстрела турецкие пушкарки вывели из строя 17 русских пушек.

17 августа между 4 и 5 часами пополудни турки взорвали одну из мин под равелином и разрушили непрочный вал. Осажденные оставили позицию, и ее заняли турки. Но вскоре русские контратаковали и перебили турок с помощью ручных гранат. При этом басурманы потеряли около 100 человек убитыми, а у русских убито было 12 человек и ранено 18. Затем осажденные кое-как заделали пролом в равелине.

Между тем 10 августа у Артополота соединились войска Ромодановского и гетмана Самойловича и двинулись на выручку Чигирину.

23 августа турки взорвали еще одну мину, но осажденные заранее узнали об этом взрыве от перебежчика молдаванина, и казаки перебили турок, бросившихся в прорыв.

24 августа осажденные со стен заметили, что большая часть вражеского войска уходит. Это означало, что с левой стороны Днепра уже подходило русское войско. Воспрепятствовать переправе русских сначала отправился крымский хан со своей ордой, а вслед за ним и Ибрагим-паша с большей частью своих сил. А чтобы сбить с толку осажденных, турки усилили обстрел Чигирина и имитировали подготовку штурма.

Целый день 25 августа турки и татары, заняв правый берег Днепра, вели огонь из пушек и мушкетов, не давая русскому войску переправиться через реку. Но малороссийские казаки по приказу гетмана на лодках спустились по Днепру, высадились на правом берегу и зашли в тыл противнику, так что туркам и татарам пришлось отстреливаться с двух противоположных сторон. С наступлением темноты русское войско благополучно переправилось на правый берег Днепра, и на рассвете 26 августа турки с изумлением увидели большие силы противника.

В 3 часа утра 29 августа турки зажгли свой лагерь. Увидев это, осажденные выслали на разведку отряд. Вернувшись, разведчики доложили, что все траншеи и апроши противника пусты. В одном закоулке они нашли только одного спящего турка, которого, видимо, товарищи забыли разбудить.

За время осады Чигирина было убито 800 казаков, 150 стрельцов и 48 других русских, и раненых было очень много. Турок же, по сведениям осажденных, убито 6 тысяч человек.

О причинах снятия осады с Чигирина турецкий историк Фундуклулу писал в «Хронике Силахдара»: «Силы Ибрагим-паши, командовавшего турецкими войсками, осаждавшими крепость, истощились в неудачной

борьбе с русскими, которые блистательно отражали все приступы и, совершая вылазки, наносили туркам чувствительные удары. Тогда крымский хан Селим-Гирей со свойственной ему искренностью дал Ибрагим-паше совет вывести из окопов войска, собрать артиллерию и пойти прямо по спасительному пути отступления. На военном совете предложение паши было признано благоразумным. Кади-аскер [военный судья] составил протокол, осада была снята, и войска быстро двинулись в обратный путь...». [\[145\]](#)

Мехмед IV был страшно разгневан. По сведениям того же Фундуклулу, «Ибрагим-пашу, прибывшего из-под Чигирина с докладом, султан принял сурово и накричал на него: „Пошел, старый пес! Не мог ты взять такой ничтожной крепостенки, как Чигирин, возвратился прогнанным. Сколько истратил на ветер казны? Что у тебя войска, что ли, мало было? Или у тебя не было пушек и снарядов? Что же было тому причиной?“ Ибрагим-паша ссылаясь на неприступность крепости и на то, что он прекратил осаду по совету крымского хана, с согласия всех военачальников. Султан пришел в ярость от такого заявления и закричал: „Возьмите прочь этого гяура!“

Ибрагим-пашу по приказу султана заключили в тюрьму Еди Куллэ. Султанский гнев не миновал и крымского хана Селим Гирея: он был смещен с престола и сослан на остров Родос». [\[146\]](#)

Хотя при форсировании русскими и казаками Днепра генерального сражения не было, потери с обеих сторон были серьезными. Одни русские потеряли 2460 человек убитыми до 5 тысяч ранеными. Русско-казацкое войско не решилось преследовать турок и простояло некоторое время у Чигирина.

9 сентября 1677 г. Ромодановский и Самойлович приказали войску идти обратно к Днепру и переправляться на левый берег. Там они встретили другое войско, шедшее на подмогу. Командовал им боярин князь Василий Васильевич Голицын. Воеводы отвели свои войска на зимовку каждый к прежним своим местам дислокации: Ромодановский — в Курск, гетман Самойлович — в Батурин, а Голицын — в Путивль.

Возникает естественный вопрос, а что делали запорожцы во время первого Чигиринского похода турок? Увы, «лыцари» хранили строгий нейтралитет. Причем, старый Серко оказался премудрым дипломатом. Он получал письма Юрия Хмельницкого и крымского хана и отвечал им. Однако о содержании писем Юрия и хана Серко регулярно сообщал гетману в Батурин, а о своих ответах замалчивал. Серко и запорожцы по-прежнему считали себя верными подданными царя.

В начале 1678 г. в Сечь прибыл царский посол стольник Василий Перхуров с царским жалованьем. Кроме того, гетман Иван Самойлович обещал прислать запорожцам 200 бочек муки, 40 бочек пшена и несколько «полтай» ветчины. В беседе с Перхуровым Серко заявил, что ему сам крымский хан не советовал отступать от московского государя: «Зачем вы ищите другого государя? Есть у вас московский государь, есть и гетман; одну сторону Днепра опустошили, хотите разорить и другую. Если турки завладеют и этой стороною Днепра, то не только вам, но и Крыму будет плохо, — лучше повиноваться одному гетману, нежели преклоняться перед многими». ^[147]

Можно спорить, в какой форме хан изложил свою позицию, но по существу все было верно. Турки стремились овладеть всей Малороссией. Предположим, им это удалось. Кого в этом случае стали бы грабить татары? Владения султана? А ведь это был их основной способ производства.

По просьбе запорожцев в Сечь прибыло царское жалованье, пушки, свинец и царское знамя, а также Полтавский полк казаков для помощи запорожцам в борьбе с неприятелем, но на самом деле что бы наблюдать за их действиями.

Серко получил, что хотел, и он делает выбор. Весной 1678 г. большое турецкое войско медленно двинулось к Чигирину.

Серко с частью запорожцев на лодках спускается вниз по Днепру, оставив за себя в Сечи казацкого атамана Шиша. 12 июня напротив урочища Краснякова в устье речки Корабельной кошевой разбил несколько турецких каторг с хлебом и другими припасами, которые шли под командной каторжного паша к Очакову и Кызыкермену, откуда паша собирался направить запасу сухим путем к турецкой армии, идущей к Чигирину. Из всех турецких судов осталось только одно. В доказательство победы Серко послал гетману Самойловичу семь турецких пушек и двадцать знамен.

Однако успех Серко не спас Чигирину. Великий визирь Кара-Мустафа-паша привел к Чигирину 12 отрядов пашей (каждый из которых насчитывал по 3 тысячи солдат), 40 «орт» янычар, численностью от 100 до 300 человек каждая, войска господарей Молдавии и Валахии (15 тысяч человек), 7 тысяч сербов, 3 тысячи албанцев. Кроме того, 50 тысяч всадников привел крымский хан Мурад Гирей.

Турки имели 4 большие пушки, каждую из которых везли 32 пары буйволов, 27 больших батарейных орудий разного калибра, 130 полевых пушек, 6 мортир, стрелявших 120-фунтовыми бомбами, 9 меньших мортир,

стрелявших бомбами от 30 до 40 фунтов.

Осада началась 9 июня. 11 августа туркам удалось штурмом взять крепость. Тем не менее, значительная часть гарнизона во главе с Патриком Гордоном прорвалась сквозь ряды осаждающих и соединилась с войсками Ромадановского и Самойловича, находившимися на правом берегу Днепра.

После сдачи Чигирина Ромодановский был вынужден отступить от Днепра. 12 августа на рассвете армия выступила и шла, построенная в большое каре и окруженная несколькими рядами возов, как шанцами. И кавалерия, и пехота шли пешие, и этот порядок соблюдался до самого берега Днепра.

Крымские татары взяли и разграбили несколько небольших правобережных городков — Канев, Черкассы, Корсунь, Немиров — и отправились к Перекопу. А в октябре 1678 г. великий визирь с частью армии ушел за Буг. Главная причина отступления великого визиря от Бужина была та же, что и Наполеона в 1812 г. — нехватка продовольствия в разоренной стране.

Отступив от Чигирина и переправившись через Днепр, Кара-Мустафа, чтобы перекрыть запорожцам выход в Черное море приказал вновь возвести в устье Днепра три крепости: на правом берегу Днепра — Кызыкермень, на острове посреди Днепра, напротив Кызыкерменя — Тавань, а на левой (крымской) стороне, у самого берега Днепра — Арслан (Аслан). А между этими крепостями паша велел натянуть железные цепи через Днепр и его левые рукава, чтобы преградить путь казакам к Черному морю и соляным ямам. К цепям же надо было прикрепить маленькие колокольчики, чтобы слышать, когда запорожцы пойдут через цепи и начнут ударяться о них своими лодками. Возведение крепостей Кара-Мустафа поручил надзирателю всех строений Мимай-аге, а работников защищал Каплан-паша с шестью полками янычар.

Но едва лишь начались строительные работы, как на турок напал Иван Серко с 15 тысячами запорожцев. Сперва он побил татар, забрав у них скот и лошадей, а потом напал на турок-строителей и охранявших их янычар. Строителей казаки изрубили, а янычар разогнали. Большую помощь в этом бою Серку оказал царский стольник Василий Перхуров с московскими ратными людьми.

Серко написал крымскому хану: «Мы брали Синоп и Трапезонт, мы разоряли берега азиатские, мы Белграду крылья поджигали; Варну, Измаил и многие крепости Дунайские мы обращали в ничто... Наследники древних запорожцев, мы идем по их следам; не хотим с вами ссориться, но ежели увидим опять вас зачинщиками, то не побоимся опять к вам придти».

После ухода главных сил Кара-Мустафы часть турок осталась на юге Украины, вместе с ними был и Юрий Хмельницкий. Современные историки типа Каргалова считают сдачу Чигиринна победой русских войск, но население Украины думало совсем иначе. Этим воспользовался и Юрий Хмельницкий. В своих универсалах (манифестах) он писал: «Какова была оборона московская: князь Ромодановский и Самойлович, не сдержавши сил наияснейшего султана турецкого и крымского хана, сожгли до основания Чигирин, погубили много душ христианских, а сами со стыдом ушли. Просите же скорее, пока есть время, милости у верховного визиря и отзовитесь к нам с дружбою и послушанием. Буде нас не послушаете, постигнет вас конечная погибель».^[149]

В результате в конце 1678 г. ряд городов левобережной Украины присягнули Хмельницкому. Среди них были Корсунь (на реке Рось), а также Кальник и Немиров (в районе Винницы). Жители Канева ответили Хмельницкому, что не могут перейти на его сторону, опасаясь «московских людей», благо, город стоял на правом берегу Днепра. Многие обыватели вместе с семьями начали перебираться на левый берег. Находившийся в Переяславле гетман Самойлович послал в Канев несколько сотен пехотного полка Кожузовского, надеясь, что Юраска придет с небольшим отрядом татар, и в то же время советовал всем остальным горожанам убраться скорее за Днепр.

Великий визирь отправил на Канев несколько тысяч турок с 15 пушками. Казаки Самойловича не выдержали натиска неприятеля и все погибли в бою. Немногочисленные жители, оставшиеся в Каневе, укрылись в каменной церкви. Но турки обложили церковь дровами и хворостом и подожгли их. Все находившиеся внутри задохнулись от дыма. Испуганные судьбой Канева, Юрию Хмельницкому покорились городки Черкассы, Машна и Жаботин.

По возвращении посланного в Канев турецкого отряда визирь с Капустиной долины двинулся со всем войском в турецкие владения.

Сам же Юрий Хмельницкий сделал своей резиденцией город Немиров. Кроме казаков у него было полторы тысячи крымских татар. В январе-феврале 1679 г. Хмельницкий совершил рейд на левобережье, но быстро ушел за Днепр, преследуемый гетманскими казаками.

Полки гетмана Самойловича во второй половине февраля 1679 г. форсировали Днепр и начали выбивать сторонников Хмельницкого и крымских татар из правобережных городов. 25 февраля был штурмом взят город Ржищев (на Днепре выше Канева). Город был сожжен, а всех обывателей отправили на жительство в Переяслав и Корсунь.

Рано утром 4 марта гетманские войска двинулись к Деренковцу, Драбовцу, Староборью и далее вниз по реке Рось. Жители выходили встречать их хлебом-солью, приносили повинную и приводили связанных татар. Семен Самойлович (сын гетмана) всем жителям этих городков велел переселяться за Днепр, а сами городки приказал сжечь. Между тем гадяцкий полковник с казаками и воевода Косагов с царскими ратными людьми переправился через Днепр ниже и приступил в Жаботину. Жаботинцы попытались сопротивляться, но вскоре сдались. Жаботин был также сожжен, и жители переселены на левый берег Днепра. Та же участь постигла и город Черкасы.

Как писал Н. И. Костомаров: «Это важное событие в истории Малороссийского края, по преданиям, осталось в народной памяти под названием „сгона“: остаток народонаселения правобережной Украины был теперь окончательно выведен оттуда по распоряжению власти (согнан), а Самойлович мог положительно верно донести московскому правительству, что вся правобережная Украина обезлюдела, и Хмельницкий, оставаясь в своем Немирове, не мог, как бывало прежде, вредить пограничным городам и селениям царской державы».^[150]

В 1679 г. за подвиги прошедшего года царь Федор Алексеевич посла в Сечь казакам жалованье: две пушки, 200 ядер, 50 пудов пороха, 50 пудов свинца, 500 червонцев, 170 половинок сукна, а кошевому Серко особый подарок — две пары отличных соболей да еще два сорока соболей, два бархата червчатых (оттенок красного), два сукна — малиновое и червчатое, по пять аршин каждого, атласа гладкого и камки по 10 аршин дилны.

Между тем в Сечи получили сведения о том, что турецкий султан решил уничтожить Сечь и направил вверх по Днепру войско паши Кара-Мухаммеда. Узнав об этом, Серко, не надеясь на силы казаков, отошел из Сечи к урочищу Лободухе и встал между островов. Туркам до Сечи оставался всего один переход.

В Москве узнали о страшной опасности, нависшей над Сечью, и туда срочно отправили большое конное и пешее войско под началом Якова Корецкого. Узнав о подходе царского войска, Кара-Мухаммед повернул назад.

1 августа 1680 г. на своей пасеке близ Сечи умер кошевой атаман Иван Серко. Замечу, что Серко был женат, имел законных детей и не делал из этого тайны. 2 августа он был торжественно похоронен на кладбище рядом с Сечью. Прощальным салютом в честь знаменитого атамана стало взятие запорожцами на abordаж 8 августа большого турецкого судна на Азовском море. Большинство команды судна казаки вырезали и лишь 9 человек

привели в Сечь.

Польский король Ян Собеский, узнав о смерти Серко, сказал: «Серко — воин славный и в ратном деле большой промышленник».

Кошевой Серко был горячим патриотом Сечи, но никак не Малороссии. Большую часть жизни он верно служил царю, хотя иной раз и дружил с его врагами. Ну что ж, «нужда закон зминяе», — часто говаривал кошевой.

После смерти Серко морские походы запорожцев стали большой редкостью.

В сентябре 1680 г. в Крым был отправлен талантливый дипломат стольник Василий Тяпкин. Обе стороны не хотели «терять лицо», поэтому лишь в начале 1681 г. был заключен так называемый Бахчисарайский мир между Россией с одной стороны и Турцией и Крымским ханством — с другой. Точнее, это был не мир, а перемирие сроком на 20 лет (начиная с 3 января 1681 г.).

По условиям этого перемирия границей между Турцией и Московскими владениями стала река Днепр. Москва обязалась выплатить дань крымскому хану за три последних года (она не выплачивалась из-за войны). Кстати, у нас дань называли подарками (поминками).

По условиям перемирия в течение 20 лет от Буга до Днепра крымскому хану и турецкому султану не разрешалось строить новых городов или восстанавливать старые разоренные города и местечки. Московское же правительство обязывалось не принимать перебежчиков, никаких поселений на упомянутых казацких землях не строить, «оставить их впусе». Запорожские казаки оставались на стороне Московского государства, а «султану и хану до них дела нет, под свою державу их не перезывают».

Низовым и городovým казакам Войска Запорожского и промышленным людям разрешалось плавать по Днепру для рыбной ловли и по всем степным речкам на обеих сторонах Днепра «для рыбы и бранья соли и для звериного промысла ездить вольно до Черного моря».

В итоге гетман обеих сторон Днепра Самойлович вновь стал гетманом Левобережья. Юрий Хмельницкий был теперь никому не нужен, и турки, придравшись к нему из-за убийства какой-то еврейки, увезли его из Немирова и удавили на берегу Дуная.

В 1681 г. в Бахчисарае московские послы отдали туркам юг Левобережной Украины, то есть то, что принадлежало полякам по Андрусовскому договору 1667 г. Справедливости ради замечу, что и ляхи, заключив мир с турками 17 октября 1676 г., нарушили этот мир, ущемив

интересы России.

Утверждение турок на Левобережной Украине было смертельно опасно для Речи Посполитой. И в 1683 г. ляхи напали на турок. Им удалось отбить Немиров и ряд подольских городков. Поляки пытались втянуть в войну с Турцией и Россию. Но 27 апреля 1682 г. в Москве скончался царь Федор Алексеевич, и началась смута. Тут было не до войны с турками.

1 (12) сентября 1683 г. поляки, немцы и левобережные казаки под командованием польского короля Яна Собеского разбили турок под Веной. После этого турки уже не совались на правый берег Днепра.

26 апреля (6 мая) 1686 г. в Москве был подписан «вечный мир» между Россией и Речью Посполитой. Согласно его статьям граница между двумя странами в Малороссии от города Лоева шла по Днепру вплоть до впадения в него реки Тясмины.

Итак, «чигиринские войны» России и Турции привели лишь к восстановлению статус-кво, определенного Андрусовским договором. С другой стороны, упорное сопротивление московского войска и казаков Самойловича спасло Украину от турецкой оккупации. Наконец, стоит отметить и третий важный аспект — именно «чигиринские войны» стали первыми из серии конфликтов между Турцией и Россией.

Согласно договору 1686 года король польский именовался и «Великим князем Литовским и Русским», а русский царь сохранял наименование «самодержца Белой Руси», то есть Белоруссии, хотя вся эта страна под наименованием Литвы сохранялась еще за Польшей, и Россия отдала последние участки белорусской территории Польше по Московскому Предварительному Протоколу 1686 года.

Как писал Вильям Похлебкин: «Таким образом, на титулы реальное обладание территориями впервые в истории отношений России с зарубежными странами влияния оказывать не стало. (Это нововведение дипломатии В. В. Голицына.) Однако, чтобы не „смущать“ своих подданных, привыкших видеть в титуле точное отражение реальных территориальных прав своих сюзеренов, оба монарха запрещали своим подданным употребление полного титула, который они должны были „забыть“, а получила право употреблять только краткий: „Его Королевское Величество король Польский“ и „Его Царское Величество царь всея Руси“. Полные же титулы оставались лишь для письменного, внешнеполитического употребления, имеющего обращение лишь в высших сферах и за границей».^[151]

Россия передала Польше небольшие пограничные территории: районы Невеля, Себежа, Велижа и Посожья. Зато за Россией уже окончательно был

закреплен маленький, но очень ценный правобережный анклав — Киев и Печерский монастырь с окружавшей его территорией, ограниченной речушками Ирпенью с севера и Стугной с юга и оканчивающийся на западной окраине окрестностей Киева у местечка Васильково (крайний западный пограничный пункт России до конца XVIII века).

Южнее устья реки Тясмины и до Запорожья территория по левую сторону Днепра принадлежала фактически и формально Войску Запорожскому, которое, согласно мирному договору, ставилось в вассальную зависимость с этих пор только от России, и в отношении которого с Россией польский король обязался не вмешиваться.

Отдельно был решен вопрос о принадлежности разоренных многолетней войной XVII века украинских городов на правой стороне Днепра, но прилегающих к его течению, откуда бежало население. Поскольку поляки не захотели уступать их России, то было постановлено, что города Ржищев, Трактемиров, Канев, Мошны, Сокольня, Черкасы, Боровица, Бужин, Воронков, Крылов и Чигирин, а также вся прилегающая к ним территория от местечка Стайки до устья реки Тясмин не будут ни заселяться, ни восстанавливаться, и останутся пустынными до тех пор, пока сейм и король не дадут полномочия на окончательное решение их судьбы, и потому дело об этой территории откладывалось обеими сторонами до лучших и благоприятных времен.

Для закрепления «дружбы и братства» с польским королем Россия обязалась уплатить 146 тысяч рублей двумя взносами: первый сразу же по подписании мирного договора вручался польской делегации послов в размере 100 тысяч, а второй взнос в размере 46 тысяч рублей Россия должна была передать в Смоленске польскому уполномоченному в январе 1687 г., то есть спустя 9 месяцев после подписания договора.

11 (21) декабря 1686 г. во Львове король Ян III ратифицировал «вечный мир». В Москве же его ратифицировали еще раньше, 18 июня 1686 г., сразу два царя — слишком глупый Иван (1666–1696 гг.) и чересчур умный Петр (1672–1725 гг.).

Глава 14

Гетман Мазепа и запорожцы

К крайнему неудовольствию самостийников в жизни их «апостола» Ивана Мазепы много белых пятен. Так, до сих пор неизвестна даже дата его рождения. Костомаров писал: «По известию, доставленную в Археографическую комиссию графом Брюэль-Плятером, Иван Степанович Мазепа-Колединский, шляхетного происхождения герба Бонч, родился в 1629 году. Сообщение это имеет вес: граф Брюэль-Плятер — сам владелец архива князей Вишневецких и кроме того всегда находился в сношениях с другими польскими владельцами старинных архивов; но это сообщение, не подтвержденное никакими современными свидетельствами, противоречит шведским известиям тех современников, которые близко видели и знали Мазепу в 1708 году; они говорят, что тогда было ему 64 года от рождения, тогда как ему должно было быть 79 лет, если б он родился в 1629 году. Очень может быть, что оба известия не вполне точны, как это читатель заметит из некоторых черт его жизни.

По общему мнению современников, Мазепа был уроженцем из малороссийского края и увидел впервые Божий свет в селе Мазепинцах, лежащем недалеко от Белой Церкви, на реке Каменке. Это имение пожаловано было в 1572 году королем Сигизмундом-Августом предку Ивана Степановича, шляхтичу Николаю Мазепе-Колединскому, с обязательством отправить за него службу по староству Белоцерковскому».

[\[152\]](#)

Отец отправил юного Ивана на воспитание ко двору короля Яна Казимира. Через некоторое время король послал Мазепу за границу учиться. Где он учился и чему в течение трех лет, до сих пор неизвестно. По возвращении в Речь Посполитую Иван начал делать карьеру при королевском дворе.

Увы, карьера Мазепы несколько раз обрывалась из-за его неумных страстей. Костомаров писал, что «он завел тайную связь с одной госпожой, но муж последней, подметив это, приказал схватить Мазепу, привязать к лошадиному хвосту и пустить в поле; эта лошадь, еще не обученная и приведенная к господину из Украины, очутившись на воле, понеслась с привязанным к ее хвосту человеком в украинские степи. Козаки нашли его полумертвым от боли и голода, привели в чувство, и он, оправившись,

остался между козаками. Другой историк, Стебельский, рассказывает тот же анекдот, прибавляя, что господин, с женой которого был в связи Мазепа, раздел его донага, облил дегтем, обсыпал пухом, посадил на дикую лошадь, привязав его к ней веревками, и пустил на произвол судьбы».^[153] До нас дошли и другие рассказы о похождениях Мазепы.

В конце концов Иван Степанович оказывается на службе Богдана Хмельницкого. По одной версии он, находясь на королевской службе, попал в плен к татарам, а по другой — сам бежал к казакам, спасаясь от очередного пана-рогоносца.

На мой взгляд, обстоятельства перехода Мазепы к казакам особого значения не имеют. Важно другое: Мазепа родился в дворянской семье, несколько поколений которой верой и правдой служили польским королям. Он получил воспитание, обычное для богатых польских семей и практически не имел ничего общего ни с малороссийским народом, ни даже с казацкой старшиной.

В Малороссии Мазепа делал карьеру у многих гетманов. Так, от Павла Тетери он перешел к Петру Дорошенко. Кстати, будучи у Дорошенко, Мазепа вступил в брак с богатой вдовой Фридрикевич, у которой от первого брака был сын по имени Криштов. Национальность богатой вдовы неизвестна, но ее фамилия и имя сына явно польские.

От Дорошенко Иван Семенович перебежал к гетману Самойловичу. В июне 1687 г. соединенная армия князя В. В. Голицына и гетмана Самойловича двинулась в Крым. Однако татары применили тактику выжженной земли, и армии пришлось вернуться. Татары и ранее постоянно поджигали степь при подходе неприятеля. Но тут малороссийские недруги Самойловича подали донос Голицыну, что поджег степи был совершен казаками по приказу Самойловича. Князю и его воеводам тоже надо было найти виноватого. Князь наобедничал правительнице Софье, и через две недели Самойлович был лишен гетманской булавы.

25 июля 1687 г. на реке Коломане состоялась Рада, на которой «вольными голосами малороссийских казаков и генеральской старшины» был выбран гетман Мазепа. Его избранию гетманом сильно способствовал князь В. В. Голицын. Иван Степанович немедленно отблагодарил князя, дав ему 10 тысяч рублей, изъятых у Самойловича.

Приняв булаву, новый гетман присягнул царям Петру и Ивану, подписав 22 статьи, определявшие статус Малороссии и самого гетмана. Запорожцев непосредственно касались только две статьи. Во-первых, запорожцы должны были по-прежнему оборонять от татар мало? и великорусские города и держать заслоны у Кызыкермена и в других

местах. Гетман должен был по-прежнему посылать жалованье запорожцам, в том же объеме, что и при Самойловиче. Запорожцы не имели право без санкции Москвы заключать мир с Крымом.

Во-вторых, гетман должен был построить укрепление (шанец) на левой стороне Днепра напротив крепости Кодак. «На Самаре и на Орели реке, и на устьях Орчика и Берестовой построить крепости и малороссийскими жителями населить и о том во все тамошние города универсалам послать с разъяснением о том, что в те места могут все желающие без всякого препятствия приходить; запорожцы же к тем крепостям и к жителям тех крепостей касаться не должны».^[154]

И действительно, в марте 1688 г. на реке Самаре недалеко от впадения ее в Днепр была заложена Новобогородская крепость. Строили крепость московские стрельцы и малороссийские казаки под командованием гетмана Мазепы. Гарнизон крепости по штату состоял из 4500 человек. «Посад крепости был заселен великороссийскими и малороссийскими поселенцами. Поселенцам велено было садиться за валом на посаде с правом торговать разными товарами, медом и водкой в кабаке, и в сентябре месяце того же года здесь поселена была тысяча семейств из разных малороссийских полков».^[155]

В конце года крепость была закончена.

Запорожцы считали постройку крепостей на землях, которые они считали своей собственностью, нарушением прав Войска, но не вступали в открытый конфликт с Москвой. А вот к Мазепе у них накопился длинный список претензий: строительство крепости, удержание хлебного жалованья из Москвы для Запорожского Войска, недопущение свободной торговли Малороссии с Сечью.

Чортотлыкская Сечь 1652-1709

В 1689 г. князь Голицын вновь двинулся в Крым. В составе его армии было 112 тысяч человек. В ходе похода произошел достаточно скандальный инцидент. Регулярные русские войска осадили... Самар-Николаевский монастырь. Монахи этого монастыря состояли под покровительством Запорожского Войска и резко выступали против захвата земель на реке Самаре как малороссами, так и выходцами из центральной России. Несколько монахов по указанию Голицына были схвачены и подвергнуты жестоким пыткам.

Кроме этого «подвига» Василий Голицын приказал заложить на реке Самаре еще одну крепость — Новосергиевскую. Место для новой крепости

выбрали в урочище Сорок Байранов выше Вольного брода. Крепость была начата строительством 20 июня 1689 г. и закончена 18 июля того же года. Официальное название крепости Новосергиевская употреблялось редко, а в основном ее звали Вольный городок.

Второй поход армии Голицына кончился неудачей, и русские войска ушли на север, оставив гарнизоны и припасы в двух новых городках.

После ухода русских казаки заключили мир с крымским ханом Эльхадж-Селим Гиреем. В ответ гетман Мазепа учинил полную экономическую блокаду Запорожья, запретив передвижение товаров и людей. Кроме того, несколько запорожцев подверглись нападениям в районе Севска и в гетманстве.

Все это вместе взятое вызвало возмущение запорожцев, которые собрали раду и вопреки желанию кошевого атамана Гусака отправили письмо польскому королю Яну Собескому. В письме запорожцы объявили королю, что Москва нарушает их вольности, что она хочет сделать их рабами царей и бояр и потому просили королевское величество о том, чтобы он «привел их под свою державу», за что обещали верно служить ему, как служили их деды и отцы прежним королям. «Пусть святой дух светит сердца вельможностей ваших, — писали запорожцы польскому гетману, — и даст вам здравый совет, а наше желание таков, чтобы оба народа, польский и малороссийский, соединились в одно».^[156]

Поляки не имели возможности, да и желания начинать войну с Москвой и предложили запорожским посланцам подождать до лучших времен, не отказывая в принципе.

В Москве знали о контактах запорожцев с ляхами как через Мазепу, так и от собственной агентуры в Варшаве, но пока ограничивались чисто экономическими санкциями против казаков.

В апреле 1690 г. в Сечи началось «моровое поветрие», а в августе — огромный налет саранчи. Сочетание ряда факторов повлияло на настроения запорожцев, и к концу 1690 г. они вновь изъявили желание верно служить гетману и царю московскому. Соответственно, из Москвы и Батурина в Запорожье пошли обильные дары и пожалованья.

В январе 1691 г. в Сечь прибыл Петрик, а точнее, Петр Иванович Петричевский. У Мазепы он служил старшим канцеляристом при генеральной войсковой канцелярии и был женат на Ганке, племяннице генерального писаря Василия Леонтьевича Кочубея.

Как видим, Петрик занимал очень высокое положение в чиновничьем аппарате гетмана. Он «составил себе план отторгнуть с помощью Крыма и Турции Малороссию от Великой России, сделать ее независимой от

Москвы и открыть крымцам походы на города российского государства. Своими действиями он хотел повторить действия Петра Дорошенко, несколько лет тому назад пытавшегося те же самые замыслы привести в исполнение. Обстоятельства поначалу благоприятствовали Петрику как в самой Украине, так и в Запорожье. Дело в том, что и предшественники гетмана Мазепы, и сам Мазепа раздачей земель чиновно-административному сословию Малороссии, закреплением за чиновными сословиями людей простого звания, а также введением откупной системы так называемой „оранды“ шинков сильно восстали против себя и простой народ, и малороссийское казачество. Многие из украинских жителей, недовольные введенными на родине порядками, стали бросать села, деревни и хутора и убегать на Запорожье, на вольные земли и воды. Прибыв на Запорожье, они говорили, что на Украине жить невозможно; что там завелись новые, из малороссийской же братии, паны, закрепостившие за собой множество народа; что там нельзя заниматься свободно промыслами и торговлей; что там, наконец, уже давно ничего нет малороссийского, а все повелось панское». [\[157\]](#)

Мотивы бегства Петрика не ясны. В Сечи он объяснил казакам, что ушел с Украины в Запорожье только из-за изменившегося к нему отношения Мазепы: «Гетман стал к нему быть недобр, оттого он и покинул его».

Из Сечи Петрик написал два письма: одно дяде своей жены, генеральному писарю Василию Кочубею, а другое — своей жене Ганке. Кочубею Петрик написал, что бежал в Сечь от своей злой жены, посягавшей на его жизнь, а Ганке написал, что, не называя ее «непристойных и злоторных» поступков, он предоставляет ей жить, богатеть и прохлаждаться без своего мужа, а для него просит прислать зеленый кафтан, один котел, треног да ременное пуло, хлопство же оставить в целости, как было.

Петрик стал писарем Запорожского войска и начал подбивать казаков на войну с гетманом и Россией. Отношение казаков к царю хорошо показано у Яворницкого: «В начале февраля месяца 1691 года приехал в Сичь стольник Афанасий Чубаров, подьячий Вонифатий Парфентьев и гетманские посланцы Глуховец и Харевич с царским жалованьем в 500 червонцев, несколько штук соболей и сукон, 500 бочек муки и собранных с Переволочанского перевоза 5000 золотых. Приняв царские дары, запорожцы стали негодовать на то, что жалованья прислано им мало: один из куренных атаманов, взяв соболя, бросил их на землю и закричал: „Это жалованье не в жалованье! Служим мы долго, а кроме этого ничего больше

не выслужили! Такие соболи мы и прежде видали! Пришли к нам москали, велят нам с турком воевать, а сами с ними мирятся“. Другие козаки в тон куренному атаману кричали так: „Если так, то надобно старших москалей побить или в Чартомлык посадить, остальных в городки отдать. Соболи присланы только четырем, а надобно присылать нам всем, как донским козакам присылают. Велико жалованье прислали 500 червонцев! Нам надо присылать по 5000“». [\[158\]](#)

Тем не менее, большинство запорожцев не желали войны с Москвой, и Петрику пришлось бежать в Крым. Он обратился к хану как представитель всего Запорожского войска. Хан заключил с Петриком договор, по которому запорожцы становились вассалами Крыма, а сам Петрик был назначен гетманом.

Большинство запорожцев не поддержали Петрика, лишь несколько сотен примкнуло к нему. В 1692, 1693 и 1696 годах Петрик с небольшим казацким отрядом и войском крымского хана приходил грабить Украину. Несмотря на недовольство правлением Мазепы, население Левобережья не поддержало Петрика. В конце концов, Мазепа предложил тысячу рублей за голову смутьяна, и под городом Кишенкой казак Яким Вечирченко заколол копьем Петрика.

«Но настроение от этого не улучшилось. В Сечь продолжала уходить масса всякого бедного, неимущего, недовольного населения, напрасно гетман велел своим „компаниям“ стеречь и не пускать туда людей. Продолжали раздаваться из Сечи угрозы, что сечевики пойдут на Украину бить панов и арендарей, и Мазепа признавался перед царем, что „не так страшны запорожцы, как целый украинский посполитый народ“, весь проникнутый своевольным духом, не желающий быть под германской властью и ежеминутно готовый перейти к запорожцам». [\[159\]](#)

Весной 1695 г. царь Петр решил отправиться в первый поход на Азов. Войску Запорожскому было поручено «отворить ворота» Днепра в Очаковском лимане в Черное море. Осада Азова выходит за рамки нашего повествования, и мы сосредоточимся на походе русских, малороссийских и запорожских казаков вниз по Днепру.

Царским войском командовал Борис Петрович Шереметев, а малороссийским — гетман Мазепа. Оба войска 18 мая 1695 г. соединились около Переволочны и двинулись вниз по Днепру. Вместе с ними на лодках пошли и запорожцы под началом кошевого атамана Максима Самойленка. 24 июля объединенные силы подошли к крепости Кызыкермень. В крепости засел турецкий гарнизон, а рядом стояли татары под началом

«салтанов» Нурредина и Ширинбека.

Янычары внезапно пошли на вылазку из крепости, но были отбиты. Русские и казаки Мазепы построили укрепления (шанцы) близ стен и с 25 по 30 июля круглосуточно бомбардировали Кызыкермень. Огонь русских мортир вызвал в крепости многочисленные пожары.

30 июля был взорван фугас под угловой (со стороны Очакова) башней, которая рухнула и погребла под собой турецкие пушки и их прислугу. Русские войска перелезли через пролом у рухнувшей башни и ворвались в город. Турки и татары сдались. Шереметеву достались 14 медных турецких пушек, несколько пушек захватил и Мазепа.

Во время штурма Кызыкерменя основная часть запорожцев была занята осадой меньшей по размерам крепости Мустрит-Тавань или, как ее обычно называли, Тавани. Вскоре Тавань сдалась запорожцам. Они же разорили еще одну малую крепость Мударек-Кермень.

По неясным причинам Шереметев не отважился брать Очаков и выходить в Черное море, а двинулся назад — вверх по Днепру. В Тавани был оставлен смешанный гарнизон из русских солдат, казаков Мазепы и 600 запорожцев. Судьба пленных турок и татар была печальна. «Из привезенных запорожцами в Сичь турок и татар одна часть умерла; другая добровольно крестилась и была отпущена на свободу в великороссийские и малороссийские города; а третья часть, замышлявшая погибель Кошу и всему войску, была выведена за Сичь и вся, начиная от малых до старых, мужчин и женщин, без пощады истреблена».^[160]

Гетман же Мазепа отправил часть своих пленных, «взятых при покорении турецких приднепровских городков, в Сумы для рассылки их в Великороссию на работы. Другие оставались в Украине и в апреле следующего года были отправлены, в числе 360 человек, на работы в Воронеж».^[161]

Царь Петр, раздосадованный неудачей первого похода под Азов, в начале 1696 г. решил вновь отправиться туда. На сей раз гетман Мазепа, зная любовь царя к морскому делу, пообещал построить несколько десятков морских судов, посадить на них 2000 запорожцев и отправить их в крейсерство, чтобы воспрепятствовать подвозу турками припасов к Азову. Местом строительства флота Мазепа предложил выбрать Брянск. Петр с радостью согласился, но потребовал, чтобы для быстрейшего строительства флота Мазепа поставил часть леса из гетманства.

Не дожидаясь окончания строительства флота в Брянске, кошевой атаман Иван Гусак в апреле 1696 г. отпустил в море атамана Якова Чалого с

пятью сотнями отборных казаков, а сам известил гетмана письмом, что между низовым товариществом есть еще несколько человек «охотных козаков» идти в море против бусурман и просил гетмана за неимением денег в Сечи прислать для постройки судов денег из средств, ассигнованных на строительство «брянского флота».

Получив грамоту Гусака, Мазепа отправил на Сечь батуринского сотника Сидора Горбаченка, чтобы тот выяснил ситуацию на месте.

Сидор Горбаченко прибыл в Сечь в ночь на 25 апреля, а на утро уже был в раде с гетманским листом, который вручил кошевому атаману Ивану Гусаку. Тот, приняв гетманский лист, приказал читать его всем казакам. Выслушав гетманский лист, в котором предлагался низовому войску в предстоящее лето поход на Черное море против бусурман, все казаки единогласно дали ответ, что готовы с радостью принять предложение гетмана, но видят затруднение в том, что не имеют в наличии надежных судов. Во всей Сечи только и было 50 челнов, да и те без починки не могли далеко идти, а для починки нужны были смола, пенька и другие припасы. Еще десяток-другой судов, добытых казаками у бусурман, можно было найти и возле самой Сечи, но они от частого плаванья сильно расшатаны и требуют большой починки и упорного труда. «Правда, во всем Запорожье имеется достаточное число судов, но на них выплыли из Сичи и из Таванского городка в море до 1000 человек запорожских козаков;^[162] они сели по 30 человек в каждый челн и захватили с собой три пушки в поход».^[163]

Понятно, что запорожцы, чтобы получить побольше денег, удвоили воинство атамана Чалого. Между тем храбрый атаман в течение одного месяца захватил 17 турецких торговых судов в море вблизи Очакова. А затем Чалый благополучно привел свои суда в Сечь.

В конце мая царь через Мазепу послал запорожцам 1000 рублей на постройку морских судов и двести подвод «хлебных запасов», а взамен потребовал немедленного выхода запорожцев в Днепровский лиман.

Запорожцы хитрили, говоря об отсутствии готовых судов для похода, выманивая тем самым деньги у Москвы. Суда у них были, и 30 июня 1696 г. новый кошевой атаман Яков Мороз пошел с 1740 казаками вниз по Днепру. Вместе с ним был и ватажный атаман Яков Чалый.

В середине июля казаки вышли в Черное море. Там они решили разделиться. 340 запорожцев во главе с Чалым направились к городу Козлову. Остальные же во главе с Яковом Морозом решили «погулять в море».

Чалый высадился на крымский берег в 5 верстах от Козлова. Он

разграбил два больших татарских поселения и захватил 62 пленника. Затем казаки благополучно добрались до морских лодок и двинулись назад в Днепровский лиман. Однако в районе Очакова навстречу запорожцам устремилось несколько турецких каторг и фуркат.^[164] Не имея шансов победить в морском бою, запорожцы пристали к острову Казачьему, окопались там и два дня отбивались от басурман.

На третью ночь Чалый повел своих людей на прорыв вверх по Днепру. Поднявшись до Стрелицы, казаки увидели, что турки перегородили реку чем-то типа бонов. Пришлось высадиться на левый берег Днепра и далее идти пешком через Ольховский лес. Обратим внимание — хозяйственные казаки не бросили своих пленных.

Увы, вскоре запорожцы были окружены превосходящими силами турок и татар. Казаки вновь окопались и держали оборону до 27 августа. Наконец, обессиленные от голода и не имея более пороха казаки сдались. Турки казнили одного Чалого, а остальных отправили в Очаков. Там местный паша пожелал обменять запорожцев на ранее взятых в плен турок, что вскоре и было сделано.

А теперь вернемся к казакам Якова Мороза, которые остались на сорока морских лодках в открытом море. Вскоре они заметили турецкий конвой. Казаки погнались за турками и взяли на абордаж три судна. Любопытно, что при этом помимо больших трофеев была захвачена переписка Великого визиря и крымского хана. На обратном пути в районе Очакова казаки встретили отряд турецких гребных судов. Казакам удалось с боем прорваться в Днепр, но турки продолжали их преследовать. Тогда Мороз приказал пристать у Стерлицы. Все суда и тяжелые вещи были утоплены, а казаки и 27 пленных турок посуху благополучно добрались до Сечи.

17 июля 1696 г. царь, наконец, овладел Азовом и немедленно позвал Мазепу к себе в городок Острожский пьянствовать. А между тем 600 запорожских казаков прибыли в гетманскую столицу Батурин, а оттуда собирались ехать поздравлять царя, надеясь на «щедрый поминки».

Однако Мазепа, ненавидевший запорожцев, посоветовал Петру допустить в Москву 200 казаков, а остальным 400 ждать своих товарищей в Батурине. Царь согласился, но запорожцы заупрямились — или все едем в Москву, или никто. В конце концов казаки поехали назад в Сечь.

Где-то в районе Переволочны запорожцев нагнал посланец гетмана с царскими подарками: «жалованья по 1 рублю на человека, а всем вместе 600 рублей, кроме того, по английскому сукну, мерой по 5 аршин».^[165]

Я умышленно останавливаюсь на столь мелких деталях, чтобы рельефнее показать крайне сложный и мало понятный характер отношений запорожцы — гетман — царь.

Весной 1697 г. Мазепа получил сведения о подготовке большого похода турок и татар, стремившихся взять реванш за Азов. Пришлось гетману вновь просить помощи у запорожцев. Он отправил из Брянска в Сечь «к прежним струговым припасам» на 40 стругов железных якорей — 40, холста на паруса — 8000 аршин, смолы — 80 бочек, железа — 480 пудов, канатов — 800 сажень, веревок — 7900 аршин. Кроме того, в виде подарка гетман послал кошевому атаману Морозу 20 чешских талеров, судье Власу Опаненку, писарю и асаулу — по 10 талеров, а о готовности запорожцев идти на бусурман сообщил в Москву, присовокупив к тому предложение построить за свой счет 50 морских судов.

Царь, получив письмо Мазепы, с радостью принял его предложение и велел выслать в Москву запорожских мастеров, умеющих строить морские суда. Кошевой Мороз послал лучших мастеров — Василия Богуша, Мартына Романовича и Авдия из Шкуринского куреня. 11 декабря мастера прибыли в Москву, откуда были отправлены в Брянск для поиска и заготовки годного для строительства судов леса.

27 апреля 1697 г. Мазепа получил донесение о строительстве судов малороссийскими полковниками: «в течение последних месяцев у малороссийских полковников изготовлено было 70 морских судов и 600 речных лодок „на лиман и на днепровскую воду способных, которые судна полковники те, с иного козака по полтине, с иного по талеру емля, своими деньгами делали“. Суда были бы и раньше готовы, но замедление в постройке их произошло по вине трубчевского воеводы, запрещавшего мастерам рубить лес в зимнее время. Благодаря, однако, настоянию [представителя гетмана] Сухины часть их была окончена к 27-му апреля и тогда же отправлена под командой запорожского мастера Богуша к устью реки Десны и Сейма, а часть окончена в начале мая.

Ввиду трудности переправы судов через пороги Днепра гетман позаботился навести справку о том, как велика в порогах вода и когда удобнее всего пускаться с флотилией вплавь по Днепру».^[166]

Казак отвечали: «Вода ныне в порогах великая обретається, и будет она пребывать, хотя помалу, до святого иерарха Христова, Николая, а после праздника святого Николая через неделю начнет спадати скорее, нежели пребывала, и ныне, сими часами, по преполовении Господнем, час и пора самая переправляється».^[167]

27 мая 1697 г. Мазепа двинулся в поход на турок. Часть войска шла на лодках, а часть — вдоль берега Днепра. Вместе с Мазепой в походе участвовали и царские воеводы братья Яков и Лука Федоровичи Долгоруковы.^[168]

24 июня войско подошло к порогам. Гетман приказал спускать последовательно весь русско-казацкий флот через днепровские пороги. Переправа через пороги Днепра была очень трудная, продолжалась две недели и стоила гибели многих хлебных запасов, оружия, судов и людей: «Притом и люди некоторые из войска кончиною смертною отнялись, ибо где о каменных пороги судно разбилось, там и все хлебные и ружейные запасы приходили в утопление, и люди попадали не в безопаство».^[169]

А как раз в это время напротив Кодака показалась белгородская орда, которая угнала несколько десятков запорожских лошадей, а у селитеренного майдана татары захватили и нескольких казаков. Одновременно с белгородской ордой на другом берегу Днепра, ниже впадения в него реки Самары, за переправлявшимися отрядами русско-казацких войск наблюдала крымская орда.

6 июля гетман Мазепа переправился с левого берега Днепра на правый и оттуда посла универсал всем наказным полковникам об оставлении им для охраны малороссийских городов на случай татарских набегов князя Луки Долгорукова и полковника Даниила Апостола «до властно поворота гетмана и воеводы из похода».

22 июля Мазепа прибыл к Чортомлыкской Сечи, где был встречен кошевым атаманом Григорием Яковенко и знатными казаками. Тут воевода князь Яков Федорович Долгоруков «дал запорожским козакам семь стругов и по одному талеру на человека, а гетман Мазепа подарил по золотому на 4000 человек».^[170] Кошевой с запорожцами присоединился к войску Мазепы.

25 июля 1697 г. войско прибыло к Кызыкерменю. Яков Долгоруков приказал рядом с Таванским городком заложить новую мощную крепость. Строительством ведали два инженера: какой-то «немчин» и дворянин Василий Бухвостов.

Но вот 10 августа запорожские разведчики доложили, что вверх по Днепру плывет много лодок с турками, а по левому берегу идет крымская орда.

Князь Яков Долгоруков и Мазепа решили ретироваться. Любопытно, зачем они, собственно, шли со столь мощным войском — на экскурсию по Днепру?

В Тавани и нескольких других укрепленных городках Мазепа оставил около 6 тысяч человек, включая тысячу запорожцев вместе с кошевым атаманом Григорием Яковенко. «Запорожским козакам гетман дал 1000 червонцев и наказал им жить мирно с русским войском и единодушно держаться против бусурман в случае прихода их к городкам». ^[171]

20 августа ушло воинство Мазепы и Долгорукова, а через три дня на Днестре показались четыре турецких гребных судна. Яковенко внезапно атаковал их на лодках и взял на abordаж одно судно с одной пушкой.

Сам же Мазепа расположился у Грушевки вблизи острова Томаковки и оттуда стал давать указания запорожцам: «„урывать неприятелей, давать им знак, дабы поганцам страх мог бытии к прекращению их поганского намерения“. А наградой за „неотходную“ из-под Тавани службу по 2 талера каждому товарищу будет, на 1000 человек 2000 талеров; если же окажется какая скудность в хлебных запасах, то в таком случае можно из Сичи взять из 100 кулей запаса, которые нарочно для такого случая в войсковой шопе оставлены». ^[172]

Однако Яковенко оставил Таванский городок, бросив там русский гарнизон, и прибыл в Сечь. Казаки, которые до этого сидели в Сечи, разорались и выбрали нового кошевого атамана, какого-то Григория.

1698 год прошел в довольно вялых боевых действиях русских войск и запорожцев в районе Тавани. А 14 января 1699 г. в венгерском городе Карловици было заключено русско-турецкое перемирие сроком на 2 года.

3 июля 1700 г. Россия и Турция подписали Константинопольский договор, включавший в себя 14 статей. Первая статья устанавливала перемирие сроком на 30 лет, а вторая предусматривала передачу приднепровских городков, предварительно разрушенных, Турции. Важное значение имела четвертая статья договора, оставлявшая Азов со всеми прилежавшими к нему городками за Россией.

Замечу, что разрушение турецких городков Тавани, Кызыкермена и Шагинкермена, возложенное царем на князя Ивана Михайловича Кольцо-Мосальского, оказалось непростым делом из-за сопротивления запорожцев. Казаки считали захваченные городки своей собственностью. Князь стянул куда большие силы из России и две тысячи наемников Мазепы. В результате запорожцам пришлось отступить, но зато они категорически отказались участвовать сами и предоставлять свои суда для эвакуации пушек и различных грузов из разрушаемых городков.

Еще большее возмущение у запорожцев вызвало то, что все грузы были перевезены «в урочище, на горе, у Каменного Затона, в пристойном

месте, подле реки Белозерки, против Никитина рога». Там князь Кольцо-Мосальский заложил укрепление совсем недалеко от Запорожской Сечи.

Глава 15

Как Палий запалил Правобережье

В 1696 г. умер польский король Ян III Собеский. Сразу же объявилось несколько кандидатов на вакантный престол. Среди них были Яков Собеский (сын покойного короля), пфальцграф Карл, герцог Лютарингский и манграф Баденский Людовик.

Однако основными кандидатами стали двое: саксонский курфюрст Фридрих Август I (Альбертинская линия династии Веттинов) и французский принц Людовик Конти (двоюродный брат французского короля Людовика XIV).

Большинство польских панов предпочитали принца Конти, к тому же он был католик, а Фридрих Август — протестант. Но усиление французской власти в Речи Посполитой оказалось невыгодно австрийскому императору, русскому царю и римскому папе.

Петр I, находившийся в составе «русского великого посольства» в Кенигсберге, отправил радным панам грамоту, где утверждал, что до сих пор он не вмешивался в выборы, но теперь объявляет, что если французская фракция возьмет верх, то не только союз на общего неприятеля, но и вечный мир «зело крепко будет поврежден».

17 июня 1697 г. в Польше две враждебные группировки устроили параллельно два сейма; один избрал королем принца Людовика, а другой — саксонского курфюрста.

Петру I «петуховский»^[173] король явно не понравился, и он послал в Польшу «избирателей» — князя Ромодановского с сильным войском. Одновременно в Польшу с запада вышло саксонское войско. Франция была далеко, и на польском престоле утвердился 27-летний Фридрих Август. Он хорошо помнил фразу великого французского короля Анри IV — «Париж стоит мессы», и немедленно перешел в католичество, став королем Августом II. Замечу, что конституция Речи Посполитой обязывала короля быть католиком. При этом жена его могла не принимать католичество, но тогда она не могла короноваться вместе с мужем.

Воинственный и честолюбивый Август II решил вернуть Речи Посполитой захваченную шведами Лифляндию, а при удачном стечении обстоятельств — и Эстляндию.

Идти войной на шведов молодого русского царя особенно уговаривать

не пришлось. Петр лишь решил ждать заключения мира с Турцией. 8 августа 1700 г. в Москве было получено известие о том, что русский посол Е. И. Украинцев подписал в Константинополе перемирие сроком на 30 лет. На следующий же день, 9 августа, Россия объявила войну Швеции.

Первым же двадцатидесятилетней Северной войной начал Август II. В феврале 1700 г. семитысячная польско-саксонская армия вошла в Лифляндию и сходу овладела крепостью Динамюнде.^[174] Однако сходу взять Ригу саксонцам не удалось и пришлось перейти к правильной осаде.

После поражения русских войск под Нарвой шведский король Карл XII овладел всей Курляндией и северной Польшей. 14 мая 1702 г. Карл XII вошел в Варшаву, а король Август II бежал в Краков. Глава (примас) польской католической церкви Михаил Радзеевский обратился к Августу с предложением о посредничестве в поисках мира. Август разрешил примасу отправиться в Варшаву. Аудиенция примаса у Карла XII длилась всего 15 минут. В заключение ее король громко произнес: «Я не заключу мира с поляками, пока они не выберут другого короля!»

В декабре 1703 г. Карл XII обратился с письмом к польскому сейму, в котором предлагал возвести на польский престол принца Якова Собеского и обещал поддержать его всеми силами.

В январе 1704 г. примас Радзеевский созвал сейм в Варшаве под предлогом заключения мира со шведским королем, который объявил, что хочет договориться только с республикой, а не с польским королем Августом. Этот предлог нужен был для того, чтобы сейм происходил в отсутствие короля. Уполномоченным от Карла XII на сейме был генерал Горн, а отряд шведского войска разместился около здания, где происходил сейм.

2 февраля Горн передал сейму письменное объявление, что король его не может войти ни в какие переговоры с республикой, пока она не будет свободна, то есть, чтобы переговоры и решения настоящего сейма не могли ни от кого зависеть, а для этого необходимо, чтобы король Август II был свергнут с престола.

Шведы представили сейму несколько перехваченных писем Августа, где говорилось о скандальности, вероломстве и пьянстве поляков. Раздражение панов еще более усилилось, когда они узнали, что Август арестовал Якова Собеского и его брата Константина. Братья охотились в Силезии, где на них внезапно напали тридцать саксонских драгун. Братья были отведены в Кенигсштейн и заключены под стражу.

В итоге Варшавский сейм объявил, что «Август, саксонский курфюрст, не способен носить польскую корону». Польский престол был единогласно

признан свободным.

Когда Карлу доложили об аресте Якова Собеского, он бодро заявил: «Ничего, мы состряпаем другого короля полякам». Он предложил корону младшему из Собеских — Александру, но тот проявил благоразумие и отказался. Тогда Карл предложил корону познаньскому воеводе Станиславу Лещинскому. Тот был молод, приятной наружности, честен, отлично образован, но у него не доставало главного, чтобы быть королем в такое бурное время — силы характера и выдержки. Выбор человека, не отличавшегося ни блестящими способностями, ни знатностью происхождения, ни богатством, разумеется, был принципиальной ошибкой Карла XII. Польские паны поломались-поломались и выбрали Стася королем.

Тут мы сделаем небольшое отступление и вернемся в XVII век. Польский король Ян Собеский для борьбы с турками решил возродить на Правобережье казачество. В 1683 г. он приказал шляхтичу Куницкому начать набор казаков, и к концу года таковых набралось около 8 тысяч. Но в начале 1684 г. казаки убили Куницкого и выбрали своим гетманом Могилу. (Видимо, речь идет об Андрее Мигуле-).

Но к 1686 г. уже ни Могилы, ни единого командования у правобережных казаков не было, а значительная часть Правобережья оказалась под властью самозванных казацких полковников. Наибольшую известность среди них приобрел Семен Филиппович Гурко, получивший прозвище Палий, то есть поджигатель.

Палий сделал своей резиденцией город Фастов или, как его тогда называли, Хвастов. Палий в молодые годы жил в Сечи и всегда поддерживал тесные связи с запорожцами.

Полякам как-то удалось схватить Палия и заключить его в башню в городе Немирове. Но Семену смог бежать оттуда. Освободившись, он узнал, что Фастов захвачен частной армией католического епископа. Палий собрал казаков, взял Фастов и перебил там всех ксендзов. Именно с тех пор он стал непримиримым врагом католической церкви.

В 1688 г. Палий обратился в Москву с просьбой о принятии его в подданство. Но правительница царевна Софья не желала войны с ляхами, и Палию было рекомендовано вместе с казаками перебраться в Запорожье.

Однако честолюбивый Палий не захотел стать местечковым полковником, а то и есаулом, и остался в Правобережье. У поляков не было возможности, а может и желания отправить против Палия и других полковников крупные силы.

Статус у Палия и других полковников на Правом берегу был более чем

странным. Так, в 1693 г. войско Палия вместе с казаками Мазепы разгромили татар на реке Кодыме, за что получили от царя Петра ценные подарки.

Казаки Палия повсеместно громили панские усадьбы. Так, например, при разгроме двумя сотнями пливских казаков имения пана Стецкого один из вождей повстанцев, некий Прокоп, громко заорал: «За Вислу ляхов прогнати, щоб их тут и нога не ступала!». ^[175]

Уверен, что подобный лозунг использовался всеми православными Правобережья.

На грабежи казацкого полковника Кутиского-Барабаша последовала коллективная жалоба шляхты Киевского воеводства. Польский коронный гетман отправил к полковнику посланцев с требованием уняться. А Кутиский-Барабаш посадил их в тюрьму, заявив: «Я ани короля, ани гетмана не боюсь; у меня король — царь турецкий, а гетман — господарь волоский, — бо треба тое ведати: где Барабаш, там ничего не маш». ^[176]

Сотник палиева полка Цвель со своими казаками напал на каптурового ^[177] судью Сурина, ездившего для исполнения своей судебной обязанности в село Калиновку. «Козаки, встретивши его на дороге, закричали: „Бийте ляхов, бийте! Нехай не ездють на суды; тут наш козацкий суд!“ С такими словами козаки поколотили и самого господина, сидевшего в коляске, и его прислугу, забрали у него деньги, оружие, вещи, съестные запасы, а все судебные документы повыбрасывали и истребили». ^[178]

А, с другой стороны, Палий периодически отправлял письма к польскому королю, в которых стремился показать себя верноподданным Речи Посполитой, терпящим постоянные обиды от панов и ксендзов.

В 1700 г. коронный гетман послал под Фастов воеводу Цинского с 4 тысячами поляков. Пан Цинский подошел к Фастову, сжег посад, а затем ретировался. По версии украинских историков отряд казаков напал с тыла на ляхов, и те были вынуждены отойти от Фастова. Поляки же утверждают, что Палий прислал Цинскому несколько боченков с деньгами и на том кампания была закончена ко всеобщему удовлетворению.

Любопытно, что некоторые польские паны привлекали казаков Палия для решения своих личных дел. Так, зимой 1700/1701 г. пан Микульский поссорился со своей соседкой панной Головинской, взял от Палия «привоведный лист» для набора своевольных казаков и с этими казаками напал на имение Головинской, выгнал владелицу, сжег ее усадьбу и разогнал ее людей.

Польские паны ситуацию на Правобережье начали сравнивать со

временами Богдана Хмельницкого в конце 40-х годов XVII века.

Примерно с 1694 г. отношения между Палием и Мазепой начали портиться. Фастовский правитель был слишком популярен на обоих берегах Днепра, а Мазепе в общем и целом было плевать и на православие, и на народ малороссийский, его основной целью было удерживать гетманскую булаву. Поэтому Мазепа пытался всеми средствами дискредитировать Палия.

В 1701 г. поляки направили в Правобережье большие силы, в основном состоявшие из частных армий. Полковник Самусь отправил Мазепе грамоту с просьбой о помощи и осведомлялся о возможности ухода на левый берег в случае полной победы ляхов. Мазепа отвечал: «Помочи тебе не подам и без царского указа тебя не прийму. Без моего ведома ты начал и кончай, как знаешь, по своей воле». ^[179]

А в своем донесении в Москву Мазепа высказывал соображения, что Самусь делает это по чужому наущению, поскольку сам он человек простой и необразованный, и едва ли без чужого совета додумался до этого. «Бунт распространяется быстро, — писал гетман, — уже от низовий Днестра и Буга по берегам этих рек не осталось ни единого старосты, побили много мещан — поляков и жидов, другие сами бегут в глубину Польши и кричат, что наступает новая хмельница. Впрочем, случившаяся на правой стороне Днепра смута принадлежностям нашим зело есть непротивна. Пусть господа поляки снова отведают из поступка Самусева, что народ малороссийский не может уживаться у них в подданстве; пусть поэтому перестанут домогаться Киева и всей Украины». ^[180]

По царскому указу в августе 1702 г. Мазепа пригласил Палия принять участие со своими казаками в войне против шведов. Палий ответил, что рад бы служить царю, да не смеет выйти, потому что на него собираются польские войска в Коростышове, и как только он выйдет, так они и Фастов разорят, и людей православных перебьют. «Всему свету известно, — выражался Палий, — что ляхи уже не одного сына восточной церкви удалили с сего света и много христиан мечом истребили в нашей достойной слез Украине». ^[181]

Полковник Самусь решил не ждать польских войск, а сам осадил Белую Церковь. 7 сентября из своего табора под Белой Церковью Самусь разослал всем казацким старшинам универсал, в котором извещал, что присягнул за весь народ малороссийский быть до смерти верным царскому пресветлому величеству и пребывать в покорности гетману Мазепе. Далее

в универсале говорилось, что в настоящее время Самусь с казацким войском находится под Белой Церковью напротив неприятелей-поляков и будет добиваться, чтобы ляхи навсегда ушли из Малороссии и более не возвращались. Самусь писал: «Прошу вас, господа, приложите все старание ваше, соберите изо всех городов поднестранских [приднестровских] охотное товариство в сотни и тысячи и поспешите стать с нами заодно. Как скоро Бог нам поможет взять белоцерковский замок, ты не станем тратить времени и тотчас двинемся на противников наших польских панов».^[182]

Универсал этот был послан и к приднестровским казацким старшинам Валозону, Палладию и Рынгошу.

Самусь недаром обратился в Приднестровский край. Начавшись от Богуслава и Корсуна, восстание, поднятое Самусем, пошло на запад к Бугу и Днестру. «Хлопы, жадные крови шляхетской, как выражались поляки, поднялись...». Город за городом, село за селом избавлялись от господства поляков, и вскоре восстание докатилось уже до Каменца. Подоляне прислали к Палию гонцов просить его быть «патроном» народного восстания против ляхов.

Две недели простоял Самусь под Белой Церковью, и тут приехал к нему эmissар от коронного гетмана Любомирского пан Косовский и объявил, что если Самусь сложит оружие и покорится королевской воле, то получит прощение от короля и Речи Посполитой за все то, что происходило в Богуславе, Корсуне и других местах, где были побиты поляки и евреи. Самусь отвечал: «Мы тогда будет желательны королю и Речи Посполитой, когда у нас во всей Украине от Днепра до Днестра и вверх до реки Случи не будет ноги лядской».^[183]

А тем временем на помощь Самусю подошел и сам Палий с 15 тысячами казаков. На выручку крепости двинулось и большое польское войско во главе с Яковом Потоцким и региментарем Рущицем. Ляхи заняли город Бердичев.

16 октября казаки Самуся внезапно ворвались в Бердичев и учинили там резню ляхов, Потоцкий и Рущиц бежали с небольшой частью своего воинства.

К концу ноября 1702 г. пала Белая Церковь. Трофеями казаков стали 28 пушек и большие запасы пороха. Палий въехал в город в карете, запряженной шестеркой лошадей, и объявил себя полковником белоцерковским. Казацкие полковники Палий, Самусь и Истра отправили Мазепе грамоту с просьбой принять Белую Церковь под власть царя.

А отряды Самуся двинулись на город Немиров. Местные казаки передались повстанцам, и город был взят с ходу. Всех поляков и евреев казаки перебили, за исключением нескольких, согласившихся принять православие. Вскоре судьбу Немирова разделил и город Бар.

Зимой 1702/1703 г. появился в Подолии «полковник Войска Запорожского» Федор Шпак. Он объявил, что паны утесняют крестьян вопреки королевской воле. Шпак отличался тем, что не только резал католиков и евреев, но и продавал их целыми толпами татарам.

В числе восставших крестьян и казаков оказался и дворянин Данило Братковский. Он был, наверное, последним из русских по дворян в Малороссии, сохранивший верность православию. Еще раньше Братковский напечатал по-польски сочинение под названием «Мир пересмотренный по частям» («*Swiat poczesci przejrzanu*»), где в сатирическом тоне изобразил пороки шляхетского общества.

Естественно, что Братковскому не нравилась религиозная политика ляхов в Подолии после изгнания оттуда турок. Так, королевским указом в Каменце не дозволялось селиться православным. Весь Подольский край в церковном отношении был изъят из ведомства киевского митрополита и подчинен исключительно литовскому униатскому владыке, как будто там уже и не было, и не должно было быть православных.

Братковский в 1701 г. стал распространять свои сочинения в защиту православной церкви. Полякам удалось схватить Братковского, его долго пытали и 25 ноября 1702 г. казнили в Луцке «мучительной смертью».

Гетман Мазепа не помогал восставшим на Правобережье. Тем не менее, в ноябре 1702 г. он получил от царского резидента в Варшаве князя Григория Долгорукова следующее письмо: «Шведский король хитрыми вымыслами, по совету приставших к нему польских изменников, велел распространять слухи, будто его царское величество указал вашей вельможности послать 20 000 войска на помощь Самусю, назвавшемуся царским гетманом, и будто мятежи, поднявшиеся в Украине, возникли с позволения нашего государя. Речь Посполитая приходит в немалое подозрение. Необходимо всем на деле доказать, что этот мятеж начался без воли царской и не приносит никакой пользы его царскому величеству; необходимо стараться угасить этот огонь, препятствующий Речи Посполитой обратить оружие против шведов».^[184]

Под давлением казацкой старшины Мазепа написал канцлеру Головину, что лучше было бы теперь принять от Палия Белую Церковь в царское владение. Петр же вместо этого вновь приказал Мазепе усилить караулы на Днепре, дабы не пускать правобережных казаков на помощь

повстанцам.

Царь отправил к Палию генерала Паткуля уговорить его передать захваченные территории королю Августу. Палий фиктивно согласился, но делать ничего не стал.

Во второй половине 1703 г. войско польского гетмана Сенявского сумело отбить у Самуся город Немиров, причем сам полковник ушел в Богуслав. Затем Сенявский осадил город Ладыжин, где с несколькими тысячами казаков засел полковник Абазын. Ляхи штурмом взяли город. Абазына посадили на кол. По разным сведениям, было перебито от двух до десяти тысяч казаков.

В феврале 1704 г. киевский воевода^[185] Потоцкий разбил отряд Федора Шпака. По приказу Потоцкого всем хлопам, заподозренным в участии в восстании, отрезали левое ухо и, по свидетельству современника, такому наказанию было подвергнуто до 70 тысяч человек. Польские суды по обвинению в мятеже приговаривал к смерти жителей целых селений. Их казнили скопом — правых и виноватых.

В январе 1704 г. Самусь и корсуньский полковник Истра бежали на левый берег и были приняты на службу к Мазепе.

В апреле 1704 г. Петр I приказал гетману Мазепе двинуть малороссийское войско на правый берег «чинить промысел над нерасположенными к королю Августу панам, нещадно опустошая огнем и мечом их маестности».^[186]

Между тем Мазепа строчил царю донос за доносом на Палия, что тот сносится с панам Любомирскими и хочет поступить на службу к шведскому королю Карлу XII.

В мае Мазепа отправил 1300 казаков на помощь польскому королю Августу. 15 июля к войску Мазепы, стоявшему на польской территории, подошел отряд Палия. Гетман радушно принял полковника и обильно угостил его горилкой.

1 августа Мазепа пригласил в очередной раз в свою ставку Палия, арестовал его и отправил в заключение в Батуринский замок.

Между тем Петр I приказал Мазепе возвращаться домой. На Правобережье гетманская армия не вела боевых действий, а лишь грабила имения магнатов, перешедших на сторону короля Стася и шведов, как, например, тех же Любомирских.

12 октября 1704 г. Мазепа отправился с войском обратно и уже 29 октября прибыл в Батурин.

В августе 1704 г. Мазепа отправил на помощь полякам и саксонцам 10-

тысячный отряд казаков под командованием переяславского полковника Ивана Михайловича Мировича (о нем и его семействе будет рассказано ниже). Казаки участвовали в обороне Львова и ряде других сражений. Поляки и немцы третировали казаков. В конце концов, почти весь этот и другие ранее посланные отряды казаков погибли или разбежались, и в Малороссию в ноябре 1704 г. вернулось лишь несколько десятков человек вместе с полковниками Мировичем и Апостолом.

Петр 10 декабря издал указ, что оба полковника достойны смертной казни «за распускание казаков и за самовольный уход со службы», но по ходатайству гетмана простил их.

В начале 1705 г. Мазепа направил царю очередную кляузу на Палия, заявив, что держать его в Малороссии опасно. По царскому указу Палия в марте 1705 г. доставили в Москву, а в конце лета отправили в Сибирь в Томск на вечное поселение.

Так закончилась «палиевщина» запорожских и местных казаков, которая могла привести все Правобережье под скипетр русского царя. Увы, в данном случае Петр показал себя ограниченным и недальновидным политиком. Он переоценил военное и политическое значение польских магнатов, а они в качестве союзников ничего не хотели и не могли дать России, а в качестве врагов — сколько-нибудь серьезно навредить. А вот оставление Правобережья под властью панов и ксендзов принесло огромный вред России. Это прекрасно понимали еще царские историки, и они постарались помпезной риторикой и словоблудием об измене Мазепы, Полтавской виктории и т. п. затмить палиевщину и сделать ее третьестепенным эпизодом, не достойным освещения в школьных и институтских учебниках истории.

Глава 16

Кодрат Булавин и Игнат Некрасов

В составе Петровской армии действовало несколько отрядов запорожцев. Снабжение казаков было поставлено из рук вон плохо, а использовалась казацкая кавалерия зачастую не по назначению. В сентябре 1703 г. запорожский полковник Матвей Темник, служивший под Ладогой, жаловался боярину Головину, что ранее казаки получали по рублю на рядового, и несколько больше того на старшину и по одному кулю муки в месяц на четверых казаков; кроме того, имели сухари, крупу, сукно, свинец и порох. Ничего этого в настоящее время кроме одного куля муки на шесть человек да одного четверика круп на четыре человек в месяц они не получают. От этого, питаюсь из «своего хребта» и не получаю в течение нескольких месяцев ни единой копейки, казаки распродали всю свою движимость, стали и голы, и босы.

Несколько тысяч запорожцев было отправлено на земляные работы в устье Невы. В какой стране, кроме России, видано, чтобы элитную конницу обращали в землекопов?

В июне 1704 г. запорожцы приняли активное участие в сражении со шведами на Черной речке (там, где через 133 года будет убит Пушкин).

Через год, 4 августа 1705 г., запорожцы защищали район Охты и были вынуждены отступить на левый берег Невы, уступив превосходящим силам генерала Майделя. Замечу, что тут виноваты не запорожцы, а Петр I со своим гонором. Дело в том, что шведы у впадения Охты в Неву построили довольно мощную крепость Ниеншанц (Ниен). 1 мая 1703 г. шведы сдались русским. Крепость при осаде пострадала мало, и Петр поначалу именно в Ниеншанце хотел «ногою твердой стать у моря», но через несколько недель он передумал и решил строить свой новый город «Питербурх» в нескольких километрах выше по течению Невы, а Ниен сравнять с землей и забыть о его существовании. А ведь в 1705 г. крепость Ниен могла стать надежной преградой против войск генерала Майделя.

В сентябре 1707 г. 44-тысячная шведская армия оставила Силезию и двинулась на восток. Шведы медленно двигались по разоренной Польше. Осенняя распутица задержала их на Висле до декабря 1707 г. Перейдя Вислу, шведские силы продолжали свой путь на восток через Мазурию — большую болотистую и лесистую область рядом с границей Восточной

Пруссии. Эти края еще никогда не пересекала ни одна армия, очень уж они были труднопроходимы. Одной из причин выбора такого маршрута было желание Карла побыстрее соединиться с корпусом Левегаупта. Через десять дней шведская армия добралась до Литвы, оставив в Мазурии выжженную пустыню. Один драгунский полковник вспоминал: «Множество народу было убито, а также все было сожжено и разорено, так что, думается мне, оставшиеся в живых нескоро забудут шведов». (Сх. 17)

Вечером 25 января 1708 г. Карл подошел к Неману и узнал, что в Гродно находился Петр. 26 января русские войска во главе с Петром в панике оставили Гродно. Карл всего с 800 всадниками ворвался в город. Шведы захватили мост через Неман, который охранял русский отряд под командованием бригадира Мюленфельса. Петр приказал его арестовать и отдать под суд. Однако Мюленфельсу удалось бежать из-под стражи и поступить на службу к шведскому королю. После Полтавского сражения Мюленфельс был взят в плен и по приказу Петра посажен на кол. [\[187\]](#)

Из Гродно Карл двинулся на запад. В феврале 1708 г. шведы заняли Сморгонь, где простояли до 17 марта. Затем королевские войска вошли в Радошковичи и задержались там на три месяца, чтобы переждать весеннюю распутицу.

Петр покинул армию и 20 марта прибыл в Петербург. В любимом «парадизе» царь занялся устройством... дамской флотилии. Из Москвы в Петербург срочно вызвали вдову царя Ивана Алексеевича царицу Прасковью Федоровну с дочерьми Екатериной, Анной и Прасковьей; сестер царя Наталью Алексеевну, Марью Алексеевну и Феодосью Алексеевну. Так же был вызван «всеппянейший собор» и некоторые вельможи с супругами.

Петр устроил родственницам торжественную встречу — пригнал в Шлиссельбург девять буеров и выехал навстречу за восемь верст от города. Царицу Прасковью Федоровну с дочерьми и своих сестер Петр усадил в буера, а в верстах четырех от Петербурга флотилию встретила яхта с адмиралом Апраксиным на борту, приветствовавшая гостей пушечной пальбой. Царь приказал нарядить царицу и царевен на голландский манер в короткие безрукавки, юбки и шляпы и велел им вести жизнь морских путешественниц. Гостей часто вывозили в море, возили в Кроншлот и в Петергоф.

Но тут мы вынуждены прервать рассказ о походе Карла XII и увлечениях царя и рассказать о событиях на Дону, последствия которых будут оказывать влияние на судьбы запорожского казачества в течение последующих 120 лет.

Еще 6 июля 1707 г. в Люблине царь отправил указ полковнику князю Ю. В. Долгорукову навести порядок на Дону: «...сыскать всех беглых и за провожатыми и з женами и з детьми выслать по-прежнему в те ж города и места, откуда кто пришел».

Петр прекрасно знал неписанный закон казаков: «С Дона выдачи нету». Зачем ему понадобилось злить казачество накануне вторжения Карла XII, можно только гадать.

2 сентября 1707 г. Юрий Долгоруков с двумя сотнями солдат прибыл в Черкассы. Атаман войска Лукьян Максимов и старшина формально согласились с царским указом, но выполнять его не спешили. Тогда Долгоруков решил сам начать ловлю беглых. В Черкассах он не рискнул проводить розыск и отправился вверх по Дону. В Багаевском городке было выявлено 11 беглых. Кроме того, полковник арестовал там 16 «жен», мужья которых, пришедшие на Дон после Азовских походов, находились в Польше, в составе казачьих полков русской армии. В Мелиховском городе Долгоруков поймал еще 20 беглых.

Долгоруков не понимал, что он не на Рязанщине, и для поимки беглецов раздробил свои силы на несколько отрядов. В ночь с 8 на 9 октября 1707 г. казаки под командованием атамана Кондрата Булавина убили Долгорукова и еще 16 офицеров и подьячих, солдат же обезоружили и отпустили. Так началось знаменитое Булавинское восстание.

18 октября 1707 г. отряд Булавина был разбит у реки Айдары казаками, оставшимися верными царю. Ими командовал атаман Л. Максимов. Потерпев неудачу на Дону, Булавин отправился в Чортотлыцкую Сечь и начал призывать казаков идти «бить бояр». Три раза по этому поводу собиралась рада в Сечи, и всякий раз «молодята» требовали от старшин похода в Малороссию, чтобы бить панов и арендаторов, но «старики» всякий раз их удерживали, выдвигая два возражения против похода на города: первое — теплая зима и не совсем замерзшие реки, и второе — пребывание в Москве запорожских казаков, которые были туда отправлены за жалованьем и с началом бунта могли быть там арестованы.

В целом запорожцы остались нейтральными, но вокруг Булавина собралось несколько сот «запорожских гулятьев», которые построили городок на речке Вороной ниже Звонецкого порога. Оттуда Булавин рассылал запорожцам «прелестные грамоты»: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чистому полю красно походить,

сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте на черны вершины самарския».^[188]

20 апреля 1708 г. гетман Мазепа по царскому приказу отправил в Сечь городского атамана Барышевского с приказанием кошевому атаману и всему войску поймать в Сечи «вора и изменника» Булавина и прислать его в Москву или в Батурин. Не довольствуясь только приказом, Мазепа одновременно двинул против Булавина полтавского полковника Ивана Левенца с полком.

Однако на гетманский приказ запорожцы ответили, что того бунтовщика Булавина нет в Сечи, но что они обещают, когда он явится в Сечь, поймать его и доставить в город Батурин.

И действительно, в начале 1708 г. Кондрат Булавин двинулся с Днепра на Дон, а вместе с ним шло около 6 тысяч запорожцев. В марте 1708 г. Булавин уже был в Пристанском городке на Хопре.

12 апреля 1708 г. царь повелел майору лейб-гвардии князю Василию Владимировичу Долгорукову, брату убитого, подавить Булавинское восстание. Любопытна инструкция Петра по обращению с донскими казаками: «Понеже сии воры все на лошадях и зело лехкая конница, того для невозможно будет оных с регулярною конницею и пехотою достичь и для того только за ними таких же послать по разсуждению. Самому же ходить по тем городкам и деревням (из которых главной Пристанной городок на Хопре), которые пристають к воровству и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заботчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставанию воровства у людей, ибо сия сарынь кроме жесточи не может унята быть. Протчее полагается на разсуждение господина маеора».^[189]

А пока Долгоруков собирал полки, Булавин 9 апреля 1708 г. на реке Лисковатке наголову разгромил казацкое войско атамана Максимова, а сам Лукьян бежал в Черкассы. 1 мая ближайший сподвижник Булавина Игнат Федорович Некрасов взял Черкассы и захватил Максимова. По приказу Игната Максимов и пять других старшин были казнены. 9 мая донские казаки собрали «круг»^[190] в Черкассах.

Через 4 дня в Сечи была собрана широкая рада, на которой часть казаков потребовала присоединиться к Булаvinу, а другая часть возражала. Дело дошло до большой драки. В конце концов, казачество сошлось на компромиссе — вместо похода в глубь России сделать нападения на царские городки на реке Самаре, которые давно сидели в печенках у всех запорожцев.

Однако в этот момент из Межигорского монастыря в Сечь прибыли новые иноки на смену прежних. Видя, куда собираются походом запорожцы, иноки вынесли из сечевой церкви на площадь евангелие и крест и стали увещевать казаков не поднимать войны против своих же православных братьев. Перед этим казаки не устояли и отложили раду до следующего дня. Наутро страсти приутихли, и казачество решило пока погодить.

17 мая 1708 г. в Сечи получили письмо Булавина кошевому атаману Косте Гордиенко, в котором рассказывались подробности о взятии Черкасского городка, о казни атамана Максимова, о выборе самого Булавина в атаманы донских казаков. Там же сообщалось о сборе царских полков на реке Донце близ Святогорского монастыря и о намерениях их идти под Черкасск. «И мы всем войском донским, войсковой наш атаман Кондратий Булавин, просим у вас, атаманов молодцов, у тебя, войскового атамана Константина Гордеевича, и у всего войска запорожского милости: если услышите про приход государевых полков на наше разорение, дайте нам помощи, чтобы нам стать сообща и напрасно не дать себя в разорение, а где они будут стоять, вам бы о том известить нас вскоре. А о чем у нас с вами, атаманы молодцы, меж себя был совет на ваших господарей и на панов, и как вы обращались с нами, тако и делайте, чтобы наш благой совет был к нам неприменен. А во всем вы, атаманы молодцы, войско запорожское, против супостат надейтесь на милость божию, и мы войском донским вам все помощники, и о том к нам в Печерский прислать бы вам от себя человек 20 или 30 лучших людей».^[191]

В конце мая 1708 г. Кондратий Булавин прибыл в город Бахмут и оттуда послал в Сечь универсал, в котором призывал всех запорожцев идти под слободу Ямполь, чтобы дать отпор князю Василию Долгорукову, пришедшему на юг истреблять всех казаков. Запорожцы, получив этот универсал, стали переходить к Булаvinу как по отдельности, так и партиями в несколько сотен человек. «Так, 30 числа перешла к нему с кумачовыми знаменами одна партия в 300 человек; июня 9 числа перешла другая партия в 500 человек, всех же набралось около 1200 человек».^[192]

Как видим, запорожские казаки предпочитали ходить под кумачовыми знаменами, а вот о «жевто-блакитных» они и не слыхивали.

Между прочим, еще в 1410 г. под Гринвальдом Киевский полк шел на крестоносцев под червленым стягом. Под красным флагом воевал Северин Наливайко. В 1644 г. король Владислав, затеявая войну с Турцией, передал запорожским казакам через выборных «красное адамашковое знамя с

белым орлом и 600 злотых на постройку чаек. В числе этих выборных был и Богдан Хмельницкий». ^[193] Сам же Богдан воевал под малиновым стягом.

Впервые же желто-голубой флаг, похожий на самостийный, появился в 1848 г. во Львове на территории Австрийской империи, когда в разгар венгерского восстания имперское правительство создало в Галиции Головну Руську раду, чтобы иметь в тылу у восставших верные себе войска.

По одной версии этот флаг был сконструирован из цветов галицкого флага — сверху золотой цвет льва, внизу — голубой цвет фона. По другой версии некогда у галичан было красно-синее знамя (это подтверждается документами), а мать императора Франца-Иосифа заменила красный цвет желтым, чтобы в галицком флаге было что-то от желто-черного знамени Габсбургов. И австрийский наместник торжественно вручил его «руським галичанам».

Царь был напуган действиями запорожцев и 14 июня 1708 г. написал Василию Долгорукову: «„крепко смотреть о том, чтобы не дать случиться запорожцам с донцами“, в противном случае может разыгаться очень худое дело». ^[194]

В начале мая Кондрат Булавин допустил стратегическую ошибку, разделив свои силы и направив их по расходящимся направлениям. Любопытна грамота атамана Никиты Голого, разосланная в южные русские города: «В русские великого государя города стольником и воеводам и приказным людям, а в селех и в деревнях заказным головам и десятникам и всей черни, Никита Голой со всем своим походным войском челом бьем. Стою я в Кулаковом стану и по Лазной, а со мною силы 7000 казаков донских да 1000 запорожских казаков же. И хотим идти под Рыбной. А Семен Драной пошел своею силою по Изюм, а с ним силы 10 000. А Некрасов пошел на Саратов и на Козлов, а с ним силы 40 000. А сам наш войсковой атаман Кондратей Афонасьевич Булавин пошел под Азов и под Таган, а с ним силы ворон и 2000 кубанцев и запорожцов и наших козаков. А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и каторые неправду делают. А вы, голотьва и вся, идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтесь: будут вам кони и ружье и платье и денежное жалованье. А мы стали за старою веру и за дом пресвятые богородицы и за вас за всю чернь, и чтобы нам не впасть в ельнинскую [эллинскую] веру». ^[195]

В этой примитивной грамоте хорошо показаны цели булавинцев и, что для нас важно, участие запорожцев в боевых действиях.

В конце июля 1708 г. казаки Семена Драного осадили небольшую крепость Тор на Северном Донце, немного ниже Изюма. На помощь осажденным были отправлены несколько полков под командованием бригадира Ф. Шидловского. В ночь со 2 на 3 июля в урочище Кривая Лука произошло ожесточенное сражение. Из 6500 казаков было убито и утонуло свыше 1500. Погиб и сам Семен Дранный.

5-6 июля состоялось ожесточенное сражение у стен крепости Азов, в ходе которого казаки атамана Лукьяна Хохлача были наголову разбиты и бежали. Сам Хохлач сдался в плен.

7 июля 1708 г. в Черкаске казацкие старшины во главе с Иваном Зерщиковым произвели переворот. Кондрат Булавин был убит, а по другой версии застрелился.

Успешным оказался лишь рейд атамана Игната Некрасова вдоль Волги на Камышин и Царицын. Узнав о гибели Булавина, Некрасов привел своих людей в район Переволочны (между Доном и Волгой).

На Дон были стянуты большие силы карателей. И вот тут начинаются недомолвки дореволюционных и советских историков. Казни вожakov и даже рядовых бунтарей были обычным явлением для XVIII века, возьмем, к примеру, восстание Пугачева. Но в 1708 г. Петр приказал не только казнить участников восстания, но и уничтожать десятки казацких городков вместе с населением. Солдаты убивали женщин и детей (чаще всего топили в Дону) и сжигали все строения. Только отряд В. В. Долгорукова уничтожил 23,5 тысячи казаков мужского пола, жен и детей не считали.^[196] Кстати, в карательной армии были и малороссийские казаки, посланные Мазепой.

Мало того, православный царь не постеснялся натравить на казаков орды калмыков. Калмыки резали всех подряд, но, в отличие от князя Долгорукова, не вели учета своим жертвам. И еще не убивали женщин, а уводили их с собой.

В такой ситуации Игнату ничего не оставалось, как увести свой отряд численностью от 3 до 8 тысяч казаков (по разным источникам) в ногайскую степь, а затем на Кубань и отдаться под покровительство крымского хана. Замечу, что это было не паническое бегство, а организованное отступление. Казаки ехали строем под знаменами, в отряде было не менее 7 пушек. За ними ехали многие сотни телег с женщинами и детьми.

Крымский хан разрешил некрасовцам поселиться между Темрюком и Копылом (сейчас Славянск на Кубани). Любопытно, что развалины одного из казацких городков на Кубани еще в начале XX века называли Некрасово городище.

Оказавшись в окружении иноверцев, казаки законсервировали свои обычаи и права. Во главе «Славного кубанского войска» стоял войсковой атаман, избираемый на один год. На него возлагалась исполнительная власть. Высшая же власть, как и в Донском войске, принадлежала войсковому кругу, на котором право голоса имели все мужчины, начиная с 18 лет. В отличие от других казачьих войск, на собраниях круга могли присутствовать и женщины, правда, с совещательным голосом.

Серьезные преступления — убийство, изнасилование, предательство — карались смертной казнью. Бытующее до сих пор в станицах и хуторах выражение «в куль да в воду» как раз и показывает, каким образом приводился в исполнение приговор. Наиболее же распространенным было наказание розгами, причем кара эта распространялась даже на атамана. В таком случае старейший и уважаемый всеми казак забирал у атамана булаву — символ власти, а после наказания атаман обязан был сказать: «Спаси, Христос, что поучили!» Возвратив атаману булаву, казаки кланялись, приговаривая: «Прости Христа ради, господин атаман», на что последний отвечал: «Бог простит! Бог простит!»

Свод казачьих законов был написан самим Некрасовым. «Игнатова книга» хранилась в войсковой церкви. Из уст в уста передавались «заветы Игната», главным из которых было: «...в Россию при царе не возвращаться».

На Кубань к некрасовцам ежегодно бежали сотни донских казаков, а также раскольники со всей России. Это вызывало беспокойство царских властей. По приказу Петра дворянин Василий Блёклый прибыл в Бахчисарай к хану Девлет Гирею с большими подарками просить выдачи некрасовцев. Хан подарки взял, а по поводу казаков удивился: «...чего мне отдать, чего у меня нет».

В мае 1710 г. Игнат Некрасов с 3 тысячами казаков и 2 тысячами калмыков и кубанских татар объявился в Приазовье и стал лагерем на реке Берда. К нему начали присоединяться донские и запорожские казаки. Царским войскам удалось вытеснить Некрасовцев из Приазовья.

В 1711 г. казанский и астраханский губернатор П. М. Апраксин отправился на Кубань ловить некрасовцев, но, потеряв 150 солдат и 540 калмыков, возвратился восвояси.

В 1717 г. атаман С. Ворон водил некрасовцев на Хопер, Медведицу и Волгу. Борьба некрасовцев с царями только начиналась.

А над Кубанью звучала горькая песня: «Так прощай, прощай наш Тихий Дон. А тебе, царю шельме, не за что. Через тебя иду во неволюшку, во неволюшку во турчину...»

Глава 17

Полтава — поражение Войска Запорожского

Отвлекаясь на Булавина и Некрасова, мы забыли о Карле XII. К началу 1708 г. он вместе с 35 тысячами солдат зимовал в районе Сморгонь — Ошмяны. В Финляндии, у Выборга и Кексгольма, находился корпус Либекера (14 тысяч человек), а под Ригой — корпус А. Л. Левенгаупта (16 тысяч человек).

Согласно плану кампании 1708 г., разработанному Карлом XII, его главные силы (35 тыс. человек) должны были идти на Москву через Смоленск. Корпусу Либекера ставилась задача овладеть Петербургом. Корпус Левенгаупта должен был идти от Риги на соединение с главными силами и принять участие в наступлении на московском направлении.

Планы шведского короля были безумны. В глубине России Карла ждала неизбежная гибель. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, но элементарные расчеты показывают, что Карл, двинувшись на север и соединившись с Левенгауптом, мог выбросить русских из района Невы, понеся им огромные потери в живой силе. А дальше не было никакой нужды идти на восток, достаточно было построить мощные крепости в Орешке, Ниеншанце и Нарве, но не по канонам XIII–XIV веков, какими их брал Петр, а по образцам французских крепостей начала XVIII века, и, разумеется, оставить там сильные шведские гарнизоны.

Первое сражение в кампанию 1708 года произошло 4 июля у местечка Головчин (война все еще шла на территории Речи Посполитой). Русская армия под командованием фельдмаршала Шереметева заняла позиции вдоль реки Бабиц. В тылу русских войск был лес, впереди — болотистый берег, укрепленный небольшими шанцами и рогатками. Центром командовал Шереметев, правым флангом — генерал Аларт, левым — фельдмаршал-лейтенант Гольц и князь Репнин. В ночь с 3 на 4 июля пять шведских пехотных полков под предводительством Карла XII атаковали шеститысячный отряд Репнина, отрезав его от Гольца. После упорного боя русские в беспорядке отступили, бросив 10 пушек. Русские потеряли 675 человек убитыми и столько же ранеными, 630 человек попало в плен. Потери шведов составили 255 человек убитыми и 1219 ранеными.

Шереметев и Репнин попытались исказить ситуацию в своих реляциях царю. Петр вначале поверил, но, разобравшись, пришел в бешенство. По сему поводу он писал: «...многие полки пришли в конфузию, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не солдатским боем».

Военный суд вынес Репнину суровый приговор: обвиняемый «достоин быть жития лишен», но, учитывая, что прегрешения он совершил «не к злости, но из недознания», суд счел возможным заменить смертную казнь лишением чина и должности, а также взысканием денег за оставленные на поле боя пушки и снаряжение. 5 августа 1708 г. царь утвердил приговор, и генерал князь Репнин стал рядовым солдатом. Солдат, раненых в спину в этом бою, рассматривали как трусов и расстреливали или вешали.

7 июля Карл вышел к Днепру и без боя занял город Могилев. Напомню читателю, что пока все действия происходили на территории Польши. В Могилеве Карл простоял почти месяц, ожидая подхода Левенгаупта с большим обозом (16 тысяч солдат, 16 пушек и 8 тысяч повозок). Левенгаупт сильно задержался и выступил в поход короткими переходами только в конце мая. За месяц он едва преодолел 230 километров.

Шведская армия выступила из Могилева 5 августа, так и не дождавшись Левенгаупта, но промедление длилось и так уж очень долго, пора было возобновить военные действия. Однако шведские войска двинулись не против главных сил русских, которые стояли на укрепленных позициях у Горок, а повернули на юго-восток и уперлись в реку Сож (приток Днепра). Шведы были вынуждены держаться вблизи Днепра, чтобы хоть как-то заслонить малочисленный корпус Левенгаупта. Они попытались выманить русских с их позиций и навязать им открытое сражение.

У Чирикова неподалеку от реки Сож шведы постояли пару дней, перестреливаясь с русскими по ту сторону реки. Карл, большой любитель пострелять, в возбуждении сам ходил по берегу и брал мушкет то у одного, то у другого солдата. Он собственноручно убил нескольких русских.

Лишь несколько незначительных стычек имели место, например, при Добром 31 августа и при Раевке 10 сентября, но, в общем и целом, они не привели ни к какому результату, кроме больших потерь. Охота за отступающими русскими войсками продолжалась в направлении на северо-восток, к Смоленску.

11 сентября шведское войско остановилось у Старишей — пограничного городка, раскинувшегося по обе стороны большой дороги на Москву. Отсюда до Смоленска было всего около 14 верст.

Четыре дня Карл XII оставался в нерешительности. По приказу Петра русские разоряли собственную страну так же, как и Польшу. Чтобы не быть голословным, приведу цитату из указа Петра: «Ежели же неприятель пойдет на Украину, тогда идти у одного передом и везде провиант и фураж, таже хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городов)... польский и свой жечь, не жалея, и строенья перед оным и по бокам, таже мосты портить, леса зарубить и на больших переправах держать по возможности». Нарушителей ждала суровая кара: «...сказать везде, ежели кто повезет к неприятелю что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, таже равно и тот, который ведает, а не скажет». В другом указе царь велел не вывезенный в Смоленск хлеб «прятать в ямы», а «мельницы, и жернова, и снасти вывезть все и закопать в землю, или затопить где в глубокой воде, или разбить», чтобы «не досталось неприятелю для молонья хлеба». Генерал-поручик Боур получил аналогичный приказ Петра: «...главное войско обжиганием и разорением утомлять».

15 сентября Карл отдает приказ о походе на Украину. Армия поворачивает на юг и движется на город Стародуб.

14 сентября Петр созывает военный совет, на котором было принято решение разделить армию. Большой части армии во главе с фельдмаршалом Шереметевым указано идти за Карлом на Украину, а 10-тысячный корпус (корволант) с 30 полковыми пушками двинуть навстречу Левенгаупту. Командовать корволантом было поручено Меншикову, а фактически им командовал сам Петр.

Между тем корпус Левенгаупта двигался по направлению Шклов — Пропойск. О том, что Карл XII изменил план действий, Левенгаупт ничего не знал и продолжал двигаться к переправе через Днепр у Шклова. 21 сентября 16-тысячный корпус шведов с 16 орудиями и огромным обозом переправился через Днепр и продолжал движение к Пропойску. В четырех верстах от Пропойска у деревни Лесная русский корволант настиг Левенгаупта.

Позиция, выбранная Левенгауптом для боя, представляла собой поляну, окруженную лесом. Здесь и расположились шведские войска, устроив позади себя укрепленный лагерь, прикрывающий дорогу на Пропойск. Севернее этой поляны находилась другая поляна, которую Левенгаупт решил занять шестью батальонами пехоты. Эта передовая позиция была удобна тем, что с левого фланга она прикрывалась рекой Леснянкой, а с правого — густым лесом, что затрудняло выход русских войск из леса. (Сх. 18)

Переправившись через реку Реста, русские войска приблизились к шведам. Петр разделил корволант на две колонны. Во главе левой колонны (один пехотный и семь драгунских полков) стал Меншиков, правой колонной (два пехотных, три драгунских полка и один батальон) командовал сам Петр. В каждой колонне насчитывалось 5–6 тысяч человек. Пехота передвигалась на лошадях. В полдень левофланговая колонна, выйдя из леса, стала быстро разворачиваться для построения в боевой порядок. Однако шведы, стремясь использовать свое выгодное положение, атаковали русскую пехоту, в результате чего создалась тяжелая обстановка. В это время к Петру, объезжавшему полки, обратился солдат с просьбой «повелеть, чтобы находившиеся за регулярною пехотою казаки и калмыки кололи всех, кто подастся назад». «Товарищ! — обратился Петр к солдату, — Я еще от тебя первого слышу такой совет и чувствую, что мы не проиграем баталии». Этим солдатом был разжалованный князь Репнин. Как видим, заградотряды ввел не Сталин, а Петр Великий, а моду стрелять из пулеметов по собственным отступающим войскам ввел в 1915 г. генерал Брусилов.

В час дня русские войска вновь атаковали шведов, а к трем часам «неприятеля с поля паки сбили». Шведы были отброшены к вагенбургу (временному полевому укреплению, составленному из сцепленных повозок), потеряв при этом 8 орудий. К пяти часам из-под Кричева подошла кавалерия Боура. Петр поставил на правый фланг еще два полка драгун, усилив таким образом боевой порядок. Было решено атаковать вагенбург, направляя главный удар на левый фланг, с тем, чтобы занять мост и дорогу на Пропойск и закрыть шведским войскам пути к отступлению. Бой шел успешно, мост через Леснянку был захвачен. Но в это время на помощь шведам подошел трехтысячный авангард, в результате контратаки мост был ими отбит.

Бой продолжался до вечера. На ночь шведы укрылись в вагенбурге. Ночью поднялась сильная метель. Воспользовавшись этим, Левенгаупт решил отступить через реку Сож, куда раньше направился весь обоз. Но русские кавалеристы упредили шведов и уничтожили мост. Утром Петр направил конницу для преследования противника. Русские кавалеристы нанесли еще одно поражение шведскому арьергарду. С остатками деморализованных войск Левенгаупт бежал вниз по реке Сож. «Оного неприятеля сломив, побили на голову, так, что трупом с восемь тысяч на месте осталось...», — писал Петр. В плен было взято 45 офицеров, 730 солдат и захвачено 16 орудий. Спустя несколько дней русские взяли в плен еще 385 шведов, бежавших во время боя. В этих боях русские потеряли

1111 человек убитыми и 2856 ранеными. После Лесной царь простил князя Репнина и вернул ему чин генерала.

12 октября остатки корпуса Левенгаупта численностью около 6500 человек соединились с армией Карла XII. Король был крайне расстроен, но он не только не наказал Левенгаупта, а наоборот, отправил в Стокгольм бюллетень, где на шести листах рассказывалось о том, как шведы весь день храбро отражали нападения 40 тысяч москвитов и как к вечеру варвары отступили. О потере обоза не было сказано ни слова.

Почти три столетия иностранные и отечественные историки спорят, насколько измена гетмана Мазепы повлияла на решение Карла повернуть на юг. Не меньший предмет споров вызывает и сама личность гетмана.

Возьмем для примера нашего великого специалиста по Петру I Н. И. Павленко: «Иван Степанович Мазепа принадлежал к числу тех людей, для которых не было ничего святого. В нем в одном сосредотачивались едва ли не все пороки человеческой натуры: подозрительность и скрытность, надменность и алчность, крайний эгоизм и мстительность, коварство и жестокость, любострастие и трусость. В случае надобности он умел под личиной покорности скрывать злобу, ловко плести интриги, мог быть беспредельно подобострастным, внешне покладистым».

[\[197\]](#) Увы, сей портрет ничего не имеет общего с реальным гетманом Мазепой.

Мазепа не был беспринципным хамелеоном, как его пытаются нам представить. Так, к примеру, С. М. Соловьев, в целом крайне отрицательно относящийся к Мазепе, рассказывает нам о ссоре Мазепы с царским дядей Львом Кирилловичем Нарышкиным, имевшим тогда огромное влияние на Петра. У Нарышкина была карлица-украинка. Что с ней делал Лев Кириллович, можно только догадываться, если она бежала домой и ни под каким видом не хотела возвращаться назад. Старик сильно огорчился и с угрозами требовал у Мазепы, чтобы тот выдал ему карлицу. Гетман по этому поводу писал Головину: «Если б та карлица была сирота безродная, не имеющая так много, а наипаче знатных и заслуженных казаков родственников своих, тогда бы я для любви боярина... приказал бы ту карлицу, по неволе в сани кинув, на двор его милости к Москве допроводить. Но она хотя карлица, возрастом и образом самая безделица, однако роду доброго казацкого и заслуженного, понеже и отец ее на службе монаршеской убит, — для того трудно мне оной карлице неволю и насилие чинить». В конце концов, карлицу схватили против воли гетмана и увезли в Москву. Этот мелкий эпизод показывает, с одной стороны, характер Мазепы, а с другой, степень наглости, с которой вел себя на Украине царь

Петр.

Со времен Хмельницкого царское правительство не сумело, а я думаю, и не хотело определить законом положение малороссийского гетмана. Поэтому при желании любой украинский ябедник мог найти какую-нибудь промашку в действиях гетмана и настучать в Москву. Петру на Мазепу было написано несколько десятков доносов. Благодаря поэме Пушкина «Полтава» двое доносчиков — генеральный судья Кочубей и полковник Искра навечно вошли в нашу историю. Понятно, что художественные произведения были бы скучны, если бы они досконально соответствовали правде жизни.

Реальный Кочубей длительное время находился в хороших отношениях с Мазепой и даже выдал старшую дочь за его племянника Обидовского. Но вот старому Мазепе приглянулась младшая дочь Кочубея Матрена. И, что самое интересное, шестнадцатилетняя Матрена ответила взаимностью Ивану Степановичу. То ли ей действительно понравился старый донжуан, то ли приспичило стать гетманшей, этого мы уже никогда не узнаем.

Мазепа сделал официальное предложение Матрене. И тут «встала на рога» старуха Кочубеиха. Наверное, каждый читатель знает мамаш, неудовлетворенных собственными мужьями и мечтающих увидеть свой идеал в зяте. Они предпочтут, чтобы их дочь осталась старой девой, чем нашла мужа, не соответствующего стандартам тещи: «Этот молодой, но маленький, а тот высокий, да старый, а тот вообще лысый!»

Но Матрена оказалась не робкого десятка, она послала мамашу, куда следует, и бежала к Мазепе. Однако тот не принял ее, а вернул родителям. На обиженное письмо Матрены гетман объяснил свое поведение тем, что не хотел, «чтоб твои родители по всему свету разголосили, что я держу тебя наложницей. Другая причина та, что ни я, ни ваша милость не смогли бы удержаться, чтобы не жить как муж с женой». ^[198] Отцу Матрены гетман писал совсем в другом стиле: «Пан Кочубей! Пишешь нам о каком-то своем сердечном горе, но следовало бы тебе жаловаться на свою гордую, велеречивую жену, которую, как вижу, не умеешь или не можешь сдерживать; она, а никто другой, причина твоей печали... Если упоминаешь в своем паршквильном письме о каком-то блюде, то я не знаю и не понимаю ничего, разве сам блудишь, когда жонки слушаешь, потому что в народе говорится: *Gdzie ogon rzondzi — tam pewnie glowa blondzi* (где хвост управляет, там голова в ошибки впадает)».

Старая дура Кочубеиха начала мучить дочь и надоумила мужа написать в сентябре 1707 г. в Преображенский приказ Ф. Ю. Ромодановичу

донос на гетмана. Потом Кочубей подключил к делу полковника Ивана Искру, и они уже совместно написали донос царевичу Алексею, который немедленно передал его отцу. Ни Кочубей, ни Искра не имели неопровержимых доказательств вины Гетмана и на допросе признались во лжи. По приказу Петра их передали Мазепе и 14 июля 1708 г. им отрубили головы в местечке Борщаговка, недалеко от Белой Церкви.

Чего же хотел Мазепа? Тот же Кочубей, а вслед за ним сомн отечественных историков, стали утверждать, что де Мазепа хотел передаться польскому королю и включить Левобережную Украину в состав Речи Посполитой. Причем, никто не замечает очевидной бредовости таких утверждений. Какому королю хотел поддаться Мазепа — шведскому ставленнику Стасю или отказавшемуся от престола Августу? Кстати, к этому времени польский сейм официально лишил их обоих власти и хотел выбрать третьего короля, но депутаты не сошлись в кандидатурах и на том разошлись. Да, Мазепа мог собрать больше сабель, чем у обоих королей вместе взятых. Главное же то, что и до войны власть польского короля была номинальной, и отдать Левобережную Украину Польше означало отдать ее под власть жадных и жестоких магнатов, гонителей православия. Естественно, этого не хотел ни простой народ, ни малороссийские старшины. Мазепа мог писать чего угодно, обещать чего угодно, но его желание было — любой ценой остаться гетманом. Другой вопрос, что до поворота шведов на Украину Мазепа верой и правдой служил царю Петру. Когда к гетману пришла весть, что Карл от Смоленска повернул на Украину, он воскликнул: «Дьявол его сюда несет! Все мои интересы перевернет, войска великороссийские за собою внутрь Украйны впровадит на последнюю ее руину и на погибель нашу!»

Мазепа лучше, чем кто-либо другой на Украине знал и лично видел 300-400-верстовую зону выжженной земли, которую делали русские перед шведской армией. И он не без оснований предполагал, что война обратит Украину в руины. Был у него и личный мотив. Ведь разорение Украины припишут не королю или царю, а ему лично. Поэтому даже в случае победы Петру придется менять гетмана. А претендент уже был — Алексашка Меншиков давно метил в гетманы и всеми правдами и неправдами лез в малороссийские дела.

В октябре 1708 г. Мазепа сделал окончательный выбор. Его посланцы предложили военный союз Карлу XII. Грушевский писал: «В каком смысле было установлено между ними [гетманом и королем — А.Ш.] соглашение, об этом не имеем никаких точных сведений и только из позднейших актов можем заключить, чего хотели Мазепа и старшина, присоединяясь к

шведскому королю:

„Украина по обе стороны Днепра с войском Запорожским и народом малороссийским должна быть навеки свободной от всякого чужого владения“. Швеция и другие союзные государства „ни с целью освобождения, ни с целью опеки, ни с какими иными видами не должны претендовать на власть над Украиной и войском Запорожским или на какое-нибудь верховенство, не могут собирать каких-нибудь доходов или податей. Не могут захватывать или занимать своими гарнизонами украинских крепостей, какие были бы оружием или трактатами добыты у Москвы. Должны сохранять Украину в целости и не позволять кому-нибудь другому поработить ее. Должны свято сохранять целость границ, неприкосновенность свобод, прав и привилегий, чтобы Украина на вечные времена пользовалась свободно своими правами и вольностями безо всякого ущерба“». [\[199\]](#)

Вроде бы Мазепа оказывается борцом за «вильну Украину». Увы, сей документ — позднейшая фальшивка, и далеко ходить за доказательствами не надо. Есть сотни неопровержимых свидетельств о том, как круто обращался Карл с польскими магнатами и самим королем Стасем. Так что даже после четырех «Полтав» самовлюбленный и презирующий всех король никогда бы не подписал подобного договора с Мазепой.

24 октября Мазепа выехал из гетманской столицы Батурина и через два дня прибыл в шведский лагерь. Вместе с ним к шведам перешло, по разным данным, от полутора до пяти тысяч казаков. 29 октября Мазепа был принят Карлом XII.

Надо отдать должное оперативности Меншикова, который уже 31 октября осадил Батурин. Представители немногочисленного гарнизона Батурина (чуть более четырех полков) заявили, что они остаются подданными Петра, но солдат Меншикова, ни тем паче его самого, в город не пустят.

Однако ночью в лагере Меншикова появился старшина Прилуцкого полка Иван Нос и сообщил о наличии тайной калитки, через которую можно было скрытно проникнуть в Батурин. Данилыч тут же воспользовался полученными сведениями: организовал ложный штурм крепости, отвлек внимание осажденных, чем воспользовалась группа солдат, просочившихся в замок через калитку.

Батурин был взят. По приказу Меншикова солдаты перебили не только украинский гарнизон, но и всех жителей города. Сам город был сожжен дотла. Кстати, через два дня после уничтожения Батурина Меншиков получил приказ Петра: «Батурин в знак изменникам (понеже боронились)

другим на приклад сжечь весь». С остальными городами, где откажутся впустить русские войска, Петр приказал поступать как с Батуриным. Петру и Меншикову удалось запугать большинство малороссийских казаков.

Петр немедленно потребовал избрать нового гетмана. 5 ноября 1708 г. по приказу царя в городе Глухове состоялась театрализованная церемония лишения Мазепы гетманства и его последующей заочной казни. На церемонии помимо старшины и рядовых казаков присутствовали многочисленные представители малороссийского и русского духовенства во главе с Феофаном Прокоповичем. На эшафоте была возведена виселица, к которой привязали куклу, изображавшую Мазепу в полный рост, в гетманском облачении и со всеми регалиями. Взошедшие на эшафот андреевские кавалеры Меншиков и Головкин разодрали выданный Мазепе патент на орден Андрея Первозванного и сняли с куклы андреевскую ленту. Лишенную «кавалерии» куклу палач вздернул на виселице.

На следующий день там был четвертован комендант Батурина Чегель и несколько других сторонников Мазепы. В тот же день был избран гетманом стародубский полковник Иван Ильич Скоропадский.

Немедленно в ход была пущена и церковь. 12 ноября в Успенском соборе в Москве митрополит Стефан Яворский торжественно предал Мазепу анафеме.

Разгромом Батурина и свирепыми казнями Петр наказал города гетманские, но оставалось еще и Войско Запорожское. Запорожцы постоянно конфликтовали с Мазепой. Они неоднократно писали, что прежние гетманы были им отцами, а Мазепа стал отчимом. По словам известного украинского историка Д. И. Яворницкого, «идеалом простой казацкой массы было сохранить вольности предков, но под верховенством „добрého и чадолубивого монарха российского“». ^[200]

Петр понимал это и 30 октября 1708 г. сразу после получения известия об измене Мазепы написал в Сечь на имя кошевого атамана Кости Гордиенко грамоту, в которой увещевал запорожцев пребыть верным русскому престолу и православной вере, за что обещал «умножить» к ним свою милость, которой они раньше того были лишены из-за наветов на них со стороны коварного Мазепы, обвинявшего их в неверности русскому престолу.

В Запорожской Сечи возник раскол: старые казаки стояли за Петра, молодые же во главе с кошевым атаманом Костей Гордиенко были против. В конце концов, запорожцы согласились поддерживать царя, но на следующих условиях: 1) Чтобы всем малороссийским полковникам не быть, а быть бы на Украине вольнице, как и в Сечи. 2) Чтобы все мельницы

по речкам Ворскле и Пслу, а также перевозки через Днепр у Переволочны, запорожцам отдать. 3) Чтобы все царские городки на Самаре и левом берегу Днепра у Каменного Затона скрыть.

Таким образом, запорожцы предлагали провести кардинальные изменения в Малороссии, но они непосредственно не задевали интересов России, да и лично царя. Однако личные амбиции Петра не позволили ему принять предложение запорожцев или хотя бы взять его за основу для переговоров. Максимум, на что был готов царь — на подарки старшине и жалование Войску Запорожскому. Русские войска начали занимать позиции для борьбы с запорожцами.

Так, 21 февраля 1709 г. граф Шереметев «предписал гетману Скоропадскому послать в города и местечки по батальону от пехотных полков и при них „от кумпаний“ по собственному рассуждению, а во все места, удобные для сооружения мостов и перевозов, велел отправить легкие партии за реку Пселл для поисков над запорожцами...

Царь Петр Алексеевич извещал князя Меншикова, находившегося в то время в городе Харькове, что запорожцы собрались близ крепости Новобогородицкой на реке Самаре и что, поэтому, нужно опасаться, как бы они не причинили ей чего-нибудь дурного, а также, как бы они не были проведены своим кошевым атаманом и войсковым судьей через Переволочну на соединение к шведам. Поэтому государь приказывал князю поставить в удобном месте ингерманландский русский полк, „дабы иметь око на их поход“; также, если возможно, прибавить в Новобогородицкую крепость и в Каменный Затон полка два или больше того гарнизонного войска; в самой же Сичи постараться переменить через посредство миргородского полковника Даниила Апостола главную старшину — кошевого атамана и войскового судью». [\[201\]](#)

В самом начале марта 1709 г. царь писал князю Меншикову: «Запорожцы, а паче дьявол кошевой, уже явные изменники стали, и зело опасно Богородицкова не для города, но для артиллерии и амуниции, которой зело там много, а людей мало; того ради зело потребно один конный полк, хотя из тех, которые с Кампелем, послать в оную, и велеть оному там побыть, пока из Киева три полка будут в Каменный Затон, из которых велеть сот пять водоютуда отправить на перепену сему конному; впрочем извольте сами сему подобных дел смотреть; ибо я, отдаления ради, не всегда и не скоро могу слышать все». [\[202\]](#)

В ответ 19 марта 1709 г. делегация из 80 запорожцев прибыла в Великие Будища — резиденцию Карла XII. Казаки получили аудиенцию у

короля, который отнесся к ним крайне благосклонно. Во все время пребывания своего в Будищах запорожские депутаты предавались веселью до излишества. На прощание фельдмаршал Реншильд объявил десяти казакам, что они снова будут допущены к прощальной аудиенции у короля, но с условием не пить вина раньше обеда, так как король не переносит пьяных. Запорожцы, много пившие в последние дни, с трудом выдержали такое требование и простились с королем трезвыми, получив от него грамоту ко всему Войску Запорожскому.

А между тем Карл, вопреки своей наступательной тактике, с осени 1708 г. по лето 1709 г. воздерживался от решительных действий, ограничиваясь мелкими операциями. Создается впечатление, что король тянул время, но оно давно уже работало на русских.

3-4 декабря 1708 г. в главной ставке русской армии Лебедине состоялся военный совет, наметивший план овладения Ромнами, где размещалась главная квартира Карла XII. Планируя операцию, военный совет исходил из учета некоторых свойств характера короля-забияки: его азартности и любви к стремительным атакам кавалерии, вносящим смятение в ряды оборонявшихся. На военном совете было решено демонстративным сосредоточением значительных сил в районе Гадяча сделать вид, что войска готовятся к штурму города. Суть плана русского командования в «Истории Северной войны» изложена так: большей части войск велено идти «добывать Гадяч, а генералу Алларту идти в Ромну... в таком намерении, что ежели король не пойдет на сикурс Гадяча, то Алларту не приближаться к Ромну, но добывать Гадяч; буде же пойдет на сикур, то от Гадяча отступить, а Алларту в Ромен вступить, дабы одно из двух сделать».

План удался лучшим образом. Карл, находившийся в Ромнах, поверил в серьезность намерений русского командования овладеть Гадячем и в карьер отправился оказывать «сикурс» гадячскому гарнизону. Как только шведы оставили Ромны, в город тут же беспрепятственно вошли русские полки.

Что произошло в городе после его занятия, отметим, без боя, русскими, хорошо описано русским генералом Аллартом в его письме к царю от 19 декабря 1708 г. Алларт пишет, что, прибыв в Ромны, он стал свидетелем «настоящей конфузии: все дома во всем городе разграблены, и ни ворот ни одних не осажено, ни главного караулу не поставлено, и ни малого порядку для унятия грабежу не учинено, и все солдаты пьяны». Алларт высказал опасение, что, если бы на город напали 300–400 неприятельских солдат, они без труда изгнали бы наших, нанеся им большой урон.

Обе армии вели себя на Украине одинаково. Вот что записал в своем дневнике швед Адлерфельд: «10 декабря полковник Функ с 500 кавалеристами был командирован, чтобы наказать и образумить крестьян, которые соединялись в отряд в различных местах. Функ перебил больше тысячи людей в маленьком городке Терее (Терейской слободе) и сжег этот городок, сжег также Дрыгалов (Надрыгайлово). Он испепелил также несколько враждебных казачьих деревень и велел перебить всех, кто повстречался, чтобы внушить ужас другим». Шведы придумали такой трюк: останавливаясь в деревне, давали за провиант деньги, а, уходя, отбирали их. «Таким образом, — пишет Адлерфельд, — мы постоянно находились в драке с обитателями, что в высшей степени огорчало старого Мазепу».

В конце декабря шведы заняли Гадяч. Зима 1708/1709 г. выдалась очень холодной как на Украине, так и во всей Европе. Из-за сильных холодов шведы несли большие потери в людях и в лошадях.

После взятия Гадяча Карл XII решил не возвращаться в Ромны, а захватить укрепленный городок Веприк в 12 верстах от Гадяча. Всего с четырьмя полками и без пушек король подошел к Веприку и сходу повел солдат на штурм. Три приступа шведов были отбиты. Но 7 января 1709 г. комендант крепости генерал В. Ю. Фермор капитулировал с условием свободного выхода гарнизона из крепости. По русским данным шведы потеряли у Веприка до 1200 человек убитыми.

В это время произошел эпизод, о котором наши историки предпочитают не упоминать.

Петр приказал отпустить пленного шведского обер-аудитора к королю с предложением о размене пленных. И к чему это вдруг на царя напал приступ человеколюбия? Обер-аудитор, прибыв в ставку, вел переговоры с премьер-министром графом Пипером и другими министрами о заключении мира. О размене пленных не договорились, а может сей вопрос и не поднимался вообще. Зато после возвращения обер-аудитора началась переписка по схеме: Петр — Головкин — Пипер — Карл. Петр требовал передачи ему района Санкт-Петербурга и Нарвы, за что обещал большую денежную компенсацию. Взбалмошный, а, может, психически больной, Карл отказался от выгодных условий мира.

В конце зимы 1709 г. начались стычки русских с запорожцами. Так, у местечка Царичанки 800 запорожцев атаковали бригадира Кампеля, у которого было три полка драгун (три тысячи человек). Запорожцы изрубили 100 драгун и 90 захватили в плен, потеряв своих только 30 человек. Запорожское войско и примкнувшие к ним гетманские казаки

составили почти 15-тысячное войско. Запорожцы вскоре овладели городками по рекам Орели, Ворскле и Днепру и везде оставляли в них по сильному гарнизону.

27 марта 1709 г. кошевой атаман Гордиенко с отрядом казаков прибыл в Великие Будища, где был принят шведским королем. 28 марта запорожцы заключили договоры как с Мазепой, так и со шведским королем. Карл объявил, что не сложит оружия до тех пор, пока Украина и Запорожье не будут совершенно изъяты у москалей.

А между тем по приказу Петра началось разорение городов и сел южной Украины. Между реками Ворсклой и Орелью свирепствовал генерал-лейтенант Ренне. Полковник Кампель из команды генерала Ренне сжег города Маячку и Нехворощу у левого берега Орели. Жителей этих городов, державших сторону шведов, перебили без различия пола и возраста.

12 апреля 1709 г. корпус Ренне численностью семь тысяч человек близ местечка Соколки на левом берегу реки Ворсклы был атакован сводным шведско-казацким отрядом. В его составе было 2730 шведских драгун под началом генерал-майора Краузе, 3000 запорожцев с кошевым атаманом и 500 гетманских казаков.

После упорного боя русские бежали, потеряв 1400 человек. Потери шведов не превысили 290 человек. Положение исправил Алексахка Меншиков, отписавший «мин херцу», находившемуся в то время в Азове, о большой виктории.

Петр приказал Меншикову посадить три пехотных полка в Киеве на суда и отправить вниз по Днепру, чтобы покарать запорожцев. Параллельно по берегу должны были идти драгунские полки. Командовал карательной экспедицией полковник Петр Яковлев.

16 апреля Яковлев напал на местечко Келеберду, население перебил, местечко сжег. Затем наступила очередь городка Переволочны, где было около тысячи запорожцев и две тысячи местных жителей. Казаки и все население было перебито, в плен взято лишь 12 казаков и одна пушка. В Переволочне и вокруг нее были сожжены все дома, мельницы, лодки и т. п. Отмечу, что полное разорение Переволочны стало впоследствии одной из главных причин гибели шведской армии. Затем Яковлев двинулся вниз по Днепру и сжег городки Новый и Старый Кодак.

10 мая Яковлев осадил Запорожскую Сечь. Яковлев потребовал капитуляции казаков, но те ответили, что признают власть русского царя, но солдат Яковлева в Сечь не пустят. В это время в Сечи не было кошевого, и среди казаков был разлад — большинство предпочитало помириться с

Петром, другие предпочитали воевать. У Яковлева были все шансы кончить дело миром и вернуть запорожцев в русское подданство. Но он предпочел начать бомбардировку Сечи, а затем предпринял штурм. Сотни русских солдат на лодках устремились к острову. Казаки подпустили их на близкое расстояние, а потом в упор ударили из пушек и ружей. Свыше 300 солдат было убито, а несколько человек во главе с полковником Урном взяты в плен. Урн был казнен казаками.

Яковлев оказался в затруднительном положении и уже собирался отступить. Но 14 мая берегом к нему подошла подмога — большой отряд конницы, который возглавлял полковник Игнат Галаган, сам в прошлом казак.

Запорожцы издали увидели подходящую конницу и решили, что им на выручку идет кошевой с запорожцами и татарами. Запорожцы пошли на вылазку, но были отбиты. На плечах отступающих русские ворвались в Сечь. На острове завязался упорный бой. Но тут выскочил вперед полковник Игнат Галаган и закричал казакам: «Кладите оружие! Сдавайтесь, бо всем будет помилование!» Запорожцы сперва не поверили словам Галагана и продолжали отбиваться, но Галаган поклялся перед ними в верности своих слов, и тогда казаки бросили оружие. Но это был обман. Над сдавшимися казаками была устроена дикая расправа. Яковлев, и в особенности Галаган, действовали при этом с неслыханной свирепостью. «Учинилось у нас в Сече то, что по Галагановой и московской присяге, товариству нашему голову лупили, шею на плахах рубили, вешали и иные тиранския смерти задавали, и делали то, чего и в поганстве, за древних мучителей не водилось: мертвых из гробов многих не только из товариства, но и чернецов откапывали, головы им отсекали, шкуры лупили и вешали».^[203] После расправы в живых остались войсковой судья, 26 куренных атаманов, 2 монаха, 250 простых казаков, 160 женщин и детей. Из них 5 человек умерло, 156 человек атаманов и казаков казнено, причем несколько человек было повешено на плотях, а плоты пущены вниз по Днепру на страх другим.

27 июня 1709 г. шведская армия была разгромлена под Полтавой.^[204] Карл был вынужден отступить. Остатки шведской армии за 28 июня прошли от Пушкаревки до местечка Новые Сенжары. Шведы совершили марш более-менее организованно, с ними шли почти все орудия шведской армии. 29 июня шведы достигли местечка Кобеяки. Карл вел армию по правому берегу реки Ворсклы к Днепру. **(Сх. 19) (Сх. 20)**

Однако на берегу Днепра шведов ждала катастрофа, сопоставимая с

Полтавой, а может даже еще большая. Вода в Днепре поднялась, а переправочных средств в районе Переволочны не оказалось.

Добраться до правого берега Днепра удалось лишь трем тысячам шведов и запорожцев. Раненый король был переправлен на коляске, установленной на импровизированный понтон, состоявший из двух лодок.

30 июня в 11 часов утра генерал Левенгаупт, командовавший шведами, оставшимися на левом берегу Днепра, капитулировал перед русскими войсками. В плен сдалось 20 тысяч человек. **(Сх. 21)**

Захваченных под Полтавой и Переволочной казаков, как гетманских, так и запорожских, Петр считал не пленными, а изменниками. Вернувшиеся на родину пленные шведы рассказывали, что вокруг Полтавы и по близлежащей степи на каждом шагу попадались тела казаков в самых жутких видах и положениях: кто-то болтался на виселице, другие были живыми посажены на кол, третьи, с отрубленными руками и ногами, но тоже еще живые, висели на колесе, на котором их колесовали. Впрочем, несколько тысяч запорожцев, которые явились сдаваться сами, царь простил, удовлетворившись лишь тем, что лишил их казацкого звания, и приказа разместить их по малороссийским селам и деревням.

Глава 18

Прутский поход и борьба за Правобережье

Карл и Мазепа вместе с уцелевшими запорожцами через 7 дней после переправы через Днепр достигли Буга и оказались в турецких владениях. Сколько осталось запорожцев при Карле XII — тоже неизвестно, во всяком случае, их было не более 3 тысяч человек.

Вместе с Мазепой бежал в туретчину и Федор Иванович Мирович. О нем и его семействе стоит сказать особо. У переяславского полковника Ивана Михайловича Мировича было шесть сыновей и три дочери. Весной 1706 г. после боя русских со шведами у местечка Ляховицы в Польше раненый полковник Мирович был взят шведами в плен и умер в Стокгольме.

Дочь полковника Анна вместе с мужем Семеном Степановичем Забаллой и сын Федор бежали вместе с Мазепой. Петр приказал сослать в Сибирь вдову Ивана Михайловича вместе с многочисленными сыновьями и внуками. Один из них, Иван Иванович, с 1723 г. состоял на военной службе в Сибири и дослужился до капитан-поручика. В 1728 г. его назначили везти партию железа в Петербург. По дороге капитан-поручик дал деру к крымскому хану.

В 1740 г. в Tobольске у ссыльного Якова Ивановича Мировича родился сын Василий. Именно он в ночь на 5 июля 1764 г. сделает неудачную попытку освободить из Шлиссельбургской крепости императора Ивана Антоновича, а позже погибнет на эшафоте. Но мы опять забежали вперед и теперь вернемся в год Полтавской баталии.

17 июля 1709 г. новый гетман Иван Ильич Скоропадский подал на утверждение государя 9 статей, на основании которых Малороссия входила в состав Великой России. В 7-й статье говорилось о запорожцах: «Хотя и хорошо то, что проклятые запорожцы через измену утратили Сичь; но малороссияне пользовались оттуда солью, рыбою и зверями; поэтому просим, чтоб позволено было нам ездить туда за добычею и чтоб ни каменнотонский воевода, ни гарнизон не делали промышленникам обид и препятствий».^[205]

Однако царь был настроен против запорожцев, и на эту статью ответил: «На сей счет будет сделано последнее определение после, а теперь того позволить невозможно, потому что под этим предлогом бунтовщики

запорожцы могут возгнестись на прежних местах и устроить бунтовския собрания». ^[206]

После разгрома царскими войсками Чортомлыцкой Сечи уцелевшие казаки во главе с атаманом Якимом Богушем ушли по протокам Днепра на турецкую территорию и поселились в урочище Алёшки почти у самого Днепровского лимана (ныне город Цюрюпинск). Однако большинство запорожцев оказалось в Бендерах.

22 августа 1709 г. умер гетман Мазепа. Его похоронили близ Бендер, но затем гроб выкопали и отправили в Яссы. На Украине долго жила легенда, что похороны были фиктивные, а на самом деле Мазепа пробрался в Киев, принял схиму в Печерской лавре и умер в покаянии.

5 апреля 1710 г. недалеко от Бендер в присутствии кошевого атамана Кости Гордиенко, генерального малороссийского писаря Филиппа Орлика и послов от Запорожского войска «у Днепра зостоячего», состоялась большая казацкая рада, на которой запорожские и малороссийские казаки признали высшим протектором всего казацкого войска шведского короля Карла XII, а генерального писаря при бывшем гетмане Мазепе Филиппа Орлика объявили гетманом всей Малороссии.

10 мая 1710 г. Карл XII утвердил договор запорожцев с Орликом.

Весной 1711 г. крымский хан послал орду в Малороссию. Вместе с ним выступили запорожцы во главе с Орликом и Гордиенко. Крымцы разорили «слободские городки», но, дойдя до местечка Вололаг, принадлежащего Харьковскому полку, повернули назад к Новобогородицкому и Новосергиевскому городкам на реке Самаре. Гарнизон Новобогородицка оказал отчаянное сопротивление, и татарам с запорожцами пришлось отойти. А малороссийское население Новосергиевска (поселение Вольное) само открыло ворота и выдало царских офицеров. 28 марта 1711 г. татары ушли, оставив в Новосергиевском гарнизон из 500 татар, а также местных и запорожских казаков.

В начале мая 1711 г. войска генерала Бутурлина и гетмана Скоропадского отбили Новосергиевск. Скоропадский получил указ Петра: «...новосергеевских жителей за то, что они отдали свой город хану, выдали государевых солдат и вторично показали изменничество свое, бились против царских войск, казнить десятого человека по жребию, а остальных с женами и детьми отправить в Москву для ссылки». ^[207]

Летом 1711 г. запорожцы вторглись в Малороссию вместе с крымскими татарами: крымский хан с 10 тысячами татар — на левый берег

Днепра, а запорожские атаманы Филипп Орлик и Костя Гордиенко с 5 тысячами казаков — на правый. Замечу, что формально Правобережье продолжало оставаться польской территорией. Но польские паны бежали с правого берега еще в 1704 г. и с этого времени Правобережье контролировалось русскими войсками и местными казацкими полковниками.

Чтобы привлечь на свою сторону как можно больше обывателей, Орлик разослал в города по обе стороны Днепра несколько универсалов и «прелестных писем». Так, несколько писем было отправлено миргородскому полковнику Даниилу Апостолу, однако царь приказал эти письма публично сжечь, а казака, привезшего их, если он окажется запорожцем, посадить на кол.

Гетман Скоропадский отправил против запорожцев войско под началом генерального асаула (есаула) Бутовича. В сражении под Лысянкой гетманские полки были разбиты, а сам Бутович взят в плен.

Атаманы Орлик и Гордиенко захватили несколько местечек и городков и сосредоточили свои силы под Белой Церковью. По показаниям начальника русских войск силы эти были довольно велики: «при запорожцах и городских козаках, числом до 10 000 человек, были еще татары белгородской и буджицкой орды с ханским сыном салтаном, числом до 20 000 человек, и кроме того поляки и молдаване с „киевским“ воеводой Иосифом Потоцким и со старостой Галецким, 3000 человек, сторонники Станислава Лещинского и, следовательно, шведского короля Карла XII».^[208] Русских же солдат в Белой Церкви было всего лишь 500 человек, да еще несколько верных царю белгородских казаков. Однако штурм крепости в Белой Церкви не удался. Бригадир Анненков повел русских солдат на вылазку, в результате чего казаки, татары и ляхи были разбиты и бежали, потеряв не менее тысячи человек.

Кроме того, семь тысяч запорожских казаков под предводительством польского воеводы Иосифа Потоцкого вместе с крымским ханом Девлет-Гиреем в том же 1711 году дошли до города Немирова и до «тамошних слобод», но были разбиты русскими войсками, потеряв около 5000 человек. При этом начальник русских войск генерал Рене освободил из рук татар и разослал по домам около 10 тысяч пленных малороссов.

Набеги татар и запорожцев не были главными событиями 1711 года.

25 февраля 1711 г. в Успенском соборе Кремля в присутствии Петра I был зачитан манифест о войне с Турцией.

Петр решил лично возглавить поход против турок. Он настолько был уверен в успехе, что взял с собой супругу Екатерину. Заметим, что это была

не прихоть царя, у которого всегда хватало метресс, а хорошо продуманный политический шаг. Дело в том, что царю с Екатериной Алексеевной пришлось тайно обвенчаться 6 марта 1711 г. Зачем самодержцу потребовалось держать свой брак в тайне? Ведь Петр всегда плевать хотел на мнение своих подданных. Но тут ситуация была слишком уж скандальная. Марта Скавронская родилась в 1686 г. в семье чухонского крестьянина в Лифляндии. В 16-летнем возрасте она вышла замуж за трубача шведской армии, поэтому позже ее часто называли Трубачовой. В августе 1702 г. Мариенбург, где жила Марта, был занят русскими. Марта стала наложницей русского драгуна, позже она перебралась к генералу Р. Х. Бауэру, от него — к фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Меншиков выпросил красотку у фельдмаршала, а от Алексашки Марта в конце 1703 г. перешла к Петру. В 1705 г. Марта сменила веру на православную и стала Екатериной Алексеевной.

27 января 1708 г. Екатерина родила Петру дочь Анну, а 18 ноября 1709 г. — Елизавету, а родившиеся в 1705 г. близнецы Петр и Павел, и в 1707 г. дочь Екатерина умерли в младенчестве. Ситуация осложнялась тем, что Марта-Екатерина не была разведена со шведским трубачом. Петр планировал вернуться из победоносного похода на турок и официально представить Екатерину как сподвижницу его великих дел, чтобы иметь хоть какое-то основание для возведения ее в сан императрицы.

Отправляя армию к южным границам, Петр не имел детального плана кампании.

5 июня 1711 г. армия Шереметева подошла к реке Прут, а 12 июня к ней присоединился сам Петр с гвардейскими полками. На военном совете было решено медленно идти вниз по течению реки и «вдаль не отдаляться».

8 июля начались стычки с турецко-татарской конницей. К этому времени в основной группировке русских войск было 38246 человек при 122 орудиях. [\[209\]](#)

Как потом утверждал Петр, численность войск противника достигала 270 тысяч человек. На самом деле их было в 2–3 раза меньше. Командовал турками великий визирь Балтаджи Мехмед-паша.

9 июля турки атаковали войско Петра. В этот день у русских было убито: генерал-майор Видман, офицеров — 44, нижних чинов — 707. Взято плен и пропало 3 офицера и 729 нижних чинов. Потери турок по русским, явно произвольным, данным составили 7 тысяч человек.

Утром 10 июля сражение возобновилось, но до рукопашной дело не дошло, а ограничилось артиллерийской дуэлью. Положение русских было

плачевным: в армии не хватало продовольствия, начался падеж лошадей. По решению военного совета к туркам с предложением о перемирии был отправлен гвардейский унтер-офицер Шепелев. Турки колебались. К вечеру к великому визирю отправился вице-канцлер П. П. Шафиров. В данной ему инструкции Петр писал: «В трактовании с турками дана полная мочь господину Шафирову, ради некоторой главной причины...». А главной причиной был панический страх, охвативший царя. Петр соглашался отдать туркам все завоеванные у них города, вернуть шведам Лифляндию и даже Псков, если этого потребуют турки. Кроме того, Петр обещал дать Махмеду-паше 150 тысяч рублей, а другим начальным людям еще более 80 тысяч. Но выплатить такие огромные деньги было нереально, так как армейская казна была почти пуста. И тогда Екатерина спасла положение. Она отдала на подкуп турецких сановников все свои драгоценности, а это десятки тысяч золотых рублей. Кроме того, собрали все деньги, бывшие в войсках. Как писал датский посол Юста Юля: «Как рассказывали мне очевидцы, царь, будучи окружен турецкой армией, пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить не слова. Большинство окружавших его думало, что с ним удар».

Однако беспокоился царь зря. Визирь не устоял перед деньгами и согласился на мир на довольно сносных для России условиях, причем турки не собирались вмешиваться в русско-шведские отношения.

На мой взгляд, не следует забывать, что турки равно не хотели усиления как России, так и Швеции. Ведь Северная война велась Швецией не из-за Нарвы и побережья Финского залива, а из-за господства над огромной, хотя и слабой, Речью Посполитой, Данией, Саксонией и др. Это только для Петра устье Невы казалось пупом земли. Именно поэтому турки хранили строгий нейтралитет, когда шведская армия шла к Полтаве. И не исключено, что в случае разгрома русских под Полтавой турки стали бы помогать Петру.

Таким образом, в условиях, предложенных великим визирем, были только уступки Турции, а о территориальных уступках Швеции не было ни слова. Наоборот, Османская империя была заинтересована в продолжение Северной войны и во взаимном обескровливании сторон.

Согласно условиям мирного договора,^[210] Петр срыл укрепления Таганрога и вернул Азов туркам. На Днепре русскими были срыты Каменный Затон и Новобогородицкая крепость.

Царь обещал «запорожских козаков оставить в полном покое и не „вступаться“ в них. „Его царское величество весьма руку свою отнимает от

козаков с древними их рубежами, которые обретаются по сю сторону Днепра и от сих мест и земель, и фортец и от полуострова Сечи, который сообщен на сей стороне вышеупомянутой реки“». ^[211] То же самое касалось и казаков-некрасовцев.

Петр обещал вывести все свои войска из Речи Посполитой. Особенно волновали турок русские полки на Правобережье.

В течение почти четырех месяцев продолжалась эвакуация русских войск и малороссийского населения с Правобережья. Лишь в конце 1714 г. царские войска покинули Белую Церковь и ушли за Днепр.

Запорожцы решили воспользоваться выводом русских войск и захватить Правобережье. Уже в ноябре 1712 г. кошевой атаман Костя Гордиенко послал своих людей на Умань и Корсунь.

Однако вскоре ситуация несколько изменилась. Карл XII, по-прежнему проживавший в Бендерах, поссорился с султаном. В феврале гарнизон Бендер и крымские татары штурмом взяли дом, где жил король. Теперь он стал пленником турок. Жившие при Карле запорожцы бежали из Бендер в Алёшки. В Бендерах остался лишь «гетман» Орлик на «свободном житье». В ноябре 1714 г. и сам Карл XII окинул пределы Турции и 21 ноября 1714 г. объявился в Германии в городе Штральзунде, где стоял шведский гарнизон. Вслед за королем отправились в Германию, а затем в Швецию и главные сподвижники гетмана Мазепы — Филипп Орлик, братья Григорий, Иван и Афанасий Герцики, Андрей Войнаровский, Федор Нахимовский, Федор Мирович, Клим Довгополенко, Федор Третьяк и другие.

Запорожцами же, занявшими правобережные города, занялись поляки. Большое польское войско под предводительством коронного гетмана Адама Сеньявского оккупировало Правобережье, запорожцы же были вынуждены отступить в турецкие владения.

Глава 19

В первом изгнании

Запорожцы не только были изгнаны Петром из родных мест, но и после заключения мира лишились большей части своих доходов.

Как говаривали запорожцы: «Что такое казак без войны? То же, что писарь без правой руки — без войны он и наг, без войны он и голоден. Казаку воевать с басурманами — что соловью петь!», ^[212]

Татары же охотно брали запорожцев с собой в набеги, но заниматься «индивидуальной трудовой деятельностью» категорически запрещали. Вот характерный пример. Ватага из 30 казаков, руководимая Грицьком Ковалем, отправилась в пограничный район красть коней. На Шаковом шляху они захватили три воза, охранявшиеся девятью татарами. Татары разбежались, а казаки разграбили содержимое возов: там оказались деньги, дорогие ткани и т. д., которые и разделили между собой. «После этого дележа гультаи разошлись в разные места степи и блукали до осени. Из них некоторые приблизились к Днепру и отогнали у миргородского полковника несколько коней», ^[213] Из сказанного неясно, переправились ли запорожцы через Днепр, или миргородский полковник пас лошадей на правом берегу?

«За такое разбойство запорожского гультайства поплатилось все запорожское войско. В Сичь прислан был от хана бей о полутора ста коней с татарами и потребовал с куреней удовлетворение за убытки по 100 талеров за каждого грабителя. Войско заплатило по сто талеров, давши в уплату и имущество грабителей, оказавшееся в Сиче; многих из гультьев потребовало в Сичу и одного из них повесило, все-таки уплатив и за него потерпевшим купцам 100 талеров. Всей суммы татары взяли с Коша на 5000 золотых, да такую же сумму, на 5000 золотых, войско оставило татарам на целый год от своих базарных доходов», ^[214]

Кроме всего прочего, подавляющее большинство запорожцев испытывали ностальгию по родным местам и ощущали свою связь с Россией. Ну, поссорились с царем, обе стороны виноваты, так почему бы не покаяться и не вернуться в подданство Москвы? Никакой «вильной Украины» и не снилось запорожским казакам. Замечу, что подобных настроений не было среди некрасовцев — те принципиально не хотели возвращаться. Любопытно было бы спросить нынешних киевских профессоров: «Если казаков-запорожцев первой четверти XVIII века,

рвавшихся в царское подданство, вы называете борцами за независимость, то как назвать тогда некрасовцев?»

Уже в конце 1712 г. кошевой атаман Василий Иосифов и запорожское низовое войско отправили письмо гетману Ивану Скоропадскому с просьбой «об исходатайствовании им милости и помилования у царского величества». Реакция Петра на эту просьбу неизвестна, однако в 1713 г. он разрешил небольшой партии казаков вернуться в Малороссию. На следующий год вернулись еще 350 запорожцев. Царским указом было велено всех их поселить в северных пределах гетманщины, около Глухова и в Конотопе, то есть вблизи великороссийских границ.

В январе 1715 г. запорожцы вновь писали гетману «о царском прощении». Они писали о новой Сечи: «Нынешняя их Сечь ниже Казикерманя в семи милях имеет свое положение, над речкою Конскою, в урочище Олешках, по сю сторону Днепра; а в ней ныне куреней 38, а людей всегда в оной может быть с полторы тысячи; а другие запорожцы косуют куренями по рекам Богу, по Великом Ингулу, по Исуні, по Иигулцу, по Саксагани, по Базавлуку, по Малой и Великой Камякинках и по Суре, которая реки суть по ту сторону Днепра; а по сю сторону по рекам-же Противчи, по Самаре и по самом Днепре по обеим оного сторонам, взявши от границы по самое устье Днепра и Богу (Бугу); а по оным всем кочевьям и по других малых речках может их, запорожцев, считаться многие тысячи людей, только о подлинном оных числе знать невозможно». [\[215\]](#)

Скоропадский запросил Петербург. 10 февраля последовал царский указ, где говорилось, что «его императорское величество отпускает вины и соизволяет принять под свою державу только тех козаков, которые повинились в своих поступках, и если таковые из них пожелают оставить турецкие области и придти в российскую державу, то селить их в местах, где кто родился, и всячески обнадеживать, что такие не подвергнутся никаким наказаниям и в ссылку не будут сосланы; напротив того, старшины таких козаков получают „знатные уряды“, смотря по полкам, состоянию и верности. Принять же запорожцев с землей, на которой они живут, в подданство и дозволить им жить своим Кошем в старой Сиче, вследствие мирного постановления между Россией и Турцией, нельзя, потому что старая Сичь, по домогательствам самих же запорожцев у турецкого султана, уступлена туркам». [\[216\]](#)

Между тем Орлик из Стокгольма и Федор Мирович из Варшавы постоянно подстрекали запорожцев к нападению на Россию в союзе со шведами и польскими панами. Однако кошевой атаман Иван Малошевич

после прочтения их писем заявил на раде: «Вот видите, паны молодцы, что об нас и другие государи стараются, но только я вам объявляю, что хотя и клейноты будут, но кто хочет, путь идут куда угодно, а я ни с месте не ворохнусь; пусть себе дерутся или мирятся, нам до того дела нет — нам надобно сидеть тихо; а кому надобны будем, те нас сыщут».^[217]

Заклучив в 1721 г. Ништадтский мир, Петр решил «затянуть гайки» на Украине. 16 мая 1722 г. царь учредил малороссийскую коллегию в качестве органа центральной власти, состоявшую из председателя и шести штаб-офицеров и находившуюся в городе Глухове. По указу царя гетманская резиденция была перенесена из Батурина в Глухов, поближе к Великороссии. Тщетно гетман Скоропадский, лично ездивший в Петербург, хлопотал об отмене малороссийской коллегии. Вернулся он ни с чем и в июле 1722 г. внезапно скончался тотчас по прибытии домой.

Для управления Малороссией царем был назначен наказной гетман черниговский полковник Павел Полуботок, избрание же настоящего гетмана было отложено на неопределенный срок.

После воцарения Петра II, а точнее, после свержения Александра Меншикова кланом Долгоруковых малороссийская комиссия была упразднена, а малороссиянам было разрешено избирать себе гетмана. Однако кандидатура его была уже заранее намечена Долгоруковым. Это был 70-летний миргородский полковник Даниил Апостол. Поначалу он примкнул к Мазепе, но затем верно оценил ситуацию и перебежал к Петру. 1 октября 1727 г. в Глухове Апостол торжественно был избран гетманом.

Эти перемены возбудили надежды запорожцев на прощение и разрешение вернуться. Новая власть уже была не против возвращения казаков, но принципиально не хотела конфликта с турками. Посему на непрерывные просьбы запорожцев из Глухова шли ответы, «чтобы запорожцы ни в коем случае не смели покидать новой Сичи, чтобы они сидели в ней „не[п]орушно“ и не чинили крымцам и никому из турецких подданных никаких шкод и зацепок; в противном случае, если только они причинят кому-либо из турецких подданных озлобление, то никогда не получат протекции императорского величества».^[218]

23 мая 1728 г. в Сечи в Алёшках был собрана широкая рада. На той раде кошевым атаманом вновь избрали Костю Гордиенко. Судя по всему, это была победа богатых казаков. На следующий день к Алёшкам причалили 40 лодок с «гультиями». Произошел переворот, и новый кошей Гордиенко с войсковым судьей оказались в кандалах.

Затем казаки разбили все армянские и греческие лавки, разграбили

найденный в них товары, распили все шинковые напитки, а самих торговцев заставили бежать из Сечи в Крым. Разгромив торговцев и купцов, казаки начали отбирать у богатых казаков конские табуны и стада скота. Так, у одного только казака Шишацкого, которого в тот момент не было в Сечи, захватили около 500 лошадей.

Забрав все добро и соединившись с казаками новой Сечи, приезжие запорожцы переправились под Казыкерменем через Днепр и двинулись вверх к месту старой Сечи. А для тех казаков, которые жили ниже новой Сечи, прибывшие запорожцы послали 30 судов с несколькими казаками, которые приглашали всех поспешить в старую Сечь. Было велено: как только «низовые казаки» придут на перевоз и сядут на суда, тут же разобрать все строения в новой Сечи и поджечь, а людям идти на старую Сечь.

24 мая новая Сечь была уже пуста, а все казаки, которые жили по Днепру, по байракам и по лесам в особых пасеках и куренях, направились в старую Сечь (на Чортомлыке).

Гетман Даниил Апостол узнал о переходе запорожских казаков на Чортомлык 1 июня, находясь в Москве. Ему донесли, что возвращению запорожцев на прежние места способствовал самарский полковник Иван Петров, который намеревался идти со своими казаками в новую Сечь, забрать там клейноты и запасы и «заручить всех сечевых Козаков перейти на старую Сечь». Узнав об этом, гетман Апостол немедленно послал малороссийской генеральной старшине приказ уговорить запорожцев не слушаться никаких советов самарского полковника, оставить всякие намерения о переходе на старую Сечь и сидеть тихо и мирно в новой Сечи до дальнейшего удобного случая, чтобы не лишиться милости и протекции императорского величества и не погубить своих товарищей, находившихся в походе с кошевым атаманом Иваном Малашевичем. Такое же предписание сидеть «спокойно и нерушно» на самарских местах гетман послал и полковнику Петрову с его казаками.

А тем временем запорожцы, придя в старую Сечь, выбрали кошевым атаманом Ивана Петровича Гусака, заняли некоторые места по реке Самаре, сочинили «просительный лист» на имя императора Петра II и отправили его в Петербург. «Склонивши сердце своих нарушенных мысли к благому обращению и повернувши мизерныя главы свои до стопы ног вашего императорского величества, отлагаемся от бусурманской державы. Осмотрелись мы, что вере святой православной, церкви восточной и вашему императорскому величеству достойно и праведно надлежит нам служить, а не под бусурманом магометански погибать. Отвори сердца

своего источника к нам, своим чадам, разреши ласково преступления нашего грех и нареки нас по-прежнему сынами жребия твоего императорского. Еще же просим: подайте нам войсковое от рук своих подкрепление, дабы не попали мы в расхищение неверным варварам, ибо не знаем, зачем орды от всех своих сторон подвинулись: для того ли, что мы уже от них отступили со своими клейнотами 24 мая и пребываем уже в старой Сече, или же они это делают по своим замешательствам».^[219]

5 июня 1728 г. дело о возвращении запорожцев было рассмотрено на Верховном тайном совете в Петербурге. Там приняли решение запорожцев не выдворять из старой Сечи, но и не пропускать их в Малороссию, за исключением малых групп, идущих с повинной.

Русское правительство решило подстраховаться и поручило русскому послу в Константинополе Ивану Неплюеву принести «Порте на запорожское войско жалобу за то, что запорожцы, по слуху, имеют намерение оставить все указанные русско-турецкими трактатами места и поселиться у русских границ. Порта поэтому отнюдь не должна допускать запорожцев до приведения в исполнение их намерения, потому что „эти беспокойные и непостоянные люди и без того русскому купечеству много обид причиняют“».^[220]

А между тем и султан, и крымских хан слали гонцов к запорожцам с предложениями вернуться обратно в Алёшки. В конце концов запорожцы, прожив два года в Чортотмыцкой Сечи, вернулись опять в подданство султана. Но на этот раз они избрали местом для Сечи не Алешки, а устье реки Каменки, составлявшей в то время границу между владениями Турции и России.

После возвращения в турецкое подданство запорожцы оказались в куда более невыгодном положении, чем до ухода. Ранее запорожцы пользовались большими угодьями, не платили налогов, а наоборот, получали от крымского хана жалованье — «ай лик». Позже вместо жалованья запорожцам разрешили беспоглобно (или с незначительной пошлойной) брать соль из лиманов и озер вблизи Перекопа.

В 1730 г. они лишились этой привилегии. Теперь «козаки должны были посылать в поход по первому призыву хана в помощь татарам 2000 и более того человек с кошевым атаманом во главе, причем ханы всегда старались возможно дальше усылать запорожцев в поход. Так, однажды запорожцы вместе с ханом ходили в поход на черкес и дошли до реки Сулак. Этот поход они считали очень убыточным и обременительным для себя. Кроме того за ту же ханскую протекцию запорожцы не раз должны

были ходить на Перекоп и бесплатно принимать участие в работах при возведении перекопских укреплений числом 300 и более того человек. Последнее требование более всего не нравилось козакам, имевшим особые понятия о чести „лыцаря“, несовместимые с понятием землекопа». [\[221\]](#)

Запорожцам строжайше запрещалось иметь в Сечи пушки. Турки отобрали у казаков все остававшиеся при них пушки и впредь запретили им держать какую-либо артиллерию. Однажды в Запорожье произошел такой случай: запорожские рыбаки заметили после малой воды у левого берега Днепра, в урочище Каратебень, небольшую пушку и сообщили об этом кошевому атаману. Атаман решил лично проверить сообщение рыбаков и обнаружил у днепровского берега еще 50 пушек. Опасаясь, что найденные пушки отберут турки, он отдал строжайший приказ содержать их в одном зимовнике тайно от запорожской черни. Кроме того, турки запретили запорожцам строить какие бы то ни было укрепления как в самой Сечи, так и в других казацких поселениях.

Теперь запорожцам запрещалось сношаться с Россией и ездить в русские города, вести торговлю в Очакове и Крыму. Позволялось лишь получать там товары и отвозить их не дальше Сечи. В самой же Сечи разрешалось торговать только крымцам, очаковцам, грекам, евреям и армянам.

Татары сурово карали казаков за содействие побегу невольников-христиан. «Если у татар исчезали какие-нибудь пожитки, табуны коней, стада волов, отары овец или же пропадали сами хозяева-татары, если при этом казаки уличались в покраже скота или в убийстве хозяев-татар, то за скот с них взимались деньги вдвойне или втройне, а за людей брались виновные и невинные козаки; в случае несостоятельности виновных козаков, татары накладывали пени на весь курень, а в случае отказа со стороны куреня, виновных брали головой и только в редких случаях при обоюдных ссорах и захватах с той и другой стороны допускали обмен скотом и людьми». [\[222\]](#)

Хан запретил казакам нападать на панские владения на Правобережье. Так, однажды по жалобе панов хан взыскал с запорожцев огромную по тем временам сумму — 2400 рублей.

Здесь бы мне не хотелось представлять запорожцев разбойниками, обижавшими культурных и добропорядочных панов. Паны сами были отпетыми разбойниками. Мы помним, что в 1711–1714 гг. почти все мирное население ушло из Правобережья вместе с русскими войсками. Ляхи вновь захватили эти земли и начали принудительно переселять туда крестьян,

например, из Полесья. Кроме того, туда ляхи заманивали всех, включая преступников. Так, люди Ксаверия Любомирского ездили по ярмаркам и звали людей на юг Правобережья: «Кто придет к пану Любомирскому с чужой женой и чужими волами, он такого не выдаст, за такого будет стоять».^[223]

В Бахчисарае периодически возникали династические распри, заканчивающиеся кровопролитием. При этом кандидаты на ханский престол постоянно втягивали в свои распри казаков. Так, в ходе усобицы Адиль Гирея и Менгли Гирея Адиль силой заставил казаков вступить в его войско. А после разгрома Адила Менгли Гирей приказал 1,5 тысячи пленных запорожцев продать на галеры и каторги. Наконец, хан запретил строить постоянную церковь в Алёшковской Сечи и чинил всяческие обиды православным.

В начале 1731 г. генерал от кавалерии Иоганн Вейсбах (выходец из Венгрии, с 1707 г. на русской службе) подал императрице Анне Иоанновне проект создания новой южной линии укреплений для защиты от нападений крымских татар. Проектом предусматривалась постройка целой линии редутов и крепостей от Новобогородицкого городка у реки Самары до реки Северный Донец у границ Изюмской провинции. Высочайшее повеление о сооружении этой линии крепостей, впоследствии названной старой украинской линией, последовало 25 июня 1731 г. Начальником этой линии был назначен сам автор проекта.

Вейсбах решил привлечь запорожское войско для участия в его проекте. 31 августа 1731 г. он отправил в Сечь к кошевому атаману Ивану Малашевичу секретное письмо с предложением вернуться. Однако Запорожское войско должно было дожидаться разрыва отношений между Турцией и Россией, а пока кошевой должен был хранить этот план в строгой тайне. В итоге казакам пришлось ждать еще два года. К этому времени в Сечи было до 30 тысяч казаков и до 500 беглецов из России.

Но тут во взаимоотношения русских властей и запорожцев вмешался «польский фактор». После Полтавы на польском престоле вновь оказался Август II. Жил он преимущественно в родной Саксонии, лишь изредка наведываясь в Варшаву. Что же касается Лещинского, то ему пришлось бежать в Париж. Там беглому королю Стасю в 1725 г. удалось выдать свою дочь Марию за 15-летнего французского короля Людовика XV. Этот брак был дважды оскорбительным для России. Во-первых, французы взяли в невесты дочь давнего врага России. Во-вторых, Петр I давно хлопотал о браке Людовика со своей дочерью Елизаветой, которая была ровесницей королю. Получив отказ, Петр предложил Елизавету герцогу Шартрскому,

намекнув, что в перспективе их сын может стать королем Польши, но и тут русская дипломатия потерпела фиаско. Мало того — французы оскорбительно намекнули на «сомнительное происхождение» матери невесты.

В январе 1733 г. король Август II приехал на сейм в Варшаву, где и скончался 1 (11) февраля. По смерти короля первым лицом в Речи Посполитой становился примас архиепископ гнезненский Федор Потоцкий, сторонник бывшего короля Станислава Лещинского. Примас распустил сейм, распустил гвардию покойного короля и велел 1200 саксонцам, находившимся на службе при дворе Августа, немедленно выехать из Польши.

Франция уже давно плела интриги, чтобы вновь возвести на престол Станислава Лещинского, и немедленно отправила в Варшаву миллион ливров золотом.

Покойный король Август II и власти Саксонии надеялись, что польская корона перейдет к сыну Августа, который после смерти отца стал новым саксонским курфюрстом. Август (сын) был женат на племяннице австрийского императора Карла VI. Но прусский король Фридрих Вильгельм был категорически против. Тогда австрийский император предложил компромиссную фигуру португальского инфанта дона Эммануила. Посему поводу из Вены на подкуп радных панов было отправлено сто тысяч золотых.

В то время как в Варшаве шла эта бойкая торговля, из Петербурга к примасу была отправлена грозная грамота, в которой императрица Анна Иоанновна требовала исключения Станислава Лещинского из числа кандидатов на польский престол.

25 августа 1733 г. в Варшаве начался избирательный съезд. На подкуп «избирателей» Людовик XV отправил 3 миллиона ливров. Большинство панов было за Станислава Лещинского, но оппозиция тоже была достаточно сильна. 9 сентября в Варшаву тайно приехал сам Станислав Лещинский. Он проехал через германские государства под видом купеческого приказчика и остановился инкогнито в доме французского посла. К вечеру 11 сентября подавляющее большинство панов на сейме высказалось за Лещинского, а несогласные переехали на другой берег Вислы в предместье Прагу.

Колоритная деталь — помимо денег Людовик XV отправил к польским берегам французскую эскадру в составе девяти кораблей, ^[224] трех фрегатов и корвета под командованием графа Сезара Антуан де ля Люзерна.

В ответ по приказу Анны Иоанновны 31 июля 1733 г. лифляндский

губернатор генерал-аншеф П. П. Ласси с Рижским корпусом через Курляндию двинулся в Литву.

Литовские паны не оказали никакого сопротивления русским войскам. Некоторые паны приезжали к Ласси и высказывали поддержку действиям русской императрицы.

Полная индифферентность населения к вторжению иноземных войск, возможно, вызывает удивление у современного читателя, однако польские паны давным-давно привыкли призывать иноземные войска для решения своих внутренних распрей, да и передвижение армий других государств по территории Польши было тогда скорее нормой, чем исключением.

В ночь на 20 сентября корпус Ласси занял Прагу — предместье Варшавы. Два дня длилась ленивая перестрелка через Вислу. 22 сентября в Праге собралась конфедерация панов — противников Лещинского. В тот же день король Стась в сопровождении нескольких сторонников бежал из Варшавы в портовый город Данциг. В Польше вновь началась гражданская война между панамы — сторонниками и противниками Лещинского.

После начала гражданской войны в Польше начальник польских войск в Правобережье пан Свидзинский отправил к кошевому атаману Ивану Малашевичу посланника с письмом, в котором приглашал атамана с войском на польскую службу. Но Малашевич и все Запорожское войско ответили, что они подданные крымского хана и без его ведома «ни в какие затылки» ходить не могут. Получив такой ответ, Свидзинский обратился к крымскому хану. А запорожцы в свою очередь обратились к фельдмаршалу Миниху с просьбой ходатайствовать перед императрицей о приеме Запорожского войска «под скипетр Российской державы».

Получив донесение Миниха, Анна Иоанновна благоволила, наконец, принять запорожцев под свое покровительство. 31 августа 1733 г. на имя кошевого атамана была послана грамота о прощении вины запорожцев и об их принятии под власть России.

Между тем в Правобережье вступил русский корпус князя Шаховского «для разорения местности сторонников Станислава Лещинского». Население Правобережья восстало и начало громить польских панов, не разбирая их политической ориентации. Замечу, что в составе корпуса было около 30 тысяч малороссийских казаков под началом Якова Лизогуба.

Когда русские войска вошли в Умань, русский полковник разослал воззвание к сторонникам саксонской партии, приглашая их присоединиться к нему и присылать своих дворовых казаков и других людей, чтобы общими силами действовать против сторонников короля Стася. Получив такое воззвание, начальник дворовых казаков князя Любомирского Верлан

стал распространять среди населения слухи, что царица Анна прислала указ, призывающий население подниматься, избивать поляков и евреев и записываться в казаки. И для этого московское войско вместе с казацким идет в Малороссию. А когда Малороссия будет очищена и «заведется в ней казацкое устройство», тогда ее отберут из-под власти Польши и присоединят к Гетманщине. Слухи эти произвели на население сильное впечатление, и народ начал активно записываться в казаки, заводил у себя «казацкое устройство», стали организовываться казацкие десятки и сотни. Верлан принял титул полковника и назначал от своего имени сотников и прочую старшину.

Таким образом, собрав значительные силы, Верлан начал совершать набеги. В Брацлавском воеводстве он разрушал польские и еврейские усадьбы, поднимал население и велел присягать на подданство царице. Затем Верлан со своим воинством перешел в соседнюю Подолию, где занимался тем же. Следующей стала Воынь, где Верлан в нескольких стычках разгромил небольшие польские отряды, и вот уже его казацки разъезды стали появляться в окрестностях Каменца и Львова, взяли Жванец и Броды.

Поляки называли повстанцев гайдамаками (от турецкого слова «смутьян»). Население же Правобережья и даже Галиции стало гордиться этим названием, вспомним песню: «Мы гайдамаки, мы вси однакі». Понятно, что значительную роль среди гайдамаков играли запорожцы. Хотя официально запорожское войско не участвовало в восстании, но отдельные отряды постоянно отправлялись на Правобережье.

Сохранились показания взятых в плен гайдамаков. Казак Андрей Суляк сообщил, что в тех местах, где он побывал со своим отрядом, «уже не оказалось ни одного еврея, так как здесь раньше побывали запорожские казаки... Жалованья же никакого казаки не получают, но им позволено грабить евреев и ляхов и убивать первых». Казак Петр Демьянович показал, что в Замехове они нашли на берегу реки, в тростниках, двух спрятавшихся евреек, которых они и убили. Казаки удивлялись небрежности своих предшественников, говоря: «Что это за казаки, по уходе которых еще оказываются ляхи, жида и ксендзы; после нас ничего уже не останется, всех перебьем».

Глава 20

Запорожцы при «дамском» правлении

Как уже говорилось, 31 августа 1733 г. Анна Иоанновна послала запорожцам милостивую грамоту, и этого оказалось достаточно для перехода всех запорожцев в русское подданство. Но надо было как-то объяснить и туркам, что русское правительство по-прежнему не желало войны.

26 апреля 1734 г. из Петербурга в Константинополь был отправлен курьером поручик Наковальнин с подробным объяснением причин принятия запорожцев:

«1. Хотя запорожцы, как самой Порте известно, издревле подданные русских царей, единого с ними христианского закона, родились все в Малой России, где их отцы и сродники и поныне живут, но жили они в Сиче, перебегая из Малой России в различное время по своему давнему обыкновению самовольно, и иные, пробыв в Сиче несколько времени, снова в Малую Россию, т. е. в свое отечество, возвращались. Несмотря на то, когда они, при учинении последнего вечного мира с Портой, сами добровольно в крымской стороне остались, то русские государи в них никогда не вступались, когда Кош свой они имели за русской границей, где сами иметь хотели, и в то дело русское правительство мешаться считало для себя неприличным.

2. Русские государи к себе их не призывали и не призывают и теперь, хотя запорожцы перешли с своего Коша на новый Кош, но русской государыне до того дела нет, так как новый Кош не в русских границах обретается и, насколько государыня уведомлена о том, запорожцы перешли на то место, где они издревле всегда свое жилище и пребывание имели, а потому чинить им препятствие в том не находится причины никакой.

3. Ввиду того, что крымский хан, противно вольности и обыкновению козаков, хотел насильно переселить их из Сечи к самому Крыму с намерением разобрать их по рукам, самого кошевого со всеми знатными куренными атаманами силою к себе в аманаты взять и насильно гетманом над ними явного изменника Орлика поставить, то запорожцы, как народ вольный, не допуская себя до последней гибели, принуждены были, ради своего спасения, на другое место перейти. И за то крымский хан должен лежать нареканию, потому что такими поступками своими он к

отчаянию запорожцев привел, а натурально, что всяк, видя перед собой последнюю погибель свою, старается от оной себя спасти.

4. А что запорожцы, будучи издревле русскими подданными и имея в Малой России своих родственников и свойственников, отказали хану идти войной против русской государыни и против русских войск, то это также вполне натурально: ведь сами же запорожцы легко могут рассудить, что, выступив против русских войной, они выступят против собственных родственников и свойственников, в русской державе обретающихся, и потому если запорожцы не хотят идти войной против своего отечества, то русской императрице пенять на них за то неприлично». [\[225\]](#)

Любопытна и приписка для русского посла в Константинополе: «Можете еще Порте о запорожцах и сие объявить, что все они до единого урожденные в нашей империи и перебегая живут там в Сече из давних лет без жон холостые, и так ежели б повсеуременно туда оных бегущих из нашего подданства не прибавлялось, то они, запорожцы, давно все перевелись, понеже плодиться им в Сече не от кого». [\[226\]](#)

Сечь эта по разным документам имели три названия — Новая, Подпиленская и Краснокутовская. Новая Сечь была на 20 верст ниже Микитина перевоза на правом берегу протоки Подпильной, в том месте, где эта протока дает от себя луку или дугообразный излив, напротив так называемой Великой плавни. Новая Сечь располагалась в котловине, «защищенная с востока, юга и запада громаднейшей плавней в 26 тысяч десятин, которая изрезана пятьюдесятью ветками [протоками], ериками и заточинами, шестьюдесятью большими, не считая множества малых, озерами и представляла из себя сплошной и непроходимый лес, в котором человек, мало знаковый с местностью, мог потеряться точно в бесконечном лабиринте, и который тянулся на сотни верст вправо и влево от Сичи и на десятки верст прямо от нее к югу. Под прикрытием таких плавен запорожцы могли быть совершенно безопасны от своих близких и неконных врагов, татар и турок.

Устройство Новой Сичи представлялось в таком виде. Сичь разделялась на три части — кош внутренний, кош внешний и цитадель.

Внутренний кош, называвшийся иначе замком или крепостью, по виду представлял из себя совершенно правильную форму круга в 200 сажен окружности; через самый центр внутреннего коша шла обширная, гладко выровненная и всегда в большой чистоте содержащаяся площадь, на которой происходили войсковые рады по разным вопросам первой важности; в восточном конце внутреннего коша, на той же войсковой

площади, возвышалась одноглавая „изрядная“ деревянная церковь без ограды, крытая тесом, основанная, во имя Покрова пресвятой Богородицы, в 1734 году, при кошевом атамане Иване Малашевиче, и снабженная богатейшею церковною утварью, ризницей и „убором“, лучше которых во всей тогдашней России трудно было сыскать. В некотором отдалении от церкви стояла большая высокая колокольня, также деревянная, с тесовою, в два яруса, крышей и с четырьмя окнами для пушек, чтобы отстреливаться от неприятеля и салютовать из орудий в большие праздники — Крещения Господня, Пасхи, Рождества и Покрова.

Близ сичевой церкви выделялись: пушкарня или артиллерийский „большой обширности“ цейхгауз с большим и глубоким подвалом, в котором хранились пушки, ружья, боевая амуниция, и который с тем вместе служил войсковою тюрьмой или секвестром для содержания разных преступников; далее войсковая скарбница, или „замок“ для войскового казны и козац-кого добра, всегда оберегавшаяся особым дозорцею по наряду от войска; затем, особое жилище для сичевого духовенства и отдельный „станок“ или помещение, около десяти футов величины, для кошевого атамана, на котором всегда развевалось белое знамя в случае пребывания кошевого в Сичи и с которого снималось оно в случае отсутствия его; наконец, вокруг всей площади, наподобие подковы, расположены были тридцать восемь куреней и возле куреней — куренные скарбницы и частные домики войскового или куренной старшины.

Внешний кош отделен был от внутреннего особым валом, на самой середине которого, с юга на север, устроены были широкие ворота с высокою из дикого камня, у левой половины их „баштою“, снабженною пушками и боевыми снарядами; ворота вели из внутреннего коша во внешний и всегда охранялись особыми часовыми, так называемыми „вартовими“ козаками. Внешний кош назывался иначе форштатом, т. е. предместьем, гассанбазаром, т. е. торговым базаром, слободой запорожских козаков, и занимал 200 сажень в длину и 70 сажень в ширину; на нем было до 500 куренных козацких домов и домов торговцев и мастеровых — кожевников, сапожников, портных, плотников, слесарей, „шабельных мастеров“, умевших сабли делать, кузнецов, умевших кроме своего дела готовить порох для войска; все эти люди, „по их козацкому манеру и обыкновению“, свои работы исполняли платно и числились в куренях наравне с прочими козаками, кроме дворов тут же имелось 100 „торговых комор“, несколько торговых рядов и простых яток, в которых продавались хлеб, мука, крупа, мясо, масло и проч., и сверх того несколько шинков с виноградным вином, горилкою, пивом, медом и другими напитками. Лавки,

ряды и шинки или составляли собственность войска и только арендовались купцами, или же лично принадлежали купцам — приезжим малороссиянам, грекам, армянам, татарам, жидам, полякам; торговые люди, также как и мастеровые, если только они были православные, причислялись к куреням и жили, как настоящие сичевые козаки, но строевой службы не отбывали „ради своего ремесла“. Для надзора за порядком и добросовестною продажей товаров в Сичи следили базарный атаман и войсковой контаржей, т. е. хранитель образцовых весов и мер, жившие в особо устроенных для них помещениях. Внешний кош, также как и внутренний, запирался широкими воротами, стоявшими от запада к востоку, параллельно Подпильной, а не от юга к северу, встречно ей, как во внутреннем коше». ^[227]

Впервые в истории Запорожского войска рядом с самой Сечью в 1735 г. была построена небольшая царская крепость, так называемый Новосиченский ретраншемент. Крепость эта располагалась в юго-восточном углу внешнего коша и представляла из себя небольшой четырехугольник длиной около 85 сажен (181 м) и до 50 сажен (107 м) ширины, с небольшими воротами во внешний кош. Вместе с внешним кошем она была окопана глубоким рвом и обнесена высоким земляным валом.

Формально крепостца предназначалась для защиты запорожцев от турок и татар, но ее комендант имел указание «исправнейшего произвождения тамошних дел и смотрения пропусков за границу, а наипаче для смотрения за своевольными запорожцами, дабы их хотя некоторым образом воздерживать и от времени до времени в порядок приводить». ^[228]

Запорожцы, конечно, понимали настоящую цель постройки Новосиченского ретраншемента и говорили по этому поводу: «Засіла нам московська болячка на печієках!».

В крепостце были построены комендантский дом, офицерские, инженерные и артиллерийские помещения, пороховые погреба, солдатские казармы и гауптвахта. Гарнизон ретраншемента составляли две роты солдат из крепостных батальонов Киевской крепости при шести орудиях.

Следует заметить, что сия фортеция была предназначена более для психологического воздействия на казаков, нежели представляла им реальную угрозу. Запорожцы в случае необходимости могли шутя перебить две роты крепостных инвалидов.

Внешнюю линию обороны Новой Сечи представляли ров с водой и высокий земляной вал, упиравшийся двумя концами в протоку

Подпильную. По валу стоял высокий частокол, сделанный из толстых бревен, заостренных сверху и пропитанных смолой снизу.

К западу от Сечи, за общим рвом, вдоль протоки Подпильной тянулись запорожские зимовники («хаты»), а на некотором расстоянии от Сечи стояла «Базавлуцкая сичевая башта».

К юго-востоку от Сечи, на другом берегу протоки Подпильной, имелись «волчьи ямы», засады, окопы, ложементы, устроенные около Сечи в 1736 г. в ходе русско-турецкой войны.

На берегу протоки Подпильной, напротив внутреннего коша, находилась речная торговая пристань. Туда приходили не только казацкие чайки, но и греческие, и турецкие морские суда. Они из Днепра шли в протоку Павлюк, а оттуда — в протоку Подпильную. Естественно, что морским судам с большой осадкой делать это было непросто.

В 1755 г. переводчик Семенов, состоявший при Никитинской заставе на Днепре, направил в Киев «Проект о приставании морских судов при Никитинской заставе», в котором говорилось: «Суда, которые приплывают из Белого (т. е. Мраморного) моря с вином, деревянным маслом, хлопчатой бумагой и разною бакалиею, так же и из стоящих по берегам Черного моря разных городов, т. е. из Варны, Месемврии, Кили, Очакова и прочих мест, приплыв в Очаков, следуют вверх по реке Днепру, а проплыв Днепром, не доходя Каменного Затона, против Никитинской заставы, не больше как 4 версты, оставляют большой стержень Днепра и поворачивают на левую руку, где тек прежде Днепр, который ныне засыпан песком. В полую воду, до 20-го, много до 30 июня оные суда ходить могут: они плывут Днепром, означенною повороткою, верст шесть, потом, вступя в речку Подпильную, плывут до Сичи верст девять, пристают против Новосического ретраншемента, повыше Сичи, и спешат торгом своим всеми мерами, потому что ежели пробудут до июля, то за мелью не могут выйти на большой Днепр. А ежели они пристают в Никитинскую заставу, то страху им от меля не будет никакого и могут все лето торговать безопасно».^[229]

В 1734 г. запорожцев насчитывалось 7268 человек, а лет чрез пять их было уже 13 тысяч. Быт казаков значительно изменился: большинство уже имели жен. Однако женатые казаки не пользовались ни правом голоса на раде, ни правом избрания на должности и были обязаны выплачивать в сечную казну «дымовое», своего рода налог с семьи. Полноправные же, то есть холостые запорожцы жили либо в Сечи, либо поселками по паланкам (в зимовниках). Паланками управляли выборные полковники и старшина (есаул и писарь). Поскольку в мирное время запорожцы занимались в основном рыбным промыслом, охотой, скотоводством и торговлей, то

паланки застраивались так сильно, что в них насчитывалось до 16 церквей.

Запорожцам было разрешено управляться своей выборной старшиной, которая непосредственно была подчинена главнокомандующему русскими войсками в Малороссии.

Запорожцы приняли активное участие в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Однако из политических и тактических соображений русское командование разделило запорожское войско на несколько отрядов, приданных различным русским корпусам.

Осенью 1735 г. генерал-лейтенант Леонтьев с 40-тысячным войском двинулся в Крым, но, не дойдя десяти дневных переходов до Перекопа, приказал вернуться на зимние квартиры.

В походе было потеряно около 9 тысяч человек и столько же лошадей. Подавляющее большинство потерь было небоевыми — болезни, голод и т. п. Генерал-лейтенант Леонтьев был предан военному суду, но сумел оправдаться.

Наученный горьким опытом Миних, планируя кампанию 1736 года, первым делом вызвал к себе в ставку Царицынку запорожского кошевого атамана Милашевича и других «знатных казаков». Фельдмаршал спрашивал их о численности войска. Запорожцы отвечали, что войско их ежедневно прибывает и убывает, и поэтому о числе его подлинно показать никак нельзя, надеются, однако, собрать до 7 тысяч человек, хорошо вооруженных, но не все будут на конях. На вопрос, когда, по их мнению, удобнее идти в крымский поход, запорожцы отвечали: армия должна выступить в поход 10 апреля от реки Орели, потому что в это время в степи он недавних снегов и дождей воды достаточно, трава везде в полном росте и неприятелю сожжена быть не может. В Крыму нынешним летом будет урожай, значит, и там армия в хлебе нуждаться не будет. Ногайцы против регулярного войска не устоят, и русская армия беспрепятственно войдет в Крым, перекопские укрепления остановить ее не смогут.

20 апреля 1736 г. Миних выступил из Царицынки с армией численностью около 54 тысяч человек. Войска были разделены на пять колонн.

В армии Миниха были как запорожские, так и малороссийские (гетманские) казаки. О них Миних писал императрице: «В прежние времена гетманские казаки могли выставять в поле до 100 000 человек; в 1733 году число служащих убавлено до 30 000 и в нынешнем году до 20 000, из которых теперь 16 000 человек наряжены в крымский поход; им велено в начале апреля быть у Царицынки в полном числе, но мы уже прошли 300 верст от Царицынки, а козаков гетманских при армии только 12

730 человек, и половина их на телегах едут, и отчасти плохолюдны, отчасти худоконны, большую часть их мы принуждены возить с собою, как мышей, которые напрасно только хлеб едят. Напротив того, запорожцы из того же народа, беглые из той же Украины, на каждого человека по 2 и по 3 хороших лошади имеют, сами люди добрые и бодрые, хорошо вооруженные; с 3 или 4 тысячами таких людей можно было бы разбить весь гетманский корпус».

На сей раз русские войска штурмом овладели Перекопом и вторглись в степной Крым. Впереди армии шли донские и запорожские казаки. Именно они первыми ворвались в город Козлов.

Отсутствие провианта постоянно губило русские армии, от Голицына до Леонтьева. Но сейчас, благодаря казакам, Миних имел основание написать Анне Иоанновне: «Ныне армия ни в чем недостатка не имеет и вся на коште неприятельском содержаться будет, что во время военных операций великим авантажем служит; по пословице, мы успели свою лошадь к неприятельским яслям привязать».

Вскоре были взяты Бахчисарай и Акмечеть. В июле 1736 г. русская армия вернулась к Перекопу, после чего запорожских и малороссийских казаков отправили домой.

Не менее активно запорожцы участвовали и в кампаниях 1737, 1738 и 1739 годов. Фельдмаршал Миних писал о запорожцах: «Поступками запорожских казаков я очень доволен, все мои предписания они исполняют, жалованием и провиантом удовлетворены, кроме того, получили большую добычу в нынешнюю и прошлогднюю кампании и потому очень довольны, присылали ко мне депутатов с благодарностию. Хотя они люди дикие, но своевольных теперь между ними немного, и нельзя думать, чтоб они могли затеять что-нибудь противное». [\[230\]](#)

Однако перед походом 1739 года у Миниха возникли определенные сложности с запорожским войском. Орлик, живший в монастыре у Ясс, вновь стал засылать к казакам в Малороссию письма с призывами перейти в турецкое подданство: «Порта, милосердую над Войском Запорожским, несмотря на то что оно перед нею погрешило, велела меня обнадежить, что она примет Запорожское Войско под свою крепкую охрану, позволит ему всякие промыслы и подтвердит его вольности».

Миних решил действовать с запорожцами как с калмыками или ногайцами — взять заложников и подкупить хана. Он велел находиться при главной квартире пятистам «лучшим запорожцам». В Запорожскую Сечь было отправлено 6150 рублей. Причем велено было четыре тысячи рублей отдать публично всем казакам, а 2150 рублей — кошевому и старшине

тайно разделить. Так и было сделано, но вот кошевой Тукала рапортует фельдмаршалу, что казаки, проведая о получении им и старшиной особой суммы, «напали на них нечаянно и жестоко избили с немалым ругательством и бесчестьем и пограбили не только вновь полученные деньги, но и те, которые у них прежде были».

Потом пришел другой рапорт, что Тукала лишен должности и, проболев несколько дней, умер, и на его место выбран Иван Фоминич. «Хотя таковые их, запорожских казаков, поступки, — писал Миних, — весьма непристойные и воле ее величества противны, однако при нынешних обстоятельствах ничем огорчать их нельзя, тем более что новый атаман человек добрый и к службе ревностный». Таким образом, запорожцы остались верны и России, и своим обычаям.

В отличие от запорожцев, некрасовцы в войне 1735–1739 гг. храбро сражались на стороне турок. Русское командование послало на Кубань несколько карательных экспедиций. В 1737 г. в бою с донскими казаками был убит атаман Игнат Некрасов.

После войны и казацкая старшина, и турецкое правительство осознали неудобство расположения поселений некрасовцев на Кубани. Любопытно, что еще в 1758 г. крымский хан Крым Гирей поселил несколько сот некрасовцев в Крыму при «рыбном озере» Балык-куле, то есть в нынешней Балаклаве. А с 1740 г. началось постепенное переселение кубанских казаков (некрасовцев) в устье Дуная, где они образовали несколько крупных поселений: Большие Дунавцы, Сарыкьоль (Желтое), Малые Дунавцы, Журиловка, Слава Черкасская, Слава Русская и др.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. закончилась... ничем, то есть, пардон, подписанием 29 сентября 1739 г. Белгородского мира. Согласно его условиям Азов остался за Россией, но укрепления его нужно было скрыть. Окрестности его должны были остаться пустыми и служить разделением между обеими империями, но Россия получила право построить крепость на Кубани. Таганрог не мог быть восстановлен, и Россия не могла иметь кораблей на Черном море, могла торговать на нем только посредством турецких судов. Большая и Малая Кабарды остались свободны и должны были отделять обе империи друг от друга.

Таким образом, Россия практически ничего не получила от войны, потратив огромные средства и потеряв свыше 100 тысяч человек.

В 1742 г. русское правительство постановило посылать запорожцам ежегодно по 4660 рублей, а, кроме того, муки по 1000 четвертей «да круп на то число по пропорции». Пороху и свинца запорожцам посылалось по 50 пудов. Однако жалованья и «рыбных и звериных промыслов» казакам явно

не хватало. В Петербург постоянно шли жалобы, что запорожцы нападают на малороссийских казаков и калмыков, посылаемых в пограничные разъезды, отбирают у них лошадей и оружие. Малороссияне, ездившие из Бахмута в Черкасск, жаловались, что запорожцы их грабят. С заставы Каменного Брода приезжали донские казаки с жалобами, что на них нападают запорожцы и выгоняют их с заставы, объясняя это тем, что река Миус находится в их владении.

Запорожцы же в свою очередь жаловались на донских казаков, которые отгоняют их от рек Калмиуса и Миуса, а также с других рыболовных мест. Донцы же жаловались на грабительства и разорения от запорожцев и просили, чтобы запорожцам запретили въезд в непринадлежавшие им места: в Калмиус, Калчики, Еланчики и особенно в Миус и Темерник, а также на морские косы. Довольствовались бы запорожцы местами, прилегающими к их стороне между Днепром и впадающей в Азовское море рекой Бердой. А если запорожцы на Миусе будут зимовать и весной вместе с донцами «добываться» (промышлять), то «из Черкасса лошадей в поле будет выпустить некуда и проезд изо всех мест в Черкасск с разными припасами всякого звания людям может быть остановлен».

Для размежевания земель императрица Елизавета Петровна отправила подполковника Бильса. В Сечи кошевой атаман объявил Бильсу, «что письменные документы в шведскую войну все пропали; надобно было прибегнуть к сказкам старожил, но по этим сказкам обе стороны выходили правы. Запорожцы объявили, что они владеют спорными местами недавно, но не самовольно, что у них на то есть грамота, подписанная Ив. Ив. Неплюевым, бывшим при разграничении между Россиею и Турциею. Однако оказалось, что в этой грамоте заключалось лишь извещение Неплюева о заключении мира между Россиею и Турциею. Сенат постановил: запорожцам владеть от Днепра рекою Самарою, Вольчими Водами, Бердою, Калчиком, Калмиусом и прочими впадающими в них речками и подлежащими к тем рекам косами и балками по прежнюю границу 1714 года; а от реки Кальмиуса — Еланчиком, Кринкою, Миусом, Темерником до самого Дона и впадающими в них речками, балками и косами владеть донским козакам; границею быть реке Калмиусу».^[231]

Из Киева в Сечь периодически отправлялись строгие грамоты «о пресечении воровства и разбоев». Наконец, в 1747 г. отряды запорожцев провели «зачистку» районов степных речек и побережья Азовского моря. Там было схвачено и повешено 22 «вора» во главе с их атаманами Журавлем и Калкой.

В 1749 г. из Киева в Сечь прислали 6 запорожцев, разбойничавших в

польских владениях. Кошевой рапортовал, что двое разбойников повешены, а остальные публично без пощады «киевым боем» жестоко наказаны, «ревнуя высочайшим ее императорского величества указам, дабы такое непрерывное воровство прекратиться могло». Сенат велел послать указ, что б впредь «воров» не казнили, а присылали в сенат приговоры. Однако кошевой доложил, что если не казнить, то воровства и «других шалостей» искоренить будет невозможно.

Дело в том, что Елизавета Петровна, вступая на престол, отменила смертную казнь в России. В конце концов в Петербурге сделали вид, что не знают о смертных казнях в Запорожье.

В 40-60-х годах XVIII века жизнь в Сечи мало отличалась от жизни в XVII веке. Так, духовные лица по-прежнему присылались из Киева из Межигорского монастыря — по два попа плюс два дьячка на каждый год. Если новые попы оказывались стары или не имели хорошего голоса, то их отправляли обратно, а оставляли прежних. Литургия в Сечи отправлялась ежедневно. Совершались моления «о здравии Всероссийского Императора и Его фамилии, и о Святейшем Правительствующем Синоде и Сигклите, а потом по именам упоминают: Кошевого, Судью, Писаря, Асаула и все православное воинство».^[232]

Попы в Сечи находились в полном подчинении у старшины, и с их мнением в мирских делах не считались, за редким исключением. Тем не менее, казаки давали немалые деньги как местным попам, так и Межигорскому монастырю.

Несколько слов стоит сказать и о запорожском пролетариате. Чернявский в описании Запорожской Сечи 1766 года писал: «При Запорожской Сечи мастеровых людей имеются: слесари, кузнецы, сапожники, портные, плотники; и оные мастеровые люди все, по их казацкому манеру и обыкновению, свои работы отправляют всегда с заплатою; и без заплаты никому оные ничего не повинны делать. Которые те свои работы отправляют вне замка, а числятся такожде с прочими Казаками в куренях...

Шинкари, краморы и прочие мастеровые люди, такой обычай имеют: покупают товары и паки продают чрез необычайно дорогою ценою, и от того великую прибыль получают; только оною прибылью угосподствовать одни не могут, но принуждены между своим товариществом, и прочими Казаками, весь оный свой барыш прогуливать. Також и те Казаки, которые живут на зимовниках, распродают свои добычи, яко то: рыбу и прочие товары, волков, лисиц, и на оные деньги пьют, гуляют. Таким образом у всех оных чинится, как выше сего упомянуто.

Еще ж имеется у них такое обыкновение, что в Воскресные дни и праздники Господские, с вечеру, производить между собою престокой, многолюдственный кулачный бой, разделясь куренями, яко вышними и нижними; и от оного кулачного боя происходят у них великие драки, и бывают смертельные убийства.

Сверх же того всего упомянутого, Запорожские Казаки имеют вольность свою такую, что ни каких работ повелеваемых не имеют, но всегда находятся в гулянье и в своем беспокойном пьянстве, в чем жизнь свою до конца тако провождают; а ежели случится Кошевому посылать куда какую партию, то у них о том имеется, в куренях их, очередь». [\[233\]](#)

Говоря о буйстве и пьянстве запорожских казаков, не следует вырывать их из общего контекста малороссийской жизни. Со времен Хмельницкого малороссийскому гетману подчинялось 10 полков. Причем, полк был не войсковою частью, а, скорее, уездом, то есть административной единицей. К примеру, на 1727 г. в Киевском полку состояло 12 229 человек. Из них «казаков мощных и убогих 2530, казачьих вдов 227, посполитых (то есть мужиков) 7922, вдов полсполитых 751, попов 164, пономарей и дьячков 156».

Полк был разбит на сотни. Так, в Киевском полку из было 7, в Переяславском — 17, в Лубенском — 11 и т. д. Кроме того, каждый полк имел артиллерию: Киевский — 8 пушек, 2 мортиры; Полтавский — 54 пушки, 1 мортира; Нежинский — 37 пушек, 1 мортира; в Черниговском — 14 пушек, 1 мортира. Пушки были обычно малого калибра — 8-1-фунтовые.

В земельном вопросе на Левобережье царил полный беспредел. Об этом свидетельствует служебная записка камергера Г. Н. Теплова, отправленная генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому в начале царствования Екатерины II. «В Малороссии, по словам Теплова, все управлялось не правом и законами, а силою и кредитом старшин и обманом грамотных людей. Вследствие такого управления число свободных землевладельцев чрезвычайно уменьшилось, число крепостных земледельцев, напротив того, увеличилось. При поступлении Малороссии под державу Всероссийскую было населено менее чем вполовину против настоящего, а меду тем свободных крестьянских дворов было гораздо больше, чем теперь; свободные козаки обращены в крепостное состояние старшинами и другими чиновными и богатыми людьми. По смерти гетмана Скоропадского по ревизии, произведенной великорусскими офицерами, свободных дворов было 44 961. Из этого числа по 1750 год роздано не больше 3000 дворов. Что составляет самую малую разность, особенно если

принять во внимание увеличение народонаселения; и несмотря на то, нынешний гетман граф Разумовский и четырех тысяч дворов свободных не нашел, о прочих же ему донесено, что все крестьяне в Польшу побежали, где, однако, по достоверным известиям, крестьянам в подданстве у польских панов гораздо труднее жить, чем в Малороссии, потому что польские паны все имение крестьянское почитают своим собственным и берут подати, когда сколько им вздумается. В самом же деле нашлось, что все государевы дворы и с землями раскупили старшина и другие богатые люди у самих мужиков, которые, будучи свободны, по этому самому будто бы могли сами себя и с землями продавать. А так как необходимо, чтоб всякая купчая утверждена была в присутственном месте и подписана сотником той местности, где находится продаваемая земля, то многие фальшивые купчие обличаются и тем, что сотник произведен в этот чин, например, в 1745 году, а купчая скреплена им как сотником в 1737 году. Старшины все это знали, но так как они всячески стараются, чтобы все государевы земли переходили в частные руки, то никакого препятствия этому не делали.

Искоренение козаков, т. е. переход их в помещичьи крестьяне, происходило так быстро оттого, что достаточный козак всегда откупался от службы, а недостаточный, избегая ее, предпочитал жить под именем крестьянина, чем идти в поход; кроме того, оставаясь козаком, он должен был платить с имения своего большую подать, которая доходила до рубля и больше, а назвавшись мужиком, не имеющим земель, ни собственности, платил в год алтын или две копейки по раскладке наравне с другими подсосудками; а во всякое время сами козаки плачивали помещикам, чтобы те приняли от них на их земли купчие и таким образом избавили их от обязанности идти в поход.

Малороссийские города, местечки, села, деревни, слободы и хутора с пахотными и сенокосными землями не имеют никакого обмежевания, все основывается на старинном будто занятии и на крепостях, большею частию фальшивых, но иные владеют землями просто вследствие наезда сильного на слабого. Наезды сопровождаются смертоубийствами, что ведет к бесконечным разорительным процессам. Козаки, оставшиеся незакрепощенными, живут разбросанные по разным местам, вдали от своего сотника и находятся в руках разных помещиков...

Избрание в сотники происходит таким образом: как скоро придет весть, что сотник умер, то, прежде чем об этом узнает гетман, полковые старшины посылают надобного им человека в сотню для управления ею до определения нового сотника. Этот человек не сомневается, что сотня его, и,

приехав на место, выкатывает несколько бочек вина безграмотным козакам, подкупает священника и дьячка, те соберут рукоприкладства от пьяных — и выбор готов. Избранный истратит несколько червонных в высшем месте и утверждается сотником. Эти сотники воспитываются таким образом: люди из лучших фамилий, выучив сына читать и писать по-русски, посылают его в Киев, Переяславль или Чернигов для обучения латинскому языку; не успеет молодой человек здесь немного поучиться, как отец берег его назад и записывает в канцеляристы, из которых он и поступает в сотники, хотя козаки, которые его выберут, и имени его прежде не слыхивали». [\[234\]](#)

Я боюсь, что утомил читателя длинной и скучной цитатой, но, согласитесь, прочтя ее внимательно, невольно задумаешься, а где было порядка больше — в Запорожье или в Левобережной Малороссии? А главное, реальное Левобережье ничего не имело общего со сказками совковых и националистических историков о «золотом веке» на Украине, который уничтожила де злодейка Екатерина Великая.

В 1750 г. Запорожское войско впервые со времен Мазепы было подчинено указом Елизаветы Петровны малороссийскому гетману. Новый гетман Кирилл Разумовский был торжественно избран в Глухове 22 февраля 1750 г. А было ему всего лишь 22 года. Кирилл не участвовал ни в одном сражении, да еще вдобавок был сыном свинопаса Григория Разума. Чудеса, да и только!

Но не будем забывать, что на дворе стоял веселый XVIII век, о котором Максимилиан Волошин, «поэт не советский, но хороший», писал:

Пять женщин разбухают телесами
На целый век в длину и ширину.
Россия задыхается под грудой
Распаренных грудей и животов. [\[235\]](#)

В 1731 г. случилось полковнику Вишневному проезжать через село Чемер в Малороссии. В местной церкви он услышал приятный голос певчего Алексея Розума сына свинопаса и взял с собой в Петербург. Обергофмейстер двора Анны Иоанновны Левенвольд принял Алексея Розума в придворный хор, там-то его увидела и услышала Елизавета Петровна, пленившись его голосом и приятной внешностью. Познакомившись ближе, Елизавета обнаружила у него и иные достоинства. Она выпросила Алексея у тетушки Анны и зачислила в свой штат обслуги. В 1740 г. Алексея

произвели в камер-юнкеры и поменяли малороссийскую фамилию «на более пристойную» — Разумовский.

Сразу же после переворота 1741 года Алексей Разумовский стал камергером и генерал-поручиком. В течение 1742 г. он стал кавалером орденов Св. Анны, Андрея Первозванного и Св. Александра Невского. В 1744 г. он получил графское достоинство, а в 1756 г. стал генерал-фельдмаршалом.

Но это, так сказать, официальные награды. Главной же неофициальной наградой стало тайное бракосочетание в 1742 г. с императрицей Елизаветой Петровной. Ну а почему родной брат Алеши Кирилл стал гетманом, объяснять не надо.

Юный гетман сразу начал качать права и донес в Сенат, что в Сечи на раде атаманом избран прежний — Григорий Федоров, а судья, писарь и есаул избраны новые, и что эту перемену казаки сделали, не дав знать ему, гетману, и Кирилл Разумовский велел кошевому и старшина прислать ответ, на каком основании это сделано. Сенат одобрил это распоряжение Разумовского.

Тем не менее запорожцы на раде попрежнему выбирали себе кошевых атаманов.

Постепенно Разумовский начал понимать малороссийские реалии и стал действовать не только кнутом, но и пряником. Так он «выхлопотал вознаграждение запорожцам: прибавку жалованья по причине умножения этого войска и потому, что оно стеснено от Новой Сербии и нового слободского полка в рыбной и звериной ловле; кроме того козаки покинули соляные промыслы и прочую торговлю вследствие увеличения пошлин в пограничных таможах; гетман просил даже дать запорожцам артиллерию. Сенат приказал жалованья прибавить 2000 рублей и с прежним производить по 6660 рублей; вместо трех пушек, оказавшихся негодными, отпустить три новые».^[236]

Глава 21

Запорожцы в Польше и на Дунае

28 июня 1762 г. в Петербурге произошел государственный переворот. Император Петр Федорович был свергнут, а на престол гвардейские офицеры возвели его жену Екатерину Алексеевну. Значительную роль в перевороте сыграли братья Орловы, приобретшие затем большую власть при дворе. Свергнутый император был под арестом доставлен в местечко Ропшу под Петербургом, где вскоре скончался от «геморроидальных коллик».

Главным внешнеполитическим вопросом в те годы была ситуация в Польше — все ждали смерти больного короля Августа XII, который по совместительству был еще и саксонским курфюрстом.

Политическая и военная слабость Речи Посполитой привела к тому, что ее территория в XVIII веке стала буквально «проходным двором» для армий соседних государств. Я уж не говорю, что в течение двадцати лет Северной войны на территории Польши действовали армии России и Швеции. В ходе русско-турецкой войны 1735–1739 годов русские, турецкие и татарские войска воевали в южных районах Речи Посполитой, а в ходе Семилетней войны с 1757 по 1761 г. русские и прусские войска действовали в северной Польше. В промежутках же между войнами крымские татары регулярно проходили по территории южной Польши и зачастую оттуда переходили на русскую территорию.

Кстати, польский сейм до 1764 г. отказывался ратифицировать Вечный мир 1686 года. Речь Посполитая была последней из европейских стран, не признававшей за Россией императорского титула.

С конца XVII века Россия при выборах в польские короли постоянно голосовала за саксонских курфюрстов, но на сей раз Екатерина решила сделать ставку на польских вельмож из клана Чарторыхских.^[237] Этот многочисленный клан в Польше стали называть Фамилией еще в 20-30-х годах XVIII века. Чарторыхские по польской версии происходили от сына великого князя Ольгерда Любарта, а по русской — от другого сына Ольгерда Черниговского князя Константина. Прозвище свое они получили от имени Чарторыхск на реке Стырь на Волыни. Первые пять поколений Чарторыхских были православными, но князь Юрий Иванович по одним данным в 1622 г., а по другим — в 1638 г. перешел в католичество.

Екатерина утверждала, что новым королем должен быть только Пяст. Утверждение это было сплошной демагогией. Законные потомки королевской династии Пястов вымерли несколько столетий назад, а те же члены Фамилии никакого отношения к Пястам не имели. Однако в Петербурге делали вид, что не разбираются в польской генеалогии и называли Пястом любого лояльного к России магната. Между прочим, и матушка Екатерина II по женской линии происходила от Пястов. Ее дальний предок германский князь Бернхард III был женат на Юдите, дочери краковского князя Мешко III Старого, умершего в 1202 г.

К Чарторыским примкнул и Станислав Понятовский (1676–1762 гг.) — воевода Мазовецкий и каштелян Краковский. В 1732 г. у Станислава Понятовского родился сын, также названный Станиславом. Станислав Младший, будучи наполовину Понятовским, а наполовину Чарторыским, быстро делал карьеру и еще подростком получил чин «литовского стольника».

В 1755 г. Станислав Понятовский-младший оказался в свите британского посла в Петербурге сэра Генбюри Вильямса и вскоре очутился в постели цесаревны Екатерины.

Уже 2 августа 1762 г. Екатерина пишет в Варшаву Понятовскому: «Я отправляю немедленно графа Кейзерлинга послом в Польшу, чтобы сделать вас королем, по кончине настоящего [короля] и в случае, если ему не удастся это по отношению к вам, я желаю, чтоб [королем] был князь Адам».^[238]

Тем временем Фамилия в Польше перешла в наступление, даже не дождавшись смерти короля Августа III. Была развернута широкая кампания против злоупотреблений «саксонских» министров и чиновников. Придворная партия в ответ пригрозила Чарторыским арестом. Узнав об этом, Екатерина 1 апреля 1763 г. послала приказание своему послу при польском дворе Кейзерлингу: «Разгласите, что если осмелятся схватить и отвези в Кёнигсштейн кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу Запорожских казаков, которые хотят прислать ко мне депутацию с просьбою позволить им отомстить за оскорбления, которые наносит им король Польский».

5 октября 1763 г. в Дрездене умер Август III. К тому времени на территории Польши уже находился «ограниченный контингент» русских войск. Русские штыки и русские червонцы сделали свое дело. С 5 (16) по 15 (26) августа 1764 г. тихо прошел избирательный (элекционный) сейм. Граф Понятовский был единогласно избран королем под именем Станислав Август IV. Паны этим были крайне удивлены и говорили, что такого

спокойного избрания никогда не бывало. В Петербурге тоже сильно обрадовались, Екатерина писала Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали».

В сентябре Репнин приступил к выплате гонораров. Королю Стасю он выдал 1200 червонцев, но тут вмешалась Екатерина и прислала еще 100 тысяч червонцев. Август-Александр Чарторыский получил от Репнина 3 тысячи червонцев. Примасу Польши обещали 80 тысяч, но пока выдали лишь 17 тысяч. Персонам помельче и давали соответственно. Так, шляхтич Огинский, автор знаменитого полонеза, получил на содержание своей частной армии всего только 300 червонцев.

Россия и Пруссия издавна требовали от поляков прекратить гонения на диссидентов, под которыми тогда понимались не политические оппоненты, а православные и протестанты. Еще в 1653 г. посол царя Алексея Михайловича князь Борис Александрович Репнин потребовал от польского правительства, чтобы «православным русским людям вперед в вере неволи не было, и жить им в прежних вольностях». Польское правительство не согласилось на это требование, и следствием этого стало отделение Малороссии. Через сто с небольшим лет посол императрицы, его праправнук Николай Васильевич Репнин предъявил те же требования.

Под нажимом Репнина, стянувшего русские полки к Варшаве, сейм 21 февраля 1768 г. утвердил предоставление православным и протестантам свободы совести и богослужения, избавление их от юрисдикции католических судов, частичное уравнивание в гражданских правах представителей всей конфессий. Разумеется, о полном равенстве конфессий речи не было. Католицизм по-прежнему считался государственной религией. Переход из католичества в другую веру считался уголовным преступлением и т. д.

Решение сейма, формально обязательное для всей страны, вызвало обратную реакцию. Вот донесения русских агентов, собранные в канцелярии президента Малороссийской коллегии Румянцева:

«Особым привилеем король Станислав-Август позволял свободу исповедания православным жителям Украины. От имени короля и по его приказанию вице-канцлер коронный Млодзиевский писал внушительные письма униатскому митрополиту и епископам, а также главнейшим украинским помещикам Яблоновскому, Любомирскому и Сангушке, требуя прекращения гонений на православных и законного с ними обращения. Независимо от того Мелхиседеку выданы были из коронной метрики за королевскою печатью копии грамот прежних королей на свободное исповедание православной веры...

Гонения между тем на православных не прекращались во все время путешествия Мелхиседека, продолжавшегося около года. Когда же с возвращением его началось в украинских церквах чтение королевского привилея, ограждавшего свободу православия, это с одной стороны, высоко подняло дух народный массы приневоленных пред тем к унии снова возвратились к православию, с другой — довело до исступления их врагов и вызвало этих последних на новые жесточайшие преследования исповедников православия.

Польша находилась тогда в периоде полного разложения; то была пора полного бессилия закона и всякой власти не исключая и королевской. Распущенная шляхта цинично глумилась над выданным королевским привилеем, указывая для него самое непристойное назначение; шляхтич Хайновский азартно кричал: „и королю отрубят голову за то, что схизматикам выдал привилей“.

Возвращение к православию только что приневоленных „боем нещадным“ к унии сочтено было бунтом, ходатайство Мелхиседека пред императрицею и королем — тяжким преступлением, сам он объявлен бунтовщиком, достойным самой тяжелой кары. Такой декрет выдан был на него и на всех непокоряющихся унии от радомысльской униатской консистории. Видно, упомянутые письма вице-канцлера ценились еще менее, чем королевский привилей. Этим декретом отпавшие от унии священники объявлялись лишенными своих мест и подлежащими строгому телесному наказанию и изгнанию, на непокорные громады налагались огромные денежные штрафы, с обращением их на постройку миссионерского дома и содержание миссионеров унии. И все это должны были привести в исполнение агенты помещичьей власти, под опасением суда латинской консистории...

Сам Мелхиседек потребован был к суду униатского официала Мокрицкого. Командам пограничных форпостов на Днепре отдан был строжайший приказ не пропускать никого в Переяслав, сношения внутри в такой степени были стеснены, что, по выражению Мелхиседека, никуда не пускали „а ни человека, а ни жида“. Всякая попытка пробраться к епископу для рукоположения, получения антимины или иной надобности наказывалась самым жестоким, киев в триста, боем.

На одном из таких форпостов схвачен был и Мелхиседек, возвращавшийся из Переяслава, и, после всевозможных личных над ним насилий и издевательств, завезен был в кандалах на Волынь и там, в м. Грудке, замурован в каменной тюрьме, где едва не лишился жизни.

Вступившее пред тем в Украину польское войско, так называемая

украинская партия, под командою Воронича, навела ужас на все живущее. Начались страшные поборы на войско, народ массами сгоняли на работы в обоз под м. Ольшаной. Воронич рассылал летучие отряды для усмирения бунтующихся, т. е. не желающих принять унии, и карал жестоко. Сопровождавшему Мелхиседека в Переслав сотнику жаботинскому Харьку отрублена голова в конюшне, млиевский ктитор Даниил Кушнир всенародно сожжен в обозе под местечком Ольшаной. В тоже время униатской официал Мокрицкий, утвердивши свою резиденцию в Корсуне, с толпою инструкторов и инстингаторов, с отрядами вооруженных козаков, разъезжал по Украине, брал с бою церкви, ловил монахов и священников, бил их смертно заковывал в железа, забивал в кандалы и под караулом отправлял в Радомысль, где им снова давали по 600 и 800 ударов, бросали в смрадные ямы, заставляли тачками возить землю.

Не лучше было и положение мирян: над ними производили неизобразимые и неисчислимые насилия, иных до смерти забивали, другим рты разрывали, руки и ноги выворачивали. Шляхта и духовенство униатское щеголяли друг перед другом в изобретении мук и казней; буйство, распущенность, необузданное своеволие спорили с фаватизмом и непримиримою злобою. Так называемые „похвалки“, или угрозы безумствовавшей шляхты, довершали смятение и ужас народа. Нередко целым громадам объявлялся смертный приговор, назначался день и час казни, или же без означения срока грозили всех истребить поголовно. „Людям смертным страх мечтался, и все лишения имущества и живота ожидали“. По местам действительно готовились к смерти, надевали чистые рубахи, исповедовались, приобщались, на веки прощались; в других местах поголовно оставляли жилища, уходили в леса, горы и дебри.

В глумлениях, издевательствах шляхты и причитаниях при совершении истязаний ясно слышалось, против кого и чего и за что направлялась эта адская, непримиримая злоба и неистовство: „ото тебе бьет благочестие твое“; „о то тоби за государыню, за короля, за св. правительствующий синод, за архиерея и за вся православные христиане“; „а ну-те-ж, нуте лучше того грека“. Били „смертно розками, дисциплинами, барбарами“, били нагаями и киеми, списами и ружейными присошками, руками и ногами, били, пока прочитывалось: Помилуй мя, Боже и Блажени непорочнии, били „духу послухаючи“, т. е. пока душа в теле держалась. А со стороны народа один был ответ: „отнимите у нас жизнь, но мы не хотим быть в унии“. „Пристань, ксиенже, на едність, то велю сейчас из пушек палить“, — говорил комиссар Еаменский Мелхиседеку, попавшему в руки униатов и не раз бывшему уже на волос от смерти; но тот отвечал: „хотя и

безвременно пропаду, но за веру пострадаю; на унию-ж не пристану“». ^[239]

Однако магнаты не ограничились расправами над православными на местном уровне, а решили начать полномасштабную гражданскую войну (большой рокош). В начале 1768 г. недовольные паны собрались в городке Баре в 60 верстах к западу от Винницы и создали там конфедерацию. Они выступали против решения сейма и самого короля Станислава-Августа Понятовского. Во главе конфедерации стали подкормий Разанский Каменский и известный адвокат Иосиф Пулавский.

Конфедераты начали боевые действия против русских войск и частных армий магнатов — сторонников короля Стася.

В ходе одной из операций конфедераты посадили на кол нескольких казаков в местечке Смилянщина. Среди казненных оказался и племянник матренинского игумена Мелхиседека — эконома переяславского архиерея. Разгневанный игумен решил отомстить, но вместо сабли взялся за перо и очень ловко подделал указ Екатерины II: полный титул императрицы был написан золотыми буквами, имелась государственная печать и т. д. В указе содержался призыв защищать веру православную и бить нещадно польских панов.

Этот указ Мелхиседек показал нескольким запорожским казакам, прибывшим на богомолье в Переяслав. ^[240] Старший среди запорожцев Максим Железняк отвечал игумену, что с несколькими десятками запорожцев он не может начать этого дела. Тогда игумен сказал ему: «А вот недалеко, при рогатках, много беглых казаков, которые убежали от войск конфедерации, потому что поляки хотели их всех истребить. Уговорись с этими казаками, и ступайте в Польшу, режьте ляхов и жидов; все крестьяне и казаки будут за вас».

Любопытно, что поддельный указ Екатерины был очень похож на настоящий, а главное, полностью соответствовал интересам как правительства, так и русских войск, воевавших с конфедератами. Поэтому, когда Румянцеву доложили об «указе», то он поначалу обиделся, почему указ отправлен казакам в обход его, главы Малороссийской коллегии, и сделал соответствующий запрос в Санкт-Петербург.

На следующее утро по обретению «указа» восемьдесят запорожцев во главе с Железняком форсировали Днепр и пошли гулять по Правобережью. Как писал С. М. Соловьев, они «поднимали крестьян и казаков, истребляя ляхов и жидов. На деревьях висели вместе: поляк, жид и собака — с надписью: „Лях, жид, собака — вера однака“». ^[241]

Далее Соловьев писал: «Пришло требование Барской конфедерации,

чтобы выслали в Бар всю милицию и казаков воеводы киевского. Но воевода распорядился иначе: он велел Цесельскому забрать всех казаков и поставить их на степи, над рекою Синюхою, составлявшею границу с Россиею, а к Пулавскому написать, что вместо казаков, которые будут охотно биться с русскими, он приказал сформировать из шляхты конную и пешую милицию и отослать с трехмесячным жалованьем и провиантом в Бар. Цесельский, Младанович и Рогашевский, чтобы не истощать казны воеводской сформированием милиции, назначили на этот предмет чрезвычайный подбор с казаков — и все это когда казацкий бунт кипел по соседству и уманьские казаки стояли в степи, на Синюхе, под начальством сотников — Дуски, Гонты и Яремы, готовые союзники для Железняка.

Одни жида чужали беду и явились к Цесельскому с представлениями, что надобно остерегаться Гонты, тем более что он теперь главный: Дуска умер в степи. Жиды говорили, что Гонта наверное сносится с Железняком; что есть слух, будто Гонта предлагал Дуске соединиться с Железняком, но будто тот отвечал: „Семь недель будете пановать, а семь лет будут вас вешать и четвертовать“.

Напуганный жидами, Цесельский послал приказ Гонте немедленно явиться в Умань. Тот прискакал и был сейчас же закован в кандалы, а на другой день уже вели его на площадь, под виселицу. Но со счастливой руки Хмельницкого казацких богатырей все спасали женщины. И тут взмолилась за Гонту жена полковника Обуха: „Оставьте в живых, я за него ручаюсь“. Тронулся Цесельский просьбами пани Обуховой и отпустил Гонту — опять в стан на Синюху начальствовать казаками! Жиды увидали, что судьба их в руках того, кого они подвели было под виселицу: они наклали брыки с сукнами и разными материями, собрали денег и отвезли Гонте с поклоном: „Батюшка! Защити нас!“ Гонта сказал жидам: „Выхлопочите у пана Цесельского мне приказание выступать против Железняка“. Жиды выхлопотали приказ; но Цесельский велел троим полковникам принять начальство над казаками. Эта мера не помогла; на дороге Гонта объявил полковникам: „Можете, ваша милость, ехать теперь себе прочь, мы в вас уже не нуждаемся“. Полковники убрались поскорее в Умань, а Гонта соединился с Железняком. Скоро вся толпа явилась под Уманью; в ближнем лесу разостлали ковер, на котором уселись Железняк с Гонтой, казаки составили круг, и какой-то подьячий читал фальшивый манифест русской императрицы. Потом началась попойка и шла всю ночь». ^[242]

На следующий день Умань капитулировала перед казаками. Паны Младанович и Рогашевский договорились с казаками, что «1) казаки не будут резать католиков, шляхту и поляков вообще, имения их не тронут; 2)

в жидях и их имении казаки вольны». ^[243]

После заключения капитуляции все поляки пошли в костел, а казаки ворвались в город и начали убивать евреев, но затем вошли в раж и перебили шляхту.

Окрестные крестьяне, не дожидаясь гайдамаков, резали поляков и евреев, вооружались и шли к Умани. Железняк объявил себя воеводой киевским, а Гонта — брацлавским.

Ненависть гайдамаков к евреям хорошо иллюстрирует устный рассказ, записанный Кулишем. Во время стоянки гайдамаков в Матрешинском лесу атаман за какую-то провинность отчитал казака и назвал его жидом. Казак дико заорал: «Тик я жид!», схватил пистолет и в упор застрелил атамана. Казаки схватили стрелявшего и собрались его казнить, но тот взмолился: «Послушайте, Панове. Да где ж видано, чтоб казака да жидом ровняли? Так и вы уси жида, коли я жид». Те казаки выслушали всю причину и сказали: «Правда — собаке собачья смерть!»

Любопытна и оценка восстания гайдамаков, данная польским королем Станиславом-Августом Марии Жоффрэн: «Восстание этих людей не шутка! Их много, они вооружены и свирепы, когда возмутятся. Они теперь побивают своих господ с женами и детьми, католических священников и жидов. Уже тысячи человек побито. Бунт распространяется быстро, потому что фанатизм религиозный соединяется у них с жаждою воли. Фанатизм греческий и рабский борется огнем и мечом против фанатизма католического и шляхетского. Верно одно, что без Барской конфедерации этого нового несчастья не было бы». ^[244]

Независимо от гайдамаков войну с конфедератами вели и русские регулярные войска. Формально они выполняли просьбу польского сената, который 27 марта 1768 г. просил Екатерину II «обратить войска, находившиеся в Польше, на укрощение мятежников».

Подполковник Ливен с одним батальоном пехоты занял Люблин, конфедераты бежали без боя. Полковник Бурман взял Гнезно. Главным начальником войск, действовавших против Барской конфедерации, был назначен генерал-майор М. Н. Кречетников. Вскоре он взял Бердичев, генерал-майор Подгоричани разбил сильный отряд конфедератов, шедший на помощь Бердичеву, генерал-майор граф Петр Апраксин взял Бар штурмом, генерал-майор князь Прозоворский побил конфедератов у Брод.

Честно говоря, ратные подвиги не мешали нашим отцам-командирам грабить. Посол Репнин отправил в Петербург полковника Кара, чтобы тот рассказал «о мерзком поведении» Кречетникова. В письме Репнина

говорилося: «Корыстолюбие и нажиток его так явны, что несколько обозов с награвленным в Россию, сказывают, отправил и еще готовыми имеет к отправлению. Все поляки и русские даже в его передней незатворенным ртом его вором называют».

Вот этому генералу Кречетникову императрица и поручила подавить бунт гайдамаков, поскольку конфедераты в панике бежали от казаков. Повстанцы получили от русского командования предложение о совместном нападении на Могилев. Гайдамаки расположились поблизости от русского лагеря. Вечером 6 июня 1768 г. Кречетников пригласил к себе на ужин ни о чем не подозревавших Железняка, Гонту и других атаманов и тут же арестовал их. Русские солдаты напали на оставшихся гайдамаков и перехватили большинство из них.

Железняка как русского подданного «варвары московиты» отправили в Сибирь, а Гонту и 800 гайдамаков, родившихся на Правобережье, передали полякам. Просвещенные паны подвергли Гонту квалифицированной казни, которая длилась несколько дней. Там было и снятие кожи, и четвертование, и т. д., что представляет больший интерес для психиатров, занимающихся проблемами садизма, нежели для историков.

Восстание гайдамаков было подавлено, но оно имело неожиданные последствия. Отряд гайдамаков под началом сотника Шило захватил местечко Балта на турецко-польской границе. Границей была мелкая речка Кодыма, которая отделяла Балту от турецкой деревни Галта. Шило погостил 4 дня в Балте, вырезал всех поляков и евреев, и отправился восвояси. Однако евреи и турки из Галты ворвались в Балту и в отместку начали громить православное население. Услышав об этом, Шило вернулся и начал громить Галту. После двухдневной разборки турки и гайдамаки помирились и даже договорились вернуть все, что казаки награбили в Галте, а турки — в Балте. И самое интересное, что большую часть вернули. Все это могло остаться забавным историческим анекдотом, если бы турецкое правительство не объявило бы гайдамаков регулярными русскими войсками и не потребовало бы очистить от русских войск Подолию, где они воевали с конфедератами.

Инцидент в Балте послужил поводом для русско-турецкой войны 1768–1774 годов.

С началом войны султан отправил посла к запорожцам склонять их перейти на сторону турок. Кошевой отказался и донес о том в Киев, но султанского эмиссара отпустил с ответным письмом восвояси. Командующий русской армией Румянцев в крайнем возмущении писал Екатерине II: «А я не могу вообразить, какую можно бы переписку в сей

материи продолжать подданному с неприятелем, которая при нынешних обстоятельствах столько подозрительна».^[245]

Между тем запорожцы поступили с послом так же, как они это делали уже 200 лет.

1 октября 1769 г. старшина Сафон Черный с запорожцами провели поиск по побережью Черного моря вблизи лимана Дальницкого. Казаки имели бой с 200 турками у крепости Гаджибей.

17 октября главнокомандующий 1-й армией Петр Панин писал своему брату Никите: «Со всем же тем я себе представляю, что Запорожское войско теперь, на действии в здешних степных местах и противу нынешнего им больше всех других во всем положении известного неприятеля, у нас между всеми казаками лучшее. Основание же такое, что во время войны нельзя ничего от них полезного иметь средствами, как некоторыми приласканиями и уважениями, или истреблением всех их и с своим до кореня, к чему, кажется, теперь не то время натоит: ибо военные удачи бывают скользки и переменны от самых бездельных небрежений и уважений».^[246]

А через два года Панин написал брату: «...о тех 20 тыс. лошадях о котором я писал, что Запорожцы при устье Днестра взяли, сказывают, что посланные с партией 3 тыс. их человек, разделяя их по себе, досталось каждому по 12 лошадей; следовательно надобно, чтобы их было 36 тыс. Да и не удивительно! Их я видел в присланном ко мне графа Румянцева рапорте; Крымской все они табуны к устью оной реки по Сю сторону переслал, то надеюсь, они те самые...».^[247]

2 июня 1770 г. Запорожское войско во главе с кошевым Петром Калнышевским присоединилось к корпусу князя Прозоровского, состоявшему во 2-й армии графа П. И. Панина. Сам Панин осаждал Бендеры, а Прозоровский должен был сдерживать силы турок в районе Очакова.

В тот же день, 2 июня, Прозоровский отправил к Очакову на разведку отряд запорожцев в составе 2400 человек под командование старшины Касанина. Те же на реке Березань разгромили отряд татар.

12 июня Прозоровский отправил разведывательный отряд запорожцев за реку Буг.

16 июня к Очакову отправились 500 запорожцев со старшиной Черным.^[248] Казаки напали на турок и татар у самых стен Очакова и благополучно вернулись, взяв пленных, в том числе «пашиного кегала», то есть султанского чиновника. Убито до 70 турок, а запорожцы потеряли

четырёх человек убитыми и один казак попал в плен.

В подобные рейды Прозоровский направлял запорожцев почти каждый день. Но, несмотря на их успехи, князь недолюбливал запорожцев. Он писал о казаках: «Главная в правительстве их [запорожцев] министерия та, что во оном обществе кто только возжелает препроводить по воле своей несколько дней своего века и записался в казаки, то хотя бы он рожден и воспитан был разумно, должен учитьца суровости и невежества во всех поступках и казатца свету, что их сердца, смешанные с сущою простотою и всегдашним хмелем, ничего не устрашатца и никаким собственным интересом ни к какой повинности не привязаны, кроме доброй своей ко всякому делу воли...

Прежде Запорожцы были бедны, а ныне все они богаты и подчиненные их привязаны ко всякой повинности. Где прежде у них были хутора, там ныне распространились великия силении и живут домами, имеют жен, детей, хорошее скотоводство и промыслы. Старшины это правда, что не женаты».^[249]

Тут Прозоровский не совсем прав: часть старшины, как, например, Павел Головатый, уже была жената.

15 июля 1770 г. запорожцы у крепости Гаджибей имели стычку с турками и взяли на абордаж галиот, который вел артиллерийский огонь по берегу. В районе Гаджибея «забрано запорожцами неприятельского скота рогатого 3300, овец до 10 000, лошадей до 500, волохов обоего полу 1251, которые и отправлены на поселение в Сечь».^[250]

5 сентября 1770 г. запорожские казаки атаковали предместье Очакова. Из крепости выскочили до тысячи конных турок и татар и погнались за казаками. Им удалось отбить у запорожцев большую часть добычи. Тем не менее, казаки увели много крупного рогатого скота, верблюдов и до 400 лошадей. У запорожцев было убито и взято в плен 52 человека, ранено 8.

В середине сентября 1770 г. хан Селим Гирей III решил увести свою орду из Молдавии в Крым на зимовку. Татары собирались переправиться через Днепр у Кинбурна. Но на рассвете 25 сентября там их встретила засада запорожцев старшины Данилы Третьяка. Было убито множество татар. Трофеями казаков стали 100 лошадей с вьюками, наполненными ценными вещами, в том числе дорогой посудой. Казаки потеряли одного человека убитым и шестерых ранеными. У запорожцев при стрельбе разорвало два фальконета. Тем не менее, хану с частью орды удалось форсировать Днепр и уйти к Перекопу.

Особо следует отметить действие запорожской флотилии. В самом

начале войны запорожцы построили 38 больших морских беспалубных лодок вместимостью до 50 человек и на каждой установили по одному-два фальконета.

В кампанию 1769 года флотилия в составе 38 лодок прошла по Днепру в район Очакова. Командовал флотилией старшина Филипп Стягайло. В составе флотилии было 1690 казаков и один иеромонах при 38 фальконетах.

6 июня 1769 г. турецкая эскадра в составе 20 гребных судов вышла из Очакова и двинулась вверх по Днепру. Командовал ею Гасан-Кизил-Исарли эфенди. Турки собирались разгромить Новую Сечь.

Казаки отошли и устроили засаду у Кострицких плавней. 8 июня, когда турецкие суда поравнялись с засадой, запорожцы открыли огонь из фальконетов и ружей.

В донесении, посланном кошевым атаманом генерал-аншефу П. О. Румянцеву, говорилось, что после открытия огня запорожцами турецкая эскадра «выстроилась тот час в линию. Первым выстрелом был отбит руль у главного судна, на котором находился начальник флотилии, который, спустясь в шлюпку, бежал. Два другие судна были також сильно повреждены, так что они не могли далее лавировать и были прибиты ветром к берегу». Разбитые турецкие корабли загородили шлях остальной эскадре, и та, не имея возможности для маневра, вынуждена была повернуть назад. Запорожцы потеряли 11 казаков убитыми и столько же получили ранения. После боя в Костирьских плавнях турки уже рисковали подниматься вверх по Днепру до Сечи. В свою очередь суда Филиппа Стягайла до ледостава находились выше Очакова и следили за неприятелем.

В начале кампании 1770 года 2059 запорожцев на сорока лодках при 38 фальконетах спустились из Сечи до Очакова. Командовал ими теперь старшина Данила Третьяк.

15 июля 1770 г. (по другим данным 16 июля) запорожцы на лодках отправились в район Кинбурна ловить «языков». В свою очередь из Очакова вышло 11 турецких гребных судов ловить запорожцев. Казаки стали уходить, но у Кизова мыса турки их нагнали, и начался бой, длившийся до позднего вечера. По докладу Третьяка три турецких судна были повреждены, и турки повернули назад в Очаков. В свою очередь князь Прозоровский доложил Румянцеву, что три турецких судна «разбиты» и убито 30 басурман. Не знаю, что написал Румянцев в Петербург, но, думаю, он уже окончательно потопил турок.

Скорей всего, имела место небольшая перестрелка, в ходе которой был

убит всего один казак, и от «скорой стрельбы» разорвало один фальконет.

По результатам боя Третьяк отправил письмо в Сечь с просьбой прислать хотя бы пару пушек среднего калибра, поскольку дальность действия фальконетов была мала.

Всего в ходе кампании во флотилии Третьяка погибло 74 казака.

Екатерина II требовала, чтобы русская армия форсировала Дунай, а Румянцев отнекивался и выдумывал разные предлоги, в том числе и существование большой речной турецкой флотилии на Дунае, и полное отсутствие плавсредств для форсирования реки у русских.

27 февраля 1771 г. императрица Екатерина II вызвала к себе в Зимний дворец генерал-прокурора князя Александра Вяземского и приказала ему послать с гонцом письмо в Запорожскую Сечь кошевому атаману Петру Калнышевскому с приказом отправить запорожскую флотилию на Дунай.

Генерал-прокурор написал кошевому: «Так как это действие потребует храбрости и мужества, то его светлость тем паче надеется, что в войске Запорожском, ведомом отвагой и смелостью, быстро найдутся люди, которые за это дело возьмутся и удало смогут исполнить, тем надежнее, что все места по Днепру и его течению им до тонкостей известны, так и расстояние между Очаковым и Кинбурном настолько велико, что с крепостей перепону в проходе сделать никак не возможно». ^[251]

Вяземский справедливо указывал, что пушки Очакова и Кинбурна не перекрывают полностью фарватер на Днепре и в лимане. В письменной инструкции генерал-прокурор наказывал, что как только отряд дойдет до Аккермана или до Килии, командир должен связаться с командующим корпусом левого фланга армии фельдмаршала Румянцева генерал-майором Отто Вейсманом и передать ему «оних» писарей с журналом, «самим на поштовых прибуты в Петербург» и явиться к нему, генерал-прокурору. Далее Вяземский писал: «Казаки и старшина остаются на Дунае и переходят под команду, что этот подвиг не только будет новым доказательством мужества и послужит еще большей славе, а будет и приятным Ее Императорскому Величеству, а также и самому Войску со временем принесет корысть». А «для заохочения казаков Ее Императорское Величество пожелала пожаловать со своей стороны тем, кто пойдет с первой лодкой, 1000 рублей, со второй — 500 рублей, остальным по 300 рублей награды каждому, сколько их будет в экспедиции». ^[252] Дата — 26 февраля 1771 г.

Петр Калнышевский получил письмо лишь 11 марта. Он приказал командовать экспедицией полковнику Якову Сидловскому и полковому

старшине Семену Быстрицкому. Сборы запорожцев были недолгими, и 16 апреля 1771 г. 19 морских лодок с 988 казаками и 18 фальконетами покинули Сечь и отправились вниз по Днепру.

Флотилии удалось скрытно форсировать Днепровский лиман и выйти в Черное море, 29 мая она была в Анкермане. Уже 2 июня полковник Сидловский прибыл в Килию и представился генерал-майору Отто Вейсману, а походный журнал и составленная береговая лоция вместе с 19 опытными в морском деле казаками были отправлены в Петербург.

8 июня запорожская флотилия прибыла в Измаил. А 17 июня запорожцы около острова Березань захватили большой турецкий корабль, который шел из Очакова в Константинополь. На корабле оказались важные документы, которые казаки и передали позже в штаб Румянцева.

Через несколько дней запорожцы близ устья Дуная захватили 8 вражеских галер с 23 пушками. Под Тульчей были захвачены четыре больших парусника и несколько малых гребных судов.

18-20 июля запорожцы разгромили в устье Дуная несколько поселений русских раскольников-филипповцев. Руководил операцией полковник Кабардинского пехотного полка Кличка. 800 человек регулярной пехоты на 18 запорожских морских лодках и 8 барказах высадились близ поселения филипповцев и «истребили всех до единого». Услышав стрельбу, на помощь филлиповцам подошел отряд турок. В рапорте Клички говорилось, что запорожцы участвовали в десанте, и вообще дело решил огонь запорожской судовой артиллерии, принудивший турок к отступлению. Тогда же запорожские суда провели вверх по Дунаю пять русских галер под командованием капитана 1 ранга Ивана Нагаткина.

К 1 августа запорожцы вернулись в Галац. Там флотилия была разделена: 13 лодок с Сидловским, Якубовичем и Сахновским ушли на помощь корпусу генерал-квартирмейстера фон Боура, который стоял близ речки Яломкица. А 300 казаков на шести лодках во главе с секунд-майором Беличем отправились в Браилов. 11 августа этот отряд взял на абордаж два турецких судна.

25 августа суда Белича у речки Алалуй увидели турецкую эскадру в составе 4 галер, 4 кончебасов^[253] и нескольких малых судов. Запорожцы устроили засаду и внезапно открыли огонь. Турки направили суда к правому берегу и стали искать спасение на суше. Запорожцы их настигли и заставили бежать за гору Буджак. (Сх. 22)

В письме от 29 августа граф Румянцев писал императрице: «Неожиданность нападения и меткий огонь запорожцев имели следствием, что в этом блестящем деле не было у нас ни одного убитого, ни раненого,

тогда как неприятель потерял до 1000 человек убитыми и 150 утонувшими. Командовавший турецкою флотилиею Гаджи-Гасан был взят в плен».^[254]

Не менее активно действовал и судовой отряд Сидловского, который до конца кампании поддерживал корпус фон Боура. С 10 августа по начало октября отряд производил набеги на противника в районе Гирсово.

4 сентября казаки, возглавляемые Сидловским, атаковали местечко Девно, где находился сторожевой пост противника. На помощь посту пришло около тысячи конных турок, а со стороны Гирсово показалось четыре галеры. Как сказано в отчете: «Поручик Сахновский открыл против них огонь из своих лодок и заставил подходящие суда отойти назад. Запорожцы выбили противника из лагеря и завладели всем в нём бывшим. Забрав все, что было в лагере, казаки захватили еще два больших судна, и посадив в них значительное число жителей из христиан, возвратились назад».^[255] В этом бою запорожцы захватили агу Бим-пашу и 6 знамен. Потери турок составили более 100 человек. Команда Сидловского потеряла 4 человека убитыми и 28 человек ранеными.

В августе 1771 г. Румянцев приказал сделать нападение на Гирсово — турецкую крепость на нижнем Дунае. 23 августа суда Сидловского отплыли из Ораша вверх по Дунаю. Командующий отрядом генерал-квартирмейстер Боур сделал ставку на внезапность нападения, но турки вовремя обнаружили его флотилию и открыли сильный артиллерийский огонь. Запорожские казаки даже захватили пристань, но под огнем турок вынуждены были отойти. В конце концов, Боур приказал флотилии возвращаться.

Потерпев неудачу у Гирсово, Боур решил устроить «поиск» на турецкий лагерь у Девно. В ночь на 3 сентября запорожцы под командой поручика Сихновского приплыли к неприятельскому лагерю и укрылись в камышах. На рассвете следующего дня они атаковали лагерь и выбили из него турок. Запорожцы потеряли 5 человек убитыми и 28 ранеными, а турки — более 100 человек убитыми.

24 октября подполковник Якубович с 250 гренадерами, судами запорожцев с шестью запорожскими пушками двинулся на гребных судах к Гирсово. Якубович высадил десант, который сходу овладел 8-пушечной береговой батареей, а затем осадил крепость и открыл по ней стрельбу из пушек. То ли от огня запорожцев, то ли из-за небрежности турок, в крепости произошел взрыв порохового погреба, в результате чего обрушилась часть крепостной стены. Турки в панике бежали из крепости. В итоге русские взяли Гирсово, не потеряв ни одного человека убитым, а

ранено было только 20 гренадер и 9 запорожцев. Якубович приказал заклепать и утопить турецкие крепостные пушки. На пристани было захвачено множество турецких судов. Из них около 100 было сожжено, а самые лучшие (два галиота и 25 малых судов) уведено русскими.

Всего в отряде Сидловского за весь 1771 год погибло 47 казаков. Именно столько имен было передано в сичевую церковь для поминовения, то есть эта цифра не «липа», как в сводках иных русских генералов.

За кампанию 1771 года запорожцы получили личную благодарность императрицы:

«Божею милостью Мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская и прочая и прочая. Нашего императорского величества Низового Войска Запорожского кошевому атаману и всему войску Запорожскому Наше, императорского величества, милостивое слово.

Предводитель Второй нашей армии генерал-аншеф князь Долгорукий донесениями своими засвидетельствовал Нам, что за всю минувшую кампанию подданным Нашим низовым Войском Запорожским во всех местах, где оно за распоряжениями было и действовало, положенная служба исполнялась с ревностью и наибольшим старанием».

В самом начале 1772 г. генерал-прокурор князь Вяземский вновь обратился к кошевому Калнышевскому: «Государь мой Петр Иванович! Имею честь уведомить вас, государь мой высочайшее Ее Императорского величества повеление, чтобы будущей весны при первой подходящей возможности направить таким же способом, как и тот год было, на челнах в Черное море к Дунаю из Запорожского войска казаков, если возможно две тысячи человек. Если же по каким-либо обстоятельствам такого количества отправить не удастся, то по крайней мере не меньше тысячи человек по приезде на Дунай прибыли бы к адмиралу Нолису...»

Далее генерал-прокурор сообщал, что императрица выделила на снаряжение новой Дунайской казацкой запорожской флотилии, починку чаек, постройку новых, закупки и жалование — 10 000 рублей.

Получив письмо Вяземского, кошевой немедленно запросил у командующего армии генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова 40 фальконетов, боеприпасы к ним и провиант на 2000 человек на два месяца. Князь приказал выделить казакам все необходимое.

17 апреля 1772 г. Петр Калнышевский собрал куренных и полковников. Надо было обсудить два вопроса: как распределить присланные Вяземским деньги и назначить командира экспедиции взамен умершего от ран полковника Якова Сидловского.

Старшинская рада решила: командиром морского похода назначить сподвижника Сидловского полковника Мандро, командиром отряда прикрытия — полковника Ладо (в других источниках он именовался Лега). Через четыре дня лодки Ладо отошли от пристани. Они должны были скрытно тайно пройти по Днепровскому лиману, высадиться у Кинбурна и ждать подхода полковника Мандро. Если же запорожцы «зацепятся» с турками, то полковник Ладо должен был вступить в бой и сделать так, чтобы лодки Мандро без «перешкод» вышли в Черное море.

5 мая 1772 г. полковник Мандро поздно вечером, после захода солнца, на сорока лодках покинул гавань на Сечи. По донесению полковника Ладо: «Усю ніч його команда стояла, і стрілянини з Очакова — з міста і турецьких суден не чули».

Любопытный вопрос: сия цитата взята из статьи Владимира Кравцевича-Рожнецкого «Запорожская Дунайская флотилия». Сама статья написана по-русски, а донесении Ладо — на радной мове. А вот статья Г. Г. Шпитальова «Запорозька флотилія в російсько-турецькій війні 1768–1774 років»^[256] написана целиком на мове, но донесение Ладо написано по-русски: «поблизу Кинбурна чрез всю ночь стояли и пальбы с Очакова, с города и судов не слышали». Вот вам классический пример фальсификации. Самостийники заставляют говорить и писать запорожцев на украинском языке!

Итак, лодки Ивана Мандро без помех вышли в Черное море. Но уже близ устья Дуная казаки попали в сильный шторм, и две лодки Каневского и Выщестебловского куреней разбило о камни напротив косы Татар-Пунар. Трое казаков утонули. С большим трудом запорожцам удалось отойти под прикрытия косы, ожидая конца шторма. Так и не дождавшись его окончания, полковник Мандро повел чайки вверх по Дунаю, и уже у Измаила флотилия стала на якорь. Оттуда командир отрядил писаря Потапенко в Яссы, где находился адмирал Нольс, в распоряжение которого, согласно письму Вяземского, поступала Запорожская дунайская флотилия. В письме к адмиралу полковник Мандро указал на потери от шторма, а также на компенсацию за эти потери и оплату участникам похода, как было договорено заранее в письме Вяземского. По сообщению полковника Мандро, компенсацию и наградные он получил.

Практически весь 1772 год прошел в переговорах с турками, на время которых заключили перемирие. Другой вопрос, что оно постоянно нарушалось обеими сторонами. 28 мая казаки прибыли в свою базу в 8 верстах от Измаила. В стычках с турками к 29 июня погибло 26 казаков и 74 умерло от ран и болезней (по списку к поминовению в сечевой церкви).

Летом 1772 г. полковника Мандро, командовавшего запорожцами, сменил полковник Иван Дупляк (Дуплич). Из рапорта Дупляка известно, что с 14 октября до конца перемирия (9 марта 1773 г.) запорожцы стояли напротив крепости Силистрия на Дунае в урочище Шикирешли под командой генерал-майора Григория Потемкина. (Да, да! Того самого!)

Думаю, что именно тогда будущий основатель Новой России был принят в состав Запорожского войска под именем Грицько Нечёса. Прозвище было связано с париком, который носил Потемкин. Версия же ряда историков и писателей о том, что де Потемкин прожил несколько недель в Сечи и там записался в казаки, не имеет документальных подтверждений. Да что там мог делать Григорий Алексеевич? Разве что балдошничать да пить горилку, как предположил В. С. Пикуль.

Надо полагать, что там же под Силистрией 30 января 1773 г. был вписан в Крыловский курень подполковник Михаил Илларионович Кутузов. Кстати, это не было единичным случаем. Еще несколько офицеров русской армии записались в запорожцы.

В начале 1773 г. численность армии генерал-фельдмаршала графа Румянцева была доукомплектована до 50 тысяч штыков и сабель. Туда также прибыл из Польши генерал-майор Александр Васильевич Суворов. Императрица требовала действий решительных, имея целью разгром армии великого визиря, что стоял лагерем у Шумлы. Однако Румянцев по-прежнему боялся переправляться через Дунай. Тогда же запорожцы были выведены из подчинения генерал-майора Григория Потемкина.

Вместо форсирования Дуная всей армией Румянцев решил ограничиться рейдами (поисками) на правый берег Дуная небольшими силами. 5 (16) мая А. В. Суворов получил приказ атаковать силами 500 солдат городок Туртукай на противоположном берегу Дуная. Однако в ночь на 9 мая турецкая флотилия сама высадила десант, который атаковал отряд Суворова. Но с помощью подоспевших донских казаков и карабинеров Суворову удалось отбить атаку турок.

В ночь на 10 мая отряд Суворова переправился через Дунай и взял Туртукай. Затем русские войска благополучно вернулись назад, да еще переправили мирных жителей болгар (663 человека). Любопытно, как это могло произойти в непосредственной близости от турецкой речной флотилии? Авторы многочисленных монографий о Суворове — И. Ростунов, К. Осипов и др. — вообще не упоминают о турецкой флотилии. А Ростунов еще и пишет: «В его [Суворова] руки перешла также неприятельская флотилия, стоявшая на Дунае; она включала 51 вымпел; 19 больших и 11 средних судов и 21 малую лодку».^[257]

Итак, солдаты Суворова покончили напрочь с турецкой флотилией?

Ларчик же открывается просто: на помощь Суворову был отправлен отряд Дуплича из 20 морских лодок. Увидев запорожскую флотилию, турецкие суда отошли и дали возможность Суворову и его отряду вернуться назад. Замешкайся запорожцы на сутки, и неизвестно, знали бы мы сейчас о Суворове?

В конце мая — середине июня запорожцы активно участвовали в операциях под Силистрией. В ходе боев был смертельно ранен полковник Дуплич, а его место занял полковник Герасим Коленко. Кроме Дуплича погибли или умерли от ран 43 казака.

Зиму 1773/1774 г. запорожская флотилия провела у Гирсово. В начале 1774 г. флотилия боевых действий практически не вела.

10 июля 1774 г. в деревушке Кючук-Кайнарджи был подписан мир между Турцией и Россией. Кючук-Кайнарджийский договор включал в себя двадцать восемь открытых и две секретные статьи (артикула). Согласно им Крымское ханство становилось полностью политически независимым.

К России отошли ключевые крепости Керчь, Еникале, Кинбурн и Азов. Россия получила всю территорию между Бугом и Днепром, Большую и Малую Кабарду. В договор было включено условие, в силу которого Россия приобрела «право заступничества за христиан в Молдавии и Валахии».

Россия получила возможность держать военный флот на Черном море. До марта 1774 года Екатерина требовала права свободного прохода русским военным судам через Проливы, но турки решительно возражали, и в договоре проход через Проливы был разрешен лишь невооруженным торговым судам небольшого тоннажа.

Ряд отечественных историков, в том числе В. Шеремет, трактуют Кайнарджийский договор как «самый обширный и детализированный их всех русско-турецких договоров», и т. п. Автор же склонен считать этот договор наспех состряпанным перемирием. Договор не только не решал ни один вопрос. Состояние отношений между Турцией и Россией оставались метастабильными, то есть любая мелочь могла вызвать лавину взаимных претензий и, соответственно, войну. Выполнение многих артикулов договора было нереальным. России не запрещалось иметь флот, но ему нигде было базироваться (в Азове и Таганроге невозможно было базирование больших кораблей).

Строгое и точное выполнение обеими сторонами артикула 3 по Крыму^[258] неизбежно вызвало бы возвращение Крыма под влияние Порты, то есть — к довоенной ситуации.

Вновь после заключения мира начался предвоенный период.

После заключения мира Румянцев решил убрать запорожскую флотилию с Дуная. 15 сентября 1774 г. генерал-поручик Михаил Каменский, вызвав к себе командира первой команды флотилии Кондрата Гука, передал ему следующее приказание фельдмаршала и командующего, в котором указывалось: «По получении сего приказа направляйся со всей запорожской командой на Сечь. По дороге встречным турецким войскам или купеческим судам, прибрежным жителям кривд и разору не чинить, а если будут от вас обиды и про это получим жалобы, то виноватые на смерть покараны будут, про это на все челны указать. По прибытии на Сечь явитесь до вашей команды».

Так без всяких проводов 17 сентября 1774 г. Запорожская дунайская флотилия отошла от пристани Гирсово и взяла курс на Сечь. По дороге запорожцы попали в жесточайший шторм. Доплыв до Анкермана, запорожцы тяжелые грузы переложили на 30 повозок с парой волов. Этот обоз в сопровождении Кондрата Гука и отряда казаков двинулся в Сечь посуху, а полк Ивана Мандро дошел на морских лодках до Очакова, а там — вверх по Днепру и прибыл в Сечь 14 ноября 1774 г. Обоз Кондрата прошел по Правобережью, то есть по польской территории, но ляхов никто не спрашивал, и 27 января 1775 г. уже был в Сечи.

По реестру Ивана Мандро, составленному в Сечи, из 988 человек, прибывших на Дунай в 1772 г., вернулось 788, в числе которых было 5 полковников, 8 старшин, 2 иеромонаха, 4 дьяка и 2 ктитора.

Так закончился последний в истории морской поход запорожских казаков.

Глава 22

Гибель Сечи

Екатерина Великая строго следовала формуле Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами». А после Кючук-Кайнарджийского мира она продолжила войну мирными средствами. Крым в 1774 г. оказался в метастабильном состоянии: существовать само по себе Крымское ханство не могло как по политическим, так и по экономическим причинам. Оно должно было или вернуться под власть султана, или стать — Российской империи.

Императрица уже давно приняла решение присоединить Крым, который к 1774 г. был под контролем русских войск. И тут возник вопрос, а как быть с запорожцами? Ведь они два с лишним столетия были щитом Малой, Белой и Великой Руси от крымских разбойников. Соответственно, нужда в них отпадает. А с другой стороны, неизвестно, как поведут себя казаки в случае силового решения крымской проблемы. Не смутят ли их турецкие эмиссары?

Было у царицы и много других аргументов в пользу упразднения Сечи. Во времена царя Алексея Сечь была далеким пограничным форпостом, а сейчас она оказалась чужеродным телом в центре империи.

В 1770 г. императрица Екатерина II повелела построить новую оборонительную линию — Днепровскую. Она шла от Днепра к Азовскому морю по Конским Водам и Берде и пересекала Ногайскую степь приблизительно по старым ее границам с Запорожьем. По Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 года земли у Днепровской линии отошли к России вместе с Керчью-Еникале, Кинбурном и побережьем Черного моря между Днепром и Бугом. Приобретенное Азовское побережье вместе с землями запорожских казаков на левой стороне Днепра образовали Азовскую губернию с провинциями Азовской, Бахмутской и Славянской, а запорожские земли на правой стороне Днепра с приобретенным Черноморским побережьем — Новороссийскую губернию с провинциями Елизаветинской и Херсонской.

Екатерина и Потемкин прилагали большие усилия для заселения причерноморских земель русскими и украинскими крестьянами, а также колонистами из различных европейских стран — немцами, сербами, греками и т. п.

Что же представляли собой запорожские земли к 1774 году? Тут стоит обратиться к сухой, в смысле изложения материалам, но очень информативной книге профессора М. К. Любавского «Обзор истории русской колонизации»:

«Земли и угодья, которые запорожцы считали своим достоянием, своими вольностями, делились до 1768 г. на пять, а с 1768 г. на восемь паланок или округов. Самая западная паланка носила название *Богогардовской*, от сторожевого „града“ на р. Буге. Она обнимала пространство между Бугом и Ингульцом, границей Речи Посполитой и лиманом Днепра. Центром ее был Град на Буге; сверх того, тут были зимовники в Соколах, Вербове, Балашком, Корабельном, Громоклее и других местах. Паланка *Ингульская*, или *Перевиская*, простиралась между нижним Ингульцом и Днепром. Центром ее была *Перевиска* на Днепре, близ устья Ингульца, или *Каменка*, где находилась Сечь во время турецко-татарского суверенитета над Запорожьем; были также села и несколько зимовников: Белая Криница, Давидов Брод. Шестерня, Кривой Рог, Золотая Балка, Осокоровка, Терновка и др. Паланка *Кодацкая* простиралась между Днепром, Базавлуком, верховьями Ингульца и Тясмином, Средоточием ее было местечко *Новый Кодак*; из сел и зимовников известны: Старый Кодак, Волощские хутора, Половица (впоследствии Екатеринослав), Микитино, Кичкас, Тарасовка, Медовец, Романково, Мишурин Рог, Томаковка и др. Паланка *Самарская* обнимала целый бассейн р. Самары. Центральным пунктом ее было место *Самар*, или Новоселица (ныне Новомосковск); сверх того, были села Чапле, Песчаная Самара, Каменка, Ревовка и др. Паланка *Калмиусская* находилась между Волчьей рекой, Калмиусом и Азовским морем. Главным опорным пунктом ее было селение *Домаха* у устья Калмиуса (с 1779 г. здесь стал город *Мариуполь*); сверх того, были села *Ясеноватое* и *Макарово* и 28 зимовников, между прочим, в Лозовом овраге на Терсе, в Широком на Каменке, в балках Холодной и Сухой, в баераке Каменном и др. После 1768 г. прибавились еще три паланки — *Орельская*, *Протовчинская* и *Прогноинская*. *Орельская* паланка занимала пространство между Орелью и Самарой. Средоточием ее была *Козырищина*; сверх того, было пять сел — Чаплинская Каменка, Гупаловка, Колонтаевка и др. Паланка *Протовчинская* занимала течение р. Протовчи и отчасти Орели. Главным селением ее было *Лычково*; сверх того, было более 25 сел — Котовка, Китай-город, Могилев, Кильчеь, Балабановка, Сирковка и др., а также хутора на Царичанке и Маячках. *Прогноинская* паланка лежала на левой стороне Днепровского лимана, против урочища Прогноев, находившегося в 35 верстах выше Кинбурнской косы. Средоточием ее был

Прогноинск — местопребывание передней стражи запорожцев, имевших там соленые озера.

Из перечисленных восьми паланок четыре северные, прилегавшие к населенным местностям, т. е. Кодацкая, Орельская, Самарская и Протовчинская, имели села, деревни и хутора, в которых постоянно жили казацкие команды, неженатые казаки и посполитые. В остальных обиталищах казаков были камышовые шалаши и землянки, в которых они проводили весну, лето и осень для рыболовства и добывания соли, и так называемые зимовники, в которые они переходили на зиму. Зимовники располагались главным образом по берегам Днепра и впадающих в него речек, а также на островах. Это были своего рода хутора, при которых казаки, по словам князя Мышецкого, содержали рогатый скот, лошадей и овец, имели пасеки, сенокосы, разводили сады и огороды, засевали поля разным хлебом, били в степях и лесах зверей и ловили рыбу. В них было, таким образом, известное постоянное население, которое на зиму увеличивалось казаками, возвращавшимися с промыслов. Постоянно жили в зимовниках либо родные этих казаков, их семьи, либо их компаньоны по промыслам, либо наемные работники. Жилищами были либо хаты, рубленные из леса, либо мазанки; при них были дворы, обнесенные плетнем, с разными хозяйственными пристройками. Таким образом, зимовники в Запорожье являлись первичной формой постоянных поселений и с течением времени превращались в села. Большая часть зимовников превратились в села и деревни уже после уничтожения Сечи, но с некоторыми из них такое превращение произошло еще во времена самостоятельного существования Запорожья». [\[259\]](#)

К концу своего существования Запорожское войско стало уже переходить к постоянно оседлости и мирным занятиям. По официальной ведомости, составленной полковником Текелли во время уничтожения Запорожской Сечи, в ней кроме собственно Сечи имелось 45 деревень и 1601 зимовник. Всех жителей насчитывалось около 60 тыс. душ обоего пола, причем большинство (35 891 человек) было посполство, то есть женатые поселяне. Большинство казаков жили уже не в Сечи, а в деревнях и зимовниках, где занимались скотоводством, земледелием и другими мирными промыслами, и имели семьи.

Цифры, сообщаемы Теккели, не совсем точны. По другим данным, в одной только Самарской паланке было 1600 зимовников, а в Протовчинской паланке — 1100. Всего же зимовников, по данным князя Мышецкого, было до 4000.

Большинство населения Запорожской Сечи в год ее уничтожения

составляли женатые казаки и посполитые, занимавшиеся почти исключительно мирными делами. Правда, среди них были и псары, табунщики, чабаны, которые вели полукочевой образ жизни, спасаясь от непогоды в кошах с очагом или котигах, то есть палатках на двух? или четырехколесных арбах, напоминающих ногайские. Но в общем о населении Запорожья следует сказать, что в последние годы Сечи оно перешло к мирной оседлой жизни.

Любавский писал: «Уничтожение Сечи и предложение казакам превратиться в поселян не было каким-либо переломным в жизни запорожского казачества, а только некоторым ускорением его эволюции, естественного конца его старого уклада.

Переходившие к оседлой жизни казаки в общем чрезвычайно слабо заселяли свои земли и угодья. Количество их по сравнению с территорией их владений было ничтожно. В момент перехода казаков под власть России при Анне Иоанновне их было не более 10 тыс. человек. В 1755 г. в целом „компуте“ со стариками и женщинами в зимовниках было показано 27 тыс. запорожцев. В 1762 г. на верность императрице Екатерине присягало 20 тыс. запорожских казаков. При уничтожении Запорожской Сечи, по официальным данным, там было около 60 тыс. жителей. Даже если считать это число преуменьшенным и доводить его по Скальковскому до 100 тыс. человек, все равно нельзя не признать, что запорожские казаки слабо заселили свои вольности».^[260]

В ходе войны 1768–1774 гг. у правительства и военного командования не было претензий к казакам. За участие в турецкой войне кошевой атаман запорожских войск Петр Иванович Калнышевский был награжден императрицей золотой медалью, осыпанной бриллиантами.

Замечу, что еще до войны, в январе 1767 г., малороссийский полковой старшина Павел Савицкий донес в Петербург, что де кошевой атаман вместе с войсковым писарем и войсковым есаулом готовятся в ближайшие месяцы изменить России, коль скоро не решатся в пользу коша пограничные споры. Высшая старшина уже договорилась «выбрать в войске двадцать человек добрых и послать их к турецкому императору с прошением принять под турецкую протекцию».

Екатерина II приказала не давать хода доносу Савицкого. Мало того, 19 декабря 1768 г. она писала Калнышевскому: «Мы никогда наималейшего сомнения иметь не могли о вашей со всем войском верности».

После окончания турецкой войны Потемкин, уже не генерал-майор, а всесильный фаворит, писал 21 июня 1774 г. Калнышевскому: «Уверяю вас чистосердечно, что ни одного случая не оставлю, где предвижу доставить

каковую-либо желанием вашим выгоду, на справедливости и прочности основанную».

Но вскоре запорожцы начали мешать «светлейшему» в создании Новой России, и Потемкин буквально заставил императрицу уничтожить Запорожскую Сечь. Рассмотрим основные обвинения против казаков, приведенные в «Высочайшем Манифесте об уничтожении сечи Запорожской» от 3 августа 1775 г.

«Мы восхотели через сие объявить во всей Нашей Империи, к общему известию Нашим всем верноподданным, что сечь Запорожская в конец уже разрушена, со истреблением на будущее время и самого названия Запорожских казаков, не меньше как за оскорбление Нашего Императорского Величества через поступки и дерзновение, оказанные от сих казаков в неповиновении Нашем Высочайшим повелением...

Вследствие такого себе присвоения Новороссийской губернии земель дерзнули они [запорожцы — *А.Ш.*] не только препятствовать указанному от Нас обмежеванию оных, воспрещая посланным для этого офицерам явленную смертью, но заводить и строить на них самовластно собственные свои зимовники, а сверх того уводить еще из тамошних жителей и из поселенных полков гусарского и пикинерного, мужеского и женского пола людей, коих всего и уведено в Запорожье до восьми тысяч душ...

Пограбили и разорили Запорожцы у одних обывателей Новороссийской губернии в двадцать лет, а именно с 1755 года, ценою на несколько сот тысяч рублей.

Не утрастились еще самовластно захватить зимовниками своими приобретенные мирным трактатом новые земли между реками Днепром и Бугом, присвоить и подчинить себе новопоселяемых там жителей Молдавского гусарского полка; так же приходя отчасу в вящее неистовство, и собираться вооруженною рукою для насильственного себе возвращения мнимых своих земель Новороссийской губернии, не взирая и на то, что Мы Императорскою Нашею грамотою от 22 мая минувшего 1774 года, повелел им прислать ко двору Нашему нарочных депутатов для представления о их правах, в то же время строгое им подтверждение учинили, воздержаться от всякого своевольтва, и оставить спокойно все настоящие селения и жителей. Но Запорожцы и после того не больше послушными оказались; как они же.

Принимали к себе, несмотря на частые им от правительств Наших запрещения, не одних уже прямо в казаки вступающих беглецов; но и людей женатых и семейных, через разные обольщения, уговорили к побегу из Малороссии, для того только, чтобы себе подчинить и завести у себя

собственные хлебопашество, и чем довольно уже и преуспели; ибо поселяне в земледелии упражняющиеся находятся ныне в местах бывшего Запорожского владения до пятидесяти тысяч душ...

Возвещая нашим верным и любезным подданным все сии обстоятельства, можем Мы в то же время им объявить, что не теперь более Сечи Запорожской в политическом ее уродстве, следовательно же и казаков сего имени. Место жилища и уголья тамошние оставляем Мы для постоянных к Отечеству наравне с другими полезных жителей, причисляя из по способности к Новороссийской губернии, и поручая при новом заведении и устройстве во особое попечение учрежденному там правительству Нашему». [\[261\]](#)

У Потемкина, разумеется, были и другие мотивы упразднения Сечи. Так, запорожцы препятствовали тотальному уничтожению лесов в своих владениях. А лес был крайне нужен на строительстве флота и новых городов. Наконец, «светлейшему» нужно было очень много денег, как на флот и Новую Россию, так и на содержание своего огромного двора и различные чудачества. А у казаков была богатая казна. 20 апреля 1776 г. Потемкин докладывал Екатерине, что при уничтожении Сечи захватил 120 тысяч рублей золотом (то есть огромную по тем временам сумму). А сколько еще сумели увезти казаки, и сколько тысяч утаил от матушки «светлейший»? Да и те 120 тысяч Потемкин просил у императрицы пустить на строительство новых городов, то есть отдать ему в бесконтрольное пользование. На докладе рукой императрицы было начертано: «Быть по сему».

Следует заметить, что запорожцы в 1774 г. не только не лезли на рожон, но и всячески стремились избежать конфликта. Накануне разгрома Сечи в Петербург прибыла делегация запорожцев во главе с Логином Мощенским, Сидором Билым и Антоном Головатым. Как писал Г. П. Надхин по случаю столетия от падения Запорожского Коша («Память о Запорожье и о последних днях Запорожской Сечи»): «Повезли туда нужным лицам презентов-гостинцев: Турецких и Персидских шалей, ковров, Дамасских материй, вина, плодов, мехов, вязиги, бочки лимонного соку и т. п., повезли Малороссийской свинины в разных видах, колбас, сала, и многое другое, балыков, шамаи, рыбця, знаменитой зимней свежепросольной Днепровской щуки, повели выносливых Украинских коней в Черкесских седлах, дорогих чепраках, захватили с собою немного и Турецких червонцев... Но дело сначала велось в такой тайне, что Петербургские милостивцы и сами ничего хорошо не знали...

Озадаченные посланцы о пребывании своем на первых порах в

Петербурге доносили, между прочим, в Запорожье: „Тут умеют брать и червонцы, но все нам говорят: "Ничого не знаем, ничого не можем"“. Все сидять в Потемках. Орлам приборканы крылья; Панин у великой пани не в великой милости... А наш Безбородько, даром що без бороды, на Московском смальце (гусином жире) выкохав себе причудесный хвост и верить сюды крестом, туды хвостом, мов добрая лисиця, так що не поймаешь его ни з якою собакой. Були мы на смотринах и у Царского бельма. Те жь и Царское бельмо глядит на нас в потемках. Ведуть к тому, слух иде, щоб наши палестины разделить промежь Петенбургскими вельможными панами, ян по Писанию: „Розделиша ризы и меташа жребий!“». [\[262\]](#)

Под «Царским бельмом» запорожцы подразумевали генерал-поручика князя А. А. Вяземского. В свое время Петр Великий, представляя Сенату первого генерал-прокурора Ягужинского, сказал: «Вот мое око». Вяземский же смотрел сквозь пальцы на огромные хищения екатерининских вельмож, за что его и прозвали «Царским бельмом».

Императрица отказала запорожцам в личной аудиенции, но пригласила их в Царскосельский дворец на обед, где присутствовало несколько вельмож. Придворные начали издеваться над казаками: «И где этот глупый народ родится?» — спросил кто-то по-французски, думая, что депутаты его не поймут. Другой придворный ответил: «Где? Разумеется, в их там дикой Хохландии». Пародируя этот разговор между собой, один запорожец сказал, как бы с удивлением, продолжая есть похлебку: «Ай, ай, ай! Сколько панов!» Другой добавил: «Да все яки великии да розумныи!» «И где си паны родятся?» — спросил первый. «Родятся в Петербурси та в Москви», — был ответ второго. «А где жь воны умирають?» — не унимался первый казак. «В Сибирии та в Камчатци», — нашелся второй. Придворные немедленно замолчали.

А тем временем Потемкин вручил генералу П. А. Текелли, сербу по национальности, секретный ордер на уничтожение Сечи. Казаки и не думали о сопротивлении русским войскам, и ночью солдатам Текелли удалось захватить большую часть артиллерии Запорожского войска, находившейся вне Сечи. Затем регулярные войска осадили Сечь. Но трусоватый серб боялся идти на приступ. За несколько дней осады наместник Сечевых церквей архимандрит отец Владимир Сокальский напомнил Товариществу о единоверии с Русью, а кошевой — о единокровии и единодержавии. Сами казаки миром обсудили, как ни горько им было, что «не приходится им руку поднимать на силу Белой Царицы»..

5 июня 1775 г. войска Текелли без боя вошли в Сечь. Царские войска

грабили Сечь не хуже, чем запорожцы — турецкие города. Все начальство Сечи добровольно отдалось в руки правительственных войск, надеясь, что императрица учтет их действия по предотвращению кровопролития.

Главного войскового старшину кошевого атамана Петра Ивановича Калнышевского (Калныша), войскового судью Павла Фроловича Головатого и войскового писаря Ивана Яковлевича Глобу генерал Текелли под стражей отправил в Москву и посадил под замок в конторе Военной коллегии.

Императрица и Потемкин оказались в сложном положении: судить запорожскую старшину было попросту не за что. Ведь все прегрешения, подлинные и мнимые, указанные в манифесте Екатерины II, числились за Войском Запорожским и раньше, при Алексее Михайловиче, Анне Иоанновне и Елизавете Петровне. И вот тогда Потемкин предложил Екатерине испытанный прием: сделать так, чтобы казацкие старшины сгинули без следа.

Надо сказать, что матушка-государыня не любила публичных казней. А если бы полюбила, то процарствовала бы недолго — у нее могли случиться «геморроидальные колики», как у благоверного супруга. Вспомним, что императрица Елизавета Петровна не подписала ни одного смертного приговора. При Екатерине казнили поручика Мировича за попытку освобождения императора Иоанна Антоновича, да еще Пугачева с четырьмя сподвижниками. Естественно, в это число не включены сотни смертных приговоров, вынесенных военными властями во время боевых действий.

Зато в царствование «философа на троне» люди начали бесследно исчезать. Так, исчезло несколько десятков гвардейских офицеров, на дружеских пирушках обсуждавших возможности новых дворцовых переворотов. От исчезновений не были гарантированы даже высшие духовные лица. Так, в 1767 г. Екатерина приказала тайно отправить в Ревельскую крепость ростовского митрополита Арсения Мацеевича. Он содержался в отдельном каземате под именем Андрей Враль. Видеться на прогулках и общаться с ним не позволялось никому. Сторожить митрополита позволялось только «иноземным» солдатам, не понимавшим по-русски. В таких нечеловеческих условиях Арсений прожил недолго и скончался 28 февраля 1772 г. Совсем недавно русская православная церковь причислила Арсения Мацеевича к лику святых.

В царствование Екатерины был лишь один случай возвращения из «бесследно исчезнувших». В 1770 г. матушка упекла на Камчатку лихого поляка Морица Беневского. Беспокойному шляхтичу житье там не понравилось, и он подбил ссыльных и нескольких местных русских

жителей устроить бунт. Начальник Большерецкого острога капитан Григорий Нилов был убит, а острог захватили восставшие. 30 июня 1771 г. в Большерецк прибыл галиот «Святой Петр», который немедленно был захвачен Беневским. Далее поляк с 96 сообщниками отплыл с Камчатки на юг, без карт, не зная пути. Замечу, что до этого ни европейские путешественники не добирались до Камчатки, ни русские не ходили южнее Курильских островов. В итоге Беневский с компанией доплыл до португальской колонии Макао, а оттуда добрался до Парижа.

Но вернемся к несчастным запорожцам. 14 мая 1776 г. Потемки пишет Екатерине: «Вашему императорскому величеству известны все дерзновенные поступки бывшего Сечи Запорожской кошевого Петра Калнышевского и его сообщников судьи Павла Головатого и писаря Ивана Глобы, коих вероломное буйство столь велико, что не дерзаю уже я, всемилостивейшая государыня, исчислением одного трогать нежное и человеколюбивое ваше сердце... по всем граждански и политически законам заслужили [они], по все справедливости, смертную казнь...» Далее Светлейший просит проявить милосердие и «отправить на вечное содержание в монастыри, из коих кошевого — в Соловецкий, а прочих — в состоящие в Сибири монастыри». Естественно, последовало традиционное: «Быть по сему».

Сечевой настоятель архимандрит Владимир Сокольский был некоторое время в заключении в Киеве, но потом назначен наместником Ботуринского монастыря.

Иван Глоба кончил свои дни в каменном мешке Белозерского монастыря, а Павел Головатый — в Тобольском монастыре. Петра Калнышевского летом 1776 г. доставили в Соловецкий монастырь. Как писал Г. Г. Фруменков: «Заточение было ужасным, условия существования нечеловеческие. М. А. Колчин так описывает каземат, в котором сидел Калнышевский: „Перед нами маленькая, аршина в два вышины, дверь с крошечным окошечком в середине ее; дверь эта ведет в жилище узника, куда мы и входим. Оно имеет форму лежачего усеченного конуса из кирпича, в длину аршина четыре, шириною сажень, высота при входе три аршина, в узком конце полтора“». ^[263]

В этом каменном мешке Головленковой тюрьмы Калнышевский провел 16 лет, после чего ему отвели более «комфортабельную» одиночную камеру рядом с поварней, где он провел еще 9 лет.

Указом Александра I от 2 апреля 1801 г. бывшему кошевому было «даровано прощение» и право по своему желанию выбрать место жительства. Калнышевскому к тому времени исполнилось 110 лет, из

которых последние 25 лет он провел в одиночных камерах монастырской тюрьмы. Бывший кошевой совсем ослеп и не захотел покидать монастырь. Через 2 года он там скончался.

Лишь небольшая часть запорожской старшины получила офицерские звания и осталась служить Потемкину. В их числе были и члены делегации Войска, находившиеся в момент разгрома Сечи в Петербурге. Позже Антон Головатый рассказывал, что его внезапно вызвали к Светлейшему. Потемкин, встретив Антона, сказал: «Все кончено. Текелли доносит, что исполнил поручение. Пропала ваше Сечь». Пораженный услышанным, Головатый, не помня себя, запальчиво возразил: «Пропали же и вы, ваша светлость!» «Что ты врешь?» — закричал Потемкин, и при этом так взглянул на Головатого, что тот, по его словам, «на лице его ясно прочел мой маршрут в Сибирь и потому крепко струсил; надо было посмешить смягчить гнев всемогущего вельможи и я, несмотря на сильную горесть, поразившую меня, скоро нашелся и отвечал ему: „Вы же, батьку, вписаны у нас казаком; так коли Сечь уничтожена, то и ваше казачество кончилось“». На что Потемкин сердито ответил: «То-то же, ври, да не завирайся!» Вскоре Головатый получил чин поручика и был направлен в Новую Россию.

Оставим в стороне моральную сторону расправы над запорожцами и рассмотрим вопрос лишь с точки зрения государственных интересов России. Тут можно лишь повторить знаменитую фразу Талейрана: «Это хуже, чем преступление, это — ошибка».

Вполне допускаю, что если бы на границе России жили мирные соседи, и Екатерина II не собиралась бы больше воевать, сложившаяся ситуация имела бы хоть какое-то оправдание. Но, увы, и Екатерина, и Потемкин готовились к новой войне и в то же время ради сиюминутных выгод лишились храброго и сильного союзника.

Однако не будем судить Екатерину и Потемкина слишком строго. Не будем забывать, что они находились поистине в экстремальной ситуации. Малейшая ошибка в крымских делах — и неизбежна новая война с турками. Не будем забывать, что с 1764 г. по 1793 г. значительные силы русской армии будут находиться в Польше и вести там войну с буйным панством.

Наконец, и Екатерина, и Потемкин были крайне напуганы крестьянско-казацкой войной Емельяна Пугачева. Все эти факторы неизбежно повлияли на решение императрицы в отношении Сечи.

В Сечи бытовало древнее предание. Однажды все лето стояла страшная жара, все поля погорели, все выгорело до последней былинки. Старики-казаки заявили, что дожди крадут ведьмы. Запорожцы схватили

двух старух, «и як их пришпарили Сечовики, сами воны и повинились, а як стали их топить в речце, одна, утопаючи, и закричала:

— От же, вы, Запороженьки, губите нас, баб: сгубить и вас самих баба!

Воно так и вышло теперь по заклятью вражой ведьмы: Царица Катерина разорила Запорожьсье гнездо — Сечь». [\[264\]](#)

Глава 23

Запорожцы за Дунаем

Как я уже говорил, запорожское казачество не было однородным — были богатые и бедные — но это было последнее в составе Российской империи вольное казачество. Екатерина же превратила земли запорожцев в помещичьи владения. М. К. Любавский писал: «Немедленно после разрушения Сечи в 1775 г. запорожские земли стали раздаваться чиновникам, штаб- и обер-офицерам. Условия получения земель были очень выгодные: на 10 лет давалась льгота от всех повинностей, в течение этого времени владельцы должны были заселить свои участки с таким минимумом, чтобы на каждые 1500 десятин приходилось по 13 дворов. Величина участков колебалась от 1500 до 120 000 десятин. Впрочем, были такие лица, которые получали по несколько десятков тысяч десятин и даже больше, а Сечь, переименованная в село Покровское, была пожалована при 200 тыс. десятин тогдашнему генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому. Эти 200 тыс. десятин были заселены 3000 душ крестьян и впоследствии проданы наследникам князя Вяземского еврею Штиглицу, нажившему колоссальные суммы денег от содержания соляных озер в Тавриде. По истечении 10 лет заселенные земли обращались в собственность новых владельцев».^[265]

Понятно, что большинство запорожцев отказались служить царице и решили уйти в Турцию. Они группами по 50 человек стали обращаться к генералу Текелли с просьбой выдать «билет» (то есть разрешение отправиться ватагой на заработки). Простодушный серб обрадовался: «Ступайте, запорожники, с Богом... Зарабатывайте себе». Билет выдавался на 50 человек, но к каждой группе присоединялось еще несколько десятков казаков. Все они потихоньку добрались до турецких владений.

Поначалу запорожцы селятся в районе Очакова и на побережье Черного моря, в том числе и на острове Березань. Султан Абдул Гамид I благожелательно отнесся к прибытию казаков. Прислал казакам специальную грамоту и константинопольский патриарх Сафроний с увещеваниями «покориться Оттоманской державе по приказанию Христову». С согласия султана кошевым атаманом был избран казак Игнатий.

Из казацкой песни:

Ходім служити ми до турчина:
Турчин нас добре знає!
Ти турецький царю, ти турецький царю,
Змилуйся над нами,
Прийми нас у свою землю курінями^[266]

3 июня 1779 г. главнокомандующий русскими войсками граф Румянцев-Задунайский отправил письмо очаковскому паше с просьбой огласить запорожским казакам амнистию, дарованную им императрицей, а также «не чинить малейших препятствий для их возвращения в Россию и отсылать без задержки на эту сторону Дуная тех из них, кто не захочет воспользоваться данной свободой».

Между тем еще в 1782 г. запорожские казаки просили султана разрешить им жить в дунайских устьях. Надо ли говорить, что запорожцы небольшими группами периодически проникали на русскую и польскую территории с целью грабежа и угона скота.

После войны 1787–1791 гг. султан повелел запорожцам селиться не на границе, а в устье Дуная на Георгиевском острове и в его окрестностях.

На Дунае запорожцы оказались соседями некрасовцев, которые несколькими партиями, особенно крупные были в 1740 г. и 1778 г., переселились с Кубани. Турки звали запорожцев «баткалами», а некрасовцев — «липованами».

Казалось бы, донские казаки, бежавшие от деспотизма Петра, и днепровские казаки, обиженные Екатериной, найдут общий язык. Но, увы, запорожцы и некрасовцы стали злейшими врагами. В 1863 г. древний старик-некрасовец рассказывал историку В. Кельсиеву: «От хохлов окаянных житья нет (на Дунае). Там у них энто Сечь их была... народ буйный, злятся бывало на нас...что хозяйство у нас хорошее, и воюют с нами. Бои такие бывали, что только Господи упаси».^[267]

Дело в том, что у обеих групп казаков уже сложился разный менталитет. Некрасовцы были сплошь старообрядцами, а запорожцы оставались православными и перешли в юрисдикцию константинопольского патриарха. Некрасовцы придерживались древнего благочестия, а запорожцы отличались буйным нравом. Так, к примеру, некрасовцы, сами не употреблявшие табака, терпеть не могли «смердящих трубок» запорожцев.

Возникали, естественно, ссоры из-за земли, а главное, из-за рыбных мест на Дунае. Дело в том, что рыбная ловля у некрасовцев и запорожцев

была если не главным, то одним из основных источников дохода. В итоге между запорожцами и некрасовцами постоянно происходили вооруженные стычки.

Естественно, что турки в военное время использовали запорожцев и некрасовцев в разных корпусах, не допуская их соприкосновения.

Запорожские казаки были поселены турками в устье Дуная в районе, имеющем название Буджаковский Санджак, куда запорожцы и перенесли все свои вековые обычаи. На развалинах татарского местечка Буджак была создана Дунайская Сечь, здесь же установили походную церковь и хранили знамя Войска Запорожского, а также знамена, захваченные казаками в прежних битвах. Вокруг церкви было 38 куреней, образовавших площадь для сбора рады. Буджак окружал вал, на котором казаки установили пушки.

Запорожцы жили в Сечи, оставаясь холостыми, а женившись, перебирались в паланки, по-прежнему принадлежа к своему куреню.

Султан оставил в неприкосновенности внутреннее устройство Сечи, но подчинил запорожцев бабадагскому паше и причислил к Силистрийскому округу. Замечу, что кошевой атаман пользовался такими же правами, как и государи Молдавии и Валахии. Кошевой атаман получил от султана бунчук с двумя концами и булаву, а войско — двухцветное знамя: на белом поле золотой православный крест, а на черном поле серебряный месяц. Войсковая хоругвь была освящена константинопольским патриархом в присутствии двенадцати епископов.

Казакам было дано право свободно заниматься рыбной ловлей, а за это они обязывались защищать устье Дуная и в случае войны высылали тысячу человек.

Вновь возникает естественный вопрос: каким образом производилось воспроизводство казаков на турецкой земле? Не за счет же турок или румын? Ну, во-первых, значительная часть задунайских запорожцев была уже жената. Во-вторых, в Дунайскую Сечь постоянно бежали подданные Российской империи, как малороссы, так и великороссы. Кроме того, казаки имели возможность покупать в Турции невольниц православного вероисповедания.

Так, например, в 1820 г. к запорожцам, покупавшим припасы в Измаиле, пристал молодой казак Осип Гладкий, уроженец села Мельниково Золотоношского езда Полтавской губернии. Он оказался прекрасным стрелком, отлично скакал на коне, ловко правил рулем и был «хитер и покоен в бою». Позже он станет кошевым задунайских казаков.

К сожалению, запорожцы на Дунае не оставили нам письменных

материалов о своей жизни. А может таковые и существовали, но позже были уничтожены турками или царскими офицерами.

В ходе войны 1787–1792 гг. меньшая часть задунайских «неверных» запорожцев перешла на сторону русских, но большинство храбро сражались в турецкой армии. Как ни прискорбно, но запорожцы решительно подавляли антитурецкие восстания в Османской империи. Так, в 1820 г. в ходе греческого восстания, когда Байрон сражался вместе с повстанцами, запорожцы были на стороне турок.

В 1822 г. турецкий флот подошел к греческому острову Хиос в Эгейском море. Турецкий десант фактически вырезал всех греков-мужчин на острове. Православный архиепископ Платон был повешен на флагманском корабле. На берегу турки сажали греков на кол, строили пирамиды из отрубленных голов, делали плетенницы из отрубленных ушей и прочая, и прочая...

События на Хиосе потрясли всю Европу. Знаменитый французский художник Эжен Делакруа в 1824 г. пишет картину «Резня на острове Хиос». Англия, Франция и Россия направляют свои эскадры в Эгейское море для защиты мирного греческого населения.

Увы, в этой дикой резне участвовало пятьсот запорожцев под началом кошевого атамана Семена Мороза и войскового старшины Лоха. Кстати Мороз — уроженец города Киева, а Лох — знатный польских шляхтич, уроженец Правобережья. В сражении на Хиосе кошевой и сложил свою буйную головушку.

Детали участия казаков в резне до нас не дошли. Есть несколько описаний событий на Хиосе, оставленных уцелевшими греками. Но те не знали русского языка и не различали запорожцев среди турок.

После смерти Семена Мороза казаки выбрали кошевым атаманом Игната Стеблииевского, затем — Михаила Губу, Андрея Стрельцова, Василия Чергену и, наконец, Осипа Гладкого. Понять причину этой чехарды кошевых — пять за 4–5 лет — невозможно. Да и избрание в кошевые сравнительно молодого казака, прожившего с ними всего 6 лет, выглядит более чем странно. Уж очень напоминает сей Осип «засланного казачка». Вполне допускаю, что в одном из отечественных архивов и лежат документы о засылке столь «гладкого персонажа».

В 1828 г. началась новая русско-турецкая война, и русская армия двинулась к Дунаю. Для задунайских запорожцев наступило время выбора.

«В тихую майскую ночь на Буджаке загудел набат. Все казаки, сколько их было, бесшумно собрались на площади, готовые в поход. Вышел Гладкий с булавою в руках... Казаки усердно помолились перед образом

Николая Чудотворца и распростились с Буджаком: он быстро опустел...

Было еще темно, когда на берегу Дуная шла нагрузка лодок запорожским добром; более тысячи человек разместилось в 42 больших и 50 малых неводных лодках. Когда зарделся восток, все эти лодки в стройном порядке уже неслись к Черному морю. Впереди всех, обитая красным сукном и увешанная коврами, с 12 гребцами шла лодка кошевого; на ней развевались 2 бунчука и запорожское знамя; здесь же помещалась кошевая казна и все грамоты Сечи». [\[268\]](#)

Через три дня казачья флотилия прибыла в предместье Измаила, где находилась ставка императора Николая I. Запорожский кошевой Осип Иванович Гладкий, имевший в Турции звание Двух-Бунчужного паши, подал царю булаву и грамоты, пожалованные Сечи султаном, и сказал:

«— Великий Государь! Прости и помилуй Твоих заблудших подданных. Прими от нас все, что наше, дай только нам Твое царское прощение, окажи нам Твое милосердие!

— Прости, великий Царь! — сказали остальные запорожцы.

— Бог вас прощает, Отчизна прощает и Я прощаю, Я знаю, что вы за люди!». [\[269\]](#)

В ночь с 16 на 17 мая запорожцы (теперь уже «верные») оказали существенную помощь русской армии в форсировании Дуная. После захвата турецких укреплений на правом берегу Дуная Николай I сел в лодку, на которой развевался императорский флаг. Рулевым был сам Гладкий, а гребцами — пять куренных атаманов и семь старшин. Лодка быстро доставила императора на правый берег. Осмотрев взятые укрепления, Николай I на этой же лодке вернулся обратно.

По возвращении царь со словами: «Благодарю, атаман! Храбрость твою и распорядительность я видел своими глазами!» собственноручно возложил на Гладкого полковничьи эполеты и Георгиевский крест 4-й степени. «Поздравляю и вас, молодцы, георгиевскими кавалерами!» — обратился Николай к остальным атаманам и старшинам.

4 апреля из задунайских запорожцев по указу Николая I был сформирован Дунайский казачий полк.

По поручению императора в 1829 г. полковник Гладкий ездил на Кавказ выбирать земли для поселений запорожцев, после чего прибыл в Петербург. Гладкий просил у царя отвести войску земли не на Кавказе, а по берегу Азовского моря, около Бердянска. Николай I согласился, да еще подарил Гладкому богатое имение (хутор Полтавец) в Александровском уезде Екатеринославской губернии.

27 мая 1832 г. Дунайский полк вместе с другими группами задунайских запорожцев, бежавших из Турции, был зачислен в состав нового казачьего войска, названного Азовским.

В 1862–1864 гг. казаков Азовского войска по частям перевели в состав Кубанского казачьего войска. А 11 октября 1864 г. Азовское войско было упразднено. К этому времени в составе войска оставалось 6065 душ обоего пола.

Однако Гладкий увел с Дуная не всех запорожцев. Что касается остальных, то они горько проклинали Гладкого. Турецкие войска разрушили Дунайскую Сечь. Много казаков было убито, а остальных небольшими группами расселили в разных местах Оттоманской империи.

В 1828 г. русское командование могло путем опроса задунайских запорожцев, включая стариков, составить подробный отчет о деятельности Задунайской Сечи. Не будем забывать, что казакам, которые при разгроме Сечи в 1775 г. было 20 лет, в 1828 г. исполнилось всего 63 года, и они могли хорошо помнить всю историю Задунайской Сечи. Но, увы, сделано этого не было. Мало того, по тайному Высочайшему повелению о запорожцах за Дунаем было приказано забыть навсегда.

Это табу было нарушено лишь 14 апреля 1863 г., когда в Петербурге на сцене Мариинского театра состоялась премьера оперы «Запорожец за Дунаем». Музыка и либретто к ней написал Семен Степанович Гулак-Артемовский (1813–1873).

Действие оперы происходит в самом конце XVIII века на Дунае не в Сечи, а в паланке (селенье), где живут запорожцы. Главный герой оперы запорожец Иван Карась имеет сварливую и ревнивую жену Одарку. Тут же развивается и любовь молодого казака Андрея к приемной дочери Карася Оксане.

В целом опера — веселая и красивая сказка, а к жизни Задунайской Сечи она имеет такое же отношение, как и опера Глинки «Жизнь за царя» (в советском варианте «Иван Сусанин») к событиям Смутного времени.

Глава 24

Приключения «верных» запорожцев

В конце 1786 г. — начале 1787 г. князь Потемкин изменил свое отношение к запорожцам и решил создать из них войско. Дабы не путать запорожцев, оставшихся в России, с запорожцами, ушедшими на Дунай, Потемкин приказал первых именовать «верными», а вторых — «неверными» запорожцами.

Причиной изменения политики по отношению к запорожцам наши историки единодушно считают приближение русско-турецкой войны, к которой Россия еще не была готова. Это относится и к строительству флота, и к строительству портов и крепостей, обучению войск, подготовке армейских магазинов и т. п. Безусловно, эта причина более чем веская, и с ней нельзя не согласиться.

Но в дополнение к ней я бы назвал не менее важную причину — у Потемкина появились планы воссоединения Правобережья и Левобережья. При этом «светлейший» желал стать полунезависимым правителем Малороссии и Новороссии. Замечу, что гетманство на Правобережье было уничтожено манифестом Екатерины II еще 10 ноября 1764 г. Именно с этой целью Потемкин позже принял титул Великого гетмана императорских казачьих войск екатеринославских и черноморских.

27 февраля 1787 г. Потемкин подписал указ о формировании войска «верных» казаков. Кошевым атаманом стал бригадир Захарий Чепега, войсковым судьей — полковник Антон Головатый, войсковым писарем — Тимофей Котляревский.

Весной-летом 1787 г. состоялось путешествие Екатерины II в Новую Россию. Во время ее пребывания в Кременчуге, а позже — в Бериславе, Потемкин представил императрице Чепегу, Головатого и других запорожских старшин.

Екатерине идея восстановления запорожского войска в целом понравилась, но раздражало его название. 22 февраля 1788 г. императрица писала Потемкину: «Что верные запорожцы верно служат, сие похвально, но имя запорожцев со временем старайся заменить иным, ибо Сеча, уничтоженная манифестом, не оставила по себе ушам приятное прозвание; в людях же незнающих, чтобы не возбудила мечты, будто за нужно нашлось восстановить Сечу или название».

Боевые действия на Черном море начались 22 июня 1787 г. В этот день 11 турецких судов обстреляли у Кинбурнской косы в Лимане стоявшие в дозоре фрегат «Скорый» и бот «Битюг». С началом войны русский флот оказался разделенным надвое. В Севастополе базировался корабельный флот под командованием контр-адмирала Марка Войновича, а гребная флотилия и новопостроенные парусные суда, которые не успели из-за начала войны перевести в Севастополь, находились в Лимане и базировались на Херсон.

Турецкая эскадра подошла к Очакову и блокировала русскую Лиманскую флотилию. С самого начала войны у Потемкина шли конфликты с командующим Лиманской флотилии графом Николаем Семеновичем Мордвиновым. Григорий Александрович поначалу упек Мордвинова в Херсонское адмиралтейство, а в 1789 г. вообще отправил в отставку. Командовать же флотилией поручил двум экзотическим иностранцам: принцу Нассау-Зигену и шотландцу Полю Джонсу, принятым в русскую службу в чине контр-адмиралов.

Принц Нассау-Зиген вел свое происхождение от принца Оранского графа Нассау (1533–1584). Он родился в 1743 г., получил образование во Франции и в пятнадцатилетнем возрасте вступил во французскую армию. В 1766–1769 гг. Нассау-Зиген участвовал в кругосветном плавании Л.А. де Бугенвиля. Затем принц едет в экспедицию в Центральную Африку, после чего вновь вступает во французскую армию в чине полковника. В 1779 г. он предпринимает неудачную попытку овладеть британским островом Джерси. В следующем году Нассау-Зиген переходит на службу к испанскому королю и в 1782 г. командует отрядом плавучих батарей при штурме Гибралтара. Операция против Гибралтар кончается неудачей, но Нассау-Зиген получает чин генерал-майора и титул испанского гранда.

Поль Джонс родился в 1747 г. в Шотландии в семье бедняка. Он начал свою морскую карьеру в 13 лет юнгой, в 18 стал первым помощником капитана, а в 21 — капитаном. В 1773 г. в Виргинии умирает его старший брат, оставляя небольшое поместье. 26-летний моряк становится американским плантатором и принимает по условию завещания фамилию Джонс. Но скоро начинается война Североамериканских штатов за независимость, участвуя в которой он находит свое истинное призвание. Поль Джонс становится капером или, попросту говоря, пиратом. В декабре 1775 г. Поль Джонс поднимает флаг Североамериканских штатов над торговым судном — бригом «Альфред».

В 1776–1779 гг. Поль Джонс захватывает десятки военных и торговых британских судов, а осенью 1779 г. даже нападает на Ливерпуль. Англичане

называют его пиратом, а континентальная Европа — Черным корсаром.

После заключения мира с Англией Поль Джонс поселился в своем доме в Париже. Русский посол Иван Симолин доложил об оставшемся не у дел пирате в Петербург. Императрица лично написала письмо Полю Джонсу с предложением поступить на русскую службу.

Черный Корсар приехал в российскую столицу 23 апреля 1787 г. Екатерина II немедленно удостоила аудиенции шотландского «морского волка», которого ей представил французский посол граф Сегюр. Из рук Екатерины Поль Джонс получил патент на чин контр-адмирала за ее собственноручной подписью, но на имя француза Павла де Жовеса.

Но вернемся к запорожцам. Боевое крещение Войско верных казаков приняло в сражении у Кинбурнской косы 1 октября 1787 г. Победой российского оружия и закончилась эта кампания. В честь этого императрица повелела отчеканить 190 медалей с надписью «Кинбурн 1 октября 1787». Однако по ошибке чиновников Монетного двора было изготовлено всего... 19 медалей, и получивший их Потемкин написал Александру Суворову такой расклад: шесть медалей — пехоте, шесть — коннице, шесть — казакам и одну — артиллеристу, который поджег бомбой турецкий флагман. Солдаты и казаки должны были сами решить, кто из них достоин награды. Кто из казаков Сидора Билого получил медаль за Кинбурн, пока что установить не удалось.

23 апреля 1788 г. из Босфора вышла большая турецкая эскадра. Командовал ей капудан-паша (адмирала) Эски-Гуссейн, прозванный Крокодилом морских битв. В нее входило: 12 кораблей (от 46 до 66 пушек), 13 фрегатов, 2 бомбардирские барки, 2 галеры, 10 бомбардирских шлюпов и канонерских мореходных лодок и 6 брандеров, а также 20 флейтов^[270] с десантом морской пехоты и 20 тысяч солдат, из которых лишь на треть составляли турки, остальные были наемниками, завербованными в подвластных Порте территориях (одних греков было около 4 тысяч). На парусных кораблях и судах было несколько сотен английских матросов и офицеров-артиллеристов; советником капудан-паши был британский контр-адмирал.

Эскадра вышла в Черное море с соблюдением строжайшей тайны, но выход ее был раскрыт. 1 мая того же года греческие корсары атаковали и взяли на abordаж два турецких торговых судна. Одно из них увели в Севастополь, и пленные купцы поведали о выходе в море капудан-паши. Севастопольский флот был слаб, и Потемкин приказал привести в боевую

готовность Лиманскую гребную и парусную эскадры.

Тем временем капудан-паша продолжал идти к Очакову. Но примерно в 60 милях от Босфора эскадру нагнал поздний весенний шторм и нанес повреждения нескольким кораблям. Эсски-паша вынужден был возвратиться обратно. 10 мая эскадра вновь покинула Босфор, а 20 мая 1788 г. бросила якорь в видимости стен Очакова.

Утром 7 июня корабли Поля Джонса и гребные суда Нассау-Зигена атаковали турецкую эскадру. В ходе боя русской артиллерией были уничтожены три турецких судна. Турки отступили, но преследовать их русские не стали. Как писал Нассау-Заген Потемкину: «...к несчастью, ветер был противный и наши корабли не могли ее атаковать, и мы вынуждены были возвратиться, занять свое положение возле парусной эскадры».

Автору сдается, что принц лукавит. Почему это его гребные суда, которых он в письме именует кораблями, не могли идти против ветра на веслах, да еще по течению? Но Светлейший князь проглотил пилюлю. Все-таки три гребных турецких посудины потопили, и то, как говорить, «хоть шерсти клок». Потери русских в этом бою составили всего 4 убитых и 13 раненых.

Прежде, чем перейти к следующему сражению, стоит упомянуть забавную историю о похождениях Поля Джонса в 10-дневной паузе между сражениями. В боевых действиях в Лимане с обеих сторон принимали участие запорожские казаки. Поль Джонс еще в Европе слышал о запорожцах и решил их узнать поближе. Дважды (6 и 15 июня) он посетил стан «верных запорожцев». Во время последнего посещения знаменитый пират был торжественно принят в казаки. Среди запорожцев нашелся казак по имени Иван, сносно владевший французским, он и стал переводчиком.

Сидор Билый преподнес корсару запорожский подарок: шапку со шлыком, кунтуш алого сукна, такие же шаровары, казацкие сапоги, пояс с пистолетами, люльку и дорогую турецкую саблю. Изрядно угостившись горилкой, запорожцы переодели Поля в казацкую одежду, смущало их лишь то, что тот не имел чуба и усов. Потом пошел разговор о делах. Уже ночью пират попросил своего побратима Ивана показать ему мели на лимане. Надев темное платье и взяв с собой квач и смолу в небольшой кадучке, оба сели в лодки и, обмотав уключины мокрыми тряпками, тихо пошли на двух веслах к Очаковской гавани. Турки их не заметили. Иван подгреб вплотную к борту флагмана, подал адмиралу кадучку со смолой и квач, и тот на борту написал — «Сжечь, Поль Джонс». Затем запорожец указал адмиралу мели, на которые следовало заманить турецкие корабли во

время отлива. Затем побратимы благополучно прибыли обратно.

Между прочим, Поль Джонс несколько раз появлялся в запорожском костюме на палубе своего флагманского корабля «Святой Владимир». Вид контр-адмирала в шароварах «шириной в Черное море» настолько потряс служившего на корабле офицера англичанина, что тот пустил слух, что безбожный Джонс принял ислам.

16 июня в час пополудни турецкая эскадра решила атаковать корабли русских. Читал ли флагман турецкой эскадры надпись, сделанную на борту его корабля рукой Поль Джонса, история умалчивает. Вероятно, читал с помощью своих британских советников, так как Поль Джонс писал на английском языке. Весьма возможно, что Эски-Гуссейн пришел в ярость, и потому пошел в лиман впереди всей своей эскадры.

Вскоре флагманский 64-пушечный корабль сел на мель. Турецкие корабли окружили его. День прошел в перестрелке на больших дистанциях, как обычно, безвредной для обеих сторон. Тем временем баталия началась между двумя знаменитыми адмиралами. Принц Нассау-Зиген хотел атаковать всеми силами севшего на мель флагмана, а Поль Джонс отказывался принять в этом участие, справедливо полагая, что его корабли тоже могут сесть на мель. Сия баталия продолжалась несколько часов и кончилась лишь, когда туркам удалось снять с мели капудан-пашу.

Рано утром 17 июня к флотилии Нассау-Зигена присоединились 22 канонерские лодки с 18-фунтовыми пушками, пришедшие из Кременчуга. Вскоре русские парусные и гребные суда атаковали турецкую эскадру. Турецкому флагману фатально не везло — он опять сел на мель. Но на сей раз он был подожжен брандскугелем и сгорел. Между прочим, пират Поль Джонс приказал спустить шлюпки и организовать спасение турок на горящем корабле, за что позже подвергся насмешкам «благороднейшего» принца.

Сражение продолжалось четыре с половиной часа, после чего часть турецких судов отошла к стенам Очакова, а большая часть двинулась к морю. При отходе турки попали под ураганный огонь батарей с Кинбурнской косы.

Всего русскими было уничтожено три 64-пушечных корабля, два 40-пушечных и три 32-пушечных фрегата, одна 30-пушечная шебека и одна 14-пушечная бригантина.^[271] Один 64-пушечный турецкий корабль был взят в плен. Вскоре его отремонтировали в Херсоне. 22 октября 1788 г. он был введен в строй под названием «Леонтий Мученик». (См. 23)

В ходе двухдневного сражения было убито и утонуло около 6 тысяч турок, 1673 турка взято в плен. Наши потери: убитых 2 офицера и 16

нижних чинов, раненых 10 офицеров и 57 нижних чинов.

После сражения двенадцать турецких судов оказались под защитой орудий Очакова. 1 июля флотилия Нассау-Зигена подошла к Очакову и, несмотря на сильный огонь крепостной артиллерии, атаковала турецкие суда. Одиннадцать из них были сожжены или утоплены, а большая 50-весельная галера «Макроплея» взята в плен. На ней нашли одну 36-фунтовую и четыре 12-фунтовых пушки. По приказу Потемкина галеру переделали в Херсоне в 36-пушечный фрегат «Святой Марк». На нем установили два однопудовых единорога, двадцать две 12-фунтовые пушки и двенадцать 6-фунтовых и 8-фунтовых пушек.

В Лиманском сражении участвовало до 50 морских казацких лодок. Верные запорожцы понесли большие потери, не вошедшие в официальные сводки.

Заслуги всех были сравнительно объективно оценены Потемкиным в письме к Екатерине от 15 июня 1788 г.: «Я представляю на апробацию: Принцу Нассау второй класс Егорьевский [крест — А.Ш.]. Пауль Джонсу — анненскую, тоже и Мордвинову — за большие заботы и труды. Алексиану, который здесь старший бригадир, — Контр-Адмирала, чего он весьма достоин.

Командирам батарей и судов, бывших в сражении: подполковникам и капитан-лейтенантам — шпаги золотые, червонных в двести каждую, с надписью: „За мужество, оказанное в сражении 7 июня на лимане Очаковском“. Также бригадиру Корсакову и Графу Дама де Рожер. Запорожского Кошевого Сидара Белого — полковником. Походного атамана подполковника и кавалера Исаева^[272] — полковником.

Прочим, коим я могу делать произвождение, дадутся чины. Рядовым и запорожцам — по рублю».

17 октября 1788 г. Потемкин пишет Екатерине о том, что он послал верных запорожских и донских казаков захватить Гаджибей и Паланку (в районе нынешней Одессы). «Турецкие канонерские лодки, — писал Светлейший, — стоявшие под Очаковом, которые в прошедшем сражении были повреждены, исправлены. Я приказал их взять или сжечь Принцу Нассау, но он пытался два раза, и не удалось или, лутче сказать, счастье не послужило. И он, отведав трудность, под предлогом болезни уехал в Варшаву. Сии [турецкие — А.Ш.] суда через два дня после того ушли из Очакова к своему флоту мимо флотилии и спящего адмирала Пауль Жонса, который перед тем пропустил в день под носом у себя три судна турецких в Очаков, из коих самое большое село на мель. Я ему приказал его сжечь, но он два раза пытался и все ворочался назад, боялся турецких пушек. Дал я

ему ордер, чтобы сие предприятие оставить, а приказал запорожцам. Полковник Головатый с 50 казаками тотчас сжег, несмотря на канонаду, и подорвал судно порохом, в нем находившимся».

20 июня 1787 г. от ран, полученных в Лиманском сражении, умер Сидор Билый. В тот же день атаман Антон Головатый привез тело на Кинбурнскую косу. При отпевании впереди российских офицеров стоял с обнаженной головой Александр Суворов, а среди запорожцев, рядом с Антоном Головатым, был Поль Джонс. Могилу вырыли в самой церкви, сверху положили чугунную плиту.

5 октября 1855 г. могилу Сидора Билого потревожили: в Кинбурне высадились англичане, которые забрали пушки и плиту.

Потомки-запорожцы не забыли Сидора Билого, и 26 августа 1904 г. он посмертно стал вечным шефом Полтавского Кошевого Сидора Билого конного полка Кубанского казачьего войска.

Отличились запорожцы и при взятии крепости Гаджибей (на территории будущей Одессы). При этом запорожские суда были подчинены контр-адмиралу Марку Войновичу, а три конных полка (по 500 казаков) и три пеших полка при шести пушках подчинялись генерал-майору Дерibasу. Судами командовал Антон Головатый, а сухопутными силами запорожцев — Захарий Чепега.

Однако корабельный флот Войновича и гребная флотилия не могли подойти к Гаджибею. 22 сентября 1789 г. Потемкин объяснит это императрице так: «Флоту нашему штурм сильный препятствовал выйти, и он едва мелкие суда спас от повреждения; однако же не без починки. Иначе вся бы флотилия турецкая была у нас в руках!». ^[273] А в более раннем донесении Светлейший говорит о сильной буре.

А вот цитата из рапорта генерал-поручика И. Гудовича князю Г. Потемкину: «...с 11-го на 12-е число сего месяца [октября] в ночи перешел с тремя конными и тремя пешими полками верных Черноморских казаков и с шестью их малыми пушками узкий перешеек между морем и лиманами обоих Куяльников, а с 12-го на 13-е в ночи же перешли там два батальона пехоты, то есть Николаевский гренадерский и прибавленный мною Троицкого пехотного полка, осадной артиллерии 4-е орудия и шесть пушек с их снарядами, из числа которых 4-е полковые пушки и 2-е шестифунтовые полевые, отряженные от меня прежде в Николаевский гренадерский батальон.

Тишина и порядок во время перехода узкого сего места на расстоянии 8-ми верст под выстрелами неприятельского флота, где малейшая неосторожность открыла бы приближение войск наших наблюдаемы были в

точности данных о том приказаний...

Между тем, господин генерал-майор и кавалер Рибас для атаки Гаджибея разделил пехоту свою на 2 части, каждая из двух рот Николаевского гренадерского батальона и двух рот Троицкого пехотного полка с резервами в обоих частях. 1-я под командою г-на полковника Хвостова должна была левым берегом прямо к замку следовать и овладеть оным, взойдя по лестницам. На правом же фланге два полка пеших верных Черноморских казаков с резервами их должны были в одно с ним время, подступя к замку, стараться войти и разделить на все стороны внимание обороняющих оный; 2-я под командой секунд-майора Воейкова с одним полком верных Черноморских казаков имела занять форштадт и препятствовать уходу неприятеля из замка на суда. На перешейке же внизу берега устроена была батарея из четырех осадных и двенадцати полевых орудий с тем, что бы стрелять с боку по судам неприятельским.

В сем порядке в 7 часов вечера выступил он, господин генерал-майор и кавалер Рибас и пришел в балку, от замка в 2-х верстах отстоящую. Весь день 13-го числа ветер был благополучный, и по уведомлению господина контр-адмирала и кавалера графа Войновича, что флот выступит и по сделанному с ним условию, он, господин генерал-майор и кавалер, учредя в трех местах по берегу огни, ожидал его прибытия. Хотя ж в полночь ветер и весьма усилился, но он полагая несомненно, что флоту уже близко быть надлежало, да и видя уже невозможность в такой близости к неприятелю далее открыться, а более, что не находил в том нужды, в 4-м часу по полуночи, при помощи Божьей, со всеми частями по назначению их пошел к атаке...

По таковым овладением замком, флотилия неприятельская сильно стрельбою из пушек и мортир начала уже вредить на берегу расположенному и в замок вступившему войску, как нарочно присланная от меня артиллерия с майором и кавалером Меркелем батарея в четырнадцать орудий, перенесенных с отменной скоростью с левой стороны замка, где не могла она уже со всем успехом против уклонившихся вправо неприятельских судов, на правую сторону замка для удобнейшей стрельбы по оным, начала производить по сим судам сильную пальбу. Главный же корпус пошел на возвышенное место в полуверсте от замка в виду неприятельского флота, и я будучи на правой стороне замка у батареи, был очевидным свидетелем, что искусством артиллерии майора и кавалера Меркеля и верным стрелянием из всей батареи неприятельские суда не только принуждены были окончить стрельбу свою, но и от сильного повреждения начали от берега поспешно ретироваться». [\[274\]](#)

В очередной раз прошу извинения у читателя за длинную цитату, но как иначе избежать обвинений в очернительстве. Ведь получается любопытная ситуация: никаких бурь не было и в помине, турецкая эскадра спокойно вела прицельный огонь «из пушек и мортир», а корабельный флот адмирала Войновича и бригадира Ушакова просто предпочел не ввязываться в драку. Между прочим, граф Марк Иванович Войнович в войну 1769–1774 гг. был лихим пиратом, и его полакра «Ауза» наводила ужас на купцов в Восточном Средиземноморье. Но к старости он обрюзг и стал отчаянным трусом. Его отец, Иван Войнович, также был пиратом, а, нанимаясь на русскую службу, лихие флибустьеры объявили, что они графы. Граф Алексей Орлов спорить не стал — графы, так графы. Благо, сам он получил титул за учинение «геморроидальных колик» императору Петру Федоровичу.

Но вернемся к взятию Гаджибея. Трофеями русских стали 12 пушек и 53 человека, включая двухбунчужного пашу Ахмета. Кроме того, два турецких лансона^[275] оказались на мели и не смогли уйти. Запорожцы бросились в воду и захватили один лансон, вооруженный 27-фунтовой пушкой, и взяли в плен 26 турок.

Потери русских в ходе штурма Гаджибея оказались крайне малы: трое рядовых Троицкого полка и один казак были убиты, и ранено 23 человека.

После взятия Гаджибея часть запорожских морских лодок под командованием Головатого, действовавших на Днестре, поднималась вверх до устья реки Ботны.

2 октября 1790 г. Потемкин приказал гребной Лиманской флотилии генерал-майора Де-Рибаса войти в Дунай. На переходе с моря ее должна была прикрывать Севастопольская эскадра Ушакова. Флотилия Де-Рибаса состояла из 33 судов (22 лансонов, 6 дубель-шлюпок, двух катеров, двух шхун и одного бомбардирского корабля «Константин»), 48 запорожских лодок и нескольких транспортов. В середине октября флотилия прошла морем из Днепро-Бугского лимана в устье Дуная.

19 октября флотилия Де-Рибаса напала на турецкие суда в Сулинском устье (гирле) Дуная. В ходе двухдневного боя одно большое гребное судно турок было взорвано, захвачено 7 купеческих судов. На берег было высажено 600 гренадер, которые взяли штурмом две турецкие батареи.

Авангард Дунайской флотилии под командованием капитана Ф. А. Ахматова 6 ноября подошел к турецкой крепости Тульча. Навстречу им вышла флотилия из 17 турецких судов. В ходе жаркой артиллерийской дуэли два «турка» взлетели на воздух, а остальные пошли вверх по течению, при этом их команды высадились на берег и стали волочь свои

суда бечевой, как бурлаки.

Ахматов приказал преследовать турок. Две русские канонерки и шесть казацких лодок пошли на веслах против течения Дуная. С остальных же судов были высажены на берег 50 гренадер и бечевщики.^[276] Впереди по берегу шли гренадеры, а за ними бечевщики волокли остальные суда отряда Ахматова.

Турки, увидев погоню, пришли в замешательство и отпустили четыре канонерки вниз по течению, которые перехватили русские. А ночью турки подожгли остальные свои суда. Зрелище горящих судов напугало гарнизон в крепости, и турки, открыв ворота, ринулись в степь, кто куда. На рассвете 7 ноября десантники Ахматова вошли в пустую Тульчу.

К крепости Исакча подошел отряд гребных судов капитан-лейтенанта Литке. Турки при виде русских подожгли 32 своих судна, команды которых сбежали на берег. Затем повторились события в Тульче — гарнизон Исакчи испугался горящих судов и бросил крепость. Русские десантники нашли там большие запасы провианта и боеприпасов для турецкой армии и Дунайской флотилии. При всем при том в отряде Литке не было ни убитых, ни даже раненых.

Через несколько дней все отряды русской Дунайской флотилии соединились и 17 ноября все вместе подошли к Измаилу. Русская флотилия прошла мимо Измаила и стала на якорь выше, у берега острова Чатал. 18 ноября Де-Рибас высадил на остров Чатал 5 батальонов пехоты с артиллерией под начальством генерал-майора Арсеньева. Туда же были отправлены и «верные» запорожцы.

13 ноября генерал-майор Де-Рибас отправил довольно любопытный ордер Антону Головатову: «Я соглашусь о принятии в службу Черноморских казаков молдаван, в приложенном при рапорте вашего высокоблагородия списке назначенных, но с тем, чтобы они впереди не находились, ибо сей единоверный народ может нам великий вред причинить своим шпионством. Можно же их будет оставить в Старой Кили или в других каких назад неопасных постах».^[277]

Следует заметить, что казацкие лодки, действовавшие под Измаилом, имели не по одному-два фальконета, как ранее, а мощное артиллерийское вооружение, и их вполне можно назвать канонерскими лодками.

Так, 16 ноября 1790 г. Де-Рибас приказывает вести навесной (перекидной) огонь по Измаилу с лансонов казацкой флотилии, вооруженных морскими мортирами. Морских mortир у казаков было: две 24-фунтовые с дальностью стрельбы 800 сажень (1707 м) и две 48-фунтовые

с дальностью стрельбы 1000 сажен (2134 м), а также три полевые мортиры большого калибра с дальностью стрельбы 300 сажен (640 м), но их велено было «в бомбардировке не употреблять».

А вот 30 ноября по требованию Головатого во флотилию отпущено ядер 18-фунтовых — 284, 12-фунтовых — 372. Таким образом, запорожские лодки с 18-фунтовыми и 12-фунтовыми пушками представляли собой уже классические канонерские лодки или канонерские катера.

Судя по всему, крупные орудия стояли и на 12 трофейных лансонах, находившихся в подчинении Головатого.

19 ноября работы по возведению батарей на острове Чатал продолжались. Для отвлечения внимания турок от этих работ вечером того же дня флотилия Де-Рибаса и суда запорожских казаков приблизились на пушечный выстрел к Измаилу и открыли огонь, наносивший урон крепости и особенно турецкой флотилии.

Для уничтожения последней Де-Рибас на рассвете 20 ноября направил 6 брандеров под прикрытием 6 лодок. Однако сильное течение отнесло брандеры от турецких судов.

К 6 ч. 30 мин. утра 20 ноября наши батареи на Чатале были закончены и открыли огонь, принудивший турок, бросив суда и очистив редут Табию, искать убежища в крепости. Редут был занят русским десантом, а часть турецких судов уничтожена. Вслед за этим запорожские казаки, высадившись на берег, стали готовиться к атаке береговых батарей. Но в это время из крепости вышла турецкая пехота, и казакам пришлось возвратиться на суда и отплыть к Чаталу.

Турки произвели превосходящими силами несколько отчаянных атак на редут Табия. В час дня Де-Рибас приказал оставить редут и отплыть под прикрытием батарей острова. Огонь с обеих сторон продолжался до 3 часов дня. В 4 часа турки предприняли высадку на Чатал, но потерпели неудачу.

Со дня своего прибытия к Измаилу и до 20 ноября русская флотилия захватила 77 турецких судов и 124 орудия. 210 неприятельских судов с находившимися на них 340 орудиями были потоплены. Русские потеряли 3 лансона, 87 человек было убито и 238 ранено. Только 20 ноября в бою погибло 30 казаков и один старшина, а 147 казаков и 4 старшины были ранены.

После боя 20 ноября русское командование решило снять осаду с Измаила и отойти. Но 2 декабря к Измаилу прибывает Суворов, а 11 декабря русские войска штурмом взяли эту непреступную твердыню, кстати, модернизированную накануне французскими инженерами.

История штурма Измаила достаточно хорошо известна, при этом действия Дунайской флотилии отодвигаются как бы на задний план. На самом же деле флотилия сыграла важную роль в штурме. (Сх. 24)

С вечера 10 ноября 567 орудий флотилии открыли огонь по Измаилу и вели его до утра. Со стороны реки почти все турецкие батареи были подавлены, а укрепления сильно повреждены. Вечером 10 декабря Дунайская флотилия понесла серьезную потерю: погибло ее самое крупное судно — бомбардирский корабль «Константин».^[278] В пороховой погреб «Константина» попала турецкая бомба, и он взлетел на воздух. Погиб весь экипаж.

Со стороны реки крепость штурмовал девятитысячный отряд Де-Рибаса, расположенный на острове Чатал. Утром суда флотилии, построившись в две линии, двинулись к крепости. В первой линии было 145 легких судов и запорожских лодок с десантом, а вторую составляли 58 более крупных судов, осуществлявших огневую поддержку. Кстати, суда турок тоже имели мощную артиллерию. Так, у самого берега стоял шактия с 18 пушками калибра 36 и 48 фунтов. (Сх. 25)

На правом фланге высадилась колонна генерал-майора Арсеньева в составе трех батальонов пехоты и двух тысяч запорожцев; в центре десантировалась колонна бригадира Чепиги с тремя батальонами пехоты и тысячей запорожцев, а слева — колонна секунд-майора Маркова с тремя батальонами пехоты и тысячей запорожцев. В ходе упорного боя все три колонны ворвались в город. В ходе штурма на судах флотилии (без десанта) было убито 97 запорожцев и 283 ранено.

Турок и татар (комбатантов) было убито как в Измаиле, так и на судах флотилии 25 тысяч, а 9 тысяч взяты в плен. Потери же гражданских лиц в те времена афишировать было не модно. В крепости было взято 245 орудий, из них 9 мортир. Кроме того, на берегу было захвачено 20 орудий и 8 лансонов.

После штурма Де-Рибас поставил запорожцам крайне неприятную задачу: отправить барказы, «дабы с берегов крюками оттаскивать на середину мертвые тела, которые бы течением снесло вниз»,^[279] а запорожским судам, равно как и всей флотилии отойти выше по течению от Измаила во избежание заражения личного состава водой близь взятой крепости. Дунай был буквально забит трупами турок.

В следующем 1791 году генерал-майор Де-Рибас, командовавший флотилией, действовал не менее удачно, поддерживая наступление сухопутных войск. Флотилия охраняла берега, переправы сухопутных

частей, наводила мосты, в том числе у Галаца.

В марте 1791 г. флотилия участвовала в рейде на Браилов отряда генерал-лейтенанта Голицына. Утром 30 марта 50 судов Дунайской флотилии под командованием капитанов 1 ранга Поскочина и Лаврова высадили Днепровский полк. Далее русские суда подавили огонь турецкой береговой батареи на полуострове Кунцефан. 31 марта судовая артиллерия, а также пушки десанта бомбардировали Браилов. Городу были причинены большие разрушения. Кроме того, были потоплены турецкие суда: три канонерские лодки и четыре бомбарды.^[280] Утром 1 апреля Голицын вернул десанты на суда и благополучно возвратился на левый берег Дуная.

В ночь на 23 июня Дунайская флотилия производила переправу через Дунай войск князя Голицына в четырех верстах выше Галаца на полуостров Кунцефан. Из-за сильного ветра и течения переправа длилась всю ночь и весь день 23 июня. Турецкая флотилия в числе 50 судов пыталась атаковать русскую Дунайскую флотилию, но была обращена в бегство. При этом шесть турецких гребных судов были потоплены.

Действия Дунайской флотилии в 1790–1791 гг. оцениваются в «Военной энциклопедии» 1912 года как «лучший пример согласованных по общему плану действий армии и флота».^[281]

Глава 25

Запорожцы на Кубани

Войско «верных» запорожцев, созданное Потемкиным, принципиально отличалось от старого Запорожского войска не столько большей зависимостью от царских генералов, сколько отсутствием базы для существования — собственной земли.

В ходе войны 1787–1791 гг. Екатерина II и Потемкин попытались исправить такое положение и выделили Черноморским казакам земли на Днестре и на побережье Черного моря в районе устья Днестра. Казаки поспешили воспользоваться этим и стали селиться на отведенных им землях. За короткое время они основали здесь 25 крупных селений — куреней и хуторов. Селение Слободзея стало местом пребывания коша и войскового правительства — атамана, судьи и писаря. Были учреждены даже три полноценные паланки: Поднестрианская, Березаньская и Кинбурнская. (Сх. 26)

5 октября 1791 г. умирает князь Потемкин-Таврический — главный гетман и в то же время главный покровитель запорожских казаков. А заканчивал переговоры с Турцией уже граф Безбородко. 29 декабря 1791 г. в Яссах был заключен мирный договор с Османской империей.

Договор подтверждал Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года, Акт 1783 года о присоединении Крыма и Кубани к России и все другие предшествующие русско-турецкие соглашения. Новая граница между договаривающимися сторонами устанавливалась на юго-западе по Днестру. В соответствии с договором правительство Турции отказывалось от претензий на Грузию; обязалось не предпринимать каких-либо враждебных действий в отношении грузинских и кубанских земель.

Как и Кючук-Кайнарджийский мир, Ясский мирный договор не удовлетворял ни Россию, ни Турцию. Окружение султана не могло примириться ни с потерей Крыма и Очакова, ни с русским флотом на Черном море.

Россия же ногою твердою встала у Черного моря, но так и не получила права свободного выхода из него. Для нашего флота Черное море стало озером. А в любой момент из Босфора могла выйти турецкая или иная неприятельская эскадра, напасть на русские города на побережье и высадить десант.

Не были довольны миром и народы, жившие вблизи Черного моря. Крымские татары мечтали вырезать на полуострове гяуров и вновь начать грабежи русских и украинских земель. Горцы на Кавказе также хотели избавиться от русских, а греки и славяне, населявшие Балканский полуостров, в свою очередь, мечтали избавиться от турок и обращали взоры на Россию.

Ясский мир, подобно Кючук-Кайнарджийскому, должен был стать лишь передышкой между войнами. Однако ход событий изменили большие перемены в Париже и Петербурге.

Екатерина II и ее правительство понимали, что запорожские, то есть, пардон, черноморские казаки на Днестре не нужны. За Днестром не было разбойников — крымских татар. Ни балканские славяне, ни молдаване не собирались нападать на русские владения. И наоборот, рейды через кордон буйных казаков могли только осложнить внешнюю политику России.

И вот в самом начале 1792 г. императрица приказывает переселить запорожцев на Таманский полуостров. Его тогда называли Таманский или Фанагорийский остров, поскольку он был отделен от суши морем, а также рукавами и протоками реки Кубани.

Запорожцы отправили на остров войскового есаула Мокия с командой. Доклад есаула по возвращении был неутешительным: сей «остров» был мал для помещения на нем всего войска.

Тогда войско отправило в Петербург депутацию во главе с Антоном Головатым. Казаки решили пойти на хитрость — просить императрицу отдать им во владение Тамань с окрестностями, а окрестности эти раз в 30 превышали сам полуостров. Депутация блестяще выполнила свою задачу, а особенно постарался Антон Головатый. «Пустив в ход и свое знакомство с сильными людьми, и малорусскую песню, и бандуру, и чудачество казака-малоросса, этот замечательно умный и ловкий человек настолько успешно довел до конца возложенное на него дело, что главнейшие желания войска были занесены в жалованную грамоту в подлинных почти казачьих выражениях».^[282]

30 июня 1792 г. Екатерина II пожаловала грамоту Черноморскому казачьему войску. Там говорилось: «...пожаловали оному в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию, со всей землей, лежащею на правой стороне реки Кубани, от устья ея к Усть-Лабинскому реду, так чтобы с одной стороны река Кубань, а с другой же Азовское море до Ейского городка, служили границею войсковой земли...

Все состоящее на помянутой Нами пожалованной земле всякого рода угоды, на водах же рыбные ловли, остаются в точном и полном владении и

распоряжении Войска Черноморского, исключая только мест для крепости на острове Фанагория и для другой при реке Кубани, с подлежащей для каждой выгоном, которая для вящей Войску, и особливо на случай военной безопасности, сооружены быть имеют.

Войску Черноморскому предлежит бдение и стража от набегов народов закубанских.

На производство жалованья кошевому атаману и войсковым старшинам по приложенной росписи, на употребляемые к содержанию стражи отряды и прочие по Войску нужные расходы, повелели Мы отпускать из казны Нашей по 20 000 рублей в год...

...позволяем Войску Черноморскому пользоваться свободною торговлею и вольною продажею вина на войсковых землях». [\[283\]](#)

На радостях Антон Головатый, а он был еще и поэт, сложил 10 августа 1792 г. песню:

Ой годі нам журитися,
Пора перестати.
Дождалися от цариці
За службу заплати.

Дала хліб, сіль і грамоти
За вірнія служби,
От тепер ми, милі браття,
Забудем всі нужди.

В Тамані жить, вірно служитъ,
Гранию держати,
Рибу ловить, горілку пить,
Ще й будем богаті.

Да вже треба й женитися,
І хлібв робити,
Хто прійде к нам з невірних
То, як врага, бити.

Слава Богу і цариці,
І покой гетьману!
Злічили нам в сердцах наших
Великую рану. [\[284\]](#)

В этой песне нам интересно не только настроение казаков, но и язык их общения. Пусть попробует ребенок в современной киевской школе заговорить на таком языке. На него тут же заорет учитель: «Балакай на радной мове», язык же запорожцев объявит в лучшем случае суржилом, а, скорей всего «московской мовой».

16 августа 1792 г. от Станиславской косы в районе Гаджибея отошла флотилия черноморских казаков в составе 51 морской лодки. На лодках находилось 2813, а по другим сведениям 3247 казаков. Флотилия сопровождала 11 транспортных судов Дунайской флотилии. С моря флотилию прикрывали несколько крейсерских судов, так в Черноморском флоте именовались греческие пираты..., пардон, корсарские суда, плававшие под Андреевским флагом.

25 августа все морские лодки с казаками благополучно пришли на Тамань. Позже туда прибыло еще несколько тысяч казаков и членов их семей. Так запорожцы обрели свою новую родину.

В 1794 г. войсковое правительство издало «Порядок общественной пользы»,^[285] в котором, «вспоминая первобытное войско под названием запорожцев состояние», постановило: «Быть в сем войске войсковому правительству из кошевого атамана, войскового судьи и войскового писаря для управления на точном и непоколебимом основании всероссийских законов; ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению состоящих на пограничной страже кордонов при реке Кубани и Карагунском Куте воздвигнуть град, наименовав его в честь всемилостивейшей государыни Екатеринодар», «ради собрания войска, устройства довлеемого порядка и прибежища казаков» выстроить в городе Екатеринодаре сорок куреней, причем 38 дать те же названия, что были в Сечи, а два куреня назвать: Березанский по имени крепости, взятой черноморскими казаками у турок, и Екатериновский в честь императрицы; все войско расселить куренными селениями, «где какому куреню по жребию принадлежать будет». В каждом курени ежегодно 29 июня избирался куренный атаман. Куренные атаманы обязаны были находиться при куренях, давать наряды по службе, а также устно разбирать маловажные ссоры и драки, «а за важное преступление представлять под законное осуждение войсковому правительству».

«Для заведения и утверждения во всей войсковой земле благоустроенного порядка» ее разделили на пять округов с собственным окружным начальством. Округа получили названия: Екатеринодарский,

Фанагорийский, Бейсугский, Ейский и Григорьевский. В четырех последних были выстроены города Фанагория, Бейсуг, Ейск и Григорьевск.

Дальнейшая история Кубанских казаков — очень серьезная тема достойная отдельной монографии, поэтому я здесь закончу свой рассказ о судьбе потомков запорожцев. А в завершении упомяну о судьбе некрасовцев, судьба которых почти три века переплеталась с судьбой запорожцев. Некрасовцы постепенно возвращались в России и тоже поселялись на Кубани.

В 1806 г. из-за Дуная в русские пределы вышел отряд некрасовцев из поселения Чебурашев с атаманом Майдобуром. Они стали ядром вновь созданного Усть-Дунайского Буджакского казачьего войска. Через два года это войско было расформировано, и часть казаков отправлена на Кубань. Общее их число неизвестно, но в донесении поручика Юматова от 24 апреля 1808 г. говорится, что он привел в Екатеринодар 14 офицеров и 401 казака в возрасте от 20 до 80 лет. Вполне вероятно, что среди них были и те, кто хорошо помнил Кубань до ухода на Дунай.

Как мы помним, главным заветом Игната было «не возвращаться в Россию при царе». Понятно, что некрасовцы с надеждой восприняли весть о свержении самодержавия и постепенно стали возвращаться на родину. Так, в 1921 г. по указанию Совнаркома некрасовцы на Кубани основали поселок на 76 дворов недалеко от станицы Приморско-Ахтарской.

Возвращение последних последователей Игната стало почти триумфом. 26 сентября 1962 г. в Стамбуле на пристани советский консул вручил некрасовцу Петру Стеклову красное знамя, и 999 последователей Игната поднялись на борт лайнера «Грузия». Но на Кубань прибыло 1000 некрасовцев. Тысячный реэмигрант, названный Семеном, родился на борту «Грузии».

Немного настроение казакам подпортило турецкое правительство, которое не разрешило вывезти из Майноса, последнего приюта некрасовцев, в общей сложности 107 икон древнего письма, 90 старопечатных книг, шесть колоколов, всю церковную утварь, мотивируя это тем, что за давностью лет все эти предметы являются национальным достоянием Турецкого государства. В настоящее время все это содержится в научном отделе при храме Св. (Айя) Софии в Стамбуле.

Н. С. Хрущев, рьяно боровшийся с «опиумом для народа», на сей раз сделал исключение и выделил некрасовцам деньги и место для постройки церквей. И казаки немедленно приступили к возведению храмов: в поселке Новокумском — Успенского, а в Кумской долине — Троицкого, то есть тех самых приходов, которые у них оставались еще в Турции.

Благожелательно отнеслась к раскольникам и Русская Православная Церковь. Патриарх Алексей I удивил всех, сказав некрасовским священникам: «Вы ничего не меняйте в своих обрядах. Как молились, так и молитесь». И направил их в центр старообрядчества на Рогожское кладбище в Москве. «Посещая православные храмы на Ставрополье, в Москве, мы чувствовали, что что-то не то, — вспоминал один из некрасовских священников. — Когда же пришли на Рогожское кладбище, почувствовали, что это родное». Московские старообрядцы помогли некрасовцам с устройством храмов.

Переселившиеся в СССР некрасовцы обязательно крестили детей, при вступлении в брак венчались. Если кто-нибудь из их детей вступал в брак с представителями окрестного населения, непременным условием со стороны родителей-некрасовцев было требование к жениху или невесте перейти в православие «древнего благочестия». Второе поколение родившихся в России некрасовцев состоит только в смешанных браках. Честность некрасовцев стала аксиомой для окрестного населения. Местные парни с большой охотой берут в жены девушек из некрасовских семей: они и аккуратны, и хозяйственны, и верны своим мужьям.

На Кубанской земле впервые установились дружественные отношения между русскими рыцарями запорожцами и некрасовцами, которых выбросили из нашей истории Петр I и Екатерина II.

Эпилог

Воля Екатерины Великой не сбылась — о запорожцах помнят и в России, и на Украине. Запорожцы были воспеты Н. В. Гоголем в его бессмертном «Тарасе Бульбе»: «Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груды огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников».^[286]

Повесть с полным правом можно назвать оптимистической трагедией, вспомним ее финал: «Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чертовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!».^[287]

В 1863 г. с большим успехом прошла постановка оперы Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Кстати, она исполнялась и в советское время, а на ее основе были сняты два одноименных художественных фильма: в 1938 г. (режиссер И. П. Кавалеридзе) и в 1953 г. (режиссер В. Лапокныш).

В 1878–1891 гг. Илья Репин пишет знаменитую картину «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Любопытно, что в центре картины в образе «лукавого писаря» художник изобразил историка Запорожской Сечи Д. И. Яворницкого.

Три последних русских царя и советские правители относились к запорожцам одинаково — говорить о них было можно, но в меру.

Зато запорожцы оказались в центре внимания в 1991 г. в связи с

появлением незалежной Украины. Ведь у нового государстве не было... собственной истории. Конечно, можно много говорить, что Ной и Христофор Колумб были щирыми украинцами, о закладке стольного града Киева в 482 г. (!) братьями Кием, Щеком и Хоривом, о том, что князя Аскольд и Дир — прямые потомки Кия и т. д.

Но это, все понятно, для внутреннего потребления и только для лиц определенного интеллектуального уровня. Официальную историю на таких сказках не сделаешь. И тут услужливые профессора сделали запорожцев стержнем всей новоизобретенной украинской истории. Они, де, были украинскими лыцарями, постоянно защищавшими ридну Украину от злыдней-москалей. В конце XVIII века именно запорожцы колонизировали Дикую степь, основали Одессу, Херсон, Севастополь и прочие города. А хитрый казак Грицко Нечеса пробрался в постель к матушке-императрице и приписал все заслуги запорожцев себе. Ну, а главное, запорожцы день и ночь только думали, как им создать незалежную Украину.

И вот в начале июня 2005 г. президент Украины Виктор Ющенко и премьер-министр Юлия Тимошенко принимают участие в грандиозном шоу — 230-летие разгрома Запорожской Сечи. Шоу, так шоу: Ющенко подарили коня Орлика (названного так в честь запорожского героя) и выбрали президента гетманом, а Юлю — берегиней (хранительницей) Украины, видимо, памятуя о ее финансовых хищениях и незакрытых уголовных делах. Запорожцем стал и зять Юлии Шене Карре, солист рок-группы «DVS».

Любопытно, что никто не заикнулся о том, что еще в 2000 г. гетманом был провозглашен Леонид Кучма, и до сих пор никто не лишал его булавы. А что шоу проводилось на острове Большая Хортица, а одна из Сечей находилась на другом острове — Малая Хортица, на Большой же Хортице казаки никогда не селились, тоже не упоминали.

Чуть ли не половина судов Украинского флота получили имена, связанные с запорожцами. Так, флагманом незалежных ВМС стал «Гетман Сагайдачный» — бывший пограничный корабль «Киров». Замечу, что нынешние украинские историки возвеличивают гетмана за его участие в походе королевича Владислава на Москву в 1618 г., за что Сагайдачный, как мы уже знаем, горько каялся и просил прощения у патриарха и царя.

«Сагайдачный» — это чуть ли не единственный боеспособный корабль Украинских ВМС. Что же касается остальных, то лучше бы самостийники ими не позорили запорожцев. Так, «Гетман Байда Вишневецкий» (бывший пограничный корабль «Лацис»), «Атаман Сидор Билый» (бывший СКР-112), малый противолодочный корабль «Запорижська Сичь» и

пограничный СКР «Запори́жська Сичь» (бывший ПСКР-650 проекта 205П) самостийники так и не сумели толком ввести в строй и сдали на металлолом.

Подводная лодка «Запори́жжя» (проекта 641) стала единственной украинской подводной лодкой. На нее водили экскурсии, она красовалась на обложках десятков журналов, но, увы, с 1991 г. «Запори́жжя» ни одного дня не была в строю, а постоянно ремонтировалась. Кстати, в 2004 г. ее отремонтировали, но где взять для лодки аккумуляторы? На Украине их не производят, купить в России — неприлично. Посему закупили аккумуляторы в Греции. Там, как известно, все есть, но, увы, не тех размеров. Греческие аккумуляторы не лезут в ямы лодки. Поэтому сейчас командование ВМС Украины очень озабочено, кому бы продать «Запори́жжя»?

А вот я бы хотел спросить у наших политиков и историков, почему они продали Запорожскую Сечь самостийникам? Какое отношение имеют запорожцы к современной Республике Украина?

Земли запорожцев никогда не входили в состав украинского государства. Да и вообще такого государства до XX века не существовало! Запорожцы некоторое время считали себя подданными Речи Посполитой, но Сечь даже поляки никогда не включали в состав воеводства Русского. Сечь непосредственно (напрямую) подчинялась польскому королю, и никому больше.

Некоторое время запорожцы подчинялись турецкому султану, и опять же напрямую.

Большую же часть своей истории запорожцы были подданными русских царей. При этом на короткие сроки русское правительство оперативно подчиняло запорожцев малороссийским гетманам, царским воеводам, князю Потемкину и т. д. Но всегда запорожцы были отдельным государственным формированием.

Да, запорожцы грабили русские земли и неоднократно дрались с царевыми воеводами, но разве на их саблях меньше русской крови, чем на саблях донских казаков? Вспомним донского атамана Корелу, приспешника Лжедмитрия I; Кондрата Булавина, Игната Некрасова и Степана Разина.

Говорили ли запорожцы по-украински? Да языка такого до XIX века вообще не было. То, что украинский язык появился в XIII–XIV веках, выдумали совковые историки XX века.

Сейчас националисты Украины и Белоруссии отчаянно спорят, на каком языке говорило население Великого княжества Литовского в XIV–XVI веках — на украинском или на белорусском? Обе стороны согласны,

что их язык был государственным на территории Великого княжества Литовского. Одни утверждают, что статут «Литовский» 1530 года был написан на чисто украинском языке, а другие — что на белорусской мове. Увы, статут написан на русском языке, очень близком к русским литературным памятникам XI–XIII веков, и не имеет ничего общего с современными украинским и белорусским языками.

«Самостийники» не понимают анекдотичности своих утверждений. Что же получается? Объезжает, к примеру, великий князь литовский свои владения, и в Минске ему приходится разговаривать по-белорусски, в Вязьме — по-русски, а в Киеве — по-украински?

А на каком языке печатались первые книги в Москве и в Великом княжестве Литовском? На беду всем самостийникам, знаменитый Иван Федоров печатал книги в Москве, Заблудове,^[288] Львове и в Остроге (на Волыни). Я не буду говорить об экстремистах, болтающих о каких-то особых народах — украх и литвинах, но даже благонамеренные советские историки говорили, что к середине XVII века уже сформировались белорусская и украинская народности. К примеру, в «Истории Украинской ССР» (Киев: Наукова думка, 1982) говорится, что в XII–XIII веках прошел первый этап формирования украинской народности, а с XIV века по середину XVI века — второй этап.

И вот в начале «третьего этапа» Иван Федоров приезжает в Западную Белоруссию и на Западную Украину и начинает печатать русским шрифтом те же книги, что и печатал в Москве. Тот же русский шрифт, тот же русский язык — не знал бедный Федоров, что в Заблудове и Львове уже кончался второй этап белоруссизации и украинизации.

В 1574 г. в Львове Иван Федоров печатает «Азбуку». Чью азбуку? Понятно, что русскую! Напомню, что якобы украинское слово «друкарня» тогда равно использовалось в Москве, Минске и Львове. А чуждым русскому языку словом «типография» мы обязаны Петру I и любимым им немцам.

В 1561 г. монах Исаия из города Каменец Подольский отправился в Москву за оригиналами книг на русском языке, чтобы печатать их «слово в слово»: «...в нашем государстве христианском руском Великом княжестве Литовском выдати тиснением печатным нашему народу христианскому, да и русскому московскому».^[289]

Не я, а монах Исаия, князья, шляхтичи и попы XVI века твердят нам одно и то же: в Великом княжестве Литовском и в Великом княжестве Московском был один народ — русский, а у советских ученых и щирых

самостийников в ушах бананы застряли. и не упоминалось оно без всякого прибавления, просто русским языком, а о Белорусском или Малорусском е. ина и Половчан

Известный историк и этнограф запорожского казачестве и Малороссии Пантелеймон Кулиш был ярким националистом, но и он признавал: «Кто только хорошо вслушается в разговор Киевлянина, Черниговца, Львовца, Перемышлеца, Брест-Литовца, Смолянина и Половчанина, тот конечно согласится: „Наречие да одно и то же“.

Небольшие изменения в выговоре гласных е и ять и т. д.

Следует ли делить наречие Польское и Мазовецкое, Краковское и Горское. В том же убеждают нас и самые сочинения русских, в разных местах напечатанные, как-то: в Вильне, Остроге, Львове, Заблудове, Почаеве, Унинове, Супрасле и др. Если сравнить эти книги между собой, то, несмотря на разность места и времени, язык их везде один и тот же. Итак, в Великорусских землях: Малой, Червонной, Белой и Черной Руси одно и то же наречие было всегда в употреблении. А посему даже до XVIII столетия называлось оно без всякого прибавления, просто русским языком, а о Белорусском или Малорусском [языке] и не упоминалось».^[290]

Возникает риторический вопрос: запорожские казаки десятки раз воевали бок о бок с донцами, донцы переходили в Сечь, а запорожцы — на Дон, и когда им требовались переводчики?

Сохранились сотни подлинных документов, написанных запорожцами, и все они написаны на русском языке с вкраплениями отдельных запорожских выражений. Да пусть попробует школьник или студент ответить урок лексикой запорожцев в Киеве или во Львове. Да ему поставят «кол» за «русскую мову».

Подведем некоторые итоги. Запорожцы никогда не называли себя украинцами, а всегда — русскими. Говорили они по-русски, и все их потомки, как «верных», так и «неверных» казаков, живут на Кубани на территории РФ. Естественно, что правопреемником запорожцев может быть только Российская Федерация.

Давно пора включить «русских лыцарей» в историю нашего отечества... Сагайдачного, Ивана Сирко, Сидора Билого и других. Портреты славных «лыцарей» должны быть в наших школьных учебниках, а их имена — на борту боевых кораблей русского флота.

Список использованной литературы

Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. Киев, 1864

Веникеев Е. В., Артеменко Л. Т. Пенители Понта. Пиратство на Черном море. Симферополь: Таврия, 1992

Висковатов А. Обзор морских походов русских IX–XVII столетия. М.: Воениздат, 1964

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др., в 18 томах, Петербург, 1911-1915

Гоголь Н. В. Собрание сочинений в шести томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959

Голиков. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1792.

Грабеньский Вл. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006

Гришин Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань: Татарское книжное издательство, 1995

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. М.: Сварог и К, 2001

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Нью-Йорк: Правда о России, 1960

Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М.: Наука, 1997

Записки генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского. 1756–1776. М.: Российский архив, 2004

История Северной войны 1700–1721 гг. М.: Наука, 1987

История Украинской ССР. В десяти томах. Т. 2. Под ред. И. С. Слабеева. Киев: Наукова думка, 1982

Казачьи войска. / Под ред. В. К. Шенка. СПб, 1912

Каргалов В. В. На границах Руси стоять крепко. Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII–XVIII вв. М.: Русская панорама, 1998

Каргалов В. В. Полководцы XVII в. М.: Патриот, 1990

Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М.: Восточная литература, 1994

Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843

- Костомаров Н. И. «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы». Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995
- Костомаров Н. И. Мазепа. М.: Республика, 1992
- Кулиш П. Записки о Южной Руси. Киев, 1994
- Кусаинова Е. Б. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2005
- Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Издательство Московского университета, 1996
- Мавродин В. В. Очерки истории левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002
- Надхин Г. П. Память о Запорожье. М., 1877
- Низовский А. Русские самозванцы. М.: Издательский дом «Прибой», 1999
- Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994
- Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. СПб., 1866
- Плано Карпини Дж. История монгалов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957
- Под стягом России. Сборник архивных документов, составители А. А. Сазонов, Г. Н. Герасимова, О. А. Глушкова, С. Н. Кистерев, М., Русская книга, 1992
- Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Кондратий Афанасьевич Булавин. М.: Просвещение, 1988
- Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006
- Ростунов И. И. Генералиссимус А. В. Суворов. М.: Военное издательство, 1989
- Скальковский А. О. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Днепропетровск, 1994
- Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961
- Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1993
- Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990
- Стороженко А. В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904
- Субтельный О. Украина. История. Киев: Лебедь, 1994

Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004

Фаддей Булгарин. Воспоминания. М.: Захаров, 2001

Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1968

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки) /Под ред. И. В. Сапожникова. Т. III. Одесса: ОКФА, 1999

Широкоград А. Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ, 2007

Широкоград А. Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. М.: Вече, 2005

Широкоград А. Б. Исторические портреты. М.: Астрель, АСТ, Ермак, 2003

Широкоград А. Б. Куликовская битва и рождение Московской Руси. М. Вече, 2005

Широкоград А. Б. Поход на Вену. М.: Вече, 2005

Широкоград А. Б. Россия и Украина. Когда заговорят пушки... М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007

Широкоград А. Б. Русско-турецкие войны. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2000

Широкоград А. Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М.: Вече, 2004

Широкоград А. Б. Северные войны России. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001

Широкоград А. Б. Тысячелетняя битва за Царьград. М.: Вече, 2005

Широкоград А. Б. Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М.: Вече, 2006

Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. Киев-Москва: Евролинц, 2003

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. В трех томах. Киев: Наукова думка, 1990

Примечания

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. 1. С. 27.

Мавродин В. В. Очерки истории левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002. С. 348–349.

Там же. С. 351.

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 441.

От германского слова «гауптман» (начальник).

Плано Карпини Дж. История монгалов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 67–68.

Там же. С. 68.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 53.

Там же. С. 55–56.

Боплан Гийом (Guillaume le Vasseur de Beauplan) — инженер-строитель, автор «Описания Украйны», родом француз. Он служил более 17 лет в польской службе при королях Сигизмунде III и сыне его Владиславе IV в звании старшего капитана артиллерии и королевского инженера. Большую часть этого времени он провел в Малороссии, занимался здесь постройкою слобод и крепостей, в 1637 г. участвовал в сражении между поляками и казаками под Кумейками (возле Корсуня).

В своих разъездах по Украйне Боплан хорошо ознакомился с украинскими степями и течением Днепра (от Киева до Александровска, ныне г. Запорожье), произвел множество измерений и близко наблюдал как самих казаков, так крымцев и буджакских татар. Около 1649 г. вернулся на родину, во Францию, и в следующем году издал свою книгу: «Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie jusques aux limites de la Transilvanie. Ensemble leurs mœurs, faç ons de vivre et de faire la guerre». В 1660 г. вышло 2-е «Описание Украйны» издание, а через два года оно появилось в латинском переводе, в известном сборнике «Geographia Blaviana», во 2-м томе.

Все сочинение делится на 7 глав: в 1-й («Описание Украйны») описаны физические свойства страны, города и замечательные места, в особенности Днепровские пороги, и затем нравы и обычаи запорожских казаков. Во 2-й главе («Описание Крыма») дается подробное описание Таврического полуострова, в 3-й («О крымских татарах») — описание их образа жизни, набегов и сражений с казаками и Польшей; в 4-й («Об украинских казаках») говорится о житье украинских казаков, их нравах и обычаях, а также о морских их походах и разорении ими малоазийских городов (по рассказам казаков); 5-я глава («Об избрании королей польских») посвящена рассказу об избрании польских королей, о составе сеймов, о коренных законах и правах королевских; в 6-й главе («О вольностях польского дворянства») указываются права и привилегии польских дворян; и, наконец, в 7-й («О нравах польского дворянства») описывается образ жизни поляков.

Боплан, используя польские карты и лично снятые планы местностей, опубликовал три подробные карты Малороссии, которые неоднократно переиздавались в Европе и в России.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 1.. С. 71.

Тоня — одна тяга невода.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 75–76.

Хроника Быховца.

Современная речка Синюха, приток Южного Буга.

Стороженко А. В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904.

Продажа администраторских должностей в Литовском государстве в XV–XVI вв. шла в крупных размерах. Кстати, столь же бойко продавались и церковные должности.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. III. С. 125.

Уходы — места бобровых и рыбных промыслов.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 10.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. III. С. 316–317.

История Украинской ССР. Т. 2. Под ред. И. С. Слабеева. Киев: Наукова думка, 1982. С. 178.

Православное имя Дмитрий, а языческое — Корибут.

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 10.

История Украинской ССР. Т. 2. С. 182.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 11.

Козацтво и хлопство — личные дружины Вишневецкого. Все крупные и средние магнаты Литвы и Польши владели «частными армиями», не подчинявшимися королю.

По другой версии дело было в 1553 г.

Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843.
Т. 1. С. 135–136.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 20–21.

Здесь и далее речь идет о Малой Хортице.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. III. С. 495.

Я написал «4 тысячи казаков», следуя Яворницкому (Т. 2. С. 24). Однако на следующей странице Яворницкий говорит о поляках, взятых в плен с Вишневецким, и не упоминает о казаках. Так что «казаки» Вишневецкого в 1564 г. скорее всего были польскими шляхтичами — искателями приключений. Это тем более вероятно, что в 1563–1564 гг. Вишневецкий вообще не появлялся в Приднепровье.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 25.

Смирнов А. А. Морская история казачества. М.: Яуза, Эксмо, 2006.
С. 41–42.

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. М.: Сварог и К, 2001. С. 174.

История Украинской ССР. Т. 2. С. 78, 79.

Яровицкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 322

Для того, чтобы дать возможность своим лошадям помочиться.

Цит. по: *Гришин Я.* Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань.: Татарское книжное издательство, 1995. С. 27.

Поляки верили, что без жидов невозможно обойтись в жизни. Существует старинная пословица: «Kiedy trwoga, w tedy Boga, a kiedy bieda w tedy Zuda», т. е. в тревогу прибегают к Богу, а в беду — к жидам. — Здесь должно заметить, что trwoga, тревога, означает несчастье, а bieda (произносится беда), т. е. беда — нужду. — Жид всегда поможет человеку в нужде, если надеется, что получит хотя отдаленную выгоды. (Прим. Ф. Булгарина).

Фаддей Булгарин. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 283–284.

Грабенський Вл. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. С. 151.

Там же. С. 186.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 429–430.

Там же. С. 433–434.

Там же. 436–437.

Субтельный О. Украина. История. Киев: Лебедь, 1994. С. 160–161.

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 371.

Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке.
Киев, 1864. Т. IV. С. 301.

Субтельный О. Украина. История. С. 139–140.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 124–125.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. IV. С. 28.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 33.

Цит. по: *Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины.*
С. 245–246.

Кусаинова Е. Б. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2005. С. 108.

Д. И. Яворницкий (История запорожских казаков. Т. 2. С. 70) ошибочно считает, что Киев был взят Косинским.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 96.

Там же. С. 98–99.

Там же. С. 102.

Там же. С. 103.

Взятые в Слуцке гаковицы, естественно, не имели ничего общего с гаубицами второй половины XIX — начала XXI века. Это были небольшие короткоствольные огнестрельные орудия, потомки тюфяков XIV–XV веков. Видимо, они имели зарядную камору. Стрельба производилась только настильно. Основной боезапас — каменные ядра. Рушницы — это нечто типа тяжелых мушкетов или затынных пицалей.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 104.

Там же.

Там же.

Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 46.

Подробнее о Юрии Мнишике и его семействе рассказано в моей книге «Давний спор славян: Россия, Польша, Литва» в главе «Вторжение в Россию частных польских армий».

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 138.

Грабенский Вл. История польского народа. С. 273.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. IV. С. 523.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 140.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 438.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 141.

1 золотой рубль в XVII веке равнялся примерно 17 золотым рублям начала XX века.

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 150.

Там же. С. 150–151.

Там же. С. 151.

В данном случае термин «запорожцы» я использую как метку, чтобы не путать с казаками, служившими у московских воевод. В войске же Сагайдачного преобладали малороссийские казаки, а не запорожцы.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 439.

История Украинской ССР. Т. 2. С. 411.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 441.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 159.

Далее для удобства читателей я, вслед за рядом дореволюционных авторов, буду называть городских казаков малороссийскими, чтобы не путать их с запорожцами, донцами и др. Эта замена тем более уместна, что после 1625 г. я не встречал термина «городовые казаки».

История Украинской ССР. Т. 2. С. 430.

Для редакции: слова «зарезал», «раскопать» взято из оригинальных документов, и желательно их не выбрасывать, дабы сохранить как точность повествования, так и колорит эпохи!

«Что руками создается, то руками и разрушается» — *(лат.)*

Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии, собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. 1851. Кн. 1. С. 101.

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Нью-Йорк: Правда о России, 1960. Т. 1. С. 176, 178–179.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 145.

Там же.

Марковин И. Очерк истории запорожского казачества. // *Шумов С., Андреев А.* История Запорожской Сечи. Киев-Москва: Евролинц, 2003. С. 84

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 147.

Цит. по: *Дикий А.* Неизвращенная история Украины-Руси. Т. 1. С. 391.

Там же. С. 388.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 250, 402, 403.

Там же. С. 403.

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Т. 1. С. 388–389.

Там же. С. 389–390.

Марковин И. Очерк истории запорожского казачества. // Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 95–96.

Яворницький Д. И. Очерки по истории запорожского казачества. //
Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 391.

Там же. С. 392–393.

Корж Н. Л. Устное повествование бывшего запорожца. // Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 255–256.

Марковин И. Очерк истории запорожского казачества. // Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 131.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 179–180.

Читателя не должно вводить в заблуждение название «немецкая пехота». Дело в том, что поляки решили обучить часть реестровых казаков западноевропейскому строю и одели и вооружили их как германских пехотинцев. Как хорошо заметил по сему поводу Д. И. Яворницкий: «Немецкая пехота — те же русские, только одеты немцами».

Павел Ян Сапега (1610–1665 гг.), первоначально кальвинист, затем католик. С 1655 г. воевода виленский, великий гетман литовский. Активный участник войны с Россией, Швецией и восставшими казаками, сохранил верность королю Яну-Казимиру и возглавил борьбу со шведами в Великом княжестве Литовском.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. С. 531.

Там же. С. 536.

Там же. С. 547.

Там же. С. 551.

Там же.

Там же. С. 571.

Януш Казимир Радзивилл (1612–1655 г.)

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. С. 577.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 110.

Гоголь Н. В. Собрание сочинений в шести томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 2. С. 51–52.

Субтельный О. Украина, История. С. 175–176.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 187–188.

Там же. С. 172–173.

Под стягом России. Сборник архивных документов, составители А. А. Сазонов, Г. Н. Герасимова, О. А. Глушкова, С. Н. Кистерев, М., Русская книга, 1992.

Там же. С. 44.

Там же. С. 47.

Для удобства читателя земли, подавляющее большинство населения которых составляли этнические поляки, я буду называть этнической Польшей.

В настоящее время городок Друя находится на границе Белоруссии и Латвийской республики.

Император Священной Римской Империи.

Послы заявили, что никогда ранее не знали о титулах царя «Белой России, литовской, волынской и подольской», а титул «восточной и западной и северной страны отчичь и дедичь, наследник и благодетель» назвали «сомнительным». Кстати, крымский хан Камиль-Мухаммед Гирей называл этот титул «непристойным». Совсем зарвался наш «тишайший» Алешенька!

Еще перед выборами Выговский писал путивльскому воеводе Зюзину: «...после похорон соберется рада из всей старшины и *некоторой* черни». Из чего следует, что на раде присутствовала старшина, собранная с разных городов, и местные чигиринские казаки («чернь»).

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 195.

Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006. С. 305.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. С. 179.

Любопытно, что сейчас Андрусово — пограничный пункт между Российской Федерацией и Республикой Беларусь.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. С. 179.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 297.

Там же. С. 345.

Там же. С. 346.

Там же. С. 348.

Там же. С. 351.

Там же. С. 332.

Костомаров Н. И. «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы». Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. С. 286–187.

Яровицкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 380–383.

Ага (от тюркского «господин») — офицерский титул в Османской империи.

Точно сказать, что в данном случае подразумевалось под киндяком, трудно. Но, согласно словарю, киндяк — это набивная ткань или кафтан из такой ткани. Купец Афанасий Никитин упоминал киндяк среди тканей, производимых в Индии.

ПРИМЕЧАНИЕ ДЛЯ РЕДАКТОРА. Текст письма дословно взят из моей книги «Русско-турецкие войны», просьба там ничего не править.

Город Батурин — столица промосковских гетманов.

Цит. по *Каргалов В. В.* Полководцы XVII в. М.: Патриот. С. 371–372.

Там же. С. 372.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 428.

Веникеев Е. В., Артеменко Л. Т. Пенители Понта. Пиратство в Черном море. Симферополь: Таврия, 1992. С. 122–123.

Костомаров Н. И. Руина. С. 346.

Там же. С. 355.

Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 100 лет в именах, датах, фактах. Кн. 1. С. 478.

Костомаров Н. И. Мазепа. М.: Республика, 1992. С. 19.

Там же. С. 20.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 28.

Там же. С. 49.

Там же. С. 67.

Там же. С. 87.

Там же. С. 89.

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 371.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 169.

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 85.

Как и свое время ушкуйники считали битье татар промыслом, так и запорожцы истребление и грабежи турок относили к промыслу. (Прим. автора)

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 174.

Типы турецких гребных судов. Вооружены одним-тремя тяжелыми орудиями (24–12-фн), а также несколькими фальконетами на вертлюгах.

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 181.

Там же. С. 188.

Там же.

Князья Долгоруковы, а не Долгорукие, как их величали совковые историки, происходят от Андрея, второго сына князя Константин Ивановича Оболенского. Считаются Рюриковичами, потомками князя Михаила Черниговского.

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 190.

Там же. С. 191.

Там же. С. 193.

Там же. С. 195.

Словечко из переписки Петра с дипломатом Виниусом.

С 1893 г. до 1917 г. Усть-Двинск, с 1917 г. Даугавгрива, с 1959 г. в черте г. Риги.

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 130.

Там же.

В Польше во время бескорольвья упразднялись прежние суды и учреждались временные, имевшие силу до избрания нового короля и называемые каптуровыми.

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 131.

Там же. С. 134–135.

Там же. С. 135.

Там же.

Там же. С. 136.

Там же.

Там же. С. 140.

Киев давным-давно был в составе России, но хвастливые поляки сохранили у себя должность киевского воеводы.

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 150.

Все русские историки, начиная с Пушкина и кончая Павленко, пишут о расстреле Мюленфельса. Однако сохранились документальные свидетельства шведских пленных, которых русские специально заставляли смотреть на мучения Мюленфельса.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 278.

Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Кондратий Афанасьевич Булавин.
М.: Просвещение, 1988. С. 74.

Полномочное собрание казаков, на котором могли решаться все главные вопросы, у запорожцев такие собрания назывались радой.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 281.

Там же.

Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 230.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 281.

Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Кондратий Афанасьевич Булавин. С.
98.

Любопытна история появления этой цифры — 23,5 тысячи казаков. В 1718 г. Василий Долгоруков был привлечен к следствию по делу царевича Алексея. В оправдание свое Долгоруков приказал начальнику своей походной канцелярии Любиму Судейкину составить справку об убитых казаках. Сам же Долгоруков утверждал, что цифра должна быть большой.

Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994. С.261.

Несколько украинских слов даны в переводе автора.

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 379.

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 289.

Там же. С. 304–305.

Там же. С. 305.

Голиков. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1792. Т. 8. С. 201

Увы, описание Полтавского сражения выходит за рамки нашего труда, а интересующихся я отправляю к моей книге «Северные войны России». Замечу лишь, что ни в одной из многочисленных монографий, посвященных Полтавскому сражению, не указывается число запорожцев, малороссов и поляков, участвовавших в битве на стороне шведов. Любопытно, что вместе со шведами дрался и Станислав Понятовский, отец последнего польского короля, а на стороне русских — полковник Палий, возвращенный Петром из ссылки после измены Мазепы.

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 345.

Там же. С. 345–346.

Там же. С. 369.

Там же. С. 370.

Из них полевых пушек — 28, мортир — 23, гаубиц — 2, а также 3-фунтовых полковых пушек — 69.

Фактически с 1711 г. по 1713 г. было заключено три договора (11 июля 1711 г., 5 апреля 1712 г. и 13 июля 1713 г.), но эти дипломатические нюансы выходят за рамки нашей работы.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 374.

Там же. С. 495.

Там же. С. 384.

Там же.

Там же. С. 404–405.

Там же. С. 385–386.

Там же. С. 397.

Там же. С. 404.

Там же. С. 406.

Там же. С. 407.

Там же. С. 414.

Там же. С. 415.

Кулиш П. Записки о Южной Руси. Киев, 1994. С. 86.

До середины XIX века термин «корабль» обычно использовался при обозначении линейного корабля 66–130-пушечного ранга. Далее шли фрегаты, корветы и т. д. Сам же термин «линейный корабль» был введен в России в 1907 г.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 424–425.

Там же. С. 426.

Там же. Т. 1. С. 115–117.

Там же. С. 117.

Там же. С. 118.

Соловьев С. М. Сочинения. Книга X. М.: Мысль, 1993. С. 417.

Там же. Книга XII. С. 38.

Чернявский В. Описание Запорожской Сечи // *Шумов С., Андреев А.*
История Запорожской Сечи. С. 48.

Там же. С. 49, 52–53.

Соловьев С. М. Сочинения. Книга XIII. С. 325–327.

Волошин М. Жизнь — бесконечное познание. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 180.

Соловьев С. М. Сочинения. Книга XII. С. 314–315.

В некоторых источниках их называют Чарторыйскими или Чарторижскими.

Имелся ввиду князь Адам Казимеж Чарторыский (1734–1823 гг.).

Переписка графа П. А. Румянцева о восстании на Украине 1768 года. // Киевская старина № 3, 1882 г. С. 527–528.

Переяслов находился на территории Российской империи на левом берегу Днепра.

Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XVI. С. 455–456.

Там же. С. 456–457.

Там же. С. 457.

Там же. Кн. XIV. С. 236.

Там же. С. 286.

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки) / Под ред. И. В. Сапожникова. Т. III. Одесса: ОКФА, 1999. С. 39.

Там же. С. 40.

Не ясно из источника, идет ли речь о войсковом старшине Алексее Черном или о полковнике Николае Черном.

Записки генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского. 1756–1776.
М.: Российский архив, 2004. С. 351, 355.

Там же. С. 360.

Кравцевич-Рожнецкий В. Запорожская Дунайская флотилия.
Материалы сайта <http://www.zerkalo-nedeli.com>

Там же.

Коченбас — тип гребного судна.

Скальковский А. О. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Днепропетровск, 1994. С. 474.

Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. СПб., 1866. Т.3. С. 311.

Материалы
http://www.cossackdom.com/articles/s/shpitaliov_flot.htm

сайта

Ростунов И. И. Генералиссимус А. В. Суворов. М.: Военное издательство, 1989. С. 174–175.

В артикуле 3 говорилось: «Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе, и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и в возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом».

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Издательство Московского университета, 1996. С. 376–377.

Там же. С. 378.

Димов В. Потемкин в жизни. Человек-миф восемнадцатого века. М.: Издательский центр «Классика», 2002. С. 175–176.

*Надхин Г. Память о Запорожье и о последних днях Запорожской Сечи.
// Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 586.*

Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1968. С. 71.

Надхин Г. Память о Запорожье и о последних днях Запорожской Сечи
// Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи... С. 590.

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. С. 382.

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки) / Под ред. И. В. Сапожникова. Т. III. Одесса: ОКФА, 1999. С. 105.

Материалы сайта: <http://beg-ruslan.narod.ru/Histori7.html>.

Кузьмин А. Запорожская Сечь. М., 1902 // *Шумов С., Андреев А.* История Запорожской Сечи. С. 244.

Там же. С. 245.

Флейт — торговое двух-трехмачтовое парусное судно. В военных флотах флейты использовались как транспортные суда, предназначенные для перевозки военных грузов. Для самообороны вооружались 2–12 небольшими пушками.

Шебека — крупное парусно-гребное судно, получило широкое распространение в Средиземноморье в XVIII в. Шебеки были как военные, так и купеческие. Военные шебеки имели бортовое артиллерийское вооружение, то есть пушки на станках, установленные между банками, и тем отличались от галер, имевших на бортах лишь вертлюги с малокалиберными орудиями. Парусное вооружение большинства средиземноморских шебек состояло из трех мачт с косыми парусами. Особенностью шебек было то, что фок-мачта (передняя мачта) ставилась почти у форштевня и несколько наклонно вперед. В отдельных случаях на мачтах шебек были прямые паруса.

Бригантина — торговое или военное парусно-гребное судно. Парусное вооружение близко к бригу. Некоторые западные авторы (например, К. Х. Марквардт) не видят разницы между бригом и бригантиной. Иногда бригантину называли шхуно-бригом (шкуно-бригом). Основной движитель — парус. Весла использовались редко. Тем не менее, бригантины имели от 8 до 16 банок (пар весел). Заносить же бригантину в категорию гребных судов, как делают некие наши «мэтры», безграмотно. На вооружении бригантины имели до 20 пушек малого калибра.

Исаев Иван Иванович (1748–1810) — донской казак, походный атаман с чином армейского подполковника. Отличился в Кинбурнском сражении, Впоследствии генерал-майор.

Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М.: Наука, 1997. С. 372.

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки). С. 138–140.

Лансон — средиземноморское и черноморское одно-двухмачтовое парусно-гребное судно. Использовались в основном в коммерческих целях, в военных флотах применялись для перевозки грузов и войск. В редких случаях вооружались небольшими пушками для самообороны и совсем редко использовались в качестве бомбардирских судов, для чего на лансоне устанавливали одну-две мортиры.

Из документов не ясно, были ли они русскими матросами или мобилизованными для этой цели мужиками, а может даже пленными шведами, несколько сотен которых использовалось на Черном море на гребных судах.

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки). С. 161.

В некоторых документах «Константин» числился бригантиной. Это бывший французский купеческий корабль, вооруженный в 1788 г. в Лимане. Вооружение: две 3-пудовые мортиры, две гаубицы и четыре пушки.

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки). С. 168.

Бомбарда — гребное судно, вооруженное мортирами.

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др., в 18 томах, Петербург, 1911–1915. Т. IX. С. 238.

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. С. 413.

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки). С. 216.

Там же. С. 218–219.

Цит. по: *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации. С. 414.

Гоголь Н. В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. С. 37.

Там же. С. 152–153.

Заблудово — небольшое местечко над рекой Мелентиной, в 18 верстах от Белостока, т. е. на современной белорусско-польской границе.

Цит. по: *Немировский Е. Л.* Иван Федоров, М.: Наука, 1985. С. 124.

Кулиш П. Записки о Южной Руси. С. 270.